

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Угроза миру
на Дальнем Востоке

Иностранный капитал
в экономике КНР

США — КНР:
связи в военной области

В Китае 1944-го

Страницы жизни Сюй Бэйхуна

Ай Цин: жизнь и время

4

1984

КУЛЬТУРА

- 147 Страницы жизни Сюй Вэйхуна
ЛЯО ЦЗИНВЭНЬ
160 Ай Цин: жизнь и время
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

ПО СТРАНИЦАМ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ

- 172 Против извращений истории Казахстана
Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ,
В. А. МОИСЕЕВ

СООБЩЕНИЯ. СПРАВКИ

- 180 Гонконг: политика и экономика
А. Г. ЛАРИН

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 185 Развитие торговли и экономического сотрудничества — дело взаимовыгодное
А. И. СЕНАТОРОВ
188 О прошлом, с верой в будущее
В. В. СЕМЕНОВ
191 Уроки, которые нельзя забывать
И. С. ГАЛИЧЕВ
194 В Пекине и Нью-Йорке
Ф. Ф. ЛАППО
198 Русско-японские отношения: глубокие корни, давние традиции
К. Е. ЧЕРЕВКО
199 Российское Приамурье и империя Цинь
В. М. КАБУЗАН
Н. Ю. НОВГОРОДСКАЯ
202 Библиография работ советских китайцев в «Цзиньдайши яньцзю»
И. Л. КАРМАНОВСКАЯ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 203 На XXIX Европейском конгрессе китайведения
В. Ф. СОРОКИН

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

- 205 60-летие В. И. Глумина
206 Содержание за 1984 г.

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (главный редактор), В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ, Б. Г. ГРЕБЕННИКОВ (зам. главного редактора), М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВОЦОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), А. И. СЕНАТОРОВ, В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

Угроза миру и безопасности на Дальнем Востоке

Регион Дальнего Востока и Тихоокеанского бассейна в последние годы играет возрастающую роль в стратегических планах Пентагона. США настойчиво превращают территории своих союзников на Дальнем Востоке — Японии и Южной Кореи — в «передовые рубежи» Пентагона. Именно эти намерения США призвана осуществлять активно сколачиваемая военно-политическая структура в составе Вашингтона, Токио и Сеула. Создание милитаристского треугольника, как мыслят его архитекторы, должно решать ряд неотложных, с точки зрения нынешних американских правящих кругов, проблем.

Во-первых, речь идет о сохранении и упрочении социально-политического статус-кво, недопущении прогрессивных изменений в этом районе. Вашингтон сосредоточивает усилия на том, чтобы удержать в своей милитаристской орбите Токио и Сеул, не допустить укрепления демократических тенденций в этих странах, сохранить на Юге Корейского полуострова режим, угодный Соединенным Штатам. Что касается Японии, то ей отводится ведущая военно-политическая роль в регионе, осуществление которой, по замыслам США, должно идти в тесном взаимодействии с ними.

Во-вторых, как и повсюду в мире, налицо намерение утвердить здесь прочное лидерство Соединенных Штатов. В этом смысле для Вашингтона стратегическая важность Дальнего Востока и в целом Тихоокеанского бассейна все более возрастает. С точки зрения американского империализма, этот район представляет удобный плацдарм для нанесения ракетно-ядерного удара по важным экономическим и оборонным объектам Советского Союза и других социалистических стран.

В-третьих, правящие круги США делают ставку на активное участие своих партнеров, главным образом Японии и Южной Кореи, в осуществлении далеко идущих стратегических замыслов в регионе. Токио, как известно, под нажимом США уже дал согласие на увеличение своего военного бюджета и осуществление новых военных программ. Сеульский режим продолжает действовать в русле американской линии во внешней политике и является на сегодняшний день одним из самых послушных сателлитов Соединенных Штатов в Азии. Выполнение этих стратегических задач осуществляется с помощью так называемой доктрины Рейгана для Азии.

Основная посылка этой доктрины исходит из того, что «Соединенные Штаты будут продолжать выполнять свою роль и обязанности тихоокеанской державы»¹. Главная ставка при этом делается на блокирование с восточного фланга Советского Союза совместными усилиями США и их союзников.

---

¹ "The Korea Herald", II.XI. 1983.

Азиатские амбиции Пентагона

Один из столпов американской внешнеполитической стратегии 70-х годов, бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер безапелляционно заявлял: «В последние годы американцы провели четыре большие войны в Азии. Мы усвоили, что наша собственная безопасность в значительной степени зависит» от событий в районе Тихого океана... «Наше процветание тесно связано с экономикой Тихоокеанского бассейна. Сырье из Азии питает нашу экономику»². В этом тезисе заключена квинтэссенция американского подхода к Азии и району Тихого океана.

В начале 80-х годов администрация Соединенных Штатов объявила Азиатский континент «объектом глобальной борьбы против советской угрозы». Районы Северо-Восточной Азии и Тихого океана рассматриваются американскими стратегами как зоны «жизненных интересов» Вашингтона. «Именно этот район определяет все, и в нем — наше будущее. Мы пришли сюда, чтобы остаться здесь» — так определяет значение Тихоокеанского бассейна для США американский посол в Токио Мэнсфилд.

В настоящее время геостратегические интересы США в Азии и в бассейне Тихого океана обосновываются не только Белым домом. В определенных научных кругах США также пытаются подвести некую «научную» базу под глобальные замыслы Пентагона. В июне текущего года так называемый независимый исследовательский институт «США — Азия» провел конференцию на тему «США и безопасность в Азии: экономические и политические аспекты», на которой присутствовали представители ряда стран, включая Японию и Южную Корею. Характерно, что в этом сборище участвовали ответственные сотрудники государственного департамента и Пентагона. Лейтмотив конференции оказался весьма одиозным. Все свелось к избитым утверждениям о росте «советской угрозы», «решимости США выполнять свои обязательства в регионе», необходимости создания здесь «второго фронта» противостояния Советскому Союзу.

В Азии и Тихоокеанском бассейне идет беспрецедентное наращивание военного присутствия США. В Азиатско-тихоокеанском районе находится вторая по мощности (после Западной Европы) группировка вооруженных сил США, на содержание которой ежегодно выделяется более 40 млрд. долл. Вблизи дальневосточных границ Советского Союза и других социалистических стран Соединенные Штаты сосредоточили свыше 300 военных объектов. В Японии, Южной Корее и на Филиппинах располагаются 12 военно-морских и 12 авиационных американских баз³. В этом районе курсирует около 200 боевых кораблей США, в том числе 7 авианосцев, 14 крейсеров, 40 подводных лодок, большое количество эсминцев и десантных кораблей. В районе Дальнего Востока находится до 150 тыс. американских военнослужащих⁴. В настоящее время Пентагон ведет подготовку к размещению в Азиатско-тихоокеанском регионе ракетно-ядерного оружия средней дальности. На первом этапе будут оснащаться крылатыми ракетами морского базирования «Томагавк» корабли 7-го флота США. Планируется установить 375 таких ракет. Кстати, сейчас на авианосцах 7-го флота уже имеется 400 ядерных боеприпасов.

В Азиатско-тихоокеанском регионе, таким образом, сосредоточено огромное количество оружия, в том числе ядерного, которое создает реальную угрозу возникновению ракетно-ядерной войны.

² American Foreign Relations, 1976. A Documentary Record. Ed. by E. P. Adam. New York, 1978, p. 351.

³ См.: «Правда», 15.IV. 1983.

⁴ См. там же, 18.I. 24.V. 1983, 6.II. 1984.

Азиатские амбиции Пентагона весьма откровенно подтвердил министр обороны К. Уайнбергер, заявивший, что политика США в Азии «может повлиять на глобальное соотношение сил более существенно», чем американские усилия в других районах мира. В таком подходе Белого дома к реализации своих планов в Азии ставка делается не только на «традиционных» союзников (Япония, Южная Корея и др.), но и на Китай. Во время недавнего визита в КНР Р. Рейган недвусмысленно дал понять, что США готовы к «тесному партнерству» с Пекином на основе некоей «общности интересов». В Пекине солидаризировались с «наращиванием мощи» США в регионе. Речь фактически идет о подключении КНР к азиатской политике США, направленной на окружение Советского Союза, других социалистических стран с восточного фланга.

Япония — «краеугольный камень» азиатской политики США

«Япония является не просто краеугольным камнем нашей азиатской политики, но и нашим главным партнером на мировой арене» — так характеризуют роль Токио в американских правящих кругах. Исходя из этого тезиса, Вашингтон стремится еще больше привязать Японию к своему милитаристскому курсу, переложить на нее значительную часть военных функций в Азиатско-тихоокеанском регионе. Для развития японо-американских отношений в таком русле, как считают правящие круги двух стран, имеется надежная основа — «договор безопасности». Во время визита Рейгана в Токио в ноябре 1983 г. была достигнута договоренность о том, что Япония будет продолжать играть все возрастающую роль как «непотопляемый авианосец». Президент Соединенных Штатов в ходе переговоров с Я. Накасонэ неоднократно призывал его к «большему вкладу Токио в обеспечении мира и безопасности не только самой Японии, но и всего Дальнего Востока»⁵. Под давлением Вашингтона вооруженные силы Японии приступают к патрулированию морских коммуникаций за 1000 миль от японских островов. На случай «чрезвычайных обстоятельств» совместно с американскими силами будут приняты меры для блокирования международных морских проливов — Сангарского, Корейского и Лаперуза. Главная цель такой операции, заявило Управление национальной обороны (УНО), запретить советские военные корабли в Японском море⁶. Премьер Я. Накасонэ весной 1983 г. заявил, что Япония — «член сообщества западных стран и что безопасность Запада неделима и к этой проблеме следует подходить в глобальном масштабе». Агентство Киодо Цусин справедливо расценило это заявление как превращение Японии в «ассоциированного члена НАТО». Таким образом, была официально провозглашена идея «натоизации» Японии.

В «Голубой книге по вопросам дипломатии» за 1983 г. указывалось, что Японии необходимо играть более активную политическую роль на международной арене. В этой связи выдвигалось предложение четко заявить о том, что Япония является государством, принадлежащим к Западу, и принять на себя международную ответственность, к которой обязывает такое положение. Главная цель японской дипломатии, отмечалось в «Голубой книге», развитие более тесного сотрудничества с Западом, особенно с Соединенными Штатами. Одновременно подчеркивалась важность района Азии и Тихого океана для Японии. Этот документ рекомендовал правительству «прилагать усилия к укреплению военного потенциала Японии как члена западного союза».

⁵ "The Korea Herald", 11.XI.1983.

⁶ In: "Far Eastern Economic Review", 16.VI.1983, p. 38.

Во время совещания руководителей семи развитых капиталистических стран, проходившего в Великобритании в июне 1984 г., Я. Накасонэ подтвердил намерение своего правительства поддержать рейгановский «крестовый поход» против мирового социализма. Выступая в Лондоне, японский премьер заявил, что «свободный мир нуждается в общей стратегии... чтобы ответить на советский вызов». Такой ответ, по его словам, невозможен без западной солидарности. За этим заявлением последовали практические действия: Токио начал консультации с государствами НАТО по «глобальным проблемам обеспечения безопасности». Это свидетельствует о том, что Токио все больше втягивается в опасную американскую стратегию, становится активным участником реализации агрессивных планов Вашингтона.

В рамках японского парламента создан совет по «вопросам обеспечения безопасности Японии, США и западноевропейских стран», через который осуществляются контакты с НАТО. Появились сообщения, что и правительство имеет планы создать специальный орган для поддержания связей с НАТО. Активизируются непосредственные контакты японских и натовских военных кругов. В последнее время представители УНО Японии проводят регулярные консультации с сотрудниками штаб-квартиры НАТО в Брюсселе.

Нынешнее правительство Японии разрабатывает обширные планы модернизации «сил самообороны». Несмотря на наличие мирных статей конституции и вопреки им, кабинет Накасонэ находит лазейки для наращивания военной мощи. Из года в год увеличиваются военные расходы. Если в 1981 г. они составляли 10,4 млрд. долл., то в 1984 г. — 12,7 млрд. долл.. К 1985 г. планируется увеличить военный бюджет на 8,5 %, основная часть которого предназначается для закупок у США 100 самолетов «F-15» и 45 противолодочных самолетов «P-3C Орион»⁷. В настоящее время правительство Накасонэ предпринимает меры для того, чтобы снять ограничения для ассигнований на военные цели.

Совет национальной обороны Японии недавно одобрил новую программу модернизации вооруженных сил на 1986—1990 гг. В течение предстоящих пяти лет основное внимание будет уделяться их качественному укреплению (ныне сухопутные войска, авиация и флот насчитывают 241 тыс. военнослужащих), их оснащению современной боевой техникой и подготовке к ведению затяжных боевых действий. Планируется увеличить количество сухопутных дивизий с 13 до 17, число кораблей различных классов на треть, самолетов «F-15» до 175⁸.

Планы УНО усилить военную мощь Японии активно поощряются Соединенными Штатами. Президент США требует от японцев «разделить тяжесть оборонных усилий»⁹. Посол Мэнсфилд, не стесняясь, заявляет: «Мы хотим, чтобы Япония делала больше для собственной обороны». Токио послушно выполняет вашингтонские требования, прежде всего увеличивая отчисления на содержание американских войск, дислоцированных на Японских островах. Как признает тот же Мэнсфилд, США получают субсидии на содержание более 48 тыс. американских войск в Японии и пользуются базами бесплатно.

Важную роль в механизме американо-японских отношений играют регулярные двусторонние консультации по военным проблемам, проводимые в рамках «договора безопасности». На очередной такой встрече, прошедшей в июне 1984 г. в Гонолулу, речь вновь шла о дальнейшем форсировании агрессивных приготовлений США и их

⁷ См.: «Азия и Африка сегодня», 1983, № 3, с. 6; «Красная звезда», 19.VI. 1981; «Правда», 30.VI.1984.

⁸ См.: «Кыллоджа», 1984, № 15, с. 63.

⁹ «The Korea Herald», 11.XI.1983.

японского союзника в Азиатско-тихоокеанском регионе. Согласно токийским источникам, правительство Накасонэ все активнее подключается к координации боевых операций с американскими вооруженными силами «на случай войны на Дальнем Востоке». Токио, согласно заявлению одного из руководящих лиц японского МИД, «сделал много шагов навстречу пожеланиям США». Еще одним таким «шагом» явилось заявление министра иностранных дел С. Абэ о том, что Токио «понимает» необходимость размещения ядерных крылатых ракет на Дальнем Востоке в соответствии с «американской глобальной стратегией». В этой связи появились сообщения, что японские «силы самообороны» готовы к совместным ядерно-морским маневрам с американскими ВМС, оснащенными ядерными ракетами «Томагавк».

Военное сотрудничество между Токио и Вашингтоном приобретает многогранный характер. Японские порты стали важнейшими пунктами дислокации кораблей 7-го американского флота, в том числе новейших атомных авианосцев. Разрабатываются конкретные планы участия военно-морских сил Японии в боевых действиях по контролю над международными морскими коммуникациями. Осуществляется модернизация старых и строятся новые военные базы. На острове Иводзима, например, сооружается стратегическая база на полпути между Японским архипелагом и военными объектами США на Гуаме. С 1984 г. регулярно проводятся учения противолодочных патрульных самолетов. В дальнейшем планируется разместить здесь новейшие истребители, для чего уже построен современный аэродром. Завершается строительство мощной радиолокационной станции, созданы хранилища горючего, боеприпасов, снаряжения, построены казармы. В недалеком будущем предусматривается создать крупный военно-морской порт.

УНО все более активно подключается в той или иной форме (непосредственное участие, посылка наблюдателей) к разного рода совместным с вооруженными силами США военным учениям — «Римпак», «Кенгуру» (военно-морские маневры) и др. В ходе, например, совместных японо-американских учений ВМС, проводимых ежегодно на Окинаве, отрабатывается «отражение атак с Севера», «блокирование стратегических проливов», «уничтожение подводных лодок». В июне 1984 г. в Японии впервые проведены штабные учения американских и японских офицеров ВМС. В ходе этих учений на штабных картах разыгрывалась «битва за Японию», а также совместные действия на тихоокеанских коммуникациях и в 1000-мильной зоне вокруг Японских островов.

Осенью текущего года состоялись совместные японо-американские учения под кодовым названием «Ямато». В них приняли участие северная армия сухопутных войск Японии и 9-я американская армия. «Северная направленность» маневров свидетельствует об антисоветском характере этих милитаристских учений.

Проблемы совершенствования боевого взаимодействия военно-морских сил США, Японии, Канады, Австралии и Новой Зеландии отрабатываются во время многонациональных маневров «Римпак». В маневрах «Римпак-84» участвовало свыше 80 кораблей, включая атомные авианосцы «Карл Винсон» и «Энтерпрайз», чья палубная авиация оснащена ядерным оружием, свыше 250 самолетов и более 50 тыс. военнослужащих¹⁰. Характерно, что в этих учениях было задействовано в 1,5 раза больше японских кораблей и самолетов, чем на таких же маневрах в 1982 г. Одна из главных целей «Римпак-84» — отработка координации действий ВМС Японии с 7-м американским флотом и приобретение опыта для «обороны морских коммуникаций».

¹⁰ См. «Красная звезда», 8.VI.1984.

Одновременно идет ускоренный процесс наращивания военного присутствия США на Японских островах. Пентагон имеет сейчас 119 военных баз и объектов в Японии (в 1982 г. их было 116). Сюда перебрасываются американские истребители-бомбардировщики «F-16», оснащенные ядерным оружием. На авиабазе Мисава завершается подготовка к приему 50 таких самолетов. Американские корабли, базирующиеся в Японии, оснащаются крылатыми ракетами «Томагавк» с ядерными боезарядами.

Расширяется военно-техническое сотрудничество между Японией и США, ускоренными темпами разрабатывается несколько сотен совместных военных проектов. Началась реализация договоренности о передаче Вашингтону новейшей японской технологии военного назначения. Уже сейчас осуществляется производство ряда видов оружия.

В Японии начал действовать «Комитет по проектированию космической базы». Он создан концерном «Мицуй» для выколачивания правительственных заказов, связанных с участием Японии в сооружении американской орбитальной станции, которая будет одним из важных элементов американских планов милитаризации космического пространства. В реализации этих замыслов Пентагона США активно сотрудничают с японскими концернами. В июле 1984 г. в Токио было проведено совещание американских специалистов с представителями УНО и восемью ведущими японскими электронными компаниями, на котором обсуждались конкретные детали поставок в США новейшей военной технологии.

В последние годы набирает темпы военная промышленность Японии. По свидетельству западных источников, в настоящее время Япония производит собственные ракеты. В 1982 г. японские фирмы «Мицубиси электрик», «Тосиба» и «Ниппон электрик» выпустили ракет на сумму 100 млрд. иен. Существуют планы производства крылатых ракет. Согласно имеющимся данным, к 1986 г. Япония намерена иметь 400 крылатых ракет собственного производства. Наряду с этим увеличивается выпуск обычного вооружения. В результате военное производство в Японии с каждым годом приобретает все более масштабный, всеобъемлющий и потому особенно опасный для дела мира характер.

Таким образом, Япония становится крупной военной державой. Ее роль в милитаристском треугольнике Вашингтон — Токио — Сеул, равно как и в стратегических планах Вашингтона, постоянно возрастает. Японские острова фактически превратились в огромную базу для ведения военных действий в Азии и размещения средств первого удара, нацеленных на социалистические страны. Нынешний политический курс Токио все больше подтверждает его готовность следовать за глобальной ядерной стратегией США, их безрассудной политикой в Азиатско-тихоокеанском регионе. «Это, — подчеркивал товарищ К. У. Черненко, — опасная игра. Ведь японский милитаризм уже не раз обнаруживал свое экспансионистское, колонизаторское нутро, не раз развязывал войну. Между тем из Токио вновь звучат реваншистские ноты, выдвигаются территориальные претензии. Попытки повторить историю — причем на более опасной основе, в эпоху ядерного оружия — не могут не вызывать настороженности у многих азиатских государств. Ничего доброго не сулят они и Японии»¹¹. Об этом не следует забывать тем, кто определяет политику официального Токио.

¹¹ «Правда», 24.V. 1984.

Южнокорейский режим — «американский союзник колоссального значения»

Во время визита в Сеул в ноябре 1983 г. Рейган следующим образом характеризовал роль сеульского режима в стратегических планах США: «Безопасность Корейской республики (Южной Кореи. — Ред.) имеет стержневое значение» для ситуации во всей «Северо-Восточной Азии и в свою очередь жизненно важна для безопасности Соединенных Штатов»¹². Еще более откровенно замыслы США в отношении Южной Кореи изложены известными американскими специалистами по азиатским проблемам У. Белло и П. Хейесом. «Соединенные Штаты, — пишут они, — повысили военный статус Южной Кореи до уровня, эквивалентного европейскому театру войны. Теперь она рассматривается в качестве «района жизненно важных интересов» США. Пентагон также носит с идеей связывания США, Японии и Южной Кореи в «тройственный альянс», что позволило бы проводить военные операции такого масштаба, которые невозможны в рамках существующих сейчас двусторонних соглашений».

Исходя из таких взглядов на роль сеульского режима в глобальных приготовлениях Пентагона, правящие круги Соединенных Штатов наращивают военное присутствие в Южной Кореи, всячески способствуют укреплению своего сателлита на Юге Корейского полуострова. Ссылаясь на «военную угрозу» со стороны Советского Союза и КНДР, Пентагон приступил к модернизации своих войск, находящихся в Южной Кореи. Сейчас полностью предали забвению имевшиеся в середине 70-х годов планы ухода США с Юга. Наоборот, в совместном американо-южнокорейском заявлении, опубликованном в результате визита Рейгана в Сеул, подчеркивается, что «Соединенные Штаты будут сохранять свои войска в Кореи (в Южной Кореи. — Ред.) и усиливать их возможности»¹³. А возможности экспедиционного корпуса США немалые. Здесь сосредоточены ядерное оружие, новейшая боевая техника.

Администрация США приняла решение увеличить к концу 1985 г. свой экспедиционный корпус на 2,5 тыс. солдат и офицеров¹⁴. К концу 1984 г. планируется довести количество истребителей-бомбардировщиков «F-16» до 150¹⁵. Идет подготовка к развертыванию здесь крылатых ракет и размещению нейтронного оружия. Становится очевидным, что Южная Корея превращается в важнейший район американского передового ядерного базирования на Дальнем Востоке.

В опубликованном в Соединенных Штатах исследовании «Тихоокеанское командование: структура и стратегия американских вооруженных сил на Тихом океане» указывается, что «главной огневой мощью расквартированных в Южной Кореи американских сухопутных войск являются ядерные мины и разбросанные по всей стране склады с ядерными артиллерийскими снарядами и авиабомбами». Как отмечал член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, Южная Корея — «огромная база, а точнее комплекс баз ядерного оружия»¹⁶. США имеют в Южной Кореи около 40 военных баз и более 40 тыс. военнослужащих. По свидетельству хорошо информированного южнокорейского журнала «Кореа обзёвер», в начале 80-х годов американские войска в Южной Кореи, помимо обычного оружия, имели на вооружении 48 истребителей-бомбардировщиков «F-4», каждый из которых несет по 4 атомные бомбы, ядерную артиллерию в составе 155- и 203,2-мм гау-

¹² "The Korea Herald", 15.XI.1983.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., 18.XII.1983.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ «Правда», 3.IV.1983.

биц общим количеством 104 ствола и 208 ядерных зарядов, 144 ракеты класса «земля — воздух» «Найк Геркулес» с ядерными боеголовками, 4 ракетные установки «Онест Джон» класса «земля — земля» с 80 атомными зарядами и 2 установки «Сержант» с 12 зарядами, 50 атомных фугасов. Таким образом, в Южной Корее имеется 352 системы и 686 ядерных зарядов общей мощностью 222 килотонны¹⁷. В начале 1982 г. на Юге Кореи были дислоцированы и новейшие истребители-бомбардировщики «F-15» и «F-16», также способные нести ядерное оружие. В текущем году на вооружение американского экспедиционного корпуса поступили новейшие зенитные управляемые ракеты «Стингер». Американские корабли 7-го флота, несущие ядерное оружие, регулярно заходят в южнокорейские порты Пусан и Чинхе.

Наличие в Южной Корее ядерного оружия и вероятность его использования как на Корейском полуострове, так и вне его представляют собой дополнительный дестабилизирующий элемент в этом районе Северо-Восточной Азии. Как известно, еще в годы корейской войны высшие политические и военные руководители Соединенных Штатов Америки рассматривали возможность применения ядерного оружия в Корее и в Китае. И сегодня руководящие деятели американской администрации делают безответственные заявления с угрозой использовать ядерное оружие в Корее. Бывший начальник штаба армии США генерал Э. Мейер прямо заявил, что «американские вооруженные силы в Южной Корее могут применить тактическое ядерное оружие в случае необходимости»¹⁸.

Форсируется милитаризация сеульского режима. Ежегодно Вашингтон предоставляет Сеулу значительные суммы на военные цели. В 1984 г. будет предоставлено 230 млн. долл., а в 1985 г. предусматривается предоставление 240 млн. долл. В течение 1985—1989 гг. США планируют продать Сеулу военной техники на 8 млрд. долл., в том числе самолеты «F-16», ракеты «Тоу» и «Хок»¹⁹.

В счет предоставленных кредитов южнокорейская армия (насчитывает 700 тыс. человек личного состава, сведенных в 20 пехотных дивизий, 1 механизированную и 3 — морской пехоты) в 1983 г. получила 90 пусковых установок зенитных ракет «Найк Геркулес» и 144 типа «Хок», 14 тактических ракет «Онест Джон». Заключено соглашение о продаже Сеулу в 1984—1985 гг. 38 самолетов «F-16», имеется договоренность о дополнительных поставках 155-мм гаубиц, ведутся переговоры о продаже штурмовиков «A-10»²⁰.

Из года в год растут военные расходы самого Сеула, которые составляют 6 % валового национального продукта (ВНП Южной Кореи равен 75 млрд. долл.), или 40 % государственного бюджета. Продолжает развиваться южнокорейская военная промышленность, использующая американские лицензии. В 1983 г. спущено на воду 3 корвета, в текущем году — эсминец. С 1983 г. Юг производит сборку боевых вертолетов. В предстоящие пять лет планируется увеличить производство самолетов «F-5E» и «F-5». Осуществляется тесное американо-южнокорейское сотрудничество в создании нового типа танка, специально предназначенного для гористой местности Дальнего Востока²¹.

Постоянная напряженность на Корейском полуострове поддерживается в результате провокационных американо-южнокорейских военных маневров, которые проводятся ежегодно 5 раз.

Самые крупные среди них — «Тим спирт» — проводятся с 1976 г. Отличительной особенностью учений нынешнего года явилась их мас-

¹⁷ Ип: "Korea Observer", 1981, Spring, vol. XII, N 1, p. 48.

¹⁸ Цит. по: «Правда», 23.I.1983.

¹⁹ "Korea Newsreview", 18.II.1984.

²⁰ Ип: "The Korea Herald", 24.XI.1983.

²¹ "The Korea Herald", 19.XII.1983.

штабность. В маневрах принимало участие 207 тыс. военнослужащих, в том числе 140 тыс. южнокорейцев и 67 тыс. американцев²². Кстати сказать, в 1976 г. в маневрах участвовало 46 тыс. человек, в том числе 40 тыс. южнокорейских солдат и офицеров и 6 тыс. американских, в 1977 г. — 87 тыс. (соответственно 64 тыс. и 13 тыс.), в 1978 г. — 118 тыс. (85 тыс. и 33 тыс.), в 1979 г. — 140 тыс. (100 тыс. и 40 тыс.), в 1980 г. — 154 тыс. (100 тыс. и 54 тыс.) и в 1981—1982 гг. — 161 тыс. человек (100 тыс. и 61 тыс.). Кроме того, на полуостров было переброшено 36 тыс. солдат и офицеров, в том числе оперативная группа 1-го армейского корпуса из Соединенных Штатов, оперативная группа 9-го армейского корпуса из Японии, бригада 25-й пехотной дивизии с Гавайских островов, батальон 7-й пехотной дивизии с острова Гуам, бригада 3-й дивизии морской пехоты с Окинавы, а также авианосная ударная группа: в составе авианосца «Китти хок» и другие боевые корабли. В учениях принимали участие стратегические бомбардировщики «В-52», штурмовая и истребительная авиация²³. С южнокорейской стороны в маневрах участвовали регулярные части и подразделения резервистов.

Согласно сеульским источникам, главные цели учений 1984 г. заключались в обработке наступательных операций применительно к географическим условиям Корейского полуострова. Отрабатывалась высадка морского десанта, решались задачи обеспечения взаимодействия американских и южнокорейских частей и подразделений. Руководил учениями командующий объединенными вооруженными силами США и Южной Кореи американский генерал Р. Санневальд. Действия войск проходили в условиях, приближенных к реальным. После завершения маневров Р. Санневальд заявил, что эти учения «продемонстрировали готовность США защищать Южную Корею». Учения «Тим спирит» были использованы сеульским режимом для нагнетания напряженности на Корейском полуострове. Глава южнокорейской администрации Чон Ду Хван выступил с милитаристскими речами, призывая к достижению «абсолютного превосходства над КНДР» и укреплению военно-политического сотрудничества с Соединенными Штатами.

Как только завершились учения «Тим спирит-84», на Юге Корейского полуострова начались новые американо-сеульские игрища «Мильгон-84». Если в ходе учений «Тим спирит» отрабатывались задачи, направленные против «внешних врагов», то маневры «Мильгон» были направлены на отработку целей по борьбе с «внутренним врагом». Южнокорейская армия и полиция совместно с американскими войсками репетировали уничтожение «террористов», то есть фактически отрабатывались карательные операции против собственного народа, выступающего за демократизацию страны, устранение нынешнего репрессивного режима.

Вопросы усиления военно-политического сотрудничества между США и Южной Кореей ежегодно обсуждаются на «консультативном совещании по безопасности». В 1984 г. такое совещание проходило в Сеуле на уровне министров обороны. Ему предшествовало заседание американо-южнокорейского военного комитета с участием председателей комитетов начальников штабов, на котором предварительно прорабатывались и согласовывались все вопросы, выносимые на совещании. Как следует из совместного коммюнике, США и Южная Корея вновь подтвердили милитаристскую направленность своих планов. Министр обороны Уайнбергер заявил, что американский «ядерный зонтик» будет по-прежнему «обеспечивать безопасность сеульского режима»²⁴.

²² «Нодон синмун», 16.I.1984.

²³ См.: «Красная звезда», 25.III.1984; «Нодон синмун», 16.I.1984; «The Korea Herald», 23.III.1984.

²⁴ «The Korea Herald», 11.V.1984.

На совещании обсуждался вопрос о модернизации южнокорейской армии. Со стороны Вашингтона было указано, что США будут «добиваться улучшения условий предоставления Югу кредитов на военные цели»²⁵. Наблюдатели сходятся в том, что Пентагон и сеульский режим имеют хорошо отлаженную военно-политическую структуру, к которой все более активно подключается Токио в качестве третьего партнера милитаристской оси США — Япония — Южная Корея.

Сеул — Токио: «новая эра»

Соединенные Штаты предпринимают в последние годы небезуспешные попытки привлечь Японию к военно-политическому сотрудничеству с южнокорейским режимом, тем более что и японская стратегическая концепция отводит Югу Корейского полуострова важную роль в «обеспечении собственной безопасности Японии». Как заявил Я. Накасонэ в Сеуле в январе 1983 г., развиваемые в этом русле связи с Южной Кореей «необходимы для безопасности Восточной Азии, включая Японию». Исходя из этой формулы, Япония и Южная Корея, как считают политические наблюдатели, идут к практической реализации американской идеи «трехстороннего пакта безопасности» или, говоря другими словами, к созданию милитаристского альянса на Дальнем Востоке и в районе Тихого океана. Визиты премьер-министра Японии Я. Накасонэ в Сеул и Вашингтон в январе 1983 г. ознаменовали собой качественно новый этап в системе американо-японо-южнокорейских отношений. По высказыванию японской печати, поездка Накасонэ в Южную Корею открыла «новую эру» в японо-южнокорейских отношениях.

В Сеуле под давлением США Япония дала согласие предоставить режиму Чон Ду Хвана льготные займы на общую сумму 4 млрд. долл. в течение 7 лет начиная с 1983 г., в результате чего значительная часть расходов по наращиванию военного потенциала Южной Кореи и по содержанию на ее территории американских войск была переложена с Соединенных Штатов на саму Японию²⁶.

Южная Корея и Япония создали и продолжают совершенствовать механизм взаимодействия, охватывающий различные сферы политической, экономической, военной областей. Проводятся ежегодные совещания на уровне министров иностранных дел. На прошедшей в августе 1983 г. очередной такой конференции принято решение о создании «консультативного дипломатического комитета», в функции которого входит рассмотрение политических проблем, и рабочей комиссии по развитию двустороннего сотрудничества в области технологии.

Важная роль в южнокорейско-японском военно-политическом сотрудничестве принадлежит парламентскому совету по вопросам безопасности, созданному в 1979 г. Во время очередной встречи в Сеуле в июне 1984 г. представители Сеула и Токио вновь подтвердили «необходимость двустороннего сотрудничества по проблемам безопасности», возложив вину за обострение ситуации в Корее и вокруг нее на Советский Союз и КНДР. Парламентарии не обмолвились ни словом о действительных причинах возрастания напряженности в регионе — росте военных приготовлений в США, Японии и Южной Корее, проводящих скоординированную милитаристскую политику в дальневосточном регионе, включая Корейский полуостров.

Со стороны сеульского режима делаются заявления об общности проблем безопасности двух стран — Южной Кореи и Японии. Обе страны, утверждает глава южнокорейской администрации Чон Ду Хван, «связаны единой стратегической судьбой». Под этим предлогом Юг на-

²⁵ "The Korea Herald", 11.V. 1984.

²⁶ Ibid., 13.I. 1983; «Правда», 1.III. 1983.

стойчиво стремится к укреплению всесторонних связей с Токио. Сеул добивается от Японии предоставления новейшей промышленной технологии двойного назначения. Японское правительство идет навстречу требованиям южнокорейского режима.

Военное сотрудничество обе стороны пытаются скрыть от общественности. Однако делать это с каждым годом все труднее. Становится известно о разрастающихся связях между военными ведомствами Сеула и Токио. Ежегодно УНО направляет на Юг представителей штабов ВМС, ВВС и сухопутных войск для ознакомления с базами и другими военными объектами южнокорейских вооруженных сил. Высокопоставленные лица УНО регулярно посещают Южную Корею в целях «ознакомления с исследованиями в области обороны». Появляется все больше свидетельств о заинтересованности японских военных кругов в организации совместных с Сеулом маневров в южной части Корейского полуострова. Наблюдатели от японского военного ведомства присутствуют на американско-южнокорейских учениях «Тим спирит».

В ноябре 1983 г. японское УНО впервые направило в Южную Корею большую группу слушателей военной академии для ознакомления с учебным процессом в военно-морском и военно-воздушном колледжах сеульской армии. Эта поездка явилась ответной. Осенью 1981 г. курсанты южнокорейского военного училища побывали в Японии и посетили «Академию обороны». Появились сообщения о том, что в США и Японии разрабатываются планы посылки в Южную Корею в случае «чрезвычайных обстоятельств» японских вооруженных сил.

Состоявшийся в сентябре 1984 г. визит главы южнокорейского режима Чон Ду Хвана в Японию прежде всего преследовал цель форсировать создание военно-политической оси Вашингтон — Токио — Сеул. И хотя из японской столицы раздавались голоса о том, что обе стороны проявляют «заботу о мире и стабильности в Азии», в действительности на переговорах речь шла об активизации милитаристских связей между Японией и Южной Кореей, о более глубокой вовлеченности Токио и Сеула в реализацию имперских планов США в Азии и на Дальнем Востоке. Одним из главных итогов встречи Накасонэ — Чон Ду Хван стала договоренность о взаимодействии вооруженных сил Японии и Южной Кореи при блокаде международных проливов и совместном патрулировании морских коммуникаций. Визит сеульского диктатора показал, что под давлением Вашингтона процесс формирования новой милитаристской структуры с участием США, Японии и Южной Кореи набирает темпы и близок к своему завершению.

* * *

Усилия Советского Союза, направленные на обеспечение всеобщего мира на нашей планете, охватывают комплекс мер, которые могли бы постепенно, шаг за шагом разрешить наиболее жгучие и опасные для дела мира проблемы современности. В этом отношении особое значение имеют районы Дальнего Востока и Тихоокеанского бассейна, так как именно здесь в послевоенный период произошло наибольшее число вооруженных конфликтов и кризисных ситуаций, ставивших народы на грань всемирной катастрофы. Своеобразие обстановки в этих регионах заключается в том, что глобальное противоборство двух общественно-политических систем как общее направление развития международной обстановки сопровождается значительной разобщенностью государств региона, оставшейся в наследство после долгих лет колониального господства империалистических держав. Эта разобщенность в настоящее время искусственно поддерживается и усугубляется неоколониалистскими устремлениями империализма.

В этих условиях весьма остро стоит вопрос обеспечения безопасности, которая бы гарантировалась и поддерживалась самими странами

Азиатско-тихоокеанского района с учетом законных интересов всех заинтересованных сторон. Такой подход даст возможность всем государствам этого региона и всей Азии решать спорные и конфликтные проблемы не путем конфронтации, а за столом переговоров. Советский Союз исходит из того, что страны региона как на многосторонней или двусторонней основе, так и каждая в отдельности будут не только вносить вклад во всестороннюю разработку и конкретизацию идеи безопасности, но и своими практическими шагами будут способствовать устранению всех препятствий, стоящих на пути ее реализации. Это в первую очередь касается ликвидации очагов напряженности и недоверия, реально и потенциально опасных для дела мира в Северо-Восточной Азии и во всем мире.

Советское государство выступает активным сторонником оздоровления обстановки в Азии и в районе Тихого океана. СССР выдвинул предложение о проведении со всеми заинтересованными странами переговоров по мерам доверия на Дальнем Востоке. Советский Союз предложил также распространить меры доверия на акватории морей и океанов, особенно на те районы, где пролегают наиболее оживленные морские пути. В марте 1982 г. Советский Союз выразил готовность договориться о взаимном ограничении действий военно-морских флотов противостоящих друг другу военных блоков, в частности о выведении подводных лодок-ракетоносцев обеих сторон из нынешних обширных районов боевого патрулирования, об ограничении их плавания взаимно согласованными рубежами. В 1983 г. в Праге на заседании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора было выдвинуто предложение заключить Договор о взаимном неприменении военной силы и поддержании отношений мира странами — членами ОВД и НАТО, а также отказаться от распространения зоны действия блоков на другие районы мира, в том числе и на дальневосточный регион. Хорошо известна советская инициатива по вопросам ограничения военно-морской деятельности и военно-морских вооружений.

Положительную реакцию в мире получило предложение МНР о заключении Конвенции о ненападении и неприменении силы в отношениях между государствами Азии и Тихого океана. С конструктивных позиций выступает Вьетнам, Лаос и Кампучия, призывая к достижению взаимопонимания и нормализации отношений между государствами Юго-Восточной Азии, превращению ее в зону мира и стабильности.

Программа объединения страны, предлагаемая КНДР, является частью действий народной Кореи по обеспечению мира и безопасности в этом регионе. Долговременные усилия ТПК и правительства республики, как отмечалось на VI съезде ТПК, направлены на то, чтобы превратить Корейский полуостров в безъядерную зону, зону мира.

Это стремление ТПК было подтверждено в Совместной декларации Трудовой партии Кореи и Социалистической партии Японии, подписанной в Пхеньяне в результате переговоров делегаций ТПК и СПЯ. В Декларации выдвигается предложение о создании безъядерной, мирной зоны в районе, охватывающем Корейский полуостров и Японию. Для достижения этой цели, подчеркивается в документе, необходимо вывезти все размещенное здесь ядерное оружие, а также запретить на этой территории разработку, испытания, производство, владение, ввоз и перемещение, хранение и применение ядерного, химического и бактериологического оружия. Обе партии высказались за ликвидацию иностранных военных баз в этом регионе и вывод иностранных войск, а также роспуск существующих здесь агрессивных военных блоков²⁷.

Советский Союз, КНДР, другие страны социализма видят реальную угрозу, исходящую от империалистических сил на Дальнем Востоке и

²⁷ См.: «Нодон синмун», 17.III.1981; «Правда», 20.III.1981.

на Тихом океане. Во время визита в Советский Союз партийно-государственной делегации КНДР во главе с товарищем Ким Ир Сенем было подчеркнуто, что СССР и КНДР будут неуклонно проводить политику мира и международной безопасности, твердого отпора агрессивным устремлениям империализма, настойчиво и энергично бороться за урегулирование международных конфликтов и кризисных ситуаций мирными политическими средствами.

Попытки Соединенных Штатов открыть «восточный фронт» борьбы против социалистических государств, создать здесь милитаристский альянс Вашингтон — Токио — Сеул и подключить к нему Китай, или, по выражению К. Уайнбергера, превратить треугольник в «квадрат» — это еще одно проявление агрессивного характера политики нынешней американской администрации и ее сообщников в регионе. «Мы, — отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. У. Черненко, — против такой геополитики, против всевозможных «сфер влияния» и «зон интересов», против замкнутых военных группировок везде и на Тихом океане в частности. Последний принадлежит всем, он может и должен стать океаном мира и добрососедства, который бы сближал, а не разъединял народы»²⁸.

Реализация этих положений открывает реальные перспективы смягчения напряженности в Азии, на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Такой подход к международным делам является единственно разумной альтернативой милитаристскому курсу Вашингтона и его союзников.

---

²⁸ «Правда», 24.V.1984.

Научно-техническое сотрудничество СССР и СРВ

А. С. ЕРМОЛАЕВ

Одна из самых примечательных черт развития Вьетнама по социалистическому пути — это ускоренное развитие науки и техники. В стране, где до Августовской революции 1945 г. 95 % населения было неграмотным, сегодня трудится около 300 тыс. человек с высшим образованием, около 4 тыс. кандидатов и докторов наук¹.

Приступая к строительству социализма, Вьетнам не имел, по существу, материальной базы для ведения научных исследований. Общественная система руководства наукой начала создаваться только в 1959 г. Ныне в СРВ действуют 165 научных организаций, в том числе 83 научно-исследовательских и 21 проектный институт². По отдельным направлениям и темам вьетнамские ученые вышли на передовой уровень.

Коммунистическая партия Вьетнама подчеркивает, что в решении задач социалистического строительства в условиях страны, не прошедшей стадии капиталистического развития, осуществление научно-технической революции — одно из решающих условий экономического и социального прогресса, важное средство укрепления нового строя, умножения завоеваний народа. В последние годы ЦК КПВ принял ряд решений, в которых определены цели и задачи научно-технического развития на ближайшую перспективу, выработаны принципы руководства и управления научно-технической деятельностью, намечены конкретные меры по использованию и развитию потенциальных возможностей науки и техники в стране.

В решении этих задач важное место отводится научно-техническому сотрудничеству со странами социалистического содружества, в первую очередь с Советским Союзом³. Укрепление связей с учеными социалистических стран позволяет молодой вьетнамской науке быстрее осваивать мировые научные достижения, активнее изучать опыт организации, управления наукой, вести совместные разработки, в которых заинтересованы научные партнеры, а также готовить научные кадры, в том числе по тем отраслям и направлениям, база для развития которых только еще создается. Такое сотрудничество позволяет молодой вьетнамской науке успешно противодействовать бойкоту СРВ капиталистическими странами. Одновременно научные контакты со странами социализма позволяют вьетнамским ученым знакомить международную научную общественность с успехами, которых вьетнамская наука достигла за годы народной власти.

Первые научные контакты между Советским Союзом и Вьетнамом стали устанавливаться еще в 50-е годы. Наиболее остро тогда стоял

¹ См.: «Правда», 8.III.1984.

² См.: «Известия», 5.III.1984; Социалистическая Республика Вьетнам. М., 1982,

с. 134.

³ См.: V съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1983, с. 166—167.

вопрос о подготовке кадров. В 1951 г., в самый разгар вооруженной борьбы вьетнамского народа против французских колонизаторов, в СССР выехала первая группа вьетнамских студентов. Провожая молодых людей, президент Хо Ши Мин сказал: «Партия направляет вас в Советский Союз учиться, чтобы вы верно служили своему народу, которому нужны пища и одежда. Поэтому вы должны приобрести полезные практические знания. Я тоже бывал в Советском Союзе и знаю, что там вы будете окружены любовью советских друзей...»⁴

Имена вьетнамских ученых, прошедших в 50-е годы научную школу в Советском Союзе, теперь широко известны. Среди них доктор физико-математических наук, министр высшего и среднего специального образования СРВ Нгуен Динь Ты, доктор физико-математических наук, иностранный член АН СССР, председатель Национального центра научных исследований Нгуен Ван Хиеу, доктор биологических наук, директор института биологии СРВ Ле Суан Ту, профессора Ле Зюи Тхьюк, Фам Донг Диен, Нгуен Чинь Ко и многие другие.

С тех пор в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах нашей страны подготовлено около 20 тыс. специалистов с высшим образованием, в том числе более 2 тыс. кандидатов и 70 докторов наук⁵. Многие из них стали крупными хозяйственными руководителями, другие преподают в высших учебных заведениях, ведут широкую научно-исследовательскую работу. К примеру, в Ханойском университете и Ханойском политехническом институте 30 % преподавательского состава, в том числе более 50 % кандидатов и докторов наук, учились и защищали диссертации в СССР⁶. На всех доверенных им участках работы ученые и инженерно-технические работники — выпускники советских вузов демонстрируют высокий уровень знаний, хорошие научные и организаторские способности, преданность родине и идеалам социализма.

Отряд вьетнамских специалистов и научных работников, получивших образование в Советском Союзе, из года в год пополняется. Ширится и фронт направлений, по которым ведется подготовка вьетнамских научных и технических кадров в СССР, растет доля специалистов высшей квалификации, проходящих стажировку и переподготовку в СССР. Общий контингент молодых людей из Вьетнама, обучающихся в настоящее время только в системе Министерства высшего и среднего специального образования СССР, составляет около 5 тыс. Они слушают курсы лекций и проходят практические занятия в 150 учебных заведениях 33 советских городов⁷.

В научных учреждениях Академии наук СССР и академиях наук союзных республик через аспирантуру и путем стажирования идет подготовка для Вьетнама высококвалифицированных научных кадров по широкому кругу специальностей. В советских академических учреждениях вьетнамскими учеными ежегодно защищается значительное число кандидатских диссертаций. Большой отряд партийных работников обучается в АОН при ЦК КПСС, других учебных заведениях СССР. Руководящие работники системы управления народным хозяйством СРВ обучаются в СССР в Академии народного хозяйства, в других центрах соответствующего профиля. Сотрудничество в подготовке вьетнамских научных кадров становится все более системным, планомерным, тесно связанным с текущими и перспективными потребностями народного хозяйства в целом и науки в частности.

⁴ «Вьетнам», 1982, № 11, с. 5.

⁵ См.: Победа вьетнамо-советской дружбы и всестороннего сотрудничества. Ханой, 1983, с. 99 (на вьет. яз.).

⁶ См.: «Известия», 5.III.1984.

⁷ См.: «Правда», 28.IX.1981.

В последние годы в связи с резким возрастанием в СРВ масштабов подготовки и переподготовки кадров для различных отраслей экономики, науки и техники все более эффективной становится такая форма сотрудничества, как направление во Вьетнам видных советских ученых, крупных специалистов по отдельным, наиболее актуальным для Вьетнама отраслям и темам. Преимущество этой формы объясняется, в частности, тем, что она позволяет советским ученым вести диалог со своими коллегами в более конкретной связи с условиями, в которых живет в настоящее время Вьетнам, недавно вышедший из длительной полосы военных лет и строящий основы социализма, не пройдя стадии капиталистического развития. Только за последние три года во Вьетнаме побывало более ста высококвалифицированных советских ученых — специалистов в самых различных отраслях народного хозяйства. Они знакомили широкий партийный, хозяйственный, научный актив Вьетнама с опытом КПСС и Советского государства на различных этапах социалистического строительства в СССР.

Другим важнейшим направлением сотрудничества советских и вьетнамских ученых стала передача опыта организации, руководства и управления научными исследованиями, планирования научно-исследовательских работ. Для обмена опытом с вьетнамскими коллегами, проведения консультаций по наиболее актуальным вопросам развития современной науки Вьетнам в разные годы посетили многие выдающиеся советские ученые. В научно-исследовательских заведениях Вьетнама находилось большое число советских специалистов в области математики, физики, химии, биологии, геологии, философии, политэкономии, лингвистики, этнографии, археологии и пр., помогавших разрабатывать научные программы.

Советский Союз оказал содействие созданию материально-технической базы вьетнамской науки. При советской помощи был построен и оснащен Ханойский политехнический институт — крупнейшее учебное заведение СРВ, а также Ханойский сельскохозяйственный институт⁸.

Большим событием в советско-вьетнамском научном сотрудничестве стало строительство в Ханое Национального центра научных исследований СРВ. Сооруженный при содействии АН СССР, Центр оснащен разнообразным научным оборудованием. В нем работает несколько тысяч научных и инженерно-технических работников. Центр является базой для развития в стране на современном уровне исследований в области физики, механики, химии, биологии, геологии, математики. Это научное учреждение поддерживает регулярные тесные связи с Академией наук СССР⁹.

В конце 1983 г. был осуществлен физический пуск ядерного реактора в Далатском центре Института ядерных исследований СРВ. Это также один из объектов советско-вьетнамского научно-технического сотрудничества. С его пуском научные работники СРВ получили благоприятные условия для ведения специальных исследований в медицине, биологии, сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства¹⁰. В настоящее время при советском содействии идет подготовка к строительству ряда других научно-исследовательских объектов в различных районах СРВ¹¹.

Для проведения во Вьетнаме научных исследований АН СССР, ГКНТ, советские отраслевые институты и высшие учебные заведения регулярно направляют в СРВ необходимые научные приборы, образцы изделий и материалов, оборудование, литературу, учебные пособия,

⁸ См.: «Правда», 28.IX.1981.

⁹ См.: «Вестник АН СССР», 1980, № 8, с. 70.

¹⁰ См.: «Новое время», 1983, № 44, с. 18.

¹¹ См.: «Новости Вьетнама», 1981, № 7.

научно-техническую документацию, которая используется при проектировании и строительстве народнохозяйственных объектов СРВ. Приведем один из наиболее характерных примеров. Известно, что все большую роль в ускорении развития науки и техники играет высокий уровень организации научно-технической информации. В соответствии с соглашением от 1980 г. советские организации оказывают содействие СРВ в создании государственной системы научно-технической информации. В ноябре 1982 г. в Ханое была проведена выставка «Научно-техническая информация в СССР». С ее экспонатами познакомились многие вьетнамские специалисты. Современное оборудование, в том числе копировально-множительная техника и электронно-вычислительные машины, после закрытия выставки было передано в дар вьетнамскому народу¹².

Успехи научно-технического сотрудничества между СССР и СРВ объясняются в значительной степени тем, что обе стороны постоянно уделяют внимание организационной стороне научных связей, развитию и совершенствованию правовой основы взаимодействия в этой области. Первым документом, регулирующим советско-вьетнамские научно-технические контакты, стало подписанное 7 марта 1959 г. Соглашение о научно-техническом сотрудничестве. В соответствии с этим документом стороны договорились обмениваться опытом в различных областях народного хозяйства, передавать друг другу техническую документацию, научную информацию, а также командировать специалистов для оказания технической помощи и ознакомления с достижениями обеих стран в научно-технической области. Для разработки мероприятий по осуществлению сотрудничества была образована советско-вьетнамская комиссия, которая с созданием в декабре 1972 г. Межправительственной советско-вьетнамской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству вошла в ее состав на правах подкомиссии¹³. Как показывает двадцатипятилетняя практика, этот орган эффективно выполняет роль координатора научно-технического сотрудничества.

Важным шагом в укреплении советско-вьетнамских научных связей стало подписание 26 мая 1961 г. Соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Государственным комитетом наук Вьетнама. Стороны договорились осуществлять «сотрудничество путем координации научных исследований по важнейшим проблемам, проведения совместных научных работ по темам, представляющим взаимный интерес, и оказания друг другу необходимой научной помощи». Стороны договорились также «способствовать обмену опытом между родственными научными учреждениями», «оказывать друг другу взаимную помощь в приобретении материалов, приборов, литературы, фотокопий и микрофильмов для научных целей», «приглашать научных сотрудников другой стороны на важнейшие конференции, совещания, съезды и другие мероприятия, проводимые с участием иностранных ученых», «оказывать друг другу взаимную поддержку при вступлении в международные научные организации и осуществлять через своих представителей сотрудничество»¹⁴. Многие проблемы, имеющие важное значение для народного хозяйства обеих стран, решаются на основе межведомственных соглашений.

Качественно новый этап в советско-вьетнамских научно-технических связях, как и во всем комплексе взаимодействия между нашими странами, начался с подписанием в 1978 г. Договора о дружбе и сотрудни-

¹² См.: Победа вьетнамо-советской дружбы и всестороннего сотрудничества, с. 107.

¹³ См.: Советский Союз — Вьетнам. 30 лет отношений. 1950—1980. Документы и материалы. М., 1982, с. 41, 264—265.

¹⁴ Советский Союз — Вьетнам..., с. 55.

честве между СССР и СРВ. В целях ускорения социалистического и коммунистического строительства, неуклонного повышения материального и культурного уровня жизни народов обеих стран стороны договорились объединять усилия для укрепления и расширения научно-технического сотрудничества¹⁵. С подписанием договора научно-техническое сотрудничество между СССР и СРВ стало еще более целенаправленным, планомерным и стабильным. Оно охватывает все более широкий спектр отраслей и проблем. Сегодня советско-вьетнамское сотрудничество в форме кооперации, координации и взаимных консультаций осуществляется по 165 темам, имеющим непосредственные практические выходы во многие отрасли народного хозяйства СССР и СРВ¹⁶.

Главная характерная черта нынешнего этапа научно-технического сотрудничества состоит в том, что оно все более целенаправленно служит решению наиболее важных, узловых проблем народного хозяйства СРВ, научному обеспечению расширяющегося фронта советско-вьетнамского взаимодействия. В поле зрения ученых постоянно находится решение научно-технических проблем, связанных с увеличением производства и повышением качества экспортной продукции, производимой в СРВ, повышением эффективности советской помощи по линии экономического сотрудничества, с решением проблем более полного и эффективного использования имеющихся в СРВ производственных мощностей, формированием основных отраслей народного хозяйства СРВ. Советские и вьетнамские организации первоочередное внимание уделяют таким отраслям, как сельское хозяйство, мелнорация, водное хозяйство, энергетика, транспорт, стандартизация и метрология, здравоохранение.

В области сельского хозяйства сотрудничество охватывает такие проблемы, как агрохимобслуживание, кормопроизводство, защита растений, создание высокопродуктивных сортов зерновых, технических, овощных и кормовых культур, землепользование и землеустройство, механизация возделывания и уборки хлопка, шелководство и пчеловодство.

Удачным примером точной увязки советско-вьетнамского сотрудничества с актуальными научными и практическими задачами, стоящими перед нашими странами, является организация в 1982 г. двух советско-вьетнамских селекционных экспериментальных пунктов — в пригороде Ханоя и в Хошимине. Как указано в соглашении, заключенном между министерствами сельского хозяйства СССР и СРВ, эти селекционные пункты созданы для «испытания и использования генофонда культурных растений в селекции сортов зерновых, овощных, технических и кормовых культур, приспособленных к условиям выращивания в СССР и СРВ»¹⁷. Советская сторона оснастила эти пункты необходимым оборудованием, направила в СРВ своих биологов. Биологи двух стран должны провести испытания около 10 тыс. сортов. Исследования осуществляются по 70 сельскохозяйственным культурам. Ведется совместный поиск наиболее перспективных сортов и устойчивых форм новых гибридов. Столь же полезно взаимодействие в области защиты растений¹⁸.

Одной из актуальных задач, стоящих перед тружениками сельского хозяйства во Вьетнаме, является обеспечение текстильной промышленности хлопком. Перед экономикой страны ставится задача в будущем отказаться от импорта хлопка из-за границы. В решении этой слож-

¹⁵ См.: Визит в Советский Союз партийно-правительственной делегации Социалистической Республики Вьетнам. 1—9 ноября 1978 г. М., 1978, с. 15.

¹⁶ См.: «Правда», 8.III.1984.

¹⁷ «Известия», 13.V.1983.

¹⁸ См.: Победа вьетнамо-советской дружбы и всестороннего сотрудничества, с. 103; «Известия», 13.V.1983.

ной, учитывая влажный климат Вьетнама, проблемы большую помощь своим коллегам оказывают советские хлопководы. В соответствии с заключенными между СССР и СРВ соглашениями о сотрудничестве в области науки и техники Советский Союз направляет во Вьетнам специалистов — почвоведов, селекционеров, которые вместе с вьетнамскими специалистами участвуют в разработке планов создания крупного хлопководческого района площадью примерно 120 тыс. га на территории провинций Зялай-Контум, Фукхань и Тхуанхай¹⁹.

Известно, какое большое внимание уделяется в советско-вьетнамском сотрудничестве решению топливно-энергетической проблемы Вьетнама. Речь идет, в частности, о строительстве мощного гидроузла на реке Черной, создании гидроэлектростанции Чиан вблизи Хошимина, вводе в строй ТЭС Фалай, добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга СРВ, разработке угольных месторождений в бассейне Куангнинь. В обеспечении этой программы заметное место принадлежит сотрудничеству советских и вьетнамских ученых. Они, в частности, работают над проблемой защиты объектов и линий электропередач в условиях интенсивной грозовой деятельности. Организации Министерства угольной промышленности СССР оказывают содействие соответствующим организациям СРВ в разработке технологии выемки мощных крутых угольных пластов на шахтах СРВ, в совершенствовании транспортировки горной массы на карьерах. Учитывая особую важность для торгово-экономических связей между СССР и СРВ морских коммуникаций, советские и вьетнамские организации в рамках научно-технического сотрудничества разрабатывают комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности флота, на обеспечение технического обслуживания и ремонта судов.

Поскольку Социалистическая Республика Вьетнам решает большой комплекс задач, связанных с индустриализацией страны, возрастающее значение приобретает советско-вьетнамское научно-техническое сотрудничество в области стандартизации, контроля за качеством продукции и метрологии. Оно способствует повышению эффективности общественного производства и качества национальной продукции, содействует интенсификации научно-технической кооперации, созданию общей нормативной базы. Важным направлением сотрудничества являются работы по унификации стандартов, выполнение которых позволит применять единые стандарты на продукцию взаимного товарообмена, повысить качество поставляемой продукции, увеличить объемы взаимных поставок, эффективно решать задачи специализации и кооперирования.

Обширные работы по проблеме «Флора Вьетнама», имеющие большое значение для фундаментальной науки и решения народнохозяйственных задач СРВ, ведут вьетнамские ботаники и ученые Ботанического института АН СССР. Совместные исследования с вьетнамскими коллегами ведут геологи и биологи Дальневосточного научного центра АН СССР, при этом особое внимание уделяется биологии моря. На территории Вьетнама проводятся совместные экологические экспедиционные работы.

Весьма перспективно сотрудничество советских и вьетнамских океанографов. Совместная комплексная экспедиция развернула широкую работу в области морской биологии и океанологии. Эта программа включает комплекс гидрофизических, геологических, биологических и метеорологических исследований, а также изучение загрязненности моря. Большое внимание уделяется наблюдению за морскими течениями. Результаты исследований будут способствовать эффективному развитию рыбного хозяйства и промышленности Вьетнама.

¹⁹ См.: «Вьетнам», 1983, № 9.

В соответствии с соглашением о сотрудничестве в области рыбного хозяйства, подписанным между нашими странами в 1978 г., осуществляются научные исследования морских ресурсов, разработка рекомендаций по их использованию и сохранению. Проводятся совместные экспедиции советских и вьетнамских ученых. Они позволяют получить ценный материал о биологическом составе промысловых объектов²⁰.

Плодотворно работают географы научных учреждений двух стран. Вьетнамские ученые при содействии советских специалистов ведут составление географического атласа Вьетнама. Заметным этапом в этой обширной работе стало составление карт труднодоступных районов страны. Для выполнения этих исследований использовалась новейшая дистанционная аппаратура, причем съемки велись как с самолетов, так и из космоса. Многие карты растительности, землепользования, геологические, геоморфологические и другие корректируются с помощью космических исследований.

Известен вклад советских геологов в становление и развитие вьетнамской национальной геологической службы. При сотрудничестве с советскими специалистами составлена геологическая карта Северного Вьетнама масштаба 1 : 500 000, ведутся поиск и разведка многих видов полезных ископаемых²¹.

Интересен опыт сотрудничества в области тропической метеорологии и исследования ураганов. Созданная во Вьетнаме совместная советско-вьетнамская лаборатория оснащена современной аппаратурой, метеорологическими радиолокаторами МРЛ-6, радарам, установленными в Хайфоне, Дананге, Хошимине. Лаборатория имеет в своем распоряжении научно-исследовательский самолет ИЛ-18. Он совершает полеты, помогая изучать атмосферные явления в акватории моря, где происходит зарождение многих тайфунов. Лаборатория ведет важную работу по прогнозированию погодных условий, следит за зарождением и продвижением тайфунов²².

Уже более двадцати лет сотрудничают советские и вьетнамские ученые, изучающие проблемы атмосферы. Ученые Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР передали своим коллегам из СРВ аппаратуру вертикального зондирования ионосферы, а также комплект аппаратуры для радиомаяковых наблюдений за сигналами искусственных спутников Земли. Планами сотрудничества предусмотрено создание в СРВ комплексной радиофизической обсерватории, позволяющей вести точные и регулярные наблюдения за процессами в ионосфере. Все это дает возможность полнее и глубже понять целый ряд физических проблем, в частности откроет новые перспективы для изучения условий распространения радиоволн в низких широтах²³.

Хорошие рабочие контакты с вьетнамскими коллегами налажены у советских химиков. Так, группа ученых из Института физической химии АН СССР работает вместе с вьетнамскими исследователями над проблемой «Тропикализация материалов и механизмов». Значительное содействие оказывают ученые советских академических институтов вьетнамским коллегам в изучении последствий применения армией США во Вьетнаме отравляющих химических веществ²⁴. Итоги этой работы были использованы, в частности, в ходе международного научного симпозиума, проходившего в Хошимине в 1983 г. На нем ученые из 26 стран, в том числе из США, Англии, Канады, Франции, ФРГ, Япо-

²⁰ См.: «Известия», 3.VI.1982.

²¹ См.: «Новости Вьетнама», 1979, № 1.

²² См.: «Правда», 3.I.1984.

²³ См.: «Известия», 23.XI.1982.

²⁴ См.: «Век XX и мир», 1983, № 7.

нии, осудили массовое применение армией США химических веществ, которое имеет тяжелейшие последствия для здоровья населения и природной среды.

Крепнут связи советских и вьетнамских ученых, осуществляемые в рамках многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ. Важный импульс такого рода сотрудничеству был дан подписанием в январе 1981 г. Генерального соглашения о многостороннем сотрудничестве ученых социалистических стран по содействию в ускоренном развитии науки и техники СРВ на период до 1990 г.²⁵ Этим документом предусмотрено проведение мероприятий по оказанию помощи СРВ в оснащении ее научно-исследовательских центров необходимой материально-технической базой, современным оборудованием и материалами, в подготовке и переподготовке научных кадров, в осуществлении научных разработок и создании отдельных научных объектов.

В соответствии с этим соглашением советская сторона участвует в оснащении четырех научно-технических объектов (НИИ механизации сельского хозяйства, Центр испытания сельскохозяйственной техники, НИИ угля, НИИ связи), а также в решении научно-технических проблем в области сельского хозяйства, медицины и здравоохранения, геологии, атомной энергетики Вьетнама.

Большие возможности для активизации исследовательской работы во Вьетнаме по использованию космического пространства в мирных целях открывает участие СРВ в программе «Интеркосмос». В рамках этой программы вьетнамские ученые проводят исследования в области космической физики, биологии, химии, метеорологии, радиосвязи, разведки природных богатств²⁶.

Убедительным свидетельством высокого уровня взаимодействия СССР и СРВ в области науки стал осуществленный в 1980 г. космический полет совместного советско-вьетнамского экипажа в составе В. Горбатко и Фам Туана. Во время полета был собран обширный научный материал. В мае 1982 г. в Ханое на научной конференции были подведены итоги полета. Было заслушано 26 докладов, с которыми выступили представители СССР, ГДР, НРБ и СРВ. Докладчики отмечали большое практическое значение собранной во время полета информации о Земле, о водных и лесных ресурсах, данных для изучения полезных ископаемых²⁷.

Укрепляется сотрудничество советских и вьетнамских ученых-обществоведов, объединенных общим методологическим и мировоззренческим подходом к изучаемым явлениям. Они концентрируют свое внимание на исследовании ключевых проблем теории и практики социалистического строительства. Речь идет прежде всего об исследовании таких тем, как закономерности социализма, переход от мелкого производства к крупному социалистическому производству, диктатура пролетариата, революция в области производственных отношений, идеологии и культуры, в сфере науки и техники. Важное место в исследованиях ученых должны занять вопросы социалистической индустриализации, кооперирования крестьянства, организации и управления народным хозяйством, вопросы партийного строительства. Предстоит провести широкий комплекс исследований в области истории, археологии, языкознания, этнографии, литературы, искусства²⁸. Свою важнейшую задачу советские и вьетнамские ученые видят в разоблачении и критике чуждых марксизму-ленинизму «теорий» и взглядов современных

²⁵ См.: А. С. Воронин, Н. А. Огнетов. Социалистическая Республика Вьетнам. М., 1981, с. 95.

²⁶ См.: «Новости Вьетнама», 1980, № 8.

²⁷ См.: Победа вьетнамо-советской дружбы и всестороннего сотрудничества, с. 101.

²⁸ См.: IV съезд Коммунистической партии Вьетнама. М., 1977, с. 79.

буржуазных философов и социологов, оппортунистов правого и «левого» толка.

Обществоведы обеих стран приступили к совместным исследованиям по проблемам философии, истории, социологии, этнографии, филологии, литературы, экономики, государства и права. В практику сотрудничества входит совместное написание монографий. Уже изданы совместные труды о роли рабочего класса во вьетнамской революции, о распространении марксизма-ленинизма во Вьетнаме, о проблемах перехода к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Опубликованы совместные работы, в которых дается критика политики и идеологии неоколониализма, исследуются социально-экономические проблемы послевоенного Вьетнама. Важных результатов добились в своем сотрудничестве лингвисты. Сделано описание четырех ранее не изучавшихся языков народностей Вьетнама, составлены словари этих языков, собраны фольклорные материалы. В 1982 г. в СРВ вышел первый совместный советско-вьетнамский труд, посвященный вопросам филологии, — «Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии». Начата разработка других актуальных проблем.

Все более активно используется такая форма сотрудничества, как проведение двусторонних научных конференций, симпозиумов. Известен, например, вклад советских и вьетнамских ученых в разработку и практическую реализацию задачи усиления участия дальневосточных районов Советского Союза в торгово-экономическом сотрудничестве СССР с Вьетнамом. Итоги научных симпозиумов, состоявшихся в Хабаровске в октябре 1980 г. и Хошимине в ноябре 1982 г., привлекли внимание научной общественности и государственных органов СССР и СРВ. Эта проблема нашла отражение в Долгосрочной программе развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и СРВ, подписанной во время визита во Вьетнам в 1983 г. советской партийно-правительственной делегации²⁹.

* * *

Опыт советско-вьетнамского сотрудничества в области науки и техники убедительно показывает, что учеными СССР и СРВ создана хорошая основа для решения еще более масштабных задач. В Долгосрочной программе развития экономического и научно-технического сотрудничества между СССР и СРВ сказано, что страны будут и впредь создавать необходимые условия для ускоренного развития науки и техники в СРВ. Советские организации будут оказывать помощь в оснащении вьетнамских институтов и лабораторий необходимой техникой и материалами. Будет осуществляться широкий обмен специалистами. Стороны признали необходимым углублять сотрудничество в проведении совместных исследований, представляющих взаимный интерес.

Руководствуясь Долгосрочной программой, различные министерства, ведомства и организации наших стран приступили к согласованию проблем и тем предстоящих работ. Ученые СССР и СРВ сотрудничают, например, в разработке Генеральной схемы развития и размещения производительных сил Вьетнама, в совершенствовании организации научно-технического прогресса. Совместные исследования ведутся рядом отраслевых министерств, активно участвующих в сотрудничестве³⁰.

Рост масштабов и качественного уровня советско-вьетнамского сотрудничества в области науки и техники выдвигает задачу изыскания новых дополнительных резервов дальнейшего устойчивого роста этих

²⁹ См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 3; «Новое время», 1983, № 47, с. 31.

³⁰ См.: «Известия», 5.III.1984.

связей, возможностей сделать их более гибкими, оперативными и эффективными. Успешное решение этих задач способствовало бы ускоренному внедрению новейших научно-технических достижений в практику социалистического строительства во Вьетнаме, открыло бы новые возможности для развития науки и техники в СРВ, создания собственной надежной научно-технической базы, перехода к более активным формам приобщения к научно-технической революции.

Положительную роль в этом может сыграть дальнейшее развитие непосредственных связей между отраслевыми министерствами и ведомствами. Это позволит более оперативно решать многие организационные вопросы, наладить специализацию и кооперацию в проведении научно-исследовательских работ и внедрение их результатов, развивать устойчивые долговременные взаимовыгодные связи внутриотраслевого характера, повышать ответственность соответствующих министерств за внедрение достижений науки и техники в производство.

Видимо, настало время в советско-вьетнамских научно-технических отношениях расширить проведение совместных исследований, смелее создавать совместные коллективы и лаборатории. Важно и впредь укреплять договорные начала сотрудничества, четко определять обязанности сотрудничающих организаций.

Немалое значение может также иметь более широкое привлечение научных потенциалов советских и вьетнамских университетов, других высших учебных заведений к совместному проведению научных и научно-технических разработок в тесной связи с народнохозяйственными задачами. Возможности вузовской науки станут более очевидными, если отметить, что в настоящее время прямые связи существуют между 22 вузами СРВ и 23 вузами Советского Союза³¹.

Накопленный рядом социалистических стран опыт взаимодействия в области общественных наук показывает, что совершенствованию сотрудничества советских и вьетнамских обществоведов, повышению уровня координации их совместных исследований способствовало бы создание комплексной комиссии, в задачи которой входило бы, например, составление долговременных планов актуальных исследований двух стран, контроль за ходом их выполнения, анализ состояния научных исследований по отдельным важнейшим проблемам, представляющим взаимный интерес; подготовка монографий, научных докладов и организация конференций по актуальным проблемам; содействие в подготовке научных кадров по общественным наукам; обмен опытом в организации научно-исследовательской деятельности, содействие в рецензировании и публикации в СССР и СРВ работ советских и вьетнамских ученых.

Углубляя научно-технические связи, еще теснее увязывая их с задачами социалистического и коммунистического строительства в наших странах, выработанными XXVI съездом КПСС и V съездом КПВ, советские и вьетнамские ученые преисполнены решимости совершенствовать формы и методы своего взаимодействия, повышать его эффективность. Опыт, накопленный СССР и СРВ, убедительно свидетельствует о том, что научно-техническое сотрудничество, приобретающее все больший размах, будет и впредь одним из кардинальных факторов, способствующих успешному выполнению программы социально-экономического развития Вьетнама.

³¹ См.: Победа вьетнамо-советской дружбы и всестороннего сотрудничества, с. 93.

Японо-китайские отношения: проблемы и тенденции

Д. В. ПЕТРОВ,
доктор исторических наук,
профессор

За шесть лет, которые прошли после подписания 12 августа 1978 г. японо-китайского «договора о мире и дружбе», отношения между Японией и КНР ознаменовались быстрым развитием по всем направлениям: резко повысился уровень политических связей, увеличился объем торговли, расширилась сфера научно-технических обменов, установились прочные связи в области культуры, искусства, спорта, туризма. Японская печать все чаще стала писать об «особом характере» японо-китайских отношений, подчеркивая значение, которое отводится Китаю в японской внешнеполитической стратегии, и в то же время более высокую степень сближения Китая с Японией, чем с любой другой капиталистической страной.

Лидеры Пекина и Токио также неоднократно отмечали исключительно тесные дружественные отношения между обеими странами. «Сегодня японо-китайские отношения находятся в наилучшем состоянии»¹, — заявил министр иностранных дел Японии Синтаро Абэ. Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан в беседе с журналистами после обеда, который он дал у себя в резиденции в честь прибывшего в Пекин премьер-министра Я. Накасонэ и его семьи, с глубоким удовлетворением процитировал слова японского гостя: «Отношения между Японией и Китаем успешно развивались и дошли до нового этапа, когда сердца слиты воедино»².

«Между Китаем и Японией не существует неотложных спорных вопросов, — подчеркивал заведующий отделом Азии МИД КНР Лю Шунин. — Путь дружбы и сотрудничества чем далее, тем становится более широким»³.

Столь высокие оценки современного состояния японо-китайских отношений свидетельствуют о том, какое важное место они занимают во внешнеполитической стратегии обеих стран.

Отношения в треугольнике Китай — США — Япония

Конец 1983 — начало 1984 г. ознаменовались небывало интенсивной внешнеполитической активностью Китая, США и Японии, что привело к заметному сближению всех сторон в треугольнике Пекин — Вашингтон — Токио.

Одной из основных причин этого процесса явилось резкое обострение международной обстановки после срыва Соединенными Штатами в ноябре 1983 г. женевских переговоров об ограничении ядерных вооружений в Европе и стремление Вашингтона распространить гонку вооружений на Азиатско-тихоокеанский регион, попытаться изменить баланс

¹ «Санкэй симбун», 13.III.1984.

² «Жэньминь жибао», 25.III.1984.

³ Там же, 21.XI.1983.

сил в этом районе путем дальнейшего повышения роли Японии в своей военно-стратегической системе и сближения с Китаем в интересах использования «китайской карты» в отношениях с Советским Союзом.

Эти цели лежали в основе комплекса внешнеполитических мероприятий Вашингтона, которые государственный департамент назвал «новой доктриной» президента Р. Рейгана, предусматривающей сдвиг в приоритетах во внешней политике США от Западной Европы к Азии и Тихому океану. При этом особое внимание предполагается уделить отношениям с Китаем, подтянув его в той или иной форме к военным союзам, связывающим США с Японией и Южной Кореей. Отметив «возрастающее признание среди руководящих политических деятелей важности для США Японии, Китая и Корейского полуострова», госдепартамент подчеркивал важнейшую задачу Вашингтона «сплотить эту часть мира, превратив в бастион против распространения советского влияния»⁴.

В рамках «новой доктрины» Р. Рейгана были предприняты активные шаги для укрепления и расширения военного союза с Японией. В ходе визитов в Токио президента США Р. Рейгана (9—12 ноября 1983 г.), вице-президента Дж. Буша (8—10 мая 1984 г.) и министра обороны США К. Уайнбергера (11—12 мая 1984 г.), а также поездки министра иностранных дел Японии С. Абэ в Вашингтон (26 января — 2 февраля 1984 г.) возможности дальнейшего наращивания военного потенциала Японии и расширения ее вклада в военно-стратегическую систему США в Азиатско-тихоокеанском регионе рассматривались в тесной взаимосвязи с торгово-экономическими и политическими проблемами.

Стремясь сдержать разгул протекционистских настроений в США и попытку использовать торговые трения с Японией в качестве орудия предвыборной борьбы, представители японского правительства вновь дали заверения в неизменной готовности оказывать полную поддержку курсу США на конфронтацию с Советским Союзом и усиление международной напряженности.

Предпринимая новые шаги по линии укрепления своего военно-политического союза, США и Япония особое внимание уделяли отношениям с Китаем на базе подписанного в 1979 г. коммюнике о переговорах премьер-министра М. Охира с президентом Д. Картером, предусматривающего тесное согласование позиций обеих стран в их взаимоотношениях с Пекином⁵.

При некоторых различиях в формах и методах сближения с Китаем цели обеих стран полностью совпадают: они стремятся посредством развития торгово-экономических связей, а также предоставления Китаю новейшей техники и технологии, включая военную, втянуть его в орбиту мирового капиталистического хозяйства, помешать процессу социалистического строительства, добиться дальнейшего отхода от социалистического содружества. Особое значение в военном и политическом плане придается предотвращению возможностей улучшения отношений Китая с Советским Союзом и подключению его к общемперниалистическому курсу на конфронтацию с Советским Союзом. «Президент Р. Рейган обеспокоен тем, что отношения между Китаем и Советским Союзом будут улучшаться»⁶. — подчеркивала японская печать, указывая на эту важнейшую цель политики обеих стран.

Проявлением заинтересованности США и Японии в сближении с Китаем, а также готовности китайских руководителей идти на разви-

⁴ "Mainichi Daily News", January 1, 1984.

⁵ См.: «Дага гайко-по кинкё» (Обзор японской внешней политики). Токио, 1980, № 24, с. 265.

⁶ "Japan Times", January 15, 1984.

тне связей с этими странами явился чрезвычайно интенсивный обмен визитами в последнее время.

Серия переговоров была проведена между руководством КНР и США. После посещения Пекина государственным секретарем США Дж. Шульцем (февраль 1983 г.), министром торговли М. Болдриджем (май 1983 г.), министром обороны К. Уайнбергером (сентябрь 1983 г.) и поездки министра иностранных дел КНР У Сюэцяня в Вашингтон (октябрь 1983 г.) в Соединенные Штаты направился премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян (6—16 января 1984 г.). Обсуждение широкого круга вопросов двусторонних отношений и важнейших международных проблем было продолжено в ходе визита в КНР президента Р. Рейгана (26—30 апреля 1984 г.). Проблемы налаживания конкретного сотрудничества США и Китая в военной области рассматривались во время пребывания в США министра обороны КНР Чжан Айпина (11—27 июня 1984 г.).

Результаты этих встреч подтвердили, что по ряду важных вопросов Вашингтону удалось добиться поддержки своей политики китайскими руководителями. Дэн Сяопин, например, прямо заявил во время беседы с Р. Рейганом, что «Китай не против наращивания Соединенными Штатами вооружений. Он всегда поддерживал эти меры США»⁷. Такого рода высказывания показали, что представители КНР на переговорах с Р. Рейганом «оценивали положение в мире, ставя знак равенства между империалистической, милитаристской политикой США и миролюбивой, антивоенной по своей сути политикой стран социалистического содружества»⁸.

Развитие связей с США нашло договорно-правовое оформление в виде подписанных в ходе визитов Чжао Цзыяна и Р. Рейгана документов о сотрудничестве в области промышленности и технологии, управления наукой и техникой в промышленности, в сфере научно-технической информации, в области использования ядерной энергии, а также соглашений о развитии культурных связей и о предотвращении двойного налогообложения американских компаний, действующих в Китае.

Важное значение имела достигнутая в принципе договоренность о продаже Китаю американского оружия на основе вступивших в силу с ноября 1983 г. новых правил экспортного контроля, предусматривающих резкое смягчение ограничений на поставки в КНР военной техники и изделий двойного назначения высокой технологии. Количество выданных Министерством торговли США лицензий на экспорт в КНР изделий такого рода возросло с 1500 на сумму 469 млн. долл. в 1981 г. до 3300 на сумму 1,2 млрд. долл. в 1983 г. В 1984 г. предполагается выдать по крайней мере 3600 лицензий примерно на 2 млрд. долл.⁹

Все эти соглашения дадут возможность значительно увеличить объем торгово-экономических связей Китая с США, что не может не отразиться на политических отношениях. Чжао Цзыян подчеркивал в одном из своих выступлений в США, что «невозможно полностью оторвать экономические отношения от политических соображений. Расширение китайско-американских экономических связей будет содействовать развитию политических отношений между обеими странами»¹⁰.

Развитие связей по линии США — КНР в значительной мере дополняется сближением и по другой стороне треугольника — между Японией и КНР. Установление и развитие дружественных отношений с КНР как с одним из ближайших соседей правящие круги Японии считают необходимым с точки зрения обеспечения мира и безопасно-

⁷ "Washington Post", April 29, 1984.

⁸ «Известия». 4.V.1984.

⁹ In: "Japan Times", January 1, 1984.

¹⁰ "Mainichi Daily News", January 13, 1984.

сти страны. Японские монополии рассчитывают превратить Китай в важный рынок сбыта своей промышленной продукции и источник стабильных поставок сырья и топлива, а также в перспективе в сферу приложения капитала, если не произойдет изменений в китайской политике «открытых дверей». Путем согласования позиций по ряду международных вопросов в Токио хотели бы предотвратить возможное столкновение интересов в борьбе за влияние в Азии и укрепить свои позиции на мировой арене.

Однако главной задачей японской политики является противодействие возможному улучшению отношений Китая с Советским Союзом во имя достижения классовых целей мирового империализма. Ссылаясь на заявление представителей МИД Японии, печать писала, что «одна из целей политики Японии в отношении КНР в настоящее время заключается в том, чтобы воспрепятствовать нормализации китайско-советских отношений»¹¹. Именно на это оказываются в конечном счете направлены все шаги, которые предпринимает Япония как в политической, так и в экономической областях.

Формулируя основные принципы подхода к отношениям с Китаем, бывший министр иностранных дел Японии С. Сонода прямо указывал на необходимость при решении вопросов предоставления Китаю экономической помощи исходить из политических целей капиталистических стран. «Запад должен позитивно подходить к сотрудничеству с Пекином в деле модернизации экономики Китая и интегрировать тем самым его в экономическую структуру западного мира», — заявил С. Сонода на совещании глав правительств «семерки» ведущих империалистических держав в Оттаве в июле 1981 г. «Япония, — подчеркнул он, — стоит на переднем плане этих усилий»¹².

Позиция правительства полностью совпадает с мнением деловых кругов Японии. Президент ведущей организации монополистического капитала — Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) — И. Инаяма писал, выражая господствующее среди крупного капитала настроение, что «для Японии экономическое сотрудничество с Китаем — это не просто вопрос экономики». «Проблемы развития экономического сотрудничества, — подчеркивал он, — необходимо увязывать с переговорами между «советской сферой» и «свободной экономической сферой», в которую следует включать и Китай»¹³.

Экономические отношения с Китаем финансовая олигархия Японии, таким образом, непосредственно связывает с политическими целями и зачастую проявляет готовность подчинить получение сиюминутных прибылей долгосрочным задачам отрыва Китая от мирового социалистического содружества и втягивания как можно глубже в мировое капиталистическое хозяйство в уверенности, что это даст возможность оказывать соответствующее давление на политический курс КНР.

Большое значение при этом придается попыткам содействовать сближению КНР с Соединенными Штатами в рамках треугольника Пекин — Вашингтон — Токио. Правящая Либерально-демократическая партия Японии отмечала в своем официальном органе, что поездка премьер-министра Японии Я. Чакасонэ в Пекин в марте 1984 г. «направлена на усиление сотрудничества между Японией, Соединенными Штатами и Китаем»¹⁴. Комментируя это признание, оппозиционные силы Японии подчеркивали, что «в подоплеке визита лежит стратегический замысел перетянуть Китай на сторону западного союза в соответствии с политикой администрации президента Р. Рейгана»¹⁵.

¹¹ «Асахата», 23.III.1984.

¹² "Daily Yomiuri", March 25, 1984.

¹³ «Кэйданрэн гэнго», 1979, № 2.

¹⁴ «Дзю симпо», 24.I.1984.

¹⁵ «Асахата», 23.III.1984.

Характер «особых отношений»

«Особые» отношения Китая с Японией находят свое выражение в разветвленном механизме контактов и связей, который позволяет обеспечивать быстрое разрешение возникающих проблем и высокую степень доверительности, в широких масштабах торгово-экономических связей, в совпадении позиций по широкому кругу международных проблем и, наконец, в демонстративной готовности обеих стран сохранять и развивать дружеские связи «на вечные времена».

Между Китаем и Японией поддерживаются самые тесные контакты на правительственном уровне. Регулярно проводятся встречи высших руководителей обеих стран. Только за шесть лет, прошедших после заключения «договора о мире и дружбе», Японию посетили премьеры Госсовета КНР Хуа Гофэн (27 мая — 1 июня 1980 г.) и Чжао Цзыян (31 мая — 5 июня 1982 г.), генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан (23—30 ноября 1983 г.). Кроме того, здесь побывали заместители премьера Госсовета КНР Дэн Сяопин (22—29 октября 1978 г. и 6—8 февраля 1979 г.), Гу Му (2—13 сентября 1979 г.), Юй Цюли (1—15 апреля 1980 г.), Хуан Хуа (15—16 декабря 1981 г.), Ли Пен (30 августа — 11 сентября 1984 г.). Важное значение имели переговоры, которые провел в Токио министр обороны КНР Чжан Айпин (7—10 июля 1984 г.).

С другой стороны, в Китай нанесли визиты японские премьер-министры М. Охира (5—9 декабря 1979 г.), Д. Судзуки (26 сентября — 1 октября 1982 г.) и Я. Накасонэ (23—26 марта 1984 г.), а также генеральный секретарь правящей Либерально-демократической партии С. Никайдо (18—21 февраля 1983 г.).

Столь интенсивный обмен визитами на высшем уровне свидетельствует о том, какое значение придают обе страны отношениям друг с другом. Он дает возможность обсудить самые сложные проблемы и установить тесные личные связи, что повышает уровень доверия и создает благоприятную атмосферу для решения спорных вопросов.

В дополнение к этим встречам с 1980 г. регулярно проводятся групповые совещания министров, в которых с каждой стороны принимают участие по 6—7 руководителей ведущих министерств и ведомств. Делегации возглавляют обычно со стороны Японии министр иностранных дел, а со стороны КНР — заместитель премьера Госсовета. Такого рода совещания, которые состоялись 3—5 декабря 1980 г. (Пекин), 15—16 декабря 1981 г. (Токио) и 4—6 сентября 1983 г. (Пекин), позволяют комплексно обсудить широкий спектр политических и экономических вопросов и принять соответствующие решения. Такие встречи Китай не проводит ни с каким другим государством, а Япония — только с Соединенными Штатами, но менее регулярно.

Кроме того, были заключены соглашения о проведении раз в год попеременно в Пекине и в Токио консультаций между министрами иностранных дел, между руководством Государственного планового комитета КНР и Управления экономического планирования Японии, между Государственным экономическим комитетом КНР и Министерством внешней торговли и промышленности Японии. Установлены также регулярные связи на рабочем уровне между практически всеми ведущими министерствами обеих стран.

Важное значение имеют постоянные контакты на местном уровне между представителями политического руководства и экономических организаций отдельных провинций Китая и префектур Японии. Они позволяют диверсифицировать все виды связей и придать им массовый характер. К концу 1983 г. 57 городов Китая и Японии объявили себя побратимами.

Вторая характерная особенность японо-китайских отношений — формирование относительно прочной материальной базы в результате высокого уровня развития торгово-экономических связей. По их масштабам, степени разветвления и многообразию форм, по числу охваченных отраслей промышленности и географической широте проникновения в китайскую экономику Япония существенно опережает другие развитые капиталистические страны.

Давление крупнейших монополий, мечтающих о захвате китайского рынка, оказывает существенное воздействие на позиции японского правительства. С другой стороны, стремление правящих кругов Японии добиться достижения важных политических целей и в первую очередь помешать развитию связей Китая с Советским Союзом и другими социалистическими странами с помощью экономических рычагов в значительной мере определяет подход к торгово-экономическим связям с Китаем и придает им специфический, отличный по ряду признаков от отношений с другими странами характер.

Объем торговли между Китаем и Японией растет высокими темпами. Несмотря на некоторый спад в 1982 г., в целом за 1977—1983 гг. он возрос в 2,9 раза и достиг 10 млрд. долл.¹⁶ В результате Япония стала не только важнейшим, но и практически незаменимым торговым партнером Китая. Торговля с Японией превышает товарооборот с США, ФРГ, Англией, Францией и Италией, вместе взятыми, и составляет в 1983 г. 43,8 % объема торговли Китая с развитыми капиталистическими странами. Если же учесть реэкспорт через Гонконг, то эта цифра окажется значительно выше.

Столь быстрое развитие товарооборота стало возможным в значительной степени благодаря широкой поддержке японских компаний государством. Две волны отказа Китая от заключенных ранее контрактов (в феврале — марте 1979 г. и весной 1980 г.), которые нанесли ущерб японским компаниям примерно в 1,5 млрд. долл., посеяли в деловых кругах страны глубокую неуверенность в Китае как стабильном торговом партнере. Хотя ущерб в значительной мере был компенсирован в последующие годы в результате возобновления контрактов, предоставления потерпевшим фирмам новых заказов с оплатой за счет правительственных кредитов и т. д., японские компании стали с большим опасением относиться к торгово-экономическим связям с КНР, и особенно к инвестированию средств в создание своих отделений или совместных предприятий с КНР. По китайским данным, из 188 смешанных компаний, созданных к концу 1983 г., только в 13 принимал участие японский капитал.

В связи с этим во время встречи с Я. Накасонэ в Пекине 26 марта 1984 г. Дэн Сяопин обратился с просьбой принять все меры для поощрения притока частного капитала в Китай и выразил надежду, что «не сотни, а тысячи японских промышленников будут вкладывать свои капиталы в экономику Китая»¹⁷.

Откликаясь на эти призывы, японские правительственные органы взяли на себя финансирование крупномасштабных долгосрочных проектов, а также гарантирование сделок, заключенных частными компаниями.

В дополнение к полученному Китаем в 1979—1983 гг. кредиту 300 млрд. иен (1,3 млрд. долл.) Я. Накасонэ во время пребывания в Пекине дал обещание предоставить в 1984—1990 гг. новый кредит на 470 млрд. иен (2130 млн. долл.) на льготных условиях из 3,5 % годовых. Предполагается, что он будет использован для финансирования семи крупных проектов, включая модернизацию железных дорог, рас-

¹⁶ См.: Кэйдай токэй нэмпо. 1983 (Ежегодник экономической статистики, 1983). Токио, 1984, с. 236.

¹⁷ «Асахи симбун», 27.III.1984.

ширение морских портов, строительство ГЭС и развитие телефонной сети в Тяньцзине, Шанхае и Гуанчжоу¹⁸.

Столь мощная государственная поддержка призвана проложить путь японскому экспорту в КНР, стимулировать частный капитал к более смелым операциям на китайском рынке и заложить базу для расширения позиций японских монополий в китайской экономике. В долгосрочном плане она направлена на то, чтобы как можно теснее привязать Китай к мировому капиталистическому хозяйству, с тем чтобы получить возможность оказывать давление на его политический курс.

Эти же цели преследует быстро расширяющееся участие японских банков не только в финансировании, но и в предоставлении консультационных услуг, охватывающих целые отрасли производства. В КНР открыли свои отделения 15 японских банков, тогда как банки из США и Франции — только по 5. Всего деловые отношения с Китаем поддерживают 48 японских банков.

В рамках торгово-экономических отношений КНР с Японией заметно возрастает значение различных форм научно-технической помощи на уровне как отдельных предприятий, так и отраслей экономики. Так, в начале 1983 г. было подписано соглашение с компанией «Ниппон сэйтэцу» об оказании технической помощи в подготовке кадров для Баошаньского металлургического комбината. Только в 1984 г. Япония должна принять и обучить 1000 китайских технических специалистов, а с июня 1985 г. направить в КНР 300 своих инженеров на 8 месяцев. Китай заплатит за эту помощь 20 млрд. иен (примерно 100 млн. долл.)¹⁹.

Большое значение с точки зрения проведения в жизнь программы «четырёх модернизаций» имеет подписанное в Токио 28 мая 1980 г. соглашение о научном и техническом сотрудничестве, которым предусматривается содействие обоих правительств в обмене учеными и техническими специалистами, в организации конференций и симпозиумов, проведении совместных научных исследований и обмене научной и технической информацией.

На базе этого соглашения в 1981—1983 гг. было заключено большое количество контрактов, по которым японские специалисты будут направлены на подлежащие модернизации предприятия для разработки современных форм организации производства, управления качеством, контроля и поощрения рабочих, повышения производительности труда и т. д. Расширяется подготовка китайских специалистов в японских высших учебных заведениях и непосредственно на предприятиях в порядке стажировки.

Китай стремится также использовать японский опыт в развитии атомной энергетики. 3 сентября 1981 г. в Пекине было подписано неофициальное соглашение о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии между представителями правительства КНР и Атомным промышленным форумом Японии, объединяющим практически все ведущие компании и научно-исследовательские центры, занимающиеся работами в области атомной энергии. Оно предусматривало обмен информацией, проведение совместных исследований с радиоизотопами и подготовку в Японии китайских специалистов для работы на АЭС.

Однако серьезным препятствием на пути развития сотрудничества оставалось отсутствие межгосударственного соглашения. В результате длительных переговоров к марту 1984 г. удалось достичь договоренности почти по всем основным пунктам. Китай взял на себя обязательство использовать импортруемое оборудование и материалы только для мирных целей, а также одобрил де-факто проведение инспекции,

¹⁸ In: "Daily Yomiuri", March 25, 1984.

¹⁹ In: "Japan Economic Journal", March 20, 1983.

согласившись допустить японских экспертов на АЭС в порядке «дружеских визитов»²⁰.

Не дожидаясь подписания официального соглашения, японское правительство одобрило поставку в КНР компанией «Мицубиси дзюкогё» насосов и других комплектующих деталей для энергоблока АЭС мощностью 450 тыс. кВт, строящейся вблизи Шанхая.

Одновременно оно предприняло шаги, чтобы использовать заинтересованность Китая в получении оборудования для обеспечения в обмен стабильных поставок из КНР урана. 18 мая 1984 г. в Пекине было подписано соглашение о сотрудничестве в разведке на уран в провинции Юньнань. Это был первый случай, когда иностранный капитал получил доступ к изучению урановых месторождений Китая.

Немаловажное значение придается правящими кругами Японии и частным капиталом использованию экономической и научно-технической помощи, включая подготовку кадров, для идеологической обработки китайских рабочих и служащих в плане убеждения их в приемлемости и необходимости внедрения капиталистических методов управления. Выплачивая на смешанных предприятиях более высокую заработную плату, японские монополии пытаются внедрить патерналистские идеи единства интересов труда и капитала и подорвать тем самым устои социалистического сознания занятых на этих предприятиях китайских трудящихся.

Так, например, на заводе по производству телевизоров совместной компании «Фуцзянь Хитати телевижн» по инициативе японского концерна была введена форма для всех рабочих и служащих, написан гимн компании, стал выпускаться специальный журнал: внедряются и другие японские методы «укрепления рабочей морали». Газета деловых кругов Японии с удовлетворением отмечала, что на этом заводе «лояльность рабочих исключительно велика» и что компания «Фуцзянь Хитати» «постоянно служит образцом для новых смешанных предприятий»²¹.

Вопреки интересам мира и безопасности в Азии

«Особый характер» японо-китайских отношений все более отчетливо проявляется в высокой степени совпадения позиций по ряду важнейших международных вопросов. В ходе переговоров на высшем уровне в Токио и в Пекине были продемонстрированы, в частности, сходные или весьма близкие точки зрения по проблемам Афганистана, Кампучии, оборонительных мер, принимаемых Советским Союзом на Дальнем Востоке; была выражена поддержка обеими сторонами размещения нового американского ядерного оружия в Западной Европе и т. д.

Настойчивые усилия представители Японии прилагали для того, чтобы добиться от Китая одобрения их позиции по проблемам так называемой «военной угрозы» со стороны Советского Союза. Стремясь оправдать курс на милитаризацию Японии и дальнейшее усиление военного сотрудничества с США, премьер-министр Я. Накасонэ неоднократно подчеркивал опасность «возрастания советской военной угрозы на Дальнем Востоке» в связи с размещением ракет СС-20²². Китай практически поддержал эту позицию. Министр иностранных дел КНР У Сюэцзянь заявил, что «Китай и Япония больше всего озабочены непрерывным увеличением Советским Союзом числа ракет СС-20 на Дальнем Востоке». По его словам, в ходе переговоров с министром иностранных дел Японии С. Абэ была достигнута договоренность потребовать от

²⁰ "Japan Times", March 17, 1984.

²¹ "Japan Economic Journal" February 21, 1984.

²² In: "Japan Times", November 25, 1983.

СССР резкого сокращения числа ракет СС-20 на Дальнем Востоке и немедленного их уничтожения. Они условились также «поддерживать контакты и обмениваться информацией по этому вопросу»²³.

Дэн Сяопин подтвердил во время встречи с Я. Накасонэ в Пекине, что «наращивание советской военной мощи в Азии является предметом общей озабоченности Китая и Японии»²⁴, но ни словом не упомянул о том, что советские шаги носят оборонительный характер и истинным виновником усиления напряженности на Дальнем Востоке являются Соединенные Штаты, раздувающие гонку ядерных вооружений.

С большим удовлетворением правящими кругами Японии была принята поддержка Китаем их незаконных и необоснованных притязаний на часть советских Курильских островов. У Сюэцянь во время пребывания на острове Хоккайдо заявил, что «Китай решительно поддерживает требование Японии о возврате четырех северных островов»²⁵.

Важным элементом сближения Китая и Японии стали налаживание контактов в военно-политической области и взаимная поддержка курса на наращивание военного потенциала. Ху Яобан в ходе переговоров в Токио заявил, что «вполне понятна потребность Японии иметь в своем распоряжении внушительный потенциал для самообороны»²⁶. Он выразил надежду, что Япония «будет продолжать развиваться как великая держава, обладающая достаточным оборонным потенциалом»²⁷.

В японском МИД расценивали эти заявления как свидетельство того, что Китай «понимает, какие принципы лежат в основе предпринимаемых Японией усилий для наращивания оборонительной мощи»²⁸. И напротив, такие высказывания китайских руководителей не могут не вызывать тревоги у японских прогрессивных сил, рассматривающих их как прямое поощрение милитаристских устремлений правящих кругов страны.

Японские представители со своей стороны не осудили курс руководства КНР на модернизацию вооруженных сил, усиленные работы по развитию ядерного оружия и средств его доставки, отказ прекратить ядерные испытания и присоединиться к международным договорам и соглашениям, направленным на ограничение гонки ядерных вооружений.

Наконец, четвертой особенностью сближения КНР с Японией является демонстрация готовности обеих стран всемерно прилагать усилия для развития дружеских связей на длительную перспективу независимо от изменений внутривосточной обстановки, международного положения и отношений каждой из стран с третьими государствами.

Ху Яобан, выступая в японском парламенте, выразил уверенность, что «если даже в будущем между нами возникнут расхождения во мнениях, Китай и Япония смогут добиться углубления дружбы и сотрудничества»²⁹.

Я. Накасонэ, в свою очередь, заявил в беседе с группой китайских журналистов перед своим визитом в Пекин, что «ни в какие штормы нельзя будет допускать, чтобы дружба и сотрудничество между Японией и Китаем были поколеблены»³⁰.

Проявлением решимости обеих сторон рассматривать развитие дружеских связей как важнейшую задачу не только на это, но и на следующее столетие явилась договоренность о создании «Японо-китайского комитета дружбы XXI века», в функции которого войдет разработка

²³ «Асахи симбун», 28.XI.1983.

²⁴ Там же, 25.III.1984.

²⁵ «Жэньминь жибао», 27.XI.1983.

²⁶ Там же, 2.XII.1983.

²⁷ "Japan Times", November 27, 1983.

²⁸ Ibid.

²⁹ «Асахи симбун», 26.XI.1983.

³⁰ Там же, 17.III.1984.

мер по дальнейшему развитию сотрудничества в экономической, научно-технической, культурной и других областях.

Сближение Китая с Японией на основе «особых отношений» не может не оказывать влияния на международно-политическую обстановку в Азиатско-тихоокеанском регионе. Оно происходит прежде всего в рамках взаимоотношений обеих стран с Соединенными Штатами. Хотя Япония добивается достижения собственных целей в межимпериалистической борьбе за политическое и экономическое влияние в КНР, она в то же время стремится в максимальной степени способствовать обеспечению интересов империалистического лагеря в целом в попытках оторвать Китай от мирового социалистического содружества. Сближение двух стран, таким образом, служит интересам мирового империализма, укрепляет позиции США и Японии на Дальнем Востоке, дает им возможность разыгрывать «китайскую карту» в отношениях с Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

Установление «особых отношений» между Китаем и Японией создает новые препятствия на пути к формированию прочной системы мира и безопасности в Азии.

В ходе беседы с Я. Накасонэ 24 ноября 1983 г. Ху Яобан заявил, что между Японией и Китаем «существует полное согласие в отношении усилий, направленных на достижение стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе»³¹. Однако ни он, ни Я. Накасонэ не выдвинули никаких конкретных предложений, которые действительно могли бы вести к укреплению мира. Япония утверждает, что ее «вкладом» в дело стабильности в Азии является укрепление военного союза с США и непрерывное наращивание собственной военной мощи. Китай продолжает свои усилия, направленные на модернизацию крупнейшей в мире армии и развитие ядерного потенциала, мешает нормализации обстановки вокруг Афганистана и Кампучии, нагнетает напряженность в отношениях с социалистическим Вьетнамом, вплоть до вооруженных провокаций на границе. В политическом плане он стремится к сколачиванию антисоветской коалиции под фальшивым лозунгом «борьбы против гегемонизма».

В то же время Токио и Пекин выступили против разработки и принятия мер доверия, провозглашения принципов неприменения силы в отношениях между государствами региона и других предложений Советского Союза, направленных на снижение уровня напряженности и установление прочного мира в Азии.

В сочетании с одобрением наращивания Вашингтоном боевой мощи США в зоне Азии и Тихого океана взаимная поддержка Японией и Китаем курса на усиление военного потенциала при отказе выдвинуть или поддержать меры, направленные на ограничение гонки вооружений, неминуемо ведет к усилению взрывоопасной ситуации в этом регионе.

В ходе переговоров на высшем уровне в Токио и Пекине Я. Накасонэ подчеркнул «необходимость сотрудничества между Китаем и Японией» в деле установления мира в Корее, а Ху Яобан «косвенно одобрил эту мысль»³². Однако ни один из руководителей не сказал, на какой основе мыслится это «сотрудничество». Нежелание предпринять конкретные шаги для ликвидации в первую очередь источников напряженности на Корейском полуострове означает стремление подменить их закулисными комбинациями с конечной целью содействовать в той или иной форме закреплению раскола страны.

Японо-китайское сближение создает дополнительные трудности на путях урегулирования обстановки в Юго-Восточной Азии. Хотя имеются некоторые отличия в оценках КНР и Японией положения в Индоки-

³¹ Там же, 25.XI.1983.

³² Там же.

тае, оба государства стоят на принципиально единых позициях в своем подходе к проблеме Кампучии. Они не признают законное правительство Народной Республики Кампучии, оказывают поддержку контрреволюционным элементам, подстрекают вооруженные нападения полпотовских банд с территории Таиланда.

Япония мешает развитию диалога между Вьетнамом и странами АСЕАН, проводит политику экономических санкций против СРВ. Ху Яобан, выражая полное удовлетворение занимаемой Японией позицией, считал даже необходимым, по сообщениям китайской печати, «выразить благодарность Я. Накасонэ за политику Японии в отношении Вьетнама»³³.

Согласованные действия КНР и Японии направлены не на достижение скорейшего урегулирования обстановки в Индокитае, а на изоляцию Социалистического Вьетнама, на срыв переговоров между Вьетнамом и странами АСЕАН, на сохранение очага напряженности в Индокитае. Орган ЦК КПВ газета «Нян зан» осудила договоренности между руководством КНР и Японии как «серьезно угрожающие миру, безопасности и стабильности на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Азии и в районе Тихого океана»³⁴.

Формирование «особых отношений» между КНР и Японией ведет, таким образом, к дальнейшей дестабилизации обстановки в Азиатско-тихоокеанском регионе. Вопреки широковещательным декларациям обеих стран оно противоречит задачам обеспечения прочного мира и безопасности в этом районе, подрывает сложившийся здесь баланс сил и объективно отвечает интересам мирового империализма.

³³ «Жэньминь жибао», 25.XI.1983.

³⁴ «Нян зан», 1.XII.1983.

Иностранный предпринимательский капитал в экономике КНР

*С. А. МАНЕЖЕВ,
кандидат экономических наук*

Важным и принципиально новым направлением внешнеэкономической активности КНР последних лет выступает прямое привлечение в страну предпринимательского капитала из-за рубежа. Как отмечает китайская печать, «в настоящее время, когда Китай осуществляет социалистическую модернизацию, нужны значительные инвестиционные ресурсы. Однако база страны слабая, инвестиционных ресурсов мало... Для того чтобы выиграть время, ускорить экономическое строительство, а также усилить способность опираться на собственные силы, необходимо и полезно привлекать в соответствующих размерах иностранный капитал»¹.

Не меньшим препятствием на пути осуществления выдвинутой в 1978 г. программы модернизации китайской экономики выступает глубокий технологический разрыв между Китаем и промышленно развитыми странами. По свидетельству газеты «Жэньминь жибао» (5.VIII.82), только 5% выпускаемых в Китае средств производства соответствует международному уровню 70-х годов. В этих условиях проблема обеспечения динамичного и устойчивого экономического роста заключается не только в абсолютной нехватке внутренних накоплений, но и в необходимости придания им соответствующей производительной формы, что невозможно без получения передовой техники и технологии из-за рубежа. Все это и обусловило в конце 70-х годов резкое обострение интереса Китая к иностранному предпринимательскому капиталу как к важному каналу приобретения современной техники, технологии и управленческого опыта, не связанному со значительными затратами иностранной валюты или увеличением внешней задолженности со стороны КНР. Статья 18 Конституции КНР, принятой V сессией ВСНП пятого созыва, гласит: «Китайская Народная Республика разрешает иностранным предприятиям и другим экономическим организациям или отдельным лицам вкладывать капитал в Китае в соответствии с положениями законов КНР, осуществлять экономическое сотрудничество совместно с китайскими предприятиями или другими экономическими организациями в различных формах»².

В 1979—1983 гг. в КНР принято свыше 75 нормативных актов во внешнеэкономической сфере, в том числе около 40 из них имеют непосредственное отношение к привлечению инвестиций иностранных предпринимателей.

Особая роль в стимулировании притока в КНР инвестиций из-за рубежа отведена созданию и юридическому оформлению деятельности так называемых особых экономических зон по примеру получивших широкое распространение во многих развивающихся странах «беспощ-

¹ «Хунци», 1983, № 2, с. 48.

² «Жэньминь жибао», 5.XII.1982.

линьных зон», «зон свободного предпринимательства», «экспортной переработки» и т. д. Имеется в виду выделение замкнутых экономических районов, находящихся близ порта или аэропорта, куда иностранные компании и совместные предприятия могут свободно, без уплаты пошлин ввозить промышленное сырье и полуфабрикаты, чтобы обрабатывать их и затем так же беспрепятственно вывозить на внешние рынки. С июля 1979 г., когда по решению Госсовета КНР началось создание первых таких зон в районах городов Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу (провинция Гуандун) и Сямэнь (провинция Фуцзянь), в КНР принята серия правовых положений, регламентирующих вопросы налогообложения, земельной аренды, порядок регистрации предприятий в особых зонах и т. д. Все это в конечном итоге направлено на обеспечение «благоприятного инвестиционного климата» для иностранных инвесторов, с тем чтобы условия приложения капитала в КНР были не только выгоднее, чем в стране-доноре, но по возможности и благоприятнее, чем в близлежащих странах и территориях, способных составить Китаю конкуренцию в качестве реципиентов зарубежных инвестиций.

КНР стремится проводить гибкую политику в области привлечения иностранных инвестиций, сочетая применение поощрительных мер с мерами известного ограничения и контроля. В целом, как свидетельствуют данные табл. 1, правовые и экономические условия привлечения зарубежных предпринимательских инвестиций в Китае соответствуют среднему уровню, принятому в международной практике.

Однако масштабы привлекаемых Китаем средств пока еще не слишком велики: сумма реально использованных иностранных предпринимательских инвестиций в 1983 г. составила 0,9 млрд. долл., обеспечив лишь 1,3 % общего объема капитальных вложений в народное хозяйство КНР³. При этом основная часть иностранного капитала поступает в Китай по традиционным каналам его особых хозяйственных связей с предпринимателями из числа зарубежных китайцев. Имеющиеся данные позволяют считать, что к 1983 г. около $\frac{2}{3}$ иностранного капитала, согласованного к вложению в экономику КНР, приходилось на долю компаний, принадлежащих представителям зарубежной китайской буржуазии из Сянган (Гонконга), Аомыня (Макао), Сингапура и др.⁴ Ими же, по некоторым оценкам, обеспечено до 90 % суммы контрактов на создание объектов с участием иностранного капитала в особых экономических зонах⁵. Что касается вкладчиков капитала из ведущих империалистических держав, то они пока принимают значительно меньшее участие в формировании иностранных капиталовложений в Китае.

Низкая активность главных инвесторов капиталистического мира объясняется рядом обстоятельств. Прежде всего, несмотря на разработку в Китае все новых законов и положений о деятельности иностранного капитала, инвестиционное законодательство КНР оставляет невыясненными многие важные, с точки зрения западных инвесторов, аспекты их деятельности в КНР. Среди них гарантия права собственности на вложенный капитал, обеспечение гарантированного минимума доходов, вопросы исключения двойного налогообложения, регулирования прав и обязанностей китайского и иностранного персонала, а также защиты инвестиций и компенсации в случае их отчуждения. Потенциальных

³ Рассчитано исходя из общей суммы государственных капитальных вложений, а также вложений индивидуальных предприятий и предприятий коллективной собственности, составившей в 1983 г. 136,9 млрд. юаней (см.: «Жэньминь жибао», 30.IV.1984).

⁴ Рассчитано по: Ма Хун. «Сяньдай Чжунго цзинцзи шидянь», Пекин, 1982, с. 384; «Гоцзи маю», 1983, № 7, с. 7; "Guidebook on Trading with the People's Republic of China". New York, 1982, p. 125; "China Business Review", 1983, N 5, p. 16.

⁵ См.: «Дагун бао», 25.II, 25.XI.1982; "Asiaweek", 6.VIII.1982, p. 23; "International Business Week", 5.III.1984, p. 47.

Таблица 1

Сравнительная характеристика условий помещения иностранного капитала в КНР и некоторых странах и территориях Азиатско-тихоокеанского региона

Страна	Допустимый уровень участия иностранного капитала в совместных предприятиях (%)	Ставка подоходного налога (%)	Срок полного или частичного освобождения от налога (к-во лет)	Норма амортизации для промышленного оборудования (%)	Ставка личного подоходного налога при годовой сумме заработка в 35 тыс. и 40 тыс. долл. (%)	Среднемесячная заработная плата работника средней квалификации в промышленности (ам. долл.)	Продолжительность рабочей недели в промышленности (в часах)
Китай	25—100	для совместных предприятий — 33; для иностранных предприятий — 20—40 (осн. ставка); для предприятий в особых экономических зонах — 15	3—5	10—20 в отдельных случаях свыше 20	40,9 41,5	35 ¹	48 ²
Сянган (Гонконг)	без ограничений	16,5	—	10—30	15 15	343	60—70
Сингапур	без ограничений	20—40	5—10	5—13,3 в отдельных случаях до 33,1	21,2 22,8	378	47—49
Южная Корея	50	20—40	5	8,5—11	31,5 31,5	491	50—60
Малайзия	75	45—50	2—5	10—15, в отдельных случаях до 21	27,8 30	183	45—50
Филиппины	40	25—40	—	8,5—17	51,3 53,5	99	45—50
Индонезия	49	20—45	2—6	25	26,4 26,4	117	45—50
Таиланд	для предприятий отдельных категорий 49, для прочих — без ограничений	35—45	3—8	8,5—10,5	31,2 37,4	152	47—51

Примечания: ¹ Для государственных промышленных предприятий; уровень заработной платы рабочих и служащих совместных предприятий согласно ст. 8 «Положения о порядке регулирования на совместных предприятиях вопросов трудового законодательства» на 20—50% выше (см.: «Чжунго тоуцзы чжинань», Сянган, 1982, с. 205). ² Для государственных промышленных предприятий; на предприятиях в особых экономических зонах предусмотрены сверхурочные работы за соответствующую компенсацию (см.: «Жэньминь жибао», 11.1.1983).

Источники: «Чжунго тоуцзы чжинань», Сянган, 1982, с. 46, 47, 126; «Шинце цзинцзи даобiao», 21.11.1983; «Дагуи бао», 10.XII.1981; «China Trade Report», May 1982, p. 6—7, «Far Eastern Economic Review», 18.V.1979, p. 78—80; 13.VIII. 1982, p. 70—84; «Business Asia», 22.VII.1983, p. 229; A. G. Frank, Crisis in the Third World, New York, 1981, p. 100—101, 168—170; «Pakistan & Gulf Economist», 19—25.XI.1983, p. 41.

вкладчиков капитала настораживает и то обстоятельство, что возможности прибыльной деятельности совместных предприятий в КНР нередко ограничиваются наличием таких характерных для китайской экономики проблем, как нехватка энергии, транспортных средств и квалифицированной рабочей силы.

И наконец, как показывает опыт, предпринимателей из США, Японии, стран Западной Европы отпугивает то, что в КНР им приходится сталкиваться с более высокой степенью государственного контроля и централизации экономики, чем в большинстве других стран бывшего колониального и полуколониального мира, использующих иностранный капитал. По свидетельству органа Национального комитета содействия американо-китайской торговле журнала «Чайна бизнес ревью», американских вкладчиков капитала едва ли не больше всего не устраивает сложная система многоступенчатых согласований инвестиционных проектов в КНР, требующая значительных затрат времени и средств, а также отсутствие достаточной, по их мнению, свободы при выборе деловых партнеров и осуществлении дальнейшей предпринимательской деятельности в Китае⁶.

В итоге, по мнению авторитетных американских экспертов, специализирующихся на оценке инвестиционного климата, в период до 1987 г. Китаю отводится скромное место в системе приоритетов западных инвесторов. С точки зрения благоприятности внутренней политической ситуации он занимает лишь 9 место из 13 обследованных стран Азиатско-Тихоокеанского региона, опережая лишь Филиппины, Индонезию, Таиланд и Пакистан. С точки зрения экономической целесообразности инвестиций КНР отведено еще более низкое 13 место из 15 стран: ниже поставлены только Индия и Пакистан⁷. Тем самым перспективы действительно широкомасштабного участия ведущих империалистических инвесторов в финансовом и технологическом обеспечении модернизации экономики КНР поставлены в прямую зависимость от готовности китайской стороны пойти на существенные уступки политическим и экономическим интересам Запада.

Ряд важных признаков свидетельствует о том, что в КНР, по всей видимости, не исключают такой возможности. В частности, только за полтора года (с ноября 1982 по апрель 1984 г.) иностранным предпринимателям предоставлена целая серия новых экономических послаблений. Среди них такие ощутимые льготы, как уменьшение налога на доходы иностранных предприятий от поступлений за передачу технологии с 20 до 10 %; освобождение от таможенных пошлин и торгово-промышленного налога машин и оборудования, ввозимых в КНР при создании совместных предприятий; продление срока полного и частичного освобождения совместных предприятий от подоходного налога с 3 до 5 лет; увеличение (в ряде случаев до 80 %) доли продукции совместных предприятий, реализуемой на внутреннем рынке КНР; разрешение создавать полностью иностранные предприятия на всей территории провинций Фуцзянь и Гуандун, в городах Пекин, Шанхай и Тяньцзинь (прежде — только в особых экономических зонах), а также расширение территории особых экономических зон Чжухай и Сямэнь.

И наконец, особый интерес зарубежных предпринимателей в последнее время вызывает решение правительства КНР открыть для иностранного капитала 14 городов на морском побережье Китая, а также остров Хайнань. Как отмечал в докладе на II сессии ВСНП шестого созыва премьер Госсовета КНР Чжао Цзыян, «там предстоит расширить ком-

⁶ Ип: "China Business Review", 1983, № 5, p. 26, 27, 38.

⁷ Оценки компаний «Фрост энд Салливан корпорейтивд» и «Бизнес интернэшил корпорейшн» (США). Цит. по: "Far Eastern Economic Review", 26.III.1982, p. 56.

петицию по рассмотрению и утверждению заявок на создание объектов с использованием иностранного капитала и передовой зарубежной технологии, упростить порядок въезда и выезда иностранных предпринимателей. Кроме того, там надлежит разрешать иностранным предпринимателям создавать предприятия полностью за счет их собственных средств и надлежащим образом продлевать сроки обоюдного владения совместными предприятиями с использованием китайских и иностранных капиталовложений... Вышеуказанные портовые города и четыре особые экономические зоны, — продолжал Чжао Цзыян, — соединяясь на морском побережье в одну линию, образуют переднюю полосу, открытую нами для внешнего мира»⁸. Все это свидетельствует о том, что курс на последовательную либерализацию инвестиционного законодательства Китая выступает сегодня важной особенностью его «открытой» внешнеэкономической политики.

Таким образом, создаются реальные условия для активного внедрения иностранного предпринимательства в экономическую структуру КНР. Однако, как и любая страна, привлекающая капиталовложения из-за рубежа, Китай заинтересован не в притоке иностранного капитала вообще, а в притоке его в определенных формах и в определенных сферах, наиболее важные с точки зрения внутреннего развития. Предоставление же все больших экономических льгот зарубежным инвесторам, как показывает практика, объективно ослабляет позицию китайской стороны при создании совместных предприятий, ограничивает ее возможность регулировать деятельность иностранного капитала в национальных интересах Китая. В результате воздействие иностранного капитала на экономическое развитие КНР приобретает двойственный, противоречивый характер.

* * *

К 1984 г. общая сумма вложений иностранного капитала в более чем 2,1 тыс. предприятий на территории КНР, согласно заключенным контрактам, составила около 6,5 млрд. долл. при фактически реализованных инвестициях в 2,7 млрд. долл.⁹ На юге страны все более активно расширяют свою деятельность особые экономические зоны: к началу 1984 г. только зоной Шэньчжэнь, например, подписаны контракты на создание объектов с различными формами иностранного участия на 1,8 млрд. долл.¹⁰ Сосредоточивая около 50 % иностранных капиталовложений, особые зоны уже сегодня выступают важными центрами иностранного предпринимательства на территории КНР.

Предприятия с участием иностранного капитала характеризуются весьма быстрыми темпами строительства и окупаемости. Например, сроки сооружения объектов в особой зоне Шэньчжэнь, в 2—2,5 раза короче, чем в строительной индустрии КНР¹¹. Объекты сотрудничества с иностранным капиталом отличаются также более высоким уровнем производительности труда, организации и эффективности производства. Показателен пример компании «Чайна Шиндлер», образованной китайской компанией строительного машиностроения совместно с компанией «Шиндлер» (Швейцария) и ее гонконгским филиалом. В течение первого года работы, еще до переоснащения за счет зарубежных партнеров Пекинского и Шанхайского заводов «Чайна Шиндлер», только посредством улучшения организации производства компании удалось на 12 %

⁸ «Жэньминь жибао», 2.VI.1984.

⁹ Рассчитано по: «Гоцзи маон», 1983, № 7, с. 55; «Жэньминь жибао», 30.IV.1984; «China Daily», 8.II.1984; 26.III.1984.

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 29.III.1984.

¹¹ Там же, 6.V.1983.

снизить стоимость единицы продукции при одновременном увеличении физического объема ее выпуска на 25 % и таком же приросте производительности труда¹². По сообщениям китайской печати, применение передовой зарубежной технологии на отдельных совместных предприятиях в электронной, химической, текстильной промышленности КНР в некоторых случаях позволило за 2—3 года добиться увеличения производительности труда в 6—10 раз по сравнению с аналогичными государственными предприятиями, заметно повысить качество выпускаемой продукции и расширить ее ассортимент¹³.

В целом, по расчетам китайских экономистов, использование каждого 100 млн. долл. иностранных инвестиций в промышленности КНР обеспечивает годовой прирост товарной продукции на 300—400 млн. ю. при одновременном увеличении экспорта на 100 млн. долл.¹⁴ Эти данные свидетельствуют о том, что для увеличения чистой продукции промышленности на один юань на предприятиях с участием иностранного капитала требуется почти в два раза меньше инвестиций, чем на государственных промышленных предприятиях КНР. Все это позволяет сделать вывод об определенных перспективах стимулирующего воздействия совместного предпринимательства на эффективность производства в некоторых отраслях китайской промышленности.

Исходя из этого, в Китае намечают направить иностранный капитал на решение наиболее важных народнохозяйственных задач, среди которых особое место занимает программа реконструкции и модернизации имеющихся промышленных предприятий, а также ликвидация оставления топливно-энергетической базы страны. Характерно, что из 130 проектов сотрудничества, предложенных иностранным инвесторам на Международном совещании по инвестициям в экономику КНР в Гуанчжоу (июнь 1982 г.), 17 проектов, предусматривающих вложения иностранного капитала в 298 млн. долл., относятся к новому строительству и 113 проектов с суммой иностранных инвестиций в 991 млн. долл. являются объектами реконструкции и модернизации. В основном это относительно небольшие объекты, требующие инвестиций в размере от 5 до 15 млн. долл. при доле иностранного участия от 8 до 100 %¹⁵. Техническое преобразование намечено осуществить в первую очередь в главных промышленных центрах страны, на предприятиях легкой и текстильной промышленности, ориентированных на экспорт, а также в машиностроении, электронной промышленности, в производстве промышленного сырья. В Шанхае, например, с 1980 по 1985 г. за счет привлечения иностранного капитала намечено переоснастить почти 1700 промышленных предприятий, или свыше 20 % от их общего числа в городе.

Большие надежды в КНР возлагают и на сотрудничество с иностранным капиталом в освоении топливно-энергетических ресурсов, и прежде всего месторождений нефти на континентальном шельфе Китая. Общая сумма иностранных инвестиций в разработку нефтяных месторождений шельфа на площади в 90 тыс. кв. км согласно 23 контрактам, заключенным КНР в 1980—1983 гг. с 29 компаниями из США, Великобритании, Японии и других стран, достигает 2 млрд. долл., в том числе 776 млн. долл. уже реально израсходовано зарубежными инвесторами на поисковые и разведочные работы. Дальнейшее участие нефтяных корпораций Запада в освоении нефтеносных участков континентального шельфа КНР, по некоторым расчетам, уже к 1990 г. может обеспечить приток до 20 млрд. долл. иностранных инвестиций и довести годовую

¹² Рассчитано по: «Дагун бао», 9.VII.1981; «China Trade Report», October 1981, p. 8.

¹³ См.: «Гоцзи маон», 1982, № 2, с. 7; «Жэньминь жибао», 15.I.1983; «China Reconstructs», July, 1983, p. 20.

¹⁴ См.: «Шэхуэй кэсюэ», 1982, № 2, с. 5—6.

¹⁵ Рассчитано по: «Чжунго дуйвай маон», 1982, № 4, с. 16—17, 22—23.

нефтедобычу на морских месторождениях до 50 млн. т, что составляет почти половину общего производства нефти в стране в настоящее время.

Значительны и планы сотрудничества в угледобывающей промышленности. Современные материально-технические и финансовые возможности КНР позволяют ежегодно вводить в строй новые шахты общей мощностью в среднем в 10 млн. т. Это означает, что без коренного изменения масштабов и уровня шахтного строительства в 1990 г. КНР недополучит по сравнению с запланированным уровнем по меньшей мере 110 млн. т угля, а в 2000 г. — 210 млн. т. В этих условиях намечается привлечь иностранный капитал в размере 5 млрд. долл. для строительства 23 объектов угольной промышленности годовой мощностью 130 млн. т в девяти угольных бассейнах. Уже в 1983 г. велись переговоры о строительстве объектов мощностью до 40 млн. т угля с такими крупными империалистическими корпорациями, как «Мицуби майнинг Ко» (Япония), «Бритиш шелл коул интернэшнл Лтд» (Великобритания), «Оксидентал петролеум корпорейшн», «Бектел интернэшнл» и «Флуор корпорейшн» (США).

В целом в КНР публикуются прогнозы и оценки, согласно которым в течение 80-х годов КНР сможет реально привлечь иностранный капитал на 40—50 млрд. долл., а к 2000 г. довести объем зарубежных инвестиций даже до 200 млрд. долл.¹⁶ Таким образом, китайская сторона рассчитывает на весьма существенный вклад иностранного предпринимательства в модернизацию экономики страны. Однако на практике достижение этой цели уже сегодня осложняется целым рядом обстоятельств, связанных прежде всего с теми условиями, на которых иностранный капитал поступает в китайскую экономику.

В зависимости от степени и характера участия иностранных партнеров учреждаемые в Китае проекты совместной деятельности могут принимать различные формы. При этом, как неоднократно подчеркивала китайская печать, наибольший экономический эффект приносит образование совместных акционерных компаний, подразумевающих юридически оформленное объединение активов сторон, совместное управление производством, распределение риска и прибылей¹⁷. При создании таких объектов китайская сторона получает возможность в рамках заключенного инвестиционного соглашения комплексно использовать финансовые ресурсы зарубежного партнера, иностранную технологию, опыт управления производством и реализации продукции. Возникающая при этом общность интересов сторон на длительный (до 30 лет) период обеспечивает постоянное обновление и совершенствование получаемой техники и технологии. Соглашение о создании уже упоминавшейся компании «Чайна Шиндлер», например, предусматривает непрерывные поставки в Китай технологии производства подъемного оборудования в течение 20 лет, что означает безвозмездную передачу КНР десятков тысяч единиц технологической документации. Характерно, что именно для таких проектов совместной деятельности, согласно инвестиционному законодательству КНР, установлен наиболее благоприятный режим деятельности.

Китайская сторона не скрывает намерения развивать в первую очередь именно такую форму сотрудничества, предусматривающую тесные контакты и взаимную ответственность сторон на всех стадиях сооружения и работы предприятий. Из общего числа проектов, предложенных Китаем для заключения инвестиционных соглашений на Международном совещании по инвестициям в экономику КНР в Гуанчжоу, более поло-

¹⁶ См.: «Шинцзе цзинцзи», 1982, № 8, с. 24; «Цзинцзи вэньти таньсо», 1983, № 8, с. 18.

¹⁷ См.: «Наньфан жибао», 14.III.1980; «Шинцзе цзинцзи даобао», 22.XI.1982; «Жэньминь жибао», 14.V.1983.

вины (65 %) представлена в форме акционерных компаний¹⁸. Однако реакция иностранных предпринимателей на подобные инициативы КНР является весьма сдержанной. На долю совместных предприятий приходится лишь около 5 % суммы контрактов на создание объектов сотрудничества с иностранным капиталом. Подавляющая часть иностранных средств поступает в КНР на иных, далеко не столь привлекательных для китайской стороны условиях.

Как свидетельствуют данные табл. 2, почти в три раза больший, чем при создании совместных предприятий, объем средств поступает в КНР по каналам проектов на компенсационной основе, в рамках которых поставка оборудования и технологических линий оплачивается продукцией, производимой при помощи поставляемого оборудования. По свидетельству зарубежных партнеров Китая, большинство таких проектов невелики по размеру (10—20 тыс. долл.), окупаемость оборудования достигается на них в период до 2—3 лет, а участие иностранного партнера, как правило, сводится к технической помощи и консультациям на начальной стадии¹⁹.

Около 30 % иностранных вложений приходится на соглашения о совместной разработке месторождений нефти. В начале 1982 г. Китай объявил международные торги на нефтеносные участки своего континентального шельфа площадью 150 тыс. кв. км. Согласно предложенному китайской стороной типовому контракту, финансируя в течение 5—7 лет разведку нефти на правах генерального подрядчика, иностранные компании в случае успеха приобретают право на прямой доступ к эксплуатации открытых месторождений с получением в качестве предпринимательской прибыли части совместно добытой нефти на срок от 15 до 30 лет²⁰. При этом, как отмечает китайская печать, «коэффициент успеха», то есть удельный вес продуктивных разведочных скважин на шельфе Южно-Китайского моря и в Бохайском заливе достигает 58 %, вдвое превосходя аналогичный показатель по всему Азиатско-тихоокеанскому региону²¹. Все это объясняет проявляемый иностранными монополиями повышенный интерес к эксплуатации нефтяных ресурсов КНР.

Однако основная часть иностранных инвестиций в Китае приходится на соглашения о производственном кооперировании, называемые иногда также «контрактными» совместными предприятиями. Деятельность таких объектов в промышленности КНР широко варьируется — от обычных субподрядных операций до более сложных видов специализации, предполагающих совместное изготовление конечной продукции на основе распределения производства отдельных узлов и деталей между предприятиями-партнерами. Передавая китайской стороне лицензии и «ноу-хау» для изготовления нужных деталей и компонентов, зарубежные компании извлекают прибыль в виде периодических отчислений за использование технологии в размере от 2 до 6, а иногда и до 9 % стоимости изготовленной продукции, но в любом случае не менее заранее оговоренной суммы, что позволяет им избежать риска при возможном срыве предприятия. Сроки таких соглашений обычно не превышают 7—10 лет, но в ряде случаев могут ограничиваться и периодом производства лишь одного экземпляра конечной продукции, как, например, по соглашению Министерства металлургической промышленности КНР с американской компанией «Эллис-Чалмерс» об изготовлении дробилки для измельчения руды на Юнпинском медном руднике.

¹⁸ Рассчитано по: «Чжунго дуйвай маон», 1982, № 4, с. 16—17, 22—23.

¹⁹ «China Business Review», 1981, N 2, p. 24; 1983, N 6, p. 38—39.

²⁰ In: «China Business Review», 1982, N 5, p. 35—36.

²¹ In: «Beijing Review», 23.IV.1984, p. 8; «Far Eastern Economic Review», 25.VIII.1983, p. 42.

Таблица 2

**Видовая структура иностранных предпринимательских инвестиций в КНР
(на конец года)**

Формы привлечения иностранного капитала	1982 г. Сумма по соглашениям (млн. долл.)	Уд. вес (%)	1983 г. Сумма по соглашениям (млн. долл.)	Уд. вес (%)
Всего	4958	100	6520	100
в том числе:				
Совместные предприятия	141	3	341	5
Проекты на компенсационной основе	725	15	905	14
Соглашения о совместной разработке морских нефтяных месторождений	999	20	1999	31
Соглашения о производственном кооперировании («контрактные» совместные предприятия)	2726	55	2926	45
Прочие	367	7	360	5

Источники: 1982 г. — «Гоцзи мао», 1983, № 7, с. 55; 1983 г. — предварительные данные; рассчитано по: «China Daily», 8, 13, 11, и 26.III.1984.

В целом к началу 1984 г. в КНР насчитывалось 992 «контрактных» предприятия с предусмотренной суммой зарубежного участия в 2,9 млрд. долл.²² На создание одного «контрактного» предприятия зарубежные инвесторы расходуют в среднем около 3 млн. долл., или в 1,6 раза больше, чем на совместную акционерную компанию. С точки зрения количественных показателей все это делает «контрактные» предприятия основным средством развития экономического потенциала Китая за счет сотрудничества с иностранным предпринимательским капиталом. Однако если принять во внимание качественную характеристику хозяйственных ресурсов, поступающих в Китай по каналам «контрактных» предприятий, то следует признать, что преобладание этой формы сотрудничества существенно ограничивает роль иностранного капитала в модернизации экономики КНР.

Прежде всего большинство соглашений о производственном кооперировании предусматривает весьма жесткие ограничения при передаче технологии КНР. В частности, китайскому партнеру запрещается раскрывать получаемую технологическую информацию другим предприятиям на территории КНР. В случае передачи китайской стороне в аренду комплектных технологических линий запрещается их использование в каких-либо иных целях, помимо оговоренных в контракте, по истечении которого иностранный партнер имеет право вывезти принадлежащее ему оборудование из КНР. В результате область, затрагиваемая техническим прогрессом, при таком типе сотрудничества остается весьма узкой, ограничиваясь рамками предприятия, подписавшего кооперационное соглашение.

При этом несение экономического риска преимущественно китайской стороной существенно снижает реальную заинтересованность иностранного партнера в успешной передаче технологии. Опыт показывает, что в случае неспособности КНР своевременно освоить производство тех или иных деталей по лицензии западного партнера, последний с избытком компенсирует уменьшение причитающихся ему лицензионных платежей за счет соответствующего увеличения товарных поставок аналогичных компонентов в Китай. Не удивительно, что условия многих «контрактных» предприятий вообще не предусматривают определенной доли китайского партнера в изготовлении узлов и деталей конечной продукции, отводя ему роль простого сборщика. Именно таким образом Харбинский, Шанхайский и Пекинский заводы энергетического машино-

²² Рассчитано по: «Цзинцзи жибао», 30.IV.1983.

строения осуществляют «совместное производство» паровых котлов и турбогенераторов мощностью в 300 и 600 мВт в сотрудничестве с компаниями «Вестингауз» и «Камбасчен инжиниринг» (США).

В тех же случаях, когда между партнерами устанавливаются более равноправные отношения и КНР допускается к большему участию в освоении иностранной технологии, разделение труда, как правило, следует традиционному образцу. За китайской стороной закрепляются несущие элементы станка или другого устройства, изготовление которых из чугуна, стального литья или поковок требует обычной механической обработки по низкому классу точности и значительных трудовых затрат. Передача технологии при этом сводится к предоставлению производственных инструкций, дефицитных деталей, периодическому контролю качества и в ряде случаев, как, например, при совместном производстве морских буровых платформ судостроительным заводом г. Далянь и хьюстонской «Бейкер марин компани», вообще не несет китайскому партнеру каких-либо новых технических знаний и навыков. Большинство «контрактных» предприятий в промышленности КНР выполняют роль простых субподрядных компаний, работающих по отдельным заказам иностранных корпораций и специализирующихся на изготовлении различного рода несложной трудоемкой продукции (металлические отливки, рессоры, амортизаторы, гидравлические домкраты, насосы и т. д.). Стоимость таких контрактов невысока, срок действия ограничен, результаты — с точки зрения приобретения передовой технологии — незначительны. Более того, разорванность производственных циклов, вызывающая постоянную потребность КНР в импорте комплектующих узлов, деталей и дефицитных промышленных материалов, ставит «контрактные» предприятия в одностороннюю технологическую зависимость от иностранных вкладчиков капитала.

Нельзя сказать, чтобы в КНР не делались попытки придать иностранному предпринимательству иной, в большей мере отвечающий потребностям Китая характер. Результаты этих усилий заслуживают внимания. Так, в мае 1983 г. Всекитайское рабочее совещание по вопросам использования иностранного капитала поставило задачу «создать новую обстановку в области использования иностранных инвестиций» за счет перенесения центра тяжести на создание в КНР в первую очередь совместных акционерных компаний, в связи с чем участниками совещания была одобрена обширная программа мер по либерализации их правового регулирования.

В результате в 1983 г. удалось добиться определенного сдвига в формировании видовой структуры иностранных вложений. За год было одобрено создание 105 совместных акционерных предприятий против 83 аналогичных объектов, учрежденных в 1980—1982 гг. При этом размеры иностранного капитала, привлеченного в рамках этой формы сотрудничества, достигли 200 млн. долл., более чем в 4 раза превзойдя среднегодовой уровень 1980—1982 гг.²³

Вместе с тем рассмотрение условий ряда инвестиционных проектов 1983 г. свидетельствует о заметном отходе от прежней практики создания совместных компаний, лишаящем их многих привлекательных для КНР качеств. Характерен пример соглашения между крупной американской компанией «Скуиб энд санз» и Шанхайской фармацевтической компанией о создании на равных паях совместного предприятия по производству лекарственных препаратов «Шанхай Скуиб». Главным компонентом передаваемой Китаю технологии должна стать дорогостоящая (1 млн. долл.) электронно-вычислительная система, предназначенная для автоматизированного управления производственным процессом. Казалось бы, обладая равными долями акционерного капитала, партне-

²³ Рассчитано по: «Гоцзи маои», 1983, № 7, с. 55; «China Daily», 19.II.1984.

ры должны иметь одинаковые права в эксплуатации установленного оборудования. Однако соглашение особо оговаривает, что в течение всех 15 лет существования совместной компании возможность управления ЭВМ будет предоставлена исключительно американскому персоналу. Более того, фиксируя в качестве главной цели деятельности совместной компании достижение как минимум 20 % -ной нормы прибыли, соглашение оставляет за американской стороной право расторгнуть договор и репатриировать вложенные средства в случае неполучения ею за первые три года чистой прибыли в 1,2 млн. долл.²⁴

Налицо, таким образом, появление при создании совместных акционерных компаний целого ряда негативных моментов, характерных прежде всего для деятельности «контрактных» предприятий. Здесь и элементы ограничительной деловой практики, и подрыв общности интересов сторон, и, наконец, выраженное стремление зарубежного инвестора переложить основную часть риска на китайского партнера. Во всем этом прослеживается определенная закономерность: нарастание количественных показателей сотрудничества в условиях одновременного ослабления его качественных параметров показывает ограниченность возможностей китайской стороны регулировать характер деятельности иностранных вкладчиков капитала в интересах экономики КНР.

Между тем потребность в таком регулировании достаточно ощутима, что проявляется и при анализе отраслевой структуры иностранных капиталовложений. Как известно, главным побудительным мотивом для вложения капитала в другой стране для иностранного предпринимателя является получение максимальной прибыли. В Китае, как и в других странах, наиболее привлекательно в этом плане выглядят отрасли нематериального производства, требующие невысоких капиталовложений и обладающие быстрой окупаемостью вложенных средств. В частности, деятельность туристического центра «Шицзиншань» (особая зона Чжухай) обеспечивает иностранным инвесторам получение 50 % -ной нормы прибыли, в то время как для наиболее рентабельных объектов сотрудничества в промышленности аналогичный показатель составляет 20—22 %. В этих условиях значительная (около 50 %) часть иностранного капитала направляется в такие отрасли непродуцированной сферы, как международный туризм, торговля, предприятия сферы обслуживания, а также в коммунальное строительство. Именно здесь сосредоточены наиболее капиталоемкие объекты сотрудничества, среди которых созданные на правах совместных акционерных компаний гостиницы «Чанчэн» (доля иностранного участия — 35 млн. долл.), «Пэлис» (30 млн. долл.), «Интернэшнл гранд-отель» (30 млн. долл.), а также осуществляемое в рамках производственного кооперирования жилищное и гостиничное строительство в особых экономических зонах Шэньчжэнь (820 млн. долл.) и Чжухай (1030 млн. долл.).

Отвлечение непропорционально больших средств в сферу непродуцированного строительства ограничивает возможности стимулирующего воздействия иностранных инвестиций на модернизацию отраслей материального производства. Даже развитие такой важной области сотрудничества, отвечающей насущным интересам обеих сторон, как совместная разведка и добыча нефти, привлекает лишь около 1/3 поступающего в КНР иностранного капитала. Что же касается ключевых отраслей обрабатывающей промышленности, в значительной мере определяющих технический прогресс, то на их долю остается не более 20 % иностранных инвестиций. Однако и здесь их отраслевая направленность определяется не столько реальными потребностями экономики КНР, сколько интересами иностранных инвесторов. В частности, из общей суммы компенсационных соглашений, составляющих, по оценке, около половины всех

²⁴ In: "China Trade Report", November, 1983, p. 6—7.

иностранных вложений в обрабатывающую промышленность КНР, 50 % приходится на текстильную и швейную промышленность, 25 % — на прочие отрасли легкой промышленности, 25 % — на пищевую, химическую промышленность и машиностроение²⁵. Подобная направленность промышленных инвестиций существенно отличается от предлагаемого китайской стороной варианта их отраслевой структуры, оставляя без должного внимания потребности развития таких ведущих фондообразующих отраслей, как промышленность строительных материалов, металлургическая промышленность и др. В результате Китай все глубже вовлекается в международное капиталистическое разделение труда, где ему, как и большинству других реципиентов иностранного капитала, отведена второстепенная роль преимущественного производителя сырья и трудоемкой промышленной продукции.

Ориентация зарубежных предпринимателей на извлечение из КНР высоких прибылей главным образом за счет использования многочисленной и дешевой рабочей силы для выполнения технологически сложных процессов ведет к тому, что создаваемые промышленные объекты сотрудничества, как правило, невелики и обладают слабой технической оснащенностью. Как свидетельствуют данные по особой зоне Шэньчжэнь, в среднем расходующие иностранными инвесторами средства при создании промышленного объекта (194 тыс. долл.) в 15 раз меньше, чем при создании предприятия торговли, и почти в 20 раз меньше, чем при сооружении объекта сотрудничества в сфере туризма. Подавляющее большинство таких промышленных объектов не выходят за пределы узкой специализации в рамках неполного технологического цикла, ограничиваясь сборкой изделий на экспорт из деталей и узлов заказчика или первичной обработкой сырья также для вывоза на внешние рынки. Сложившаяся отраслевая структура, а также уровень материально-технического наполнения иностранных инвестиций, не соответствуя важным направлениям и целям программы модернизации экономики КНР, привязывают экономический потенциал особых зон к немногим отраслям промышленности стран-инвесторов, способствуют формированию на территории КНР производственных анклавов, в значительной степени выключенных из национального воспроизводственного процесса.

В целом факты свидетельствуют о внутренней противоречивости роли иностранного предпринимательского капитала в экономике КНР. Привлечение дефицитных материально-технических и финансовых ресурсов, способствующих оживлению экономики Китая и создающих потенциальную возможность для его большей хозяйственной самостоятельности, на деле сопряжено с установлением и расширением в первую очередь таких форм и методов сотрудничества, при которых КНР часто заранее отведена подчиненная, зависимая роль. Все это ставит под вопрос расчеты китайской стороны на использование иностранного капитала в интересах усиления способности КНР опираться на собственные силы.

²⁵ In: "Guidebook on Trading with the People's Republic of China", p. 126.

США — КНР:

СВЯЗИ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ

---

*В. И. ПЕТУХОВ
Г. И. РАГУЛИН*

Американские правящие круги, вынашивая планы утверждения гегемонии США в мире путем изменения в свою пользу глобального баланса сил, прилагают особые усилия к тому, чтобы наряду с союзниками и близкими партнерами вовлечь и Китай в сферу военно-стратегической активности американского империализма.

В Вашингтоне не скрывают того, что Рейган, по выражению газеты «Нью-Йорк таймс», «положил в основу своей так называемой китайской политики соображения политической стратегии, в том числе конфронтацию с Советским Союзом»¹. В предвыборной платформе республиканской партии, принятой на съезде в Далласе в августе 1984 г., последнее соображение подчеркнуто с особой силой — как главное условие развития американо-китайского сотрудничества. В этом документе указывается, что дальнейшая нормализация отношений с Китайской Народной Республикой должна основываться на взаимной заинтересованности в противодействии Советскому Союзу. Китайские руководители, воздерживаясь от прямой поддержки воинственного антисоветского курса Рейгана, тем не менее вторят его утверждениям о том, что у США и Китая есть много «совпадающих и параллельных интересов». Обе стороны заявляют, что они заложили основу для стабильного и долговременного развития взаимных отношений. Как бы там ни было, КНР и США, приглушая существующие между ними противоречия, стремятся активизировать все стороны их взаимоотношений и укрепить фронт партнерства по ряду важных международных проблем.

Не удивительно, что происходящая в последнее время общая активизация отношений между КНР и США придает определенный импульс развитию их взаимных связей и сотрудничества также и в военной области, которым обе стороны уделяют повышенное внимание. Правительство и военное руководство США не скрывают своего стремления расширить военные связи с КНР до пределов, хотя и не допускающих ее значительного реального усиления, но все же обеспечивающих тесное взаимодействие двух стран в ближайшей перспективе. Официальный представитель Пентагона Дж. Келли, выступая в конгрессе США, подчеркнул, что целью правительства является установление прочных военных обменов с Пекином, которые способствовали бы благоприятному для США «глобальному балансу сил»².

Заместитель госсекретаря США по делам Азии и Тихого океана П. Вульфовиц в ходе слушаний в одной из подкомиссий палаты представителей особо отметил, что благодаря развитию отношений с Китаем у Вашингтона теперь нет необходимости учитывать китайский фактор при разработке программ обеспечения безопасности США и соответственно выделять силы и средства для «уравновешивания» китай-

¹ "New York Times", 1.V.1984.

² «Правда», 9.VI.1984.

ской угрозы. По словам Вульфовитца, Пекин стремится к сотрудничеству с американскими союзниками в Восточной Азии, укрепляет экономические связи с капиталистическими странами³. Пентагон в своем военно-стратегическом планировании теперь постоянно рассматривает китайский фактор как благоприятствующий интересам США. В документе «Оперативная обстановка на 1984 г.» американское военное ведомство отмечает, что «КНР косвенно содействует безопасности США в региональном и глобальном масштабе, будучи противовесом военной мощи СССР в Азии». Подготовленные Пентагоном «Руководящие указания в области обороны на 1984—1988 финансовые годы» предусматривают «в случае войны всемерную поддержку военных действий Китая».

Многих американских деятелей, особенно представителей делового мира, явно прельщают возможные результаты военного сотрудничества с Китаем. Самая многочисленная в мире (более 4 млн. человек), но вместе с тем технически отсталая, слабо оснащенная китайская армия может представлять выгодный объект «помощи» для американского военно-промышленного бизнеса. Как утверждают специалисты Вашингтона (в частности, бывший заместитель директора группы планирования политики госдепартамента Пол Крайсберг), боевая техника Китая — это в основном арсенал 50-х годов; он, бесспорно, нуждается в модернизации⁴. Они подбрасывают идею о том, что Китай не может осуществить технического переоснащения армии собственными силами, не прибегая к импорту передовой техники и технологии, не заимствуя опыта развитых стран в самых различных областях технического прогресса. Позиция США в отношении военных поставок Китаю из западных государств, конечно, имеет решающее значение, так как ни одно решение КОКОМ (органа НАТО, контролирующего такие поставки социалистическим странам) не может быть принято без согласия Вашингтона.

Военное ведомство США накануне визита тогдашнего министра обороны Г. Брауна в Пекин в 1980 г. разработало по указанию правительства доклад, в котором рассматривалась возможность содействия модернизации вооруженных сил Китая путем поставок ему оружия и техники на общую сумму до 63 млрд. долл. Эти соображения Пентагона не были, однако, реализованы. Журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд уорлд рипорт» в прошлом году опубликовал доклады Пентагона и ЦРУ, согласно которым модернизация китайской армии должна включать как минимум приобретение 8600 современных танков, 10 тыс. военных автомашин, 16—18 тыс. тяжелых грузовиков, 6 тыс. ракет класса «воздух — воздух», 720 установок для запуска ракет «земля — воздух», 240 современных истребителей и другой техники⁵. Хозяева военной промышленности США надеются, что основная масса прибылей от поставок Китаю такой продукции может потечь в их карман.

Но дело не только в прибылях. Внедрение американцев в вооруженные силы и военную промышленность КНР может, как они полагают, основательно привязать Китай к военной машине США и облегчить еще более тесное взаимодействие этих двух стран на антисоветской основе. При той огромной роли, которую играет армия в Китае, это может привести к резкому усилению американского влияния на политику КНР, как внешнюю, так и внутреннюю. Именно подобными расчетами руководствуются сторонники содействия вооружению Китая

³ United States—China Relations 11 Years after the Shanghai Communique. Hearings before the Subcommittee on Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 98-th Congress, 1-st Sess. February 28, 1983, Washington, 1983, p. 9.

⁴ «New York Times», 25.XII.1983.

⁵ Цит. по: «Народна армия» (София), 7.III.1984.

(оговорим, однако, что в правящих кругах США имеются и противники оказания такого содействия).

У Китая, разумеется, собственные расчеты и планы. В настоящее время он определенно делает ставку на помощь США в наращивании своего военно-промышленного потенциала и модернизации вооруженных сил, а вместе с тем и на поддержку Вашингтоном и его союзниками планов расширения китайского влияния в Азии. Что касается чисто военной стороны дела, то в планах и практике руководства КНР можно выделить четыре основных направления.

Во-первых, оно добивается получения от США военной технологии и ознакомления с их опытом в области производства оружия. Импорт новейшей технологии рассматривается как важное средство военной и военно-технической модернизации.

Во-вторых, Пекин старается привлечь американцев к непосредственному переоснащению своих вооруженных сил. Он приобретает в США технику и материалы «двойного назначения», то есть предназначенные как для мирных, так и военных целей, а также в небольших количествах боевую и вспомогательную военную технику, которая используется главным образом как образец при разработке собственных аналогов. Важное значение придается импорту исходных материалов для китайской военной промышленности, в том числе специальных сталей, авиационных сплавов и др. Кроме того, согласно многочисленным сообщениям иностранной печати, Пекин пытается договориться с американскими компаниями о создании совместных предприятий по производству боевой техники и оружия, рассчитывая таким путем заимствовать технологию, используемую американцами.

В-третьих, руководство КНР заинтересовано в широком развитии научно-технического сотрудничества с США, в котором доминирующее место занимали бы проблемы, связанные с увеличением военного потенциала, особенно с развитием производства ракетно-ядерного оружия. Китайские ученые поддерживают интенсивные контакты с крупнейшими научными центрами США, которые ведут исследования по атомной физике и космонавтике. Большие надежды связывались с заключением соглашения о сотрудничестве в области использования ядерной энергии, которое могло открыть для КНР доступ к американской технологии и экспериментальным исследованиям в данной области.

Наконец, в-четвертых, Пекин старается поддерживать и такой аспект чисто военного сотрудничества, как консультации между военными ведомствами двух стран, изучение американского опыта военного планирования, взаимные визиты представителей руководства вооруженных сил, содействие США в обучении офицерского состава и технических специалистов китайской армии, обмен разведывательными данными. В частности, как сообщают западные источники информации, на китайской территории (в Синьцзян-Уйгурском автономном районе) созданы две американские базы, оснащенные электронным оборудованием для ведения разведки против СССР, а также Афганистана и Индии. Как сообщается, им были переданы функции, которые раньше осуществлялись американской разведкой с территории Ирана. На базах работают специалисты, поставляющие информацию ЦРУ⁶. Американский исследователь Дж. Пирсон, опубликовавший статью с многочисленными данными, которые опровергают версию администрации Рейгана об инциденте с южнокорейским самолетом, сбитым 31 августа 1983 г. в районе острова Сахалин, упоминает, что база в Синьцзян-Уйгурском районе была одной из тех разведывательных станций, которые ЦРУ

⁶ In: "Aerospace Daily", 1982, N 4, p. 29.

использовало для наблюдения за полетами советских самолетов над Сахалином во время указанного инцидента⁷.

В последние годы лишь непродолжительный период после прихода к власти в 1981 г. администрации Рейгана был отмечен снижением уровня американо-китайского сотрудничества. После принятия Вашингтоном мер к активизации отношений с КНР и достижения в августе 1982 г. соглашения о постепенном снижении уровня американской военной помощи тайваньскому режиму вопрос об оживлении китайско-американских военных связей снова встал на повестку дня. Его так или иначе затрагивали представители обеих сторон в ходе имевших место с конца 1982 г. до последнего времени многочисленных переговоров на правительственном уровне.

В июне 1983 г. президент США разрешил американским фирмам продавать КНР компьютеры и другую технику «двойного назначения». Но, как отмечала американская печать, китайская сторона публично выражала недовольство тем, что предлагал ей Вашингтон: это была техника «второго сорта». Министр обороны КНР Чжан Айпин откровенно заявлял: «Мы должны знать, что то, что мы можем купить за границей, не будет являться самой передовой техникой. И если мы будем полагаться только на импортируемое оружие, мы в ряд ли сможем достигнуть модернизации нашей национальной обороны и избежать контроля со стороны внешних сил»⁸.

В связи с визитами премьера Госсовета КНР Чжао Цзыяна в США в январе 1984 г. и американского президента Р. Рейгана в Китай в апреле того же года с обеих сторон наблюдалось стремление форсировать развитие связей и сотрудничества в военной области. Важная роль в этом отношении отводилась обмену визитами между министрами обороны двух стран — К. Уайнбергером и Чжан Айпином.

Американский министр обороны, предпринявший поездку в Пекин в сентябре 1983 г., заявил там в ходе переговоров о готовности правительства США содействовать развитию военного сотрудничества и обсудить возможность продажи оружия КНР (любопытно, что эта миссия была возложена на деятеля, который в официальных кругах Вашингтона известен как один из противников продажи Китаю новейшего оружия и технологии). Визит Уайнбергера, как отмечалось в Вашингтоне, «зложил фундамент для новых военных обменов и программ сотрудничества в области военной техники на выборочной основе». По сообщению лондонской «Файнэншл таймс», Уайнбергер уведомил Пекин, что Вашингтон «согласился расширить рамки экспорта в Китай, позволяя продавать Пекину более современное технологическое оборудование, включая и то, что может применяться в военной сфере»⁹.

Во время визита Уайнбергера стороны договорились об обмене делегациями специалистов по военной подготовке и материально-техническому обеспечению войск (такие делегации из КНР посетили США в апреле и мае). Поездка в Китай начальника разведывательного управления Министерства обороны США Дж. Уильямса в октябре 1983 г., встреча в том же месяце министра иностранных дел КНР У Сюэцяня с руководителем ЦРУ У. Кейси, контакты и взаимные визиты американских и китайских деятелей, связанных с разведкой, указывали на активизацию обмена между сторонами секретной военной информацией.

Визит Чжан Айпина в Вашингтон состоялся в июне 1984 г., вскоре после визита в Китай президента Рейгана, который в ходе переговоров громкие фразы о дружбе и сотрудничестве двух стран подкрепил от-

⁷ In: "Nation", 18—25.VIII.1984.

⁸ "U. S. News and World Report", 1983, N 16, p. 36.

⁹ "Financial Times", 26.IX.1983.

крытым заверением о готовности США поставлять Китаю оружие. В конце апреля госсекретарь Шульц заявил корреспондентам, что переговоры о продаже оружия «продвигаются быстрыми темпами»¹⁰. Накануне визита Рейгана в Пекине побывала делегация Пентагона, ознакомившаяся с потребностями Китая в военной области. А еще раньше (в феврале — марте) в Соединенных Штатах в течение месяца находилась китайская делегация, изучавшая возможности приобретения там различной боевой техники и оружия. Китайские представители посетили крупные военные заводы в 14 городах США, где вели переговоры непосредственно с подрядчиками об условиях закупки их продукции¹¹. Делегация подготвила и вручила американцам перечень продукции, в которой заинтересован Пекин (взамен старой заявки, представленной в 1980 г. во время визита Гэн Бяо).

В иностранной печати отмечалось, что обсуждение конкретных аспектов сотрудничества, которые американская сторона свела к таким вопросам, как поставка Китаю противотанковых систем, помощь в модернизации артиллерии и противовоздушной обороны, «продолжится на техническом уровне, и, возможно, в будущем будут достигнуты соответствующие договоренности». А пока Соединенные Штаты в предварительном порядке согласились продать Китаю зенитные ракеты «Хок», различные виды противотанкового оружия и технологию для производства артиллерийских снарядов¹². Китаю также пообещали предоставить электронное оборудование для реактивных самолетов-перехватчиков «F-5» и обучить китайских летчиков на американских базах применению этого оборудования (конкретные детали этой программы пока не согласованы, но она, вероятно, будет предусматривать перебазирование одной-двух китайских эскадрилий «F-8» в США, оснащение их электронными приборами и затем использование для обучения китайских летчиков¹³).

В целом же американская печать характеризовала «достигнутую неофициальную договоренность» как свидетельство «наиболее значительного укрепления связей в военной области между США и Китаем за всю историю»¹⁴.

Судя по материалам иностранной печати, китайские представители не смогли добиться удовлетворения большинства своих заявок на поставки американцами военной технологии и оружия тех видов, которые интересуют военное руководство КНР. «Китайцы скептически относились к тому, готовы ли мы разрешить продажу техники и технологии в тех областях и на таком техническом уровне, чтобы это удовлетворило их нужды и потребности, — отметил в своем выступлении в конгрессе заместитель помощника министра обороны США Дж. Келли. — Мы достигли договоренности продолжать диалог на штабном уровне с тем, чтобы положить начало каким-то конкретным программам сотрудничества... Самые подходящие области для таких совместных программ — это противотанковое и зенитное оружие». При этом было заявлено, что «все просьбы китайцев, как и всех остальных, будут рассматриваться в каждом случае отдельно» (ранее, в апреле, госсекретарь Шульц разъяснил: «Вопрос о том, что мы можем продавать и что не подлежит продаже, рассматривается заинтересованными ведомствами»).

Иначе говоря, американская администрация продолжает сохранять систему ограничений, призванную воспрепятствовать поставкам в Ки-

¹⁰ «Правда», 4.V.1984.

¹¹ In: "Washington Post", 12.III.1984.

¹² In: Ibid., 15.VI.1984.

¹³ In: "Far Eastern Economic Review", 28.VI.1984.

¹⁴ "Washington Post", 15.VI.1984.

тай некоторых особо интересующих его видов техники и технологии, ссылаясь на «интересы безопасности США». Рейган недвусмысленно предупредил Пекин, что дальнейшие уступки с американской стороны будут зависеть от поддержки Китаем внешнеполитического курса США. «Наша политика в вопросах передачи технологии, — заявил американский президент в Пекине, — будет и дальше формулироваться с учетом общего развития наших отношений и курса на расширение сотрудничества между нашими странами»¹⁵.

Тем не менее обе стороны продолжают усиленно изыскивать возможности укрепления военного сотрудничества. В июле Китай посетила большая делегация руководителей аэрокосмической промышленности и правительственных деятелей США во главе с помощником президента К. Фуллером. В состав делегации входили представители крупнейших компаний, связанных с производством как гражданской, так и военной авиационной техники — «Локхид», «Бонинг», «Дженерал электрик», «Макдоннел-Дуглас» и др. Они вели в Пекине переговоры о расширении экспорта в Китай своей продукции, в том числе вертолетов, реактивных самолетов, навигационного и аэродромного оборудования, спутников прямого радиовещания. Речь шла и о содействии США модернизации военно-воздушных сил КНР.

Во второй половине августа с восьмидневным официальным визитом в Китае впервые побывал министр военно-морских сил США Дж. Леман. Он был принят премьером Госсовета Чжао Цзыяном и вел переговоры с представителями командования военно-морского флота КНР. Леман посетил базы флота в Даляне, Шанхае, Циндао, где ему была предоставлена возможность осмотреть китайские боевые корабли и ознакомиться с их техникой. Западная печать преподносит итоги визита американского министра в КНР как важный шаг на пути развития двустороннего военного сотрудничества.

По сообщению газеты «Вашингтон пост», со ссылкой на хорошо информированные дипломатические источники, значительное место в ходе переговоров Лемана с китайскими руководителями занимал вопрос о разрешении американским военным кораблям заходить в китайские порты, и китайские руководители «в знак расширения двустороннего военного сотрудничества» якобы выразили согласие «впервые более чем за 30 лет» удовлетворить соответствующую просьбу Вашингтона. Американский министр в свою очередь заявил о готовности США помочь Китаю в модернизации его военно-морского флота. Стороны обсудили вопрос о поставках КНР американской военно-морской технологии и договорились о различных формах сотрудничества между ВМС обеих стран, включая дальнейший обмен визитами и проведение переговоров на уровне командования ВМС¹⁶.

Военные связи и сотрудничество, как видим, налаживаются по всем направлениям, несмотря на то, что Вашингтон то и дело прибегает к прямым антикитайским акциям, с которыми Пекину приходится мириться. Разговоры о «согласии» и «стратегическом взаимодействии» между США и КНР не помешали окружению Рейгана при утверждении предвыборной платформы республиканской партии вновь заявить о своих симпатиях и фактически союзнических связях с тайваньским режимом: «Обеспечение свободы Тайваня по-прежнему остается одним из важнейших элементов нашей политики, и мы готовы помочь Тайваню защитить эту свободу». Вероятно, ради испытания принципиальности позиции Пекина в данном вопросе правительство США как раз в момент визита Чжан Айпина в Вашингтон заявило о своем намерении поставить Тайваню партию военно-транспортных самолетов по-

¹⁵ «Жэньминь жибао», 28.IV.1984.

¹⁶ In: "Washington Post", 23.VIII.1984.

вейшей модификации (в этом году администрация Рейгана решила увеличить поставки оружия тайваньскому режиму до 800 млн. долл., хотя по договоренности между Пекином и Вашингтоном их уровень не должен превышать 600 млн. долл. в год).

В дни пребывания Чжан Айпина в США американское правительство решило задержать и не представлять на ратификацию в конгресс соглашение о сотрудничестве в области использования ядерной энергии, которое было парафировано сторонами в Пекине во время визита Рейгана. Это было тем более неожиданно для китайской стороны, что данное соглашение преподносилось в Вашингтоне как чуть ли не главный результат визита президента¹⁷. По сообщениям американской печати, основной причиной задержки является то, что в соглашении отсутствует обязательство китайской стороны не допускать передачи американской ядерной технологии третьим странам, а такое обязательство, по мнению членов конгресса, необходимо особенно в свете того факта, что КНР не присоединилась к международному Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (к тому же появились сведения об участии китайских специалистов в разработке ядерного оружия, которая ведется в Пакистане). Правительство США предприняло попытку договориться с китайской стороной об уточнении ее позиции в указанном вопросе, с тем чтобы облегчить одобрение соглашения конгрессом. Но Пекин высказал недовольство по поводу того, что американская сторона осложняет дело, выдвигая «ненужные новые проблемы»¹⁸, и отказался дать ответ по существу.

Сообщалось также, что китайская сторона неоднократно обращалась к США с просьбой предоставить КНР долгосрочные кредиты под низкие проценты на тех же условиях, которые обеспечиваются другим развивающимся странам. Премьер Госсовета Чжао Цзыян во время своего визита в Вашингтон поставил также вопрос об изменении американского закона относительно помощи иностранным государствам, который лишает Китай права на получение такой помощи от США в силу его принадлежности к социалистическим странам¹⁹. Рейган обещал заняться этими вопросами, но никаких практических мер для изменения положения в пользу КНР не было принято.

В правящих кругах Вашингтона, по всей видимости, продолжается борьба по вопросам политики в отношении Китая, прежде всего по вопросу о военном сотрудничестве с ним, об оказании содействия наращиванию его военно-экономического потенциала. Четкого, перспективного курса в этой области пока не сложилось. «Республиканская администрация, — отмечает специалист по военно-стратегическим проблемам Б. Гэррет, — продолжает оставаться разделенной глубокими противоречиями в вопросе о глобальной стратегии Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу и роли, которая может быть отведена в ней Китаю»²⁰. Рейгану, выступающему с декларациями о дружбе и «стратегическом партнерстве» с Китаем, приходится действовать с определенной оглядкой: он вынужден учитывать целый ряд факторов, осложняющих дело.

Во-первых, в правящих кругах США, хотя и преобладают сторонники использования Китая как одного из главных рычагов давления на СССР, все же отдают себе отчет в том, что вооружение Китая в будущем может обернуться против долговременных интересов Америки, прежде всего в Азии. Противоречия между КНР и США лишь приглушены, но далеко не сняты. Надежды на то, что укрепление отношений с Китаем может отвлечь его внимание от Тайваня, помочь решить

¹⁷ In: "New York Times", 24.IV.1984.

¹⁸ Из заявления представителя МИД КНР от 20.VI.1984.

¹⁹ In: "National Herald", 12.III.1984.

²⁰ B. Garrett. The "China Card" and Its Origins. Washington, 1983, p. 268.

этот вопрос в пользу США, вряд ли можно считать обоснованными, реалистичными: в перспективе китайско-американский спор о Тайване, вероятно, вновь обострится. Как считают в США, Китай не может рассматриваться в конечном счете как надежный партнер Соединенных Штатов, и вооружать его небезопасно. Помощник госсекретаря Холбрук в 1980 г. (при администрации Картера), отмечая «стремительное сближение» между США и КНР, открыто признавал, что американцам приходится задумываться над тем, «как Китай решит использовать свое возросшее могущество и влияние» и «что может предвещать реализация китайского потенциала», «не вернутся ли китайцы к мнению о том, что другие должны признавать их центральную роль и превосходство в иерархии стран», «не окажется ли богатый и могущественный Китай экспансионистской державой»²¹. Сам Рейган разделял подобные взгляды, призывая «проявлять осторожность». «Я не хочу, — заявлял он после избрания президентом, — действовать так поспешно, чтобы в один прекрасный день оружие, которое мы предоставим им, было использовано против нас самих»²².

Во-вторых, в США публикуются материалы, которые подтверждают, что не только общественные круги Китая, но и часть его руководящих кадров настроены против чрезмерного крена политики правительства в сторону США, за преодоление конфронтации с Советским Союзом. Реальная возможность изменения, а тем более переориентации политики КНР побуждает администрацию Рейгана проявлять осторожность в вопросах содействия вооружению Китая.

В-третьих, содействие вооружению Китая противоречит политике США в отношении Тайваня, который остается предметом особых забот и покровительства со стороны администрации Рейгана. Характерно, что Вашингтон, подтверждая на словах принцип «единого Китая», в то же время отказывается признать суверенитет КНР над Тайванем, отстаивает на практике свою постоянную линию на закрепление ситуации «двух Китаев». Отчасти по данной причине, по мнению некоторых органов вашингтонской печати, Пекин осторожно относится к заключению сделок на приобретение американского оружия, опасаясь, «как бы американские официальные лица, которые выдвигают на первый план отношения с Тайванем, не воспользовались подобными сделками в целях осуществления дальнейших поставок военного снаряжения и техники на Тайвань»²³.

С другой стороны, недовольство линией США на развитие военного сотрудничества с КНР высказывают и деятели тайваньского режима, а вместе с ними влиятельные консервативные круги в США (прежде всего их протайваньская группировка, тесно связанная с президентом). Рейган вынужден считаться, особенно в преддверии президентских выборов, с настроениями консервативных кругов, являющихся основной опорой его политики.

В-четвертых, американское правительство не может не принимать во внимание и то, что многие союзники США и ориентирующиеся на них страны, особенно Япония, а также государства АСЕАН, выражают недовольство линией США на вооружение Китая и оказывают соответствующее воздействие на администрацию Рейгана. Представители указанных государств не раз заявляли в связи с визитом Рейгана в Китай о том, что, развивая сотрудничество с Пекином, Вашингтон совершает ошибку, рассчитывая направить китайскую мощь против Советского Союза. КНР, указывали они, может использовать эту мощь

²¹ Из выступления помощника госсекретаря Р. Холбрука в Национальном совете содействия американо-китайской торговле 4.VI.1980 (Department of State, Bureau of Public Affairs, Current Policy, N 187, Washington, 1980).

²² "Time", 5.I.1981.

²³ "Washington Post", 8.IX.1983.

против Юго-Восточной Азии. По сообщению американских газет, во время поездки госсекретаря Шульца по странам Юго-Восточной Азии в июле 1984 г. главы правительств Малайзии, Индонезии, Сингапура напомнили ему, что «получающий американскую помощь Китай может в дальнейшем доставить им лишь неприятности, если захочет распространить свою власть в южном направлении»²⁴. Военное ведомство Японии также неоднократно высказывалось против решений Вашингтона разрешить поставку оружия Китаю, подчеркивая, что такие решения принимаются «без достаточного анализа тех последствий, к которым этот шаг может привести в будущем»²⁵.

Примечательно, что помощник министра обороны Келли, выступая в конгрессе, был вынужден затронуть этот вопрос, чтобы предупредить критику в адрес правительственной администрации. «Системы, в отношении которых мы скорее всего согласимся сотрудничать, — заявил он, — носят оборонительный характер и не должны вызывать тревогу у наших друзей и союзников в этом районе... Воздействие на другие дружественные страны в этом районе и угроза дестабилизации отношений с Советским Союзом — это, пожалуй, одно из самых важных соображений, которые мы принимаем к сведению, разрабатывая свою политику в вопросе продажи вооружения» (одновременно Келли указал, что «необходимо проявлять осторожность, учитывая возможность какой-то другой ориентации Китая в будущем»).

В-пятых, в коммерческом плане военно-промышленные круги США не могут рассчитывать на большие прибыльные сделки с Китаем, поскольку он не в состоянии в настоящее время производить массовые закупки и предпочитает приобретать небольшие партии техники, в основном для копирования ее, а главным образом технологию, с помощью которой он смог бы сам производить необходимые вооружения. Предоставленные ему Соединенными Штатами кредиты почти не используются, поскольку они даны под высокие проценты, а это не устраивает китайцев, опасаящихся оказаться в финансовой кабале.

Все это заставляет главу Белого дома в известной мере отступать от заверений и обещаний, сделанных в адрес китайской стороны, маневрировать в вопросах оказания военной помощи КНР. Расчет был на то, что визит в Пекин и вытекающие из него практические мероприятия укрепят позиции Рейгана, но вновь возникающие трения китайско-американских отношениях угрожают перечеркнуть разрекламированные результаты визита. Нет сомнений в том, что «стратегическое партнерство», основанное на конъюнктурных корыстных расчетах каждой из сторон и подверженное воздействию постоянных глубоких противоречий между ними, не может быть прочным и перспективным. Общая заинтересованность империалистических кругов в использовании «китайского фактора» сама по себе еще не приводит к полному взаимодействию США и их союзников с Китаем, так же как заинтересованность Пекина в их содействии модернизации экономики и перевооружению КНР сама по себе не предупреждает столкновения интересов этой страны с политикой капиталистических держав. Тем не менее на нынешнем этапе отношений между КНР и США все очевиднее проявляется тенденция к их взаимодействию, направленному против третьих стран.

В настоящий момент трудно дать полную и точную оценку состояния китайско-американских военных связей. Западная печать называет эти связи «областью теневого сотрудничества», к которой руководство КНР предпочитает не привлекать внимание общественности, что-

²⁴ "New York Times", 15.VII.1984.

²⁵ «Майнити симбун», 19.VI.1981.

бы скрыть от нее действительное положение²⁶. Заметим, что китайские газеты обошли молчанием факт пребывания в США в течение месяца влиятельной военной делегации КНР (во главе с Чжан Пинном и Хэ Пинном). Не было сообщено и о том, что президент Рейган, по некоторым сведениям, якобы подписал в период пребывания Чжан Айпина в США документ, предоставляющий Китаю право на получение военной техники и кредитов в рамках программ продажи военного снаряжения иностранным государствам²⁷. Чжан Айпин специально обращался к американским представителям с просьбой «не разглашать содержание договоренности о двустороннем военном сотрудничестве»²⁸, а его визит «освещать как можно меньше»²⁹. Западные источники информации приписывают осторожность руководства КНР в отношении публикации подобных сведений его стремлению сохранить за Китаем ореол неприсоединившейся державы «третьего мира».

Видимо, Пекин не может не учитывать того, что в развивающихся странах, а тем более в социалистических странах, военные связи КНР с ведущей, самой агрессивной державой империалистического лагеря рассматриваются как фактор, усиливающий угрозу миру и безопасности в Азии. В этой связи нельзя не вспомнить, что у истоков китайско-американского военного сотрудничества стояли события в Индокитае и Афганистане, где Пекин и Вашингтон впервые нащупали почву для «параллельных действий» против народов этих стран. На нынешнем этапе партнерства Китая и Соединенных Штатов Социалистическая Республика Вьетнам, Кампучия, Афганистан, а также Индия и другие соседи КНР продолжают оставаться объектом подрывных акций, согласованных между партнерами. Вашингтон заинтересован в том, чтобы между КНР и ее соседями постоянно поддерживались вражда и конфронтация — именно на это направлены его декларации о готовности к военному сотрудничеству.

Китайское руководство склонно подчеркивать «самостоятельность, независимость» курса своей политики. Но многое из того, что делается им на внешнеполитической арене, плохо согласуется с таким курсом. Это относится прежде всего к примиренческой позиции Пекина в отношении враждебной Китаю опеки Соединенными Штатами тайваньского режима, непризнания ими суверенитета КНР над Тайванем, что несет унижение национальному достоинству китайского народа. А разве отвечает интересам КНР поддержка ею гонки вооружений в США, оправдание милитаристского курса администрации Рейгана, солидарность с форсируемой Вашингтоном милитаризацией Японии; наконец, молчаливое одобрение планов сколачиваемого нового военного блока США — Япония — Южная Корея, направленного не только против КНДР и других социалистических стран, но в конечном счете и против самого Китая. Все это — очевидная уступка Западу в расчете на его помощь и содействие.

Вполне понятно, что широкие круги общественности стран Азии настороженно относятся к стремлению США, Запада в целом, активизировать партнерство КНР и США и, особенно, к расширению военного сотрудничества между ними.

²⁶ In: "Christian Science Monitor". 25.IV.1984.

²⁷ In: "Far Eastern Economic Review", 28.VI.1984.

²⁸ «Майнити симбун», 28.VI.1984.

²⁹ "Far Eastern Economic Review", 28.XI.1984.

Социально-экономическая характеристика китайского крестьянства

(Сравнительный анализ полуфеодального китайского
и мелкобуржуазного русского крестьянства)

*А. С. МУГРУЗИН,
кандидат экономических наук*

Крестьянство, класс мелких производителей, работающих на земле, прошло огромный исторический путь — от первобытно-общинного строя вплоть до социализма. Сохраняя некоторые общие свойства, крестьянство в разные исторические эпохи приобретает специфические черты, определяемые господствующими отношениями той или иной общественно-экономической формации¹. В связи с этим встает вопрос о типах крестьянства, характерных для разных исторических эпох.

Методологическая основа типологического подхода к крестьянству разработана в трудах классиков марксизма-ленинизма и прежде всего в теории формаций, которая описывает различные, исторически определенные типы общества. В зависимости от типа общества, степени развития производительных сил и надстройки меняется или модифицируется хозяйственная организация, сущность отношений внутри крестьянских хозяйств, направление и сущность их экономических и социальных связей и пр.² Разработанная в «Капитале» К. Марксом теория земельной ренты показывает нам материальную основу производственных и социальных изменений, происходящих в недрах феодализма при переходе к капитализму.

В. И. Ленин рассмотрел теоретические проблемы разложения феодализма и становления капиталистического способа производства на конкретном материале России. Им подробно исследовано влияние капиталистического рынка на сельскохозяйственное производство, описаны процессы социального расслоения крестьянства, новые типы сельского населения и пр. Исходя из того, что аграрно-крестьянский вопрос является «гвоздем» буржуазно-демократической революции в России, В. И. Ленин разработал аграрную программу и основы аграрной политики социал-демократической партии. Ему принадлежит также кооперативный план как важнейшая составная часть строительства социализма в СССР³.

Множественность типов крестьянства приобрела особое значение в связи с проблематикой развивающихся стран. Изучение развивающихся стран выявило картину необыкновенного разнообразия обществ этих стран, многообразия экономического и социального состояния крестьянства. Выяснилось, что многие привычные определения в отношении крестьянства этих стран «не работают» или «работают» плохо⁴. Так, например, употребление понятий «бедняк», «средняк», «кулак» способно привести к недоразумениям и ошибкам, поскольку в них мы произвольно вкладываем привычное нам содержание типов сельского на-

¹ См., например: Экономическая энциклопедия, т. 2. М., 1975, с. 299—300.

² См. там же; Аграрные структуры стран Востока. Генезис, эволюция, социальные преобразования. М., 1977, с. 6—10.

³ См.: Экономическая энциклопедия, т. 2, с. 346—348.

⁴ См.: В. Г. Растворников. От редактора. — В кн.: Аграрные структуры стран Востока..., с. 3—5.

селения такого общества, которое находится в процессе быстрой капиталистической трансформации. Высокие показатели обнищания крестьянства принимаются за социальную его дифференциацию, что ведет к выводам об остроте классового антагонизма в деревне и готовности крестьянства к аграрной революции. То же самое можно сказать о «товарном хозяйстве»: показатели попадающей на рынок продукции могут приниматься за уровень товарности крестьянских хозяйств, что приводит к преувеличению мелкобуржуазной трансформации крестьянства вплоть до того, что большая его часть будет рассматриваться как «мелкобуржуазная масса»⁵.

В советской литературе проблема типов крестьянства остается неразработанной⁶. Ниже будет сделана попытка показать разницу между мелкобуржуазным и традиционным (феодалным) крестьянством восточного типа на примере сравнения русского крестьянства с китайским. Говорят, что истина познается в сравнении, а из всех возможных сравнений нашему читателю наиболее знаком русский прототип.

Изучение в советской литературе китайского (и шире — восточного) крестьянства с марксистских позиций — это особая важная и сложная тема, нуждающаяся в специальном рассмотрении; она не может быть освещена в рамках данной статьи⁷. Проблема типов крестьянства во

⁵ Подобные выводы редко встречаются в «чистом виде», чаще приходится сталкиваться со сложными логическими построениями. Как пример можно указать на позицию опытного исследователя А. И. Левковского, который зачисляет практически все крестьянство развивающихся стран в мелкобуржуазную массу. См. его книгу «Социальная структура развивающихся стран. (Проблемы многоукладного, переходного общества)». М., 1978, с. 87—119.

Неразработанность вопроса о типах крестьянства и критериях, их разделяющих, ведет к утверждениям, будто во всех социалистических странах после аграрных реформ преобладающим по численности стал мелкотоварный уклад. Это якобы предопределяло сходство социально-экономического развития деревни в переходный период всех социалистических стран. — См.: Экономическая энциклопедия, т. 2, с. 304.

Считается, что в Китае после завершения аграрной реформы «мелкотоварное единоличное крестьянское хозяйство... представляло собой наиболее распространенную форму хозяйства». — См.: Сельское хозяйство КНР, 1949—1974. М., 1978, с. 29—31.

⁶ Советские авторы констатируют зависимость состояния крестьянства от типа общества и первоочередную важность выяснения вопроса «о какой социальной общности, включающей крестьянство, идет речь» (см. В. Г. Растьяников. Указ. соч.). Иногда употребляется выражение «тип крестьянства», но авторы не поясняют его подробно, полагая, видимо, вопрос второстепенным. — См.: Зарубежный Восток и современность, т. 2. М., 1980, с. 110 и далее. Иногда авторы вплотную подходят к проблеме: «...нынешняя социальная природа (крестьянства. — А. М.) определяется характером сельской среды и господствующих в ней социальных отношений, которые в большинстве стран остаются традиционными... различие традиционное крестьянство по своей социальной природе во многом отличается от крестьянства буржуазного общества». Из этого следует, что именно здесь нужно искать корни отличий политического поведения крестьянства, однако, авторы сразу же упускают проблему из виду, переходя к другим вопросам. — См.: Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983, с. 316.

Отсутствие типологического подхода к крестьянству особенно чувствуется в тех случаях, когда делаются попытки классификации развивающихся стран. — См.: Н. А. Длин. Специфика социально-экономического развития несоциалистических стран Азии. М., 1978.

Проблема типов крестьянства «витает в воздухе» и уже рассматривается, но пока лишь в этнографическом и сравнительно-социальном аспектах. — См.: А. В. Гордон. Вопросы типологии крестьянских обществ Азии. М., 1980; Ж. Д. Смирнская. Крестьянство в странах Азии: общественное сознание и общественная борьба (опыт сравнительно-регионального исследования). М., 1979.

⁷ Историкографический анализ общей постановки крестьянского вопроса в Китае Коминтерном и Компартией Китая см. в работе В. И. Глунин, А. С. Мугрузин. Крестьянство в китайской революции. — В кн.: Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982, с. 111—120. Эта часть работы написана В. И. Глуниним. См. также: Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. Сборник документов. М., 1934; М. А. Чешков. Анализ социальной структуры колониальных обществ в документах Коминтерна (1920—1927). — В кн.: Коминтерн и Восток. Борьба за ленинскую стратегию и так-

многих отношениях тема комплексная, требующая подведения итогов изучения состояний крестьянства, в различных странах которым занимались десятки и сотни советских исследователей.

Одну из ранних попыток типологического подхода к восточному крестьянству мы находим в работе Р. А. Ульяновского, в которой он провел интересное сравнение результатов аграрной эволюции Индии и России⁸. Он справедливо указал на то, что аграрный строй Индии в отличие от Германии и России конца XIX — начала XX в. «не знает помещичьего барщинного земледелия» и поэтому «...отсутствует исторически сложившаяся основа для «прусского» пути развития помещичье-барского хозяйства»; в результате чего «общественные условия в индийском сельском хозяйстве... оказались в десятки раз менее благоприятными для проникновения капитализма в земледелие через помещика...»⁹. Здесь же был сделан важный вывод: «...главнейшей причиной, затрудняющей возможность успеха «прусского» буржуазного пути развития индийского сельского хозяйства, является сама колониально-империалистическая монополия»¹⁰. В этих словах можно усмотреть основу разработанной в последние годы концепции зависящего развития и консервативной капиталистической эволюции (В. В. Крылов и др.), качественно отличающейся как от «американского», так и от «прусского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве¹¹. Следует, конечно, иметь в виду, что теоретические построения 20—30-х годов производились на явно недостаточном фактическом материале. Как было сказано выше, только огромное расширение фронта востоковедных исследований позволяет сейчас сделать новые, значительно более точные выводы.

* * *

В новейшее время в Китае существовал иной тип крестьянства, чем в России, что имело важные исторические последствия, проявившиеся в различных формах и степени участия крестьянства в революции, реальной аграрно-крестьянской политике, которую пришлось проводить, чтобы завоевать крестьянство на свою сторону.

В России в конце XIX — начале XX в. сложился мелкобуржуазный тип крестьянства со своими группами сельского населения. Мелкобуржуазная природа русского крестьянства отчетливо проявилась в его требовании ликвидации помещичьего землевладения как отжившего и исчерпавшего возможности прогрессивного развития, а затем, после победы Октябрьской революции, — в требовании свободы рынка для реализации своих возможностей как товаропроизводителей. Добровольное производственное кооперирование такого крестьянства было возможно только на базе новой, машинной техники, обеспечивающей качественный рост производительности труда, и после подготовительных мероприятий по кооперированию обращения — организации сети снабжен-

---

тику в национально-освободительном движении. М., 1969, с. 192—216. Из наиболее крупных работ советских китайцев можно отметить: Л. П. Делюсин. Борьба Компартии Китая за разрешение аграрного вопроса. М., 1964; он же. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921—1928). М., 1972; А. С. Костяева. Крестьянские союзы в Китае (20-е годы XX века). М., 1978; А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. (проблемы стратегии и тактики). М., 1980. Проблемы социально-экономической трансформации аграрного строя Китая рассматриваются в монографиях: О. Е. Непомнин. Экономическая история Китая, 1894—1914. М., 1980; А. В. Меликсетов. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае, 1927—1949. М., 1977; А. С. Мугрузин. Аграрные отношения в Китае в 20—40-х годах XX века. М., 1970.

⁸ У. Рославлев. Аграрный кризис в Индии. М., 1932, с. 63—64.

⁹ Там же, с. 61—62, 63.

¹⁰ Там же, с. 60.

¹¹ См.: Зарубежный Восток и современность, т. 2. М., 1980, с. 35 и далее.

ческо-сбытовых и кредитных кооперативов (кооперативный план В. И. Ленина).

В Китае до победы революции огромное большинство составляло крестьянство феодального традиционного восточного типа. Этот тип сформировался в ходе исторического развития Китая в условиях огромного народонаселения, нехватки земель, ограниченных возможностей ручной техники, высокой трудоемкости и чрезвычайно мелких размеров хозяйств. Во многих отношениях традиционное и мелкобуржуазное крестьянство различаются между собой принципиально, поскольку они являются продуктом разных исторических эпох.

В России, где разложение феодального крестьянства достигло крайней степени и назрел буржуазно-демократический переворот, главным лозунгом крестьянства в буржуазно-демократической революции было требование земли. Это был «гвоздь» аграрного вопроса, о чем свидетельствует как поведение крестьянства, которое «давило снизу», захватывало помещичьи земли и громило помещичьи усадьбы в 1905—1906 гг. и в 1917 г., так и тысячи резолюций крестьянских сходок, их петиции и указы.

В Китае, кроме отдельных фактов, к тому же отнюдь не однозначных, ничего подобного не было. Главный вывод, к которому приводит исследование содержания крестьянских требований, сводится к тому, что вопрос о земле не ставился крестьянством в практическую плоскость. Реальные требования крестьянства в новейший период отличались пестротой и дробностью, зависимостью от чисто местных условий. Разница в поведении русского и китайского крестьянства в революции свидетельствует о кардинальном различии их общественно-политического «лица».

Наш анализ основных различий между традиционным и мелкобуржуазным крестьянством построен на основе сравнения китайского крестьянства с русским. Начнем с краткой производственной характеристики. В 1913 г. сельское население России составляло 130,7 млн. человек, урожай зерновых — 86 млн. т, или 658 кг на душу сельского населения¹². В Китае в 1952 г., когда, как считается, сельское хозяйство полностью восстановилось и даже несколько превзошло наивысший уровень старого Китая, было произведено 163,9 млн. т продовольственных культур (включая сою и клубнеплоды из расчета 4 : 1), сельское население насчитывало 503,2 млн. человек, а производство на душу сельского населения достигло 325,7 кг¹³, или около половины от уровня царской России.

Уровень производства зерна, то есть важнейших жизненных средств, можно рассматривать, особенно для Китая, как первостепенный показатель возможного уровня товаризации сельского хозяйства. Чем ближе уровень производства к уровню его потребления, тем большая доля населения будет занята производством основных жизненных средств (и прежде всего продовольствия). И наоборот, чем выше уровень производства продовольствия, чем больше он превышает уровень потребления занятых его производством, тем при прочих равных условиях, выше возможности специализации сельского хозяйства и отрыва новых масс сельского населения для промышленных занятий.

Имеются данные за 1952 г. об уровне производства продовольствия в Китае по группам районов в килограммах зерна на душу населения¹⁴.

¹² Подсчитано по: ЦСУ СССР, Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с. 7, 194.

¹³ Подсчитано по: Китайский сельскохозяйственный ежегодник. 1980. Пекин, 1981, с. 4, 5, 34; Китайский статистический ежегодник. 1981. Пекин, 1982, с. 89, 105, 132, 143 (на кит. яз.).

¹⁴ См.: Ли Чэньжуй. Очерк истории сельскохозяйственного налога в КНР. Пекин, 1959, с. 134 (на кит. яз.).

Группа районов	Среднегодовое производство на душу, кг	Число уездов и городов	Сельское население, %	Валовое производство, %
1)	900	107	3,0	8,5
2) «А»	625	145	5,7	10,8
3)	450	257	11,1	14,8
4 «Б»	350	523	24,4	25,4
5)	250	834	41,4	32,6
6) «В»	150	343	55,8	40,5
			14,4	7,9

Как видно из таблицы, 1, 2, 3-я группы районов (районы «А») имели уровень производства выше среднего по стране; 4-я группа имела средний для страны уровень производства (районы «Б»); 5, 6-я группы районов имели уровень производства ниже среднекитайского (районы «В»).

Средними по уровню производства, судя по данным таблицы, были районы, производящие по 350 кг зерна на душу. Много это или мало? По расчетам наших экономистов, минимальное потребление в условиях Китая определяется в 250 кг на душу¹⁵. Сюда нужно добавить минимальные хозяйственные потребности в зерне.

Остаток показывает, сколько реально можно было отчуждать на сторону без ущерба для хозяйства — в среднем (районы «Б») — около 50 кг на душу сельского населения (менее 15 % валовой продукции). В районах «В» проживало 55,8 % сельского населения, которое уже по уровню своего производства основного жизненного блага — хлеба — могло ставить перед собой только задачу пропитания; в том числе 14,4 % сельского населения испытывало острый дефицит в хлебе. Около 20 % сельского населения имело излишки и могло продавать их на рынке (хотя значительные излишки имело только меньше половины из них).

В 1952 г. уровень производства изменился еще незначительно по сравнению со старым Китаем, поэтому таблица может иллюстрировать производственные возможности крестьянства в предыдущие годы (подобных сведений по старому Китаю не имеется). В старом Китае наблюдались большие различия в доходах между группами крестьянства и внутри них из-за неравномерности феодальной эксплуатации (налоговой, рентной и торгово-ростовщической). Поэтому возможная сфера свободного крестьянского товарного производства сокращалась не менее чем вдвое, соответственно сокращалась и численность мелкобуржуазного слоя в составе крестьянства.

Можно полагать, что с учетом гнета феодальной эксплуатации уже не 55,8 % крестьян, а значительно больше (более $\frac{2}{3}$ всех крестьян) не могли стать товаропроизводителями, имея целью только пропитание; в китайских условиях это и было крестьянство традиционного типа.

Уровень сельскохозяйственного производства России обычно считается низким, но он оказывается высоким по сравнению с его уровнем в Китае. Русское трудовое крестьянство имело излишки и торговало ими на рынке. Оно подлаживалось под его запросы и на практике знакомилось со сферой торговли, городской жизнью и т. д. Перед первой мировой войной в сельском хозяйстве России применялось свя-

¹⁵ Эти данные сообщены автору Л. Д. Бонн. См. также: Е. Е. Яшнов. Сельское хозяйство Китая в цифрах. Харбин, 1933, с. 45. В 1952 г. потребление зерна сельским населением составило 237 кг на душу. Реальная товарность зерна составила 20,9 млн. т из 163,9 млн. т, или 12,8 % валового производства. См.: Л. Д. Бонн. Механизм изъятия товарного зерна в КНР (50-е годы). — Китай: государство и общество. Сб. статей. М., 1977, с. 277 и источники, указанные в сноске 8. Эти средние цифры прямо относятся к районам «Б».

ше 800 тыс. жатвенных машин, 27 тыс. паровых молотилок и прочей техники¹⁶.

В Китае полностью отсутствовала современная сельскохозяйственная техника. Насильственная связь крестьян с рынком начисто лишала рынок «познавательного» и «воспитательного» значения. Кругозор крестьян был ограничен деревней и ее делами, крестьяне не знали жизни городов, не представляли значение событий в мире вне деревни.

Можно сделать вывод, что китайское крестьянство, традиционное в своем большинстве, как производящая сила стояло значительно ниже русского мелкобуржуазного крестьянства по экономическому потенциалу, что уже одним этим ограничивало возможности его мелкобуржуазной трансформации. Скромные возможности производственной сферы в значительной мере элиминировались системой эксплуатации докапиталистического феодального типа.

Обратимся к сравнению системы эксплуатации крестьянства в двух странах. В России роль государства как эксплуататора крестьянства была второстепенной и на первом месте стояла помещичья поместная система. Норма госналога («десятина») примерно равнялась китайской, но из-за более высокой производительности труда налог, как правило, оставлял среднему крестьянину какой-то избыток. Именно среди государственных крестьян проявлялся экономический подъем, возрастали связи с рынком, наблюдались прогрессивные изменения.

Принципиальным было положение крепостных крестьян: норма помещичьей эксплуатации (в основном отработочная рента, да и денежный оброк) была значительно выше нормы государственного налога, уплачиваемого государственными крестьянами. Товарная продукция поступала на рынок от помещиков, а большинство крестьянских хозяйств были полунатуральными и ставили перед собой только цель пропитания. В районах преобладания крепостной системы крестьянство было задавлено тяжелой помещичьей эксплуатацией, прогрессивные хозяйственные изменения были слабыми, классовое расщепление на два полюса было заторможено.

После отмены крепостного права в 1861 г. бывшие крепостные были обязаны выкупать землю, система отработок сохранялась, в связи с чем феодальные пережитки еще долго давали о себе знать, обрекая бывшие районы крепостничества на замедленные темпы развития. При всем том после 1861 г. развитие капитализма и в этих районах заметно ускорилось.

В России середины и конца XIX в. разложение феодализма проявлялось в числе прочего в упадке поместной системы и появлении сильного и многочисленного мелкотоварного уклада. Крестьяне приобретали экономическую самостоятельность, теряли интерес к общине и тяготились привязанностью к помещью. Из мелкотоварного уклада начал выделяться мелкокапиталистический уклад. Сами феодальные поместья тоже эволюционировали в капиталистическом направлении. В результате более или менее однородная крестьянская масса, внутри которой наблюдались только имущественные различия, начала расщепляться по классовому признаку.

В России в результате ускоряющегося развития мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов завершалось разложение традиционного крестьянства и превращение его в крестьянство мелкобуржуазное. Из единой некогда крестьянской массы формировались новые слои сельского населения. Русский кулак — это не просто богатый крестьянин, но сельский эксплуататор, трансформировавшийся в предпринимателя, капиталистического фермера. Середняк — не столько средний по достатку крестьянин, сколько синоним крепкого хозяина,

¹⁶ См.: И. И. Минин. История Великого Октября, т. 2. М., 1977, с. 53.

владельца своих средств производства, мелкобуржуазного по экономической сути и психологии. Соответственно русский бедняк — отнюдь не всего лишь полуразоренный крестьянин, но, по существу, полупролетарий, получавший значительную, а то и преобладающую, часть своих жизненных средств от работы по найму¹⁷.

В России через рынок опосредствовались главным образом отношения капиталистического типа, хотя и осложненные феодальными пережитками, которые, как известно, тормозили поступательное развитие деревенской экономики. Через рынок происходила реализация продукции сельскохозяйственных предприятий капиталистического типа — помещичьих имений, претерпевавших капиталистическую трансформацию, и набирающего силы мелкокапиталистического уклада, а также реализация избыточной продукции середняцких крестьянских хозяйств. Для нарцельного крестьянства возрастала роль рынка труда, поскольку все большую долю своего дохода оно получало от продажи рабочей силы.

В конце XIX — начале XX в. хозяйственная система русской деревни уже была ориентирована на рынок, удовлетворяла его нужды; в связи с этим происходило быстрое разложение крестьянства и превращение его в мелкобуржуазную массу. Игра рыночных цен позволяла крестьянам получить выгоду, хотя нередко им приходилось терпеть убыток. Связи русских крестьян с рынком были относительно свободными и прямыми; во всяком случае, в России не наблюдалось такого повсеместного засилья помещиков и местных монополистов на рынках, как это было в Китае.

Расширение рынка отражало разделение труда и специализацию сельскохозяйственного производства, что было выгодно всему крестьянству в целом. Через рынок были опосредствованы все связи крестьянских хозяйств с внешним миром, причем значение этих связей возрастало. Поскольку на рынок шла в основном продукция, специально предназначенная для реализации на рынке, и избыточная продукция хозяйств, то среди крестьян не наблюдалось и не могло наблюдаться антирыночных настроений¹⁸, столь широко распространенных среди крестьянской бедноты Китая. Разрыв рыночных связей отбросил бы русскую деревню на несколько десятилетий назад, поскольку вызвал бы натурализацию хозяйства и лишил бы крестьянство несомненных и очевидных для него выгод разделения труда и специализации.

В России происходило быстрое разложение традиционных связей, в том числе важнейшей из традиционных общностей — общины, их место постепенно занимали классовые, устанавливающиеся на основе осознания общности интересов. Ареной борьбы этих новых сил становилась община, которая в результате разлагалась и теряла свое значение. Новые политические организации — партии — были активны в городах, но их представители проникали в деревню, вербуя себе там новых сторонников. Даже когда это не происходило (или происходило в минимальной степени), то все же из-за постепенного и последовательного изменения своего положения крестьяне подготавливались к восприятию новых представлений и взглядов.

В Китае первым эксплуататором крестьянства было и оставалось до 1949 г. государство, хотя его роль заметно снижалась. В аграрном строе традиционного Китая государственные институты играли роль структурообразующего элемента. Наряду с обычными функциями внешней и внутренней социальной защиты, они несли также важнейшие производственные и социальные функции: организации крупных общественных работ и управления наиболее крупными ирригационны-

¹⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 164—180.

¹⁸ См. там же, т. 43, с. 205—245; т. 45, с. 369—377.

ми системами и путями сообщений, создания и распоряжения страховым фондом продовольствия (хлебозапасные магазины и хранилища) и пр.

В традиционном Китае к этим институтам примыкала разветвленная система местных органов обеспечения производственных и социальных функций, деятельность которых обеспечивалась доходами от «общественных» земель. В новое и новейшее время наблюдалось активное расхищение этих земель, снижение «качества» функционирования традиционных социальных структур из-за эгонистического поведения помещиков, сельской элиты в связи с повысившейся тягой к обогащению.

К началу XX в. вся эта традиционная система обеспечения нормального функционирования производственной сферы пришла в полный упадок, система социального страхования бездействовала, так как общественные хранилища были пусты, ирригационные сооружения, каналы не ремонтировались и приходили в запустение, сельские общины подвергались разграблению со стороны солдат и туфзев (местных разбойников); чиновничество, аппарат сбора налогов погрязли в коррупции.

Теряя свои регулирующие и организаторские функции, государственный аппарат исправно служил после падения монархии новым хозяевам — милитаристам. Традиционная налоговая система стала экономической основой милитаристских режимов, которые до предела завинчивали налоговый пресс. Государственная эксплуатация продолжала оставаться основной для большинства крестьян. Средневековая государственная налоговая система стала главным препятствием для производительных сил в сельском хозяйстве: она тормозила как имущественное расслоение крестьян, так и развитие помещичьей системы. Наиболее заметным новым явлением был рост помещичьего землевладения.

В связи с упадком традиционных функций государства и развитием товарного хозяйства наблюдалось разрастание помещичьего землевладения. Помещичья система, особенно в Центральном и Южном Китае, выдвинулась на первый план и стала играть структурообразующую роль, оспаривая ее у местных органов государства. Усилились экономические позиции и политическая активность класса помещиков и появились признаки раскола в их среде на лагеря Севера и Юга. Заметное участие слоев класса помещиков в революциях 1911 и 1925—1927 гг. можно объяснить только политической пассивностью крестьянства¹⁹.

Весь «лимит» позитивных изменений, претерпеваемых помещичьей системой, исчерпывался медленным процессом консервативной капиталистической эволюции помещиков²⁰. Главным фактором этой эволюции было превращение в товар взимавшейся ими натуральной земельной ренты, однако, без каких-либо изменений в сущности отношений между помещиком и арендатором, кроме традиционного ужесточения эксплуатации при избытке труда и возрастания соперничества крестьян за право аренды земли.

¹⁹ См.: А. С. Мугрузин. Формы эксплуатации крестьянства в средневековом Китае. — «Народы Азии и Африки», 1983, № 5, с. 42—52.

²⁰ Концепция консервативной капиталистической эволюции аграрных отношений в развивающихся странах, разработанная советскими исследователями в последние годы (хотя догадки высказывались раньше), имеет особое значение для нашей темы, поскольку она рационально объясняет разительное противоречие между максимальной для данных хозяйственных условий товаризацией крестьянской продукции и крайним архаичным социально-классовым состоянием крестьянства. Недочет этого обстоятельства приводил к ошибкам в оценке уровня развития капитализма в деревне и мелкобуржуазности крестьянской массы (см. также сноски 8, 9, 10, 11).

По мнению прогрессивных русских экономистов, товарность сельского хозяйства России была искусственной и достигалась за счет недоедания крестьянства. Что в таком случае можно сказать о китайском крестьянстве? Голод в китайской деревне был «нормальным» явлением, как «нормой» было вымирание беднейшей части крестьян. Поэтому для бедноты цель производства можно определить точнее не как пропитание, а как выживание.

Несмотря на чисто потребительские цели крестьянского производства, больше половины производимой крестьянами продукции попадало на рынок. Но эта «товарность» была фиктивной, так как большая часть проданного продовольствия выкупалась крестьянами обратно: они продавали, чтобы сделать срочные платежи, а потом покупали, на деньги, заработанные от занятий подсобными промыслами и от продажи рабочей силы. Не всегда подобные «торговые операции» были для них удачны: скачки цен, сбыт произведенных ими продуктов питания на других рынках лишал их возможности выкупить свое продовольствие.

Высокие показатели реализуемой на рынке продукции, должныствующие, как будто, вызывать мелкобуржуазные настроения среди крестьянства и его заинтересованность в связи с рынком, на деле свидетельствовали об обратном. Высокая «товарность» вызывалась непосильной налоговой и рентной (помещичьей) эксплуатацией, вела к насильственной связи с рынком, порождая антирыночные настроения. О характере такой «торговли» говорилось выше. Через рынок были опосредствованы именно отношения докапиталистической эксплуатации. Прямые, относительно свободные связи с рынком имела незначительная часть сравнительно зажиточного крестьянства, которая действительно заражалась рыночными настроениями и превращалась в мелкую буржуазию, хотя этот процесс происходил медленнее, чем в России, поскольку встречал множество препятствий.

Несмотря на чрезвычайно низкий уровень производства, китайское крестьянство подвергалось тяжелой, фактически непосильной для него феодальной эксплуатации, что вело к «раскрестьяниванию» — лишению средств производства все более широких слоев. Основная масса крестьянства подвергалась процессу пауперизации, в связи с чем количество бедноты возрастало, но далеко не все «бедняки» превращались в пролетариев и полупролетариев. Процесс пауперизации захватывал и средние слои крестьян, в связи с чем появился многочисленный пласт «незажиточных середняков», которые не смогли стать экономически самостоятельными и находились в крайне неустойчивом положении. Выделяющийся слой богатых крестьян чрезвычайно слабо эволюционировал в сторону преобразования в класс сельских предпринимателей, предпочитая старые полуфеодальные методы эксплуатации — ростовщичество, сдачу земли в аренду и пр.²¹

Пауперизация крестьянства отнюдь не способствовала складыванию новых слоев сельского населения, поскольку процесс имущественной дифференциации сопровождался изменениями главным образом в пределах традиционной социальной стратификации. Богатый крестьянин, если он не разорился, эволюционировал в сторону слияния с помещиками. Разоряющаяся беднота лишь в незначительной степени превращалась в пролетариев и полупролетариев. Немногочисленный слой батраков тонул в огромной паупер-люмпенской массе.

В Китае разложение крестьянства на мелкую буржуазию и сельский полупролетариат сильно тормозилось из-за полуколониального положения страны и почти непрерывных милитаристских войн. Перпо-

²¹ См.: А. С. Мугрузни. О революционном потенциале китайского крестьянства. — «Народы Азии и Африки», 1981, № 6, с. 40 и далее.

ды спокойной обстановки в стране обычно приводили к оживлению хозяйственной деятельности, расширению товарного обращения, стимулировали переход крестьян к возделыванию выгодных товарных культур, расширению рынка труда и возможностей отходничества. Милитаристские войны прерывали хозяйственные связи между районами, вызывали свертывание торговли, сокращение отходничества, порождая у крестьян тенденцию к натурализации хозяйственной жизни. Смена одной превалирующей тенденции другой, противоположной и не менее сильной, обстановка неуверенности порождали в массе крестьянства разноречивость устремлений и лишали возможности понять свое объективное положение и интересы. Действие противонаправленных тенденций не давало отдельному слою крестьянства подняться на следующую ступень социальной эволюции или даже просто закрепиться на достигнутой. Например, китайские крестьяне-бедняки затруднились осознать свое положение полупролетариев. Указанные тенденции вызывали «застывание» на традиционной стадии сознания, причем значение традиционных связей для упрочения своего положения даже повышалось.

В китайской деревне наблюдалось деление на «всех имущих» и «всех неимущих», но оно не имело ничего общего с классовым делением. Большая часть «трудового крестьянства» находилась в союзе с верхами деревни. Наиболее весомая в производственном отношении часть бедного крестьянства тоже тянулась к верхам; в результате союз «трудового крестьянства» с наиболее активной (и «революционной») частью деревенского населения — пауперами, был крайне затруднен, а чаще — просто блокирован расколом.

В китайской деревне важнейшей социальной силой оставались традиционные корпоративные организации: кланы (союзы кровнородственных семей), общины, религиозные общества, тайные союзы («хуэй-даны») и пр. Обычно организации подобного типа включали все слои сельского населения, и во главе их часто оказывались представители сельской верхушки²².

Ужесточение эксплуатации вело к пауперизации крестьянства, возрастанию неустойчивости широких его слоев, вызывало необходимость во внешней поддержке. Зависимость крестьян от помещиков была связана преимущественно с потребностью в земле; от кулаков — главным образом с потребностью в рабочем скоте и других средствах производства, от купцов, ростовщиков — с нуждой в заемных средствах. Известные данные об увеличении числа арендаторов — это и признак пауперизации, и свидетельство усиления поземельной зависимости крестьянства от помещиков.

Возрастание хозяйственной неустойчивости повышало в глазах крестьян ценность традиционных корпоративных организаций, которые в какой-то степени могли оказывать им поддержку и защиту; в связи с этим повышалась жизненность многих традиционных организаций, укреплялись традиционные представления и взгляды. Усиление эксплуатации заставляло крестьян сделать вывод о неблагоприятном направлении происходящих перемен из-за отхода от древних правил и норм, о ценности традиций и необходимой борьбы за их сохранение. В тоске по «утраченной» справедливости — корни реакционного движения за средневековый, традиционный, феодальный социализм. Возрастающее влияние верхов деревни на крестьянство проявлялось в повышении их роли в корпоративных организациях, расширении возможностей манипулирования крестьянским движением в своих целях. Примерами

²² См.: В. И. Глунин, А. С. Мугрузин. Крестьянство в китайской революции. — В кн.: Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982, с. 138—139.

могут служить многие сюжеты движения «Красных пик»²³ и ожесточенная борьба внутри и между крестьянскими союзами сторонников и противников КПК в годы революции 1925—1927 гг. В периоды подобных социальных катаклизмов становилась актуальной опасность реакционных, в частности монархических, выступлений части крестьянства.

Наряду с возрастанием влияния верхов деревни в корпоративных организациях наблюдалась напряженность внутри них в связи с усилением эксплуатации. Становились возможными поляризация их состава, раскол и завоевание их изнутри. Хуже всего были попытки прямой конфронтации с традиционными организациями. Стремление разорвать традиционные связи без достойной в глазах крестьян замены было равносильно покушению на священные древние традиции. Нужен был длительный спокойный период без напряженной социальной борьбы, без необходимости делать немедленный выбор. Требовалось проведение умеренной тактики в общенациональном масштабе, чтобы сблизиться с крестьянством, наладить регулярные связи, не «пугая» крайностями и не оскорбляя верований и предрассудков.

Таким образом, социальный и экономический кризис возбуждал в крестьянстве прежде всего настроения «возврата» к патриархальным старым порядкам посредством чистки чиновничества, восстановления сильной центральной власти для контроля чиновничества, наведения «порядка», соблюдения традиционных норм налоговой и рентной эксплуатации. Это была «программа-минимум», которую верхи деревни могли ему обещать и даже в каком-то объеме выполнить. Но крестьянская беднота, очень многочисленная в Китае, имела и свою «программу-максимум», которая была основана на неопределенных идеях абсолютного равенства имущества, системы социального страхования и поддержки, исключающих опасность разорения и пр.

Традиционные корпоративные организации в деревне отнюдь не разлагались и не теряли своего значения. Обычно они ставили своей целью защиту групповых интересов и оказание взаимопомощи своим членам. Эти организации соответствовали уровню сознания крестьян и их главной задаче — защитить свои традиционные права, остановить разорение, вернуть к норме традиционные патриархальные отношения.

В таких условиях новые организации не могли сразу же заменить старые, традиционные. Крестьянские союзы, призванные по идее быть массовыми организациями трудового крестьянства, на деле часто оказывались лишь сменившими «вывеску» традиционными организациями (типа хуэйданов) и боролись за свои узкие, групповые, интересы. Вся история этих организаций — это история, во-первых, крайне сложной и длительной работы по ограничению и искоренению влияния деревенской элиты внутри крестьянских союзов, во-вторых, история бесконечных распрей отдельных групп крестьян, причем борьба первого типа во всевозможных сочетаниях смешивалась с борьбой второго типа.

Во многих местностях Центрального и Южного Китая существовало разделение на «своих, местных» и «пришлых», между которыми, а также между кланами, общинами или тайными союзами возникали затяжные распри, нередко доходившие до кровавых столкновений и резни. Иногда революционные события как бы провоцировали крестьян на подобного рода «сведение счетов». Когда в столкновениях традиционных организаций одна сторона включала больше бедняков, чем другая, их борьба принималась за вид борьбы классово-красной, причем накал страстей и беспощадность принимались наблюдателями за классовые чувства и остроту классового антагонизма. Борьба корпоративных групп сельского населения нередко принимала «современные» формы: например, тайные общества оформлялись в крестьянские союзы, и

²³ См.: А. С. Костяева. Крестьянские союзы в Китае. М., 1978.

борьба велась уже внутри союзов или между ними, между крестьянским союзом и какой-либо корпоративной организацией. Из-за размытости границ социальных слоев, слабости классовой дифференциации размежевание враждующих сторон нередко происходило как бы целыми «кусками», включавшими корпоративные группы в полном составе и часто по случайным причинам: какой-либо клан целиком принимал ту или иную сторону потому, что его член уже сражался именно на данной стороне²⁴.

Можно сделать вывод, что в социальном плане китайская деревня до победы революции 1949 г. была организована иначе, чем русская до 1917 г., — более дробно и разобщенно, общедеревенские организации были слабы и неспособны играть роль антипомещичьих органов. Китайское традиционное крестьянство и по своей социальной организации было как бы на голову ниже русского мелкобуржуазного крестьянства.

Все перечисленные экономические и социальные различия между русским и китайским крестьянством имели результатом различное поведение в революционных событиях. Эти различия можно суммировать таким образом: если русское крестьянство осознало свой классовый антагонизм с помещиками и стало «классом для себя», то китайское крестьянство этого антагонизма не осознало, еще было «классом в себе», оставалось крестьянством традиционного типа.

Русское крестьянство в массе еще не освободилось (или освободилось не полностью) от корпоративных пут, но уже было подготовлено к восприятию новых понятий, а следовательно, и новой социальной организации. На почве укрепления новых укладов все более ярко проявлялись их противоречия с помещичье-поместной системой и разгорался классовый антагонизм между всем крестьянством и классом помещиков.

Например, русское крестьянство в Февральской революции 1917 г., не дожидаясь законодательного разрешения, начало громить помещичьи поместья, отбирать все средства производства, а усадьбы сжигать. Большая часть средств производства попадала к кулакам и зажиточным крестьянам. В сельской местности власть быстро переходила в новые руки — обычно к выбравшимся всеобщими сходами комитетам и советам. Верховодили в них наиболее зажиточные крестьяне; «трудовое крестьянство» как бы добровольно уступало власть наиболее экономически сильной и влиятельной части крестьянства, то есть кулакам²⁵.

В Китае единый антипомещичий фронт не сформировался, деревня была перегорожена феодальными корпоративными перегородками, в социальном плане «трудовое крестьянство» было расколото. Требования крестьянства, когда они предъявлялись, были дробными и противоречивыми, их содержание определялось местными условиями; чаще всего это было требование снизить налоги и поборы, реже — снизить арендную плату и т. п. Низкий уровень социально-экономического развития, поголовная неграмотность, незнание и непонимание внедеревенской жизни — все это вело к полной неспособности крестьянства адекватно выразить свои нужды. Их требования и интересы всегда выражали другие и всегда «на свой лад». В частности, слабость руководства крестьянским движением (организаторы стремились только «поднять» его и часто шли «на поводу» у крестьян) имела то положительное для историка значение, что в 20—30-е годы в резолюциях крестьянских союзов яснее, чем когда-либо, прозвучал голос бедноты. В дальнейшем зеркало, отражающее содержание крестьянского движения, все более искажает картину.

²⁴ См.: В. И. Глумин, А. С. Мугрузин. Указ. соч., с. 138—139.

²⁵ См.: И. И. Минц. Указ. соч., т. 1, с. 758—759.

Но даже в этих уникальных для характеристики крестьянства материалах мы мало что найдем о его главном требовании — снижении налогов и обложений. По существу же, как говорилось выше, его кардинальное требование заключалось в том, чтобы свести к минимуму норму изъятий, поскольку из-за чрезвычайно низкого уровня производства у крестьян не было прибавочного продукта. Это устанавливается анализом их положения, но в тексте требований крестьянских союзов ничего прямо или даже косвенно свидетельствующего об этом мы не найдем.

В 20-х годах самым злободневным было требование всего крестьянства отменить милитаристские налоги и поборы. У зажиточных крестьян они отнимали возможную прибыль; даже многие помещики были готовы поступиться частью получаемой ими земельной ренты ради большей стабильности обстановки. Снижение налогов способствовало бы капиталистической эволюции как помещиков, так и зажиточных крестьян, оно несколько улучшило бы положение и других слоев крестьян.

Единство всего населения китайской деревни (включая не только крестьян, но и большую часть местных помещиков) в антиналоговых и античиновничьих выступлениях имеет давнюю историю и тоже традиционно для китайской деревни. Это объясняется своеобразием социально-экономического развития страны — существованием в средневековом Китае системы ренты-налога, которая к новому времени перестала соответствовать новым экономическим условиям. Тяжелые налоги и особенно нерегулярные поборы, налагаемые военными властями, вызывали особое возмущение крестьян и были главной причиной стихийного крестьянского движения конца 20 — начала 30-х годов²⁶.

«Требования крестьянства», фигурирующие в литературе, посвященной событиям 1925—1927 гг., записывались отнюдь не крестьянами, а городскими революционерами, которые излагали их так, как они считали нужным и правильным. Это были не резолюции крестьянских сходов, как в России, а творчество организаторов крестьянского движения. Конечно, работники КПК пытались выявить настроения и нужды крестьян, но, излагая их, они непроизвольно подменяли понятия «крестьянский союз» и «крестьянство», «требования крестьянского союза» и «требования крестьянства», что сильно преувеличивало значение союзов и искажало реальный голос крестьянства.

Выявленные различия между мелкобуржуазным и традиционным крестьянством не всегда должным образом учитывались в аграрной программе и политике КПК в деревне.

Наш тезис о традиционности основной массы китайского крестьянства можно проиллюстрировать на примере положения и роли пауперов в революции. Единственной силой, готовой к немедленному «революционному» действию в конце 20-х — начале 30-х годов был слой пауперов-крестьян, лишившихся средств производства и перебивавшихся случайными заработками и в той или иной мере склонявшихся к люмпенству. Из-за низкого спроса на наемный труд положение пауперов было бедственным. Они подвергались и социальной дискриминации, будучи отделены от остальной части деревни стеной недоверия и страха. Это была наиболее легко возбудимая и способная на самые крайние действия часть деревенского населения. Пауперы были непременными и самыми активными участниками всех крестьянских выступлений. Из них состояли армии милитаристов и шайки разбойников — хунхузов, грабившие и убивавшие крестьян. Но именно их можно было легко использовать в качестве ударной силы — набрать в революционную армию, организовать и прошевелить, направив их разрушительную энергию на революционные цели²⁷.

²⁶ См.: Общество и государство в Китае, с. 189—192.

²⁷ См. там же, с. 199, 201—202.

Политика использования пауперов (которых считали сельскими пролетариями и полупролетариями) породила свои проблемы. Крайний эгалитаризм пауперов противопоставлял их основной массе «трудового крестьянства», отталкивая ее в лагерь противника, что вело к политической и социальной изоляции пауперов. Социальная изоляция пауперов (и КПК) была главной причиной нестабильности «советских» районов и поражения КПК в ходе «первой гражданской революционной войны» (1927—1936)²⁸.

Для того чтобы добиться объединения всего крестьянства против помещиков, необходимо было проводить политику учета и согласования разноречивых интересов отдельных слоев крестьянства. А для этого разгулу эгалитаризма пауперов должен был быть поставлен надежный заслон, все аграрное движение должно было надежно и жестко контролироваться и направляться сверху, со стороны власти и политического руководства. Такая политика в общем проводилась в период с 1937 по 1949 г.

В условиях китайской деревни добиться поддержки со стороны пауперов и соблюдения интересов среднего крестьянства было необычайно трудно. В деревне не было поместий, крупных хозяйств помещиков. Размеры помещичьего землевладения в отсталых районах (где обычно располагались революционные базы) были невелики, причем земли помещиков были заняты хозяйствами арендаторов. Поэтому удовлетворить нужды пауперов, не затрагивая интересы других слоев и главным образом средних крестьян, а тем более кулаков, было чрезвычайно трудно.

В то же время, если последовательно соблюдать интересы середняка (и пытаться по русскому образцу нейтрализовать кулака), то бедноте получить было нечего. Между тем пауперы и беднота были политической и социальной опорой КПК, рисковать лишиться ее поддержки — значит обречь себя на поражение. Правильная аграрная политика КПК должна была пролегать между Сицллой «левой» политики разгула эгалитаризма пауперов и Харибдой «правой» политики слишком буквального соблюдения интересов середняка в ущерб безотлагательным нуждам бедноты.

Обе крайности были опасны. Правильная политика должна была учитывать интересы и пауперов, поставивших кадры НОА, и средних слоев крестьянства, несших основную тяжесть налогового бремени и становившихся на позицию поддержки власти КПК. Иными словами, правильная политика включала в себя обязательный элемент социального компромисса, согласования интересов бедноты и пауперов с интересами середняков против помещиков и кулаков (политика нейтрализации кулачества в китайских условиях не удавалась).

Политика КПК испытывала колебания между стремлением удовлетворить бедноту и стремлением расширить свою социальную базу — соблюдения интересов среднего крестьянства. В напряженные моменты борьбы с гоминьданом эта политика склонялась «влево», поскольку КПК добивалась как можно более действенной поддержки бедноты. В спокойные периоды аграрная политика КПК как бы «правела», поскольку партия стремилась упрочить отношения со средним крестьянством на почве упорядочения налогообложения и пр. Политика сохранения помещичьего землевладения и кулацких хозяйств, соблюдения интересов середняка закрывала дорогу эгалитарным тенденциям бедноты. В такие периоды беднота мало что могла получить, и в той или иной мере охладевала ее поддержка КПК.

Реальные требования (нужды) «трудового крестьянства» были следующими: а) нормализация взаимоотношений с государством по линии упорядочения налогообложения, б) чистка сельской администрации — выдвижение честных, некоррупцированных чиновников, которые блюдают

²⁸ См.: Революционный процесс на Востоке..., с. 147—150.

как интересы власти, так и интересы крестьян, в) нормализация помещичьей эксплуатации, борьба против тухао и лешэнь²⁹, г) помощь властей в производственном кооперировании мелких крестьянских хозяйств.

Последний пункт кажется неожиданным. Необходимо принять во внимание, что parcelные и мелкие хозяйства крестьян — их было подавляющее большинство — должны были опираться на что-то более крупное в качестве структурообразующего начала. Как показано выше, они не были экономически самостоятельными и не могли быть товаропроизводителями. В традиционном средневековом Китае структурообразующую роль играли главным образом госинституты, в новейшее время — помещичьи хозяйства, эту роль мог сыграть также госсектор, который руководил бы и кооперативным движением крестьян. Для этого требовалось соблюдение обязательного условия — организаторская работа госсектора, который сам должен был до этого возникнуть и соответствующим образом самоорганизоваться.

Как видно из перечисления реальных неотложных нужд «крестьянства» того времени, гоминьдановская власть не справилась ни с одной из этих нужд, что и предопределило позицию крестьянства в пользу КПК, несмотря на ошибки в аграрной программе и практической политике по отношению к крестьянству.

В китайской литературе предпочитали именно характеристику отдельных слоев: кулаки — сельская буржуазия, середняки — мелкая буржуазия, бедняки и батраки — около 70 % сельского населения — «это сельский полупролетариат»³⁰. Исходя из такого понимания, ожидали быстрого втягивания этого «сельского полупролетариата» в борьбу за землю под руководством КПК. Однако прочный союз с крестьянством был достигнут на пути удовлетворения «второстепенных» нужд, а попытки ведения аграрной революции, казалось бы, «отвечающей вековым чаяниям крестьянства», приводили к социальной изоляции КПК и грозили поражением в гражданской войне с гоминьданом. Путь к победе лежал не через аграрную революцию; даже аграрные преобразования удалось осуществить только после победы, при решающей поддержке сверху, в спокойной обстановке, при соблюдении целого ряда условий.

Длительный опыт работы КПК с крестьянством показывает: а) прямой путь аграрной революции и быстрого слома феодальной социальной структуры «не проходил»; б) нужно было искать пути подхода к основной крестьянской массе по линии удовлетворения наиболее насущных нужд, которые кажутся «второстепенными», учета разногласий и противоречий внутри крестьянской среды и выработки мероприятий по их сглаживанию и гармонизации отношений в интересах борьбы с деревенской верхушкой, для того чтобы вырвать у нее власть над основной массой крестьянства и разорвать пути традиционных патриархальных связей; в) реализация задачи проведения подобной работы с крестьянством должна была быть очень длительной, ее нельзя было решить одним наскоком, одними лозунгами, сколь бы ни были они «революционными» и «притягательными»; г) обязательным условием успеха борьбы крестьян были помощь и руководство сверху. Сами крестьяне не могли объединить свои силы, рассчитать направление главного удара и добиться победы.

После аграрной реформы, уже в 1953 г., была введена хлебная монополия, которую крестьянство приняло очень спокойно — крестьяне не требовали свободы рынка, что представляло разительный контраст с Россией.

В 1955—1956 гг. очень быстро и в относительном порядке было осуществлено «социалистическое преобразование» сельского хозяйства и ор-

²⁹ Категории наиболее злостных эксплуататоров крестьян (дословно «местные мифы» и «злые шэньши»).

³⁰ См.: Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 3. М., 1953, с. 166—168

ганизованы сельскохозяйственные кооперативы высшего типа. Кооперирование, которое по планам должно было занять две-три пятилетки, было произведено одним махом, когда подготовительные мероприятия по кооперированию товарообращения и кредита только разворачивались и затронули меньшинство крестьян. Кооперирование не встретило сопротивление сколько-нибудь значительных групп крестьянства и было произведено в масштабах столь огромной страны за кратчайший срок³¹.

После этого, уже в 1958 г., последовала молниеносная кампания по организации сельских народных коммун — явная попытка обобществления труда и быта крестьян. Оба эти «революционные» движения — социалистические преобразования сельского хозяйства 1955—1956 гг. и организация коммун в 1958 г. — перекидывались в города, ускорив в первом случае поотраслевое преобразование госкапиталистического сектора народного хозяйства, а во втором породив движение за коммуны в городах. Все они свидетельствуют именно о том, что в Китае мы встречаемся с иным, не мелкобуржуазным типом крестьянства. Спокойное отношение к введению хлебной монополии показывало что большинство крестьян не было и не могло быть товаропроизводителями. Мирное принятие производственного кооперирования говорило о том, что большинство хозяйств не достигло стадии экономической самостоятельности, нуждается в поддержке и помощи со стороны, причем именно производственное кооперирование было наиболее действенной мерой такой внешней поддержки. Наконец, «большой скачок», так поразивший в свое время воображение многих людей и рассматривавшийся как несомненное доказательство невиданной в истории революционности китайского крестьянства, в действительности был свидетельством того, что оно не преодолело еще своих традиционных черт. «Скачок» имел катастрофические последствия для экономики, но не вызвал политической катастрофы: его провал был воспринят крестьянством в общем, в традиционном стиле — как естественный результат стихийных бедствий.

Экономическая и социальная отсталость крестьянства имела огромное отрицательное значение. В политическом плане для правящей партии — КПК — отсталость крестьянства создавала почву отрыва от масс и бюрократизации, которая и проявилась воочию в последующие годы.

* * *

Процесс разложения русского феодального крестьянства не привел к тому, что крестьянство как единое целое исчезло, и можно отказаться от его интегральной характеристики, заменив ее характеристиками отдельных слоев.

В экономических и аграрных работах дооктябрьского периода В. И. Ленин установил, что Россия движется по капиталистическому пути, крестьянство не представляет единой массы, а все более расслаивается под действием законов товарного хозяйства на полупролетарские и мелкобуржуазные слои. Но именно поэтому и со все большей силой оно как единое целое выступает против помещиков, требуя ликвидации помещичьего землевладения. Аграрный вопрос был центральным в надвигавшейся буржуазно-демократической революции, поэтому выявление коренных интересов отдельных слоев, а тем более — главного требования крестьянства было важнейшей теоретической и практической задачей. Это главное требование как в фокусе отражало изменившуюся природу подавляющей части русского крестьянства. После того как В. И. Ленин установил, что аграрный вопрос — «гвоздь» буржуазно-демократической революции в России, была выработана стратегия и тактика социал-де-

³¹ См.: А. С. Мугрузин. Об условиях кооперирования крестьянства в КНР. В кн.: Третья научная конференция по проблемам истории Китая (ИДВ АН СССР). М., 1978, с. 90—93 и далее.

мократической партии в буржуазно-демократической и социалистической революциях.

Уже после победы Октября — в 1921 г. В. И. Ленин писал: «Что в мелкокрестьянской стране преобладает «уклад» мелкокрестьянский, то есть частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое, раз имеется обмен...»³² Именно исходя из такой наиболее общей, интегральной характеристики русского крестьянства как мелкобуржуазного, стихийно тянущегося к капитализму, строилась политика по отношению к крестьянству: отмена продразверстки и введение продналога (нэп), конкретные шаги к постепенному его кооперированию и пр. Конечно, это совсем не значит, что были отвергнуты как неправильные или забыты факты его разложения на отдельные слои. Генеральное направление политики к крестьянству определялось именно его интегральной характеристикой, а подход к отдельным слоям, детали, определялись характеристиками слоев и нарождающихся классов внутри крестьянства.

Таким образом, интегральная характеристика крестьянства связана с задачей точного, строго научного определения ступени социально-экономического развития страны и ее аграрного сектора и на этой основе выработки генерального направления аграрно-крестьянской политики на длительный период времени. Характеристика хозяйственных укладов, отдельных слоев крестьянства, несомненно, имеет важное, но все же подчиненное значение. Подмена такой общей интегральной характеристики крестьянства в целом характеристиками отдельных слоев может привести к заблуждениям и тяжелым ошибкам.

Вопрос о типе китайского крестьянства, поскольку речь идет об интегральной, самой общей характеристике его состояния, — это вопрос комплексный, охватывающий множество сторон: оценку экономического потенциала крестьянства, его экономической организации, системы производственных отношений и эксплуатации господствующими классами, социальной организации, социальной психологии и его психического облика, идеологии и традиций и пр. Только некоторые из них рассмотрены в статье, другие же лишь намечены.

В статье сделаны лишь некоторые выводы, следующие из постановки вопроса о типе китайского крестьянства, сделать «полные» выводы невозможно в рамках журнальной статьи, к тому же каждый аспект требует и специального анализа. Автор видел свою задачу в том, чтобы выдвинуть проблему типов крестьянства и показать разницу между двумя наиболее часто встречающимися типами — традиционным и мелкобуржуазным крестьянством на примере китайского и русского прототипов.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 221.

Мелкое промышленное производство КНР

А. М. КРУГЛОВ,
кандидат экономических наук

В конкретных экономических условиях Китая существовала и существует объективная необходимость в развитии мелкой промышленности. Она порождена тяжелым наследием, полученным от старого Китая: низким уровнем развития производительных сил и огромным относительным перенаселением. Накануне антияпонской войны 60 % рабочих страны приходилось на мелкие предприятия мануфактурного типа, численность кустарей (более 7,5 млн.) вдвое превышала количество промышленных рабочих.

Выдвижение в качестве стратегических задач на ближайшие 20 лет модернизации народного хозяйства КНР (на III пленуме ЦК КПК в 1978 г.) и увеличения годового промышленного и сельскохозяйственного производства в четыре раза (на XII съезде КПК в 1982 г.) не означает, что проблема мелкой промышленности снята с повестки дня. Напротив, решения III пленума ЦК КПК можно считать началом нового этапа развития мелкой промышленности в Китае. Курс на децентрализацию в экономике страны, предоставление местным органам и промышленным предприятиям большей самостоятельности в хозяйственной деятельности, допущение индивидуального предпринимательства. — все это открыло широкие перспективы развития мелкой промышленности.

Вместе с тем происходит дальнейшее обострение проблемы роли и места мелкой промышленности, отражающее принципиальные расхождения в вопросе о путях экономического строительства страны, в частности о путях и методах достижения поставленной задачи — превращения Китая в передовую державу с современной индустрией.

Сторонники достижения поставленной задачи исключительно на путях развития крупной индустрии требовали: «Прежде всего необходимо развивать тяжелую промышленность... Только создавая современные крупные предприятия, можно будет перевести всю национальную экономику на прогрессивную техническую основу»¹, «по-настоящему взяться за крупные предприятия, ...первоочередная задача — техническая реконструкция крупного производства. Только таким путем можно впоследствии оказать влияние и на мелкие промышленные предприятия...»²

Их оппоненты считали эту точку зрения «слепой погоней за крупным комплексным оборудованием, огромной тратой средств, превышающей возможности государства»³. «Строительство крупных современных предприятий, требующее больших капиталовложений и длительных сроков. — подчеркивали сторонники другой точки зрения, — не только

¹ «Хунци», 1983, № 6, с. 26.

² «Жэньминь жибао», 9.XII.1982.

³ Там же, 26.X.1981.

не даст обществу необходимой ему продукции, но и забирает значительное количество общественного продукта... В силу ограниченности материально-финансовых возможностей государство в состоянии построить лишь незначительное число крупных современных предприятий...»⁴

За последние годы произошли заметные изменения в аргументации по проблемам развития мелких промышленных предприятий. В китайской печати отмечается, что существенную роль при этом сыграло желание избежать ошибок массового строительства мелких и мельчайших предприятий в период «большого скачка». По-прежнему приводятся такие аргументы, как возможность обходиться без крупных капиталовложений, быстрая оборачиваемость средств, короткие сроки строительства, аккумуляция средств для общегосударственного строительства. Подчеркивается также, что в новых условиях развитие мелкой промышленности может быть использовано для смягчения проблемы трудоустройства. По статистическим данным, затраты государства на оборудование одного рабочего места в отраслях тяжелой промышленности составляют более 10 тыс. юаней, в легкой — 6 тыс. Привлекает не только дешевизна рабочих мест на мелких промышленных предприятиях (а зачастую и вообще не затрачиваются государственные средства), но и то обстоятельство, что в силу сравнительно низкой технической оснащенности они поглощают значительное число рабочих рук. Так, в 1978 г. на мелких предприятиях было занято примерно 80 % всего промышленного персонала страны.

Отмечается весомый вклад, вносимый мелкими предприятиями в снабжение населения товарами первой необходимости. Например, из 30 тыс. наименований товаров широкого потребления, производимых в Шанхае, 26 тыс. приходится на мелкие предприятия. Заметна роль мелких предприятий и в качестве источника валютных поступлений для государства. Так, например, в экспорте Шанхая в 1978 г. изделия мелких предприятий текстильной промышленности составляли около 54 %, а кустарной промышленности почти 97 % (по данным «Хунци», 1980, № 1).

Китайская печать подчеркивает, что главным принципом развития мелкой промышленности должна стать экономическая рациональность, и в том числе — разрешение проблемы низкой производительности труда и качества продукции. С этой целью намечается на базе усиления специализации и разделения труда крупного промышленного производства создать «систему координации и дополняющего друг друга сотрудничества» крупных, средних и мелких предприятий⁵.

«В планировании топливной энергетики и транспорта необходимо твердо придерживаться курса на одновременное строительство крупных, средних и мелких объектов. — подчеркивалось в докладе премьера Госсовета Чжао Цзыяна на II сессии ВСНП в мае 1984 г. — ...На-

⁴ «Хунци», 1980, № 11, с. 22.

⁵ Относительные критерии, по которым государственные планирующие и статистические органы КНР классифицируют предприятия на крупные, средние и мелкие, базируются на их годовой производственной мощности или на первоначальной стоимости основных фондов. Например, в металлургии комплексы с годовым объемом производства 1 млн. т стали и выше — относятся к крупным, ниже миллиона и до 100 тыс. т — к средним, менее 100 тыс. т — считаются мелкими.

В машиностроении к крупным предприятиям относят заводы, первоначальная стоимость основных фондов которых превышает 30 млн. юаней; от 29 млн. до 8 млн. юаней — к средним, менее 8 млн. юаней — к мелким. В угольной промышленности к крупным предприятиям относятся шахты годовой производительностью 900 тыс. т и выше, от 900 тыс. т до 300 тыс. т — к средним, менее 300 тыс. т — к мелким. В текстильной промышленности крупными предприятиями считаются фабрики с более чем 100 тыс. веретен, от 100 тыс. до 50 тыс. — средними, менее 50 тыс. веретен — мелкими и т. д.

до поощрять местные органы и население вкладывать значительную часть финансово-материальных средств в строительство средних и мелких топливно-энергетических объектов, а также объектов связи». Незадолго до этого, на предыдущей, V сессии пятого созыва (декабрь 1983 г.), Чжао Цзыян в докладе о шестом пятилетнем плане заявил: «В целях ускорения развития угольной промышленности мы решили ухватиться за два звена. С одной стороны... ввести в строй крупные угольные карьеры... с другой стороны, взяться за... строительство мелких и средних шахт». В докладе предусматривалось ежегодное увеличение общей мощности мелких гидроэлектростанций на 1,5 млн. кВт. «Если рассчитывать только на государственное снабжение электроэнергией, — подчеркивалось в печати, — то невозможно осуществить электрификацию сельского хозяйства страны» («Жэньминь жибао», 11.III. 1983). За период с 1978 г. по конец 1983 г. мощность мелких гидроэлектростанций возросла с 5,3 млн. кВт до 8,5 млн. кВт, а производство электроэнергии соответственно — с 10 млрд. кВт·ч до 20 млрд. кВт·ч, что составило примерно половину (47,5 млрд.) потребления электроэнергии в 1983 г. в деревне.

Новый курс в области индустриализации предполагает одновременное развитие всех типов промышленного производства — современного автоматизированного, механизированного, крупного и полумеханизированного, кустарного, вплоть до применения ручного труда (мелкого, традиционного).

Предполагается и сочетание, то есть одновременное развитие предприятий как общенародной, так и коллективной и индивидуальной собственности. «Учитывая реальные условия Китая, мы должны принять «модернизацию китайского типа», — подчеркивалось в «Жэньминь жибао», — сочетающую крупные и мелкие предприятия, автоматизацию, полумеханизацию и кустарный труд. На протяжении длительного периода кустарная промышленность будет иметь три формы... — собственность всего народа, то есть государства, собственность коллектива и собственность индивидуальных ремесленников»⁶.

Именно мелкие и мельчайшие предприятия составляют абсолютное большинство в промышленной системе Китая (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура промышленности по величине предприятий

	Число предприятий (тыс.)			%		
	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.
Всего:	377,3	381,5	388,6	100	100	100
Крупные	1,4	1,5	1,6	0,37	0,39	0,41
Средние	3,4	3,5	3,8	0,90	0,92	0,90
Мелкие	372,5	376,5	383,2	98,73	98,69	98,69

Источники: Статистический ежегодник Китая. 1983. Пекин, 1983, с. 213, 220.

На долю мелких предприятий приходится свыше половины стоимости промышленной продукции страны. С учетом же средних предприятий доля крупного производства в стоимости промышленной продукции составляет примерно лишь одну четвертую часть (см. табл. 2).

Следует отметить крайне незначительный рост удельного веса крупных предприятий в последние годы (см. табл. 1). По сравнению же с 1976 и 1977 гг., когда он составлял соответственно 6,0% и 6,6%, про-

⁶ «Жэньминь жибао», 4.VII.1979.

Таблица 2

Стоимость валовой промышленной продукции

	Млн. юаней			%		
	1980 г.	1981 г.	1982 г.	1980 г.	1981 г.	1982 г.
Всего:	499,2	519,9	557,7	100	100	100
Крупные	125,1	128,8	145,6	25	25	26
Средние	90,4	92,0	102,7	18	18	19
Мелкие	283,7	299,0	309,4	57	57	55

Рассчитано по: Статистический ежегодник Китая. 1983, с. 215. 1980—1981—в неизменных ценах 1970 г. 1982—в неизменных ценах 1980 г.

изошло даже его относительное сокращение. Одновременно и уд. вес предприятий общенародной собственности в промышленности КНР снизился с 24,1 % в 1978 г. до 22,2 % в 1982 г.⁷

Таким образом, мелкая промышленность КНР в социально-экономическом плане структурно включает, помимо предприятий общенародной собственности, то есть государственных мелких предприятий, входящих в основном в местную промышленность, мелкие предприятия коллективной собственности в городе и на селе, а также предприятия индивидуальной собственности.

Новая тенденция в развитии мелкой промышленности КНР на современном этапе — сокращение, абсолютное и относительное, государственных мелких предприятий и рост предприятий индивидуальной и особенно коллективной собственности.

После III пленума ЦК КПК (1978) численность рабочих и служащих на предприятиях коллективной собственности в городах (здесь и далее включая поселки) увеличилась более чем на 6 млн. человек и составила в конце 1982 г. 26,51 млн. человек, то есть 23,5 % общего числа рабочих и служащих в стране. За указанный период объем продукции этих предприятий возрос на 49 %⁸.

На коллективных предприятиях в сельской местности (1,36 млн. предприятий коммун и производственных бригад) в конце 1982 г. было занято 31,1 млн. человек — более 10 % трудоспособного сельскохозяйственного населения страны. Стоимость продукции этих предприятий составила 77,2 млрд. юаней⁹. Это значит, что на их долю приходилось более половины создаваемых на селе доходов.

Хотя позиции промышленных предприятий индивидуальной собственности не слишком значительны — в 1980 г. их доля составляла, по нашим подсчетам, 0,6 % валового объема промышленного производства, — число индивидуальных предпринимателей, получивших лицензию, только за 1982 г. возросло на 340 тыс. и составило 1,47 млн. человек¹⁰, что в 33 раза больше, чем на конец 1979 г.

В соответствии с курсом всемерной мобилизации и концентрации средств для осуществления программы «четыре модернизации» широко используются производительные силы предприятий коллективной собственности, создаваемых без государственных капиталовложений. Как правило, сравнительно крупные государственные предприятия объединяют вокруг себя несколько предприятий коллективной собственности в качестве подрядчиков по изготовлению отдельных деталей или

⁷ См.: Статистический ежегодник Китая. 1983, с. 213.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 12.V.1983.

⁹ См.: Статистический ежегодник Китая. 1983, с. 206, 209.

¹⁰ См.: «Жэньминь жибао», 12.V.1983.

запасных частей, а также по выполнению некоторых вспомогательных операций — шлифовки, упаковки и пр. Сравнительно худшие условия труда, в частности значительно меньшая оплата аналогичных трудовых операций по сравнению с государственными предприятиями одинакового профиля, отсутствие трудового страхования, недостаток или отсутствие техники безопасности и пр., дают возможность снижать издержки. Так, на каждые 100 юаней капитала на предприятиях коллективной собственности города Нинбо в 1978 г. получено 32,2 юаня прибыли, в то время как на государственных — 22,68 юаня. В городе Чанчжоу на предприятиях коллективной собственности 100 юаней стоимости основных фондов обеспечили 67 юаней прибыли — вдвое больше, чем на государственных предприятиях; на каждые 100 юаней стоимости продукции было получено 13 юаней прибыли — на 18 % больше, чем на государственных¹¹.

Изымаемые в виде налогов накопления предприятий коллективной (и частично индивидуальной) собственности составляют существенную часть финансовых поступлений государства. Только в масштабах управления кустарной промышленности, входящего в систему министерства легкой промышленности (97 % — предприятия коллективной собственности), в 1978 г. сумма налогов составила 5 % финансовых доходов государства¹².

Это полностью относится и к предприятиям коллективной собственности на селе, то есть предприятиям коммун и производственных бригад. Отчисления от накоплений этих предприятий в 1978 г. составили 2,6 млрд. юаней, что превысило 60 % государственных инвестиций в капитальное сельскохозяйственное строительство¹³. Всего за период 1977—1979 гг. у предприятий коммун и бригад в виде налогов изъято 6,07 млрд. юаней.

Помимо этого, предприятия коммун и бригад — важный источник получения сырья и материалов. На угле и железной руде, добываемых на мелких примитивных шахтах коммун и бригад, базируются не только местная промышленность, но и ряд крупных государственных предприятий. На долю предприятий коммун и бригад приходится более 15 % добываемого в стране угля, около 7,5 % — железной руды, 63 % — производства кирпича, 53 % — черепицы, свыше 95 % — извести, песка, строительного камня и т. д. Кроме того, они играют заметную роль в снабжении товарами широкого потребления — бумагой, кожей, одеждой, обувью, посудой и пр., общая стоимость которых в 1979 г. составила 10,4 млрд. юаней¹⁴.

В целом, в 1983 г. продукция сельской промышленности составила 36,8 млрд. юаней, то есть 6 % валовой промышленной продукции страны.

В последние годы в Китае мелкие нерентабельные предприятия стали сдаваться в коллективный или индивидуальный подряд. Как отметил Чжао Цзыян, выступая на I сессии ВСНП шестого созыва 6 июня 1983 г., «мелкие промышленные предприятия, оставаясь в государственной собственности, передаются в коллективный или индивидуальный подряд их рабочим и служащим».

Например, городские власти города Бэньси (провинция Ляонин) на основании анализа производственно-хозяйственной деятельности государственной мелкой промышленности города (подавляющее большинство предприятий были убыточными, общая сумма убытков ежегодно превышала 6 млн. юаней), продолжая числить предприятия государст-

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 16.VIII.1979.

¹² См. там же, 4.VIII.1979.

¹³ См. там же, 10.IX.1979.

¹⁴ См.: Энциклопедический ежегодник Китая. 1981. Пекин, 1982.

венными, передали их в коллективный подряд занятым на них рабочим и служащим, переложив на них всю ответственность не только за производство, фонды, сбыт, снабжение и пр., но и за материальное обеспечение, то есть в отношении заработной платы, премий, трудового страхования и пр.¹⁵

После 1978 г. был принят целый ряд законодательных, административных и политических мер с целью поощрения развития мелких предприятий коллективной и индивидуальной собственности.

В отчетном докладе на XII съезде КПК указывалось, что в настоящее время в городах промышленность, включая и кустарную, а также транспорт, строительство, торговля и обслуживание, «не могут входить целиком в государственный сектор и должны частично относиться к коллективному сектору». Как подчеркивалось, необходимо также поддерживать основанные на средства молодежи коллективные предприятия в городах, являющиеся «весьма полезными». В постановлении ЦК КПК и Государственного совета КНР (ноябрь 1981 г.) по проблемам оживления экономики и трудоустройства указывалось на необходимость развития «новых экономических форм», в том числе и несоциалистических. При этом отмечалось, что «индивидуальные хозяйства стали придатком и необходимым дополнением государственной и коллективной экономики». Подчеркивалось, что развитие индивидуальных предприятий имеет «важное значение для развития производства, оживления рынка, удовлетворения жизненных потребностей народа, увеличения занятости населения». Отмечалось также, что «соответствующее развитие единоличного и коллективного предпринимательства — это курс, рассчитанный на весьма длительный период».

В новой конституции, принятой на V сессии ВСНП в декабре 1982 г., в отличие от прежней, гарантировавшей неприкосновенность лишь социалистической общественной собственности, предусматривается «защита законных прав и интересов индивидуальных хозяйств».

Постановления руководящих государственных и партийных органов (например, постановление ЦК КПК и Госсовета КНР от 17 октября 1981 г.), а также редакционные и передовые статьи партийных органов печати содержали неоднократные призывы «всемерно развивать и полностью использовать жизненную силу предприятий коллективной собственности», «принять неотложные меры к надлежащему развитию мелких предприятий индивидуальной собственности»¹⁶ и пр.

В отчетном докладе на II сессии ВСНП пятого созыва (1979) отмечалось, что «число людей, ожидающих получения работы, превышает число имеющихся рабочих мест» и что необходимо «расширить трудоустройство посредством усилий, направленных на развитие кустарных промыслов, предприятий коммунального хозяйства в городах, развертывания сферы услуг и торговли»¹⁷. В качестве главного направления в трудоустройстве устанавливалось развитие предприятий коллективной и индивидуальной собственности, а не государственных заводов и фабрик.

В постановлении Госсовета КНР по вопросам развития промышленности коммун (сентябрь 1979 г.) сказано, что источником аграрных инвестиций в сельское хозяйство «в будущем должны стать накопления предприятий коммун и бригад», поскольку, как признавалось, «в настоящее время и в ближайшие годы государственные ассигнования еще далеко не покроют реальные нужды сельского хозяйства». Важно подчеркнуть, что постановление указывало также на необходимость «по-

¹⁵ См.: «Жэньминь жибао», 31.I.1983.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 15.II.1980, 6.I.1983.

¹⁷ Там же, 2.VII.1979.

ставить эти предприятия на службу крупной промышленности и экспорта».

В изданном в июле 1981 г. совместном циркуляре ряда ведомств и министерств предписывалось, чтобы «правительства различных ступеней и соответствующие ведомства — финансовые, торговые, материального снабжения и др. — всемерно поддерживали развитие частных хозяйств городов, оказывали им поддержку в том, что касается денежных средств, получения сырья, размещения, налогообложения, рыночного регулирования». Отмечалось, что «любая дискриминация, произвольное вмешательство и пассивное отношение к предприятиям индивидуальной собственности не благоприятствуют развитию социалистической экономики и являются ошибочными»¹⁸.

Решения предусматривают, что в снабжении сырьем, кредитовании, сбыте и др. предприятия коллективной и индивидуальной собственности пользуются одинаковыми правами с государственными предприятиями.

За три года (1980—1982) Народный банк Китая предоставил кредитных ссуд индивидуальным предпринимателям на общую сумму 170 млн. юаней. Ссуды Сельскохозяйственного банка Китая на строительство и развитие предприятий коммун и бригад только в первой половине 1982 г. составили 800 млн. юаней.

Всемерное стимулирование развития мелкой промышленности в КНР на современном этапе приводит к серьезным противоречиям. Расширение прав местных органов в расходовании средств на капитальное строительство и предоставление, в соответствии с решениями III Пленума ЦК КПК, некоторой самостоятельности мелким предприятиям серьезно ограничило регулируемую роль директивного планирования, в результате чего возникли и обострились бесплановость производства и дублирование строительства. «Слепое» развитие мелкого промышленного производства и дублирование строительства, по мнению известного китайского экономиста Сюэ Муцяо, — «это курс, противоречащий государственному плану, политике и курсу партии — исходить из общих интересов целого. Это является серьезной проблемой в условиях, когда еще не осуществлен коренной поворот к лучшему в финансово-экономическом положении страны»¹⁹. Другой китайский экономист, Линь Цзыли, подчеркивает, что для промышленного производства в КНР «характерен разрыв между производственными мощностями и снабжением их сырьем. Повсеместное необдуманное строительство мелких предприятий усилило эту диспропорцию»²⁰. Китайская печать пытается смягчить остроту сложившейся ситуации. «Некоторые опасаются дублирования, «слепоты» в производстве и строительстве. — писала «Жэньминь жибао». — Конечно, при таком большом количестве мелких и средних предприятий в Китае этого полностью не избежать, но и не надо бояться»²¹. «Мы не в состоянии заниматься непосредственно планированием всей хозяйственной деятельности, — утверждалось в журнале «Цзинцзи яньцзю». — Деятельность мелких предприятий, которых насчитывается очень много и которые выпускают много продукции, должна регулироваться рынком... Нам не следует бояться «слепоты»... Кроме того, рыночное регулирование может принести и другие побочные явления — капиталистический стиль хозяйствования, порочный стиль работы. Но этого не стоит бояться»²².

На состоявшейся в мае текущего, 1984 г. II сессии ВСНП шестого созыва с новой силой прозвучали признания в том, что главной пробле-

¹⁸ «Жэньминь жибао», 16.VI.1981.

¹⁹ «Хунци», 1982, № 19; «Цзинцзи яньцзю», 1983, № 1.

²⁰ «Шэхуэй кэсюэ яньцзю», 1981, № 2, с. 15.

²¹ «Жэньминь жибао», 14.I.1983.

²² «Цзинцзи яньцзю», 1982, № 9.

мой в экономике является отсутствие эффективного контроля над объемом инвестиций в капитальное строительство, приводящее к нехватке стали, лесоматериалов и цемента. «В том, что перед нами стоит задача развернуть широкое строительство, а средств не хватает, — источник противоречий, — говорится в докладе Чжао Цзыяна, — к этому сводится проблема, которая резко выделяется в процессе нашего экономического развития». В докладе указывалось, что децентрализация фондов по-прежнему остается серьезной проблемой.

Хаотичное развитие мелких предприятий, в особенности коллективных предприятий коммун и бригад, серьезно обострило противоречия с интересами крупной государственной промышленности в области источников сырья. Особенно остро эта борьба проявилась в таких отраслях, как разработка природных ресурсов, шелковая, кожевенная, сахарная, консервная, вино-водочная, табачная, бумажная, мыловаренная.

По данным обследования Датунского угольного месторождения (провинция Шаньси), крупнейшей угольной базы страны, в 1980 г. самочинно создано 140 мелких шахт коммун и бригад, причем 42 из них находились в серьезном конфликте с крупными государственными шахтами в вопросе о границах участков добычи. Только в течение года возникло 15 серьезных инцидентов, нанесших значительный материальный урон крупным шахтам и создавших угрозу безопасности. Аналогичное положение сложилось и в провинции Хунань, где только в одном из уездов хаотично действовало больше 70 мелких угольных выработок коммун и бригад, а в районе — около 400. В результате порчи ими воздухоудных магистралей была полностью приостановлена добыча на одной из наиболее крупных и важных в районе государственных шахт проектной мощностью 450 тыс. т в год. В уезде Нинсян района Шуанфупу этой провинции общая длина тоннелей и ходов, прорытых строителями мелких угольных выработок, превысила 10 тыс. м, что привело к порче 1550 тыс. т высококачественной породы²³.

Примером того, какой значительный ущерб наносится интересам крупной государственной промышленности, могут служить и отрасли легкой промышленности, например кожевенная. Ежегодные возможности государственных заготовок шкур крупного скота по стране составляют 5,6 млн. шт. Однако в 1979 г. государственные заготовительные организации смогли закупить лишь 3,98 млн. шкур. Остальное пришлось на долю огромного числа мелких кожевенных заводов коммун и бригад. В провинции Цзянсу — основном заготовительном районе — мелкие кожевенные заводы скупали по ценам, немного превышающим государственные закупочные, почти весь запас шкур. В то же время, по признанию китайской печати, из-за крайне низкого технического уровня этих предприятий качество выделанных ими кож оставляет желать лучшего²⁴.

Расточительное расходование сырья и материалов из-за низкого технического уровня оборудования и несовершенства технологии на мелких предприятиях коммун и бригад отмечается и во многих других отраслях народного хозяйства, в частности в производстве азотных удобрений, фосфорных удобрений, мелкой металлургии²⁵ и др.

Слабость развития мелкой промышленности, обусловленная крайне низким уровнем ее технической базы, с каждым годом проявляется все отчетливее. Лишь около половины предприятий на селе могли использовать электроэнергию. Даже в городах на большинстве мелких предприятий отсутствовали инженерно-технический персонал и квалифици-

²³ См.: «Жэньминь жибао», 16.XII.1980.

²⁴ См. там же, 4.XI.1980, 17.I.1983.

²⁵ См. там же, 19.XI.1979, «Гуанмин жибао», 3.XI.1980.

рованная рабочая сила. В сочетании с полукустарным, допотопным оборудованием все эти и другие аналогичные факторы обусловили примитивную технологию, что в свою очередь означало в масштабах страны колоссальные затраты сырья, материалов и энергии при некондиционной продукции. Коэффициент добычи на 1300 мелких шахтах упоминавшегося выше Датунского угольного месторождения в 1980 г. составил лишь 20 %. Сумма убытков мелких предприятий азотных удобрений только в провинции Хэнань в 1979 г. достигла 230 млн. юаней²⁶.

На фоне сложного финансово-экономического положения страны и обострившихся диспропорций народного хозяйства проблемы развития мелкой промышленности приходили во все большее противоречие, с одной стороны, с неотложной задачей усиления централизации и планирования промышленно-экономического аппарата всей страны, его всестороннего урегулирования, а с другой — с возможностями использования его в интересах осуществления программы «четырёх модернизаций».

В условиях, когда основным направлением развития экономики страны провозглашено повышение эффективности производства, в печати подчеркивается необходимость выигрыша времени и экономии средств путем перенесения упора с капитального строительства на реконструкцию имеющихся предприятий, в основном мелких и средних.

По сути дела, выявляются две тенденции технической реконструкции и упорядочения мелкой промышленности. С одной стороны, в зависимости от технико-экономического состояния мелкого предприятия и роли его продукции для народного хозяйства принимаются меры для изменения его производственного профиля, переключения на выпуск другой продукции либо присоединения его к другим предприятиям, где положение устойчивее. Мелкие предприятия, не обладающие перспективными источниками сырья и энергии, убыточные в течение ряда лет, как правило, закрываются. Высвобождающиеся основные и оборотные фонды концентрируются на действующих предприятиях. В незначительной степени происходит оснащение мелких предприятий оборудованием, изготовленным на крупных предприятиях, но в целом этот процесс регулирования мелкой промышленности происходит на существующей производственно-технической базе. Из имевшихся в стране 1250 мелких предприятий по производству азотных удобрений 283 были закрыты или присоединены к другим, примерно столько же перешло на выпуск продукции легкой промышленности — искусственной кожи, красителей и т. д.

В результате урегулирования уже к середине 1980 г. в масштабах всей страны было закрыто примерно 30 % мелких металлургических предприятий. В сентябре 1982 г. было закрыто более 200, а среди оставшихся 55 было намечено в качестве опорных для технической реконструкции. Себестоимость чугуна снизилась с 340 до 258 юаней за 1 т, удельный расход кокса — на 340 кг²⁷.

Другой тенденцией явилась попытка осуществления технической реконструкции мелких предприятий путем импорта зарубежной техники. Как объявил Народный банк Китая, для закупок оборудования и технологии на цели технической реконструкции имеющихся мелких и средних промышленных предприятий в шестой пятилетке выделено 1,5 млрд. ам. долл. Однако, как уточнила министр внешних экономических связей и внешней торговли Чэнь Мухуа в мае 1983 г., для предполагаемой технической реконструкции 400 мелких и средних предприятий в шестой пятилетке планируется импортировать всего около 3 тыс. наименований техники и технологии. За период с 1980 по 1982 г. общая

²⁶ См.: «Жэньминь жибао», 19.XI.1979.

²⁷ См. там же, 14.VII.1980.

сумма кредитов в иностранной валюте, переданных Народным банком для технической реконструкции мелких и средних предприятий, составила 1,029 млрд. ам. долл. В Шанхае планируется за оставшиеся годы пятилетки (по 1985 г. включительно) получить для переоснащения мелких и средних предприятий более 1 тыс. наименований передовой зарубежной техники и технологии. Основное место в списках занимают прецизионные станки, электронная техника, технология получения сплавов и пластмасс, оборудование для обработки пищевых продуктов, для производства бытовых электроприборов и пр.

Мелким предприятиям провинции Гуандун, продукция которых поставляется на экспорт, разрешено использовать определенную часть валютной выручки на закупку зарубежного оборудования (например, ткацких станков), красителей, хлопка и пр. В конце апреля 1983 г. Госсовет КНР принял решение, в соответствии с которым город Тяньцзинь станет «опытной базой технической реконструкции мелких и средних промышленных предприятий» на базе ввоза иностранной передовой техники. Вместе с тем в городе намечено реконструировать лишь 327 объектов.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что мелкая промышленность в КНР продолжает оставаться важной составной частью народного хозяйства, выполняя роль существенного резерва производительных сил, аккумулятора средств для государственного бюджета, одного из факторов в смягчении проблемы трудоустройства, источника валютных поступлений.

Заметная роль ей отводится и в выполнении программы «четырёх модернизаций», в особенности в топливно-энергетических отраслях.

Вместе с тем очевидно, что гипертрофированная роль мелкой промышленности в экономической жизни страны, и в частности в программе «четырёх модернизаций», чревата негативными последствиями для народного хозяйства. «Выигрыш времени и экономия средств», с которыми связываются перспективы развития мелкой промышленности, на деле могут обернуться нарастанием центробежных тенденций, противоречащих выполнению важных социально-экономических задач в настоящее время.

Необъявленная война империализма и гегемонизма против Афганистана

Ю. М. РЯКИН

Прошло более шести лет с того времени, когда афганский народ стал на путь строительства нового общества. Процесс национально-демократической революции в ДРА расширяется и углубляется. В стране проводятся мероприятия по коренному улучшению жизни трудящихся, укреплению их политической власти, принимаются все необходимые меры для защиты завоеваний Апрельской революции. Не смирившись с поражением, афганская контрреволюция, действующая под опекой своих зарубежных хозяев, пытается парализовать экономику ДРА, создать трудности для нормальной жизни страны. В этих условиях, подчеркивают афганские руководители, важнейшей задачей, стоящей ныне перед НДПА и государством, остается защита страны от контрреволюции. Как подчеркнул в выступлении на заседании Политбюро ЦК НДПА в августе 1984 г. Б. Кармаль, против ДРА действуют в сговоре американские империалисты, китайские гегемонисты, пакистанские милитаристы и иранские реакционеры. При этом территории Ирана и Пакистана используются для постоянно расширяющегося вмешательства в дела Афганистана. Все это создает реальную угрозу миру не только в регионе, но и во всем мире¹.

Апрельская революция перечеркнула расчеты местной реакции, сил империализма и гегемонизма в данном районе мира. Вследствие этого афганскому народу пришлось столкнуться с их скоординированной враждебной деятельностью, включающей такие методы, как грубое вмешательство во внутренние дела ДРА, поддержка внутренней контрреволюции, постоянная угроза агрессии извне. Оказывая на ДРА комбинированный нажим, враждебные ей силы пытаются прервать процесс развития афганской революции, всемерно затруднить решение стоящих перед страной сложных социально-экономических задач, создать для нее трудноразрешимые внешнеполитические облемы. Именно с такой тактикой, изматывающей силы Демократического Афганистана, империализм и гегемонизм связывают расчеты на поражение афганской революции и последующую реставрацию своих позиций в регионе.

В борьбе против Демократического Афганистана международный империализм и реакция широко используют афганскую контрреволюцию, которой ее зарубежные покровители оказывают всестороннюю материальную, военную и политическую поддержку. Расчет состоит в том, чтобы утвердить контрреволюцию как мощную политическую и военную силу, способную если не нанести поражение ДРА, то создать для нее весьма трудные внутри- и внешнеполитические проблемы. В частности, пытаются создать миф о международном престиже афганской контрреволюции, закрепить ее положение как чуть ли не авторитетного члена международного сообщества. В этом плане следует отметить активность Китая, направленную на то, чтобы поднять уровень внешних контактов афганской контрреволюции. Так, накануне и в ходе XIV конференции министров иностранных дел стран — участниц Организации Исламская Конференция в Дакке в декабре 1983 г. китайские должностные лица в контактах с представителями Бангладеш рьяно ратовали за то, чтобы члены ОИК повысили статус приезжающих к ним руководителей душманов². Эту деятельность Пекина нельзя расценить иначе, как подготовку к созданию афганского «правительства в изгнании».

В комбинации сил, опасно накаляющих обстановку вокруг Афганистана, особой агрессивной напористостью выделяются США и КНР. На это не раз указывали афганские руководители. Например, министр иностранных дел ДРА Шах Мухаммед Дост заявил в январе 1984 г. в интервью газете «Унита»: «Пока позиция Китая по отношению к нам не только не является дружественной — она враждебная»³. Такая же оценка дается в ДРА и политике США в отношении Афганистана.

Пекин и Вашингтон постоянно демонстративно указывают на сходство своих позиций по «афганской проблеме». Так, премьер Госсовета КНР Чжао Цзянь, побывав-

¹ См.: «Правда», 11.VIII.1984.

² In: "Mainstream", 10.III.1984.

³ "L'Unita", 4.I.1984.

ший в январе 1984 г. с визитом за океаном, сделал особый упор на общности подходов Китая и США к проблеме Афганистана, что не могло не получить благоприятного отклика у Вашингтона. Более того, китайский руководитель выразил уверенность в том, что США и КНР будут в состоянии координировать свои действия. Агентство Бахтар, комментируя 8 февраля 1984 г. это заявление премьера КНР, подчеркнуло, что «такая координация означает расширение необъявленной войны против Афганистана».

Совместные акции империализма и гегемонизма, направленные против Афганистана, включают прежде всего снабжение, подготовку и организацию действий душманов. Детали этого «взаимодействия» постоянно отрабатываются, уточняются и согласовываются, в том числе на высоком уровне. Так, по сообщениям зарубежной печати, министр иностранных дел КНР У Сюэцзянь во время визита в США в 1983 г. имел встречу с директором ЦРУ, во время которой поднимался вопрос о расширении координируемых секретных действий США и Китая против Афганистана и Кампучии⁴. О том, какие практические формы принимает это «сотрудничество», можно судить по сообщениям афганской печати. Так, газета «Хакикате инкилабе саур» сообщила, что после Апрельской революции «Пекин стал практически вторым после США центром, ведущим необъявленную войну против ДРА». «Хакикате инкилабе саур» сообщала также, что спецслужбы КНР установили тесные контакты с маоистскими организациями в Афганистане, которым было дано указание вступить в сотрудничество с самыми реакционными кругами, ориентирующимися главным образом на Вашингтон. При этом Пекин сколачивает из маоистских группировок так называемый национальный объединенный фронт Афганистана, на который рассчитывает опереться в своей антиафганской деятельности⁵.

В рамках своей согласованной, скоординированной линии, направленной против Афганистана, США и КНР уделяют большое внимание Пакистану. При их «содействии» последний быстрыми темпами превращается в государство, политика которого в последние годы является источником постоянной опасной напряженности в регионах Южной и Юго-Западной Азии.

С ведома и при поддержке правящих кругов Исламабада территория Пакистана превращена в плацдарм вооруженного вмешательства в дела ДРА и главную базу подготовки и оснащения вооруженных банд. По некоторым данным, на пакистанской территории обосновались 85 контрреволюционных организаций. Поскольку пакистанские власти взяли на себя роль практического координатора ведущей международной империализмом и реакцией необъявленной войны против ДРА, администрация Зия-уль-Хака получает от США, Китая, ряда других стран огромные финансовые средства.

Линия Пекина на превращение Пакистана в опорную базу борьбы против ДРА получила дальнейшее развитие в ходе визита в Пакистан в марте 1984 г. председателя КНР Ли Сяньняня. Во время пребывания там китайский руководитель сделал ряд антиафганских и антисоветских заявлений. В этом контексте выраженное им удовлетворение «расширением» китайско-пакистанских отношений имело вполне определенное значение. Комментируя высказывание Ли Сяньняня о «расширении» отношений между Китаем и Пакистаном, агентство Бахтар 8 марта 1984 г. подчеркнуло, что такое «расширение» означает «помощь в укреплении позиций военного режима Исламабада в борьбе против собственного народа, новые провокации, в том числе военные, против Индии, новые потоки вооружения для афганских контрреволюционных банд, свивших гнездо на территории Пакистана». «Что же касается самого Пакистана, — указывало агентство Бахтар, — то, обещая следовать воинственному курсу Вашингтона вместе с гегемонистами Китая, он дает втянуть себя в опасную игру». Подстрекательская позиция, занятая китайским руководителем во время визита в Пакистан, вызвала в ДРА резкий протест. Представитель МИД Афганистана заявил корреспонденту агентства Бахтар: «Министерство иностранных дел ДРА выражает решительный протест по поводу подстрекательских высказываний Ли Сяньняня и заявляет, что народ ДРА, который связал свою судьбу с Апрельской революцией, готов до конца вести патриотическую борьбу с наемными контрреволюционными бандами».

Пекин через Пакистан поставляет афганским контрреволюционерам безоткатные орудия калибра 75 и 82 мм, автоматы, зенитные орудия, мины и прочие виды оружия. В лагерях «беженцев» близ Кветты, Читрала и Дира действуют китайские инструкторы — специалисты по подрывной деятельности. Китай оказывает массированную военную помощь и военному режиму Зия-уль-Хака, снабжая его танками, бронетранспортерами, боевыми самолетами, артиллерийскими орудиями, стрелковым оружием и боеприпасами. Новый угрожающий элемент в и без того взрывоопасную обстановку в регионе вносят китайско-пакистанские контакты в ядерной области⁶.

При этом Исламабад, тесно связавший себя с США и Китаем и предоставивший пакистанскую территорию для антиафганской деятельности, оказался заложником у своих старших партнеров, фактически бесконтрольно распорядившихся его внешнеполитической линией. Индийский журнал «Мейнстрим» заметил по этому поводу:

⁴ In: "Far Eastern Economic Review", 17.XI.1983, p. 15.

⁵ См.: «Хакикате инкилабе саур», 25.I.1984.

⁶ In: "Mainstream", 10.I.1984.

«Хотя пакистанское правительство заинтересовано в том, чтобы Китай предоставил афганским контрреволюционерам материальную и военную помощь, ему в то же время хочется сохранить контроль над отношениями руководителей афганских контрреволюционеров с третьими странами. Кажется, режим Зия-уль-Хака боится, что афганские контрреволюционеры при поддержке внешних сил, в том числе Китая, могут быть вовлечены в непредвиденные акции, которые могли бы поставить под угрозу долгосрочные интересы Пакистана и его безопасности»⁷. Иными словами, Пакистан может быть втянут своими патронами, действующими через афганских контрреволюционеров, в опасную военную провокацию, последствия которой труднопредсказуемы.

Надо сказать, что для китайского руководства занятая им антиафганская позиция, кроме всего прочего, означает благоприятную возможность поддерживать «стратегический диалог» с Вашингтоном. В Китае рассчитывают на встречу благотворительности Вашингтона в различных сферах китайско-американских отношений. На эту особенность позиции КНР обратила внимание афганская печать. Так, весной 1984 г., в канун визита в Китай президента США Р. Рейгана, в китайской печати подчеркнуто участились антиафганские публикации, призванные, видимо, создать соответствующий фон китайско-американской встрече на высшем уровне. 11 апреля 1984 г. агентство Бахтар обратило внимание на распространявшееся агентством Синьхуа измышления о применении «советского химического оружия в Афганистане», задало вполне уместный вопрос: «Не являются ли подобные вымыслы частью узора ковровой дорожки, которую в Пекине намерены расстелить перед американским президентом?»⁸.

Заданный китайскими органами пропаганды тон был подхвачен прибывшими в КНР с визитом президентом Рейганом и сопровождавшими его лицами. Американские представители использовали свое пребывание в Китае для антиафганских и антисоветских выпадов. Госсекретарь США Дж. Шульц в интервью для американской телекомпании, например, заявил, что существует даже «программа» помощи афганским контрреволюционерам, и разъяснил: «Я не собираюсь говорить об этой программе. Но безусловно, если есть возможность оказать содействие борцам за свободу, они заслуживают помощи». (По данным печати, только американская помощь «борцам за свободу» в текущем афганском году, то есть с марта 1984 по март 1985 г., составит 125 млн. долл.⁹) Выступая во время пребывания в КНР с демонстративными выпадами против ДРА и СССР, Рейган и члены его администрации как бы подчеркивали в расчете на соответствующий внешнеполитический эффект перед лицом всего мира прочность американско-китайского сотрудничества по «афганской проблеме». Кроме того, сходство позиций двух сторон по вопросу об Афганистане позволяло Вашингтону, да и Пекину, как бы затушевать, отвести на второй план выявившиеся известные американско-китайские разногласия, например по тайваньской проблеме. В этом смысле можно сказать, что антиафганская позиция Пекина и Вашингтона является одним из ажных элементов, цементирующих китайско-американские отношения.

Сразу после визита Р. Рейгана в Китай военно-политическое давление на ДРА резко возросло, особенно интенсивными стали тайные подрывные операции. Летом 1984 г. в Пекине в обстановке секретности побывала группа главарей афганских душманов, выступающих против законного правительства Афганистана. По сведениям печати, поездке этой группы предшествовал визит в Китай пакистанских генералов Али Акбар Хана и Сакбар Хусейн Саеда. По просочившимся сведениям, пакистанские военные вели переговоры относительно реализации договоренности о поставках в Пакистан танков, а также ракет, предназначенных для уничтожения вертолетов. Эти ракеты, по некоторым сообщениям, предназначаются и для бандитских формирований в Афганистане. Кроме того, китайская сторона взяла на себя обязательство обучить на своей территории несколько сот пакистанских военнослужащих — специалистов по диверсионным операциям. Их обучение предполагается проводить в Синьцзян-Уйгурском автономном районе¹⁰. По данным печати, в мае 1984 г. в одном из лагерей на территории Синьцзяна завершили подготовку 50 душманов, которые были переправлены в Пакистан для дальнейшей переброски в ДРА. Кроме того, отряды контрреволюционеров проходили подготовку в двух других лагерях на территории Китая. По сообщениям печати, они прибывали в китайские военно-учебные центры в сопровождении пакистанских офицеров, которые затем принимали участие в их обучении совместно с американскими и китайскими специалистами¹¹.

На дальнейшее обострение обстановки вокруг Афганистана были ориентированы китайско-пакистанские переговоры, состоявшиеся во время визита в Китай министра иностранных дел Пакистана Якуб Хана в июле 1984 г. Его поездка в КНР была явно использована для активизации афганской контрреволюции, дальнейшего втягивания Пакистана в опасную антиафганскую деятельность, общего обострения обстановки вокруг Афганистана. Правда, китайская сторона в расчете на политический эффект попыталась изобразить свою позицию по «афганской проблеме» как чуть ли не миро-

⁷ "Mainstream", 10.II.1984.

⁸ Цит. по: «Правда», 11.IV.1984.

⁹ «Хакикате инкилабе саур», 8.VIII.1984.

¹⁰ См.: «Правда», 28.VII.1984.

¹¹ См. там же, 15.VIII.1984.

таорческую. Министр иностранных дел КНР У Сюэцзянь заявил, например, что «китайское правительство и народ твердо поддерживают правительство и народ Пакистана во всех усилиях, которые они предпринимают, чтобы добиться политического решения афганского вопроса на основе резолюций, принятых ООН, проявляя принципиальность и соблюдая справедливость». Однако такого рода заявления, никак не согласующиеся с практическими действиями Пекина, никоим образом не могут ввести в заблуждение. Как стало известно, пакистанские власти обратились в ходе переговоров к китайской стороне с просьбой о переводе части лагерей афганской контрреволюции из Пакистана в Китай. В этой связи указывалось, что афганские контрреволюционеры стали получать из США современное, более совершенное и сложное оружие, включая зенитные ракеты, и что обучение владению этим оружием можно проводить только на территории Китая, поскольку Исламабаду не хотелось бы брать эту миссию на себя. В соответствии с достигнутой в ходе переговоров договоренностью три лагеря афганских душманов уже переведены из Пакистана в южную часть Синьцзяна¹².

Все это не могло не означать дальнейшего опасного сдвига в позиции КНР и Пакистана относительно Афганистана. В этой связи афганская газета писала: «Риторические заявления китайского министра иностранных дел о том, что «Китай поддерживает усилия Генерального секретаря ООН в организации афгано-пакистанских контактов» и пытается содействовать развитию отношений между этими странами на основе «диалога и консультаций», не имеют ничего общего с действительностью. Пекин ни в коей мере не поддерживает инициативы афганского правительства по мирному урегулированию проблем, касающихся ситуации вокруг Афганистана. Напротив, пекинское руководство усиливает вмешательство во внутренние дела ДРА, увеличивает финансовую поддержку афганской контрреволюции»¹³. К такому же выводу пришло и агентство Бахтар, констатировавшее в комментарии от 16 августа 1984 г., что «провокационный визит министра иностранных дел Пакистана Якуб Хана в Пекин, достигнутая на переговорах с официальными лицами КНР договоренность о перенесении ряда лагерей по подготовке афганских контрреволюционеров в Китай в район Синьцзяна свидетельствуют об усилении вмешательства Китая во внутренние дела ДРА». Агентство Бахтар подчеркнуло, что «визит Якуб Хана в Пекин явился не чем иным, как воплощением в жизнь планов, уже вырабатанных ранее, во время вояжа в Пекин президента Соединенных Штатов Р. Рейгана. В вопросе об Афганистане интересы империализма США и китайского гегемонизма тесно переплетаются».

Одним из подтверждений правильности выводов афганского агентства могут служить переговоры, которые провел в августе 1984 г. в Пакистане министр военно-морских сил США Дж. Леман. По сообщениям печати, на его переговорах с руководителями пакистанского военного режима основное внимание было уделено укреплению военного сотрудничества США и Пакистана, в частности в вопросах оснащения оружием банд афганской контрреволюции, действующих с пакистанской территории. В этой связи обсуждалась возможность активизации их вылазок против ДРА. В плане отработки военно-политического взаимодействия против Демократического Афганистана на переговорах обсуждались также вопросы координации действий пакистанских военных властей с соответствующими должностными лицами КНР в деле обучения афганских душманов в китайских военных лагерях в Синьцзяне и последующей их заброски в Афганистан¹⁴.

Ныне с достаточной определенностью можно утверждать, что механизм военно-политического взаимодействия КНР и США, направленного против Афганистана, отработан и пущен на полный ход. Это обстоятельство может иметь опасные долговременные последствия, поскольку такое отработанное взаимодействие Пекина и Вашингтона может быть использовано не только против ДРА, но и любой другой страны, например в зоне национально-освободительного движения, действия которой будут идти вразрез с замыслами США и КНР. Показательно, что, побывав в Пакистане, Дж. Леман отправился в КНР. Состоявшиеся в ходе этого визита переговоры Дж. Лемана с китайскими руководителями показали, что США и КНР не только продолжают укреплять военно-политическое сотрудничество на двусторонней основе, но и стремятся использовать Пакистан в интересах их гегемонистской политики в Азии.

В целом обстановка вокруг Афганистана продолжает оставаться напряженной. Международный империализм и реакция оказывают на Демократический Афганистан всесторонний нажим, нагнетают напряженность в регионе. Они не оставляют попыток повернуть вспять развитие афганской революции и восстановить таким образом свои позиции в данном районе мира. Однако афганский народ полон решимости защитить суверенитет и независимость своей страны, завоевания Апрельской революции.

¹² См.: «Правда», 4.VIII.1984.

¹³ "Kabul Newtimes", 1.VIII.1984.

¹⁴ См.: «Правда», 15.VIII.1984.

В Китае 1944-го

М. Ф. ЮРЬЕВ,
профессор

Шел седьмой год войны китайского народа против японских империалистов, начавшейся 7 июля 1937 г. Для Китая это была справедливая война за освобождение всей национальной территории, включая захваченную еще в 1931—1932 гг. Маньчжурию и оккупированные в 1937 и последующих годах районы Северного, Восточного, Центрального и Южного Китая. В сентябре 1939 г. разразилась вторая мировая война. Война антияпонского сопротивления стала частью этого огромного и по масштабам и по воздействию на судьбы человечества события.

Вероломное нападение в июне 1941 г. гитлеровской Германии на Советский Союз вызвало к жизни антифашистскую коалицию СССР, Англии и США, к которой в дальнейшем примкнули десятки государств. Наиболее крупным из них был Китай, который в начале июля 1941 г. разорвал дипломатические отношения с Германией и Италией в связи с их признанием марионеточного правительства Ван Цзинвэя. После нападения японских милитаристов на вооруженные силы и колониальные владения западных держав, положившего начало войне на Тихом океане, Китай 9—10 декабря 1941 г. объявил войну также Германии и Италии.

Главным фронтом второй мировой войны стал советско-германский фронт. Героическая оборона Брестской крепости и Ленинграда, Одессы и Севастополя, десятков других советских городов, поражение немецких войск под Москвой вызвали крах гитлеровского блицкрига. Великие победы 1943 г. под Сталинградом, на Курской дуге означали перелом в мировой войне. В 1944 г. Вооруженные Силы СССР нанесли новые мощные удары гитлеровской армии, изгнали врага с советской территории и начали освобождение стран Европы.

Китайский народ внес значительный вклад в борьбу против агрессивного фашистско-милитаристского блока. В первые годы войны против Китая японские империалисты, опираясь на военно-техническое и организационное превосходство своей армии, используя внутренние слабости гоминьдановских войск, милитаристские пережитки в их среде, отсутствие единства между офицерами и солдатами, нежелание руководства гоминьдана привлечь народные массы к активному участию в защите страны, нехватку современного вооружения, значительно продвинулись в глубь китайской территории. Ими были захвачены основные центры политической, экономической, культурной жизни Китая — Бэйпин (Пекин) и Тяньцзинь, Шанхай и Нанкин, Ухань и Гуанчжоу, а также многие важнейшие коммуникации. В конце 1938 г. наиболее реакционная часть гоминьдановских политиков прояпонской ориентации во главе с заместителем председателя ЦИК гоминьдана Ван Цзинвэем открыто перешла на сторону Японии, перебравшись на оккупированную территорию и заявила о своей согласии с политикой

Японии в отношении Китая. Захватив огромную территорию, японские империалисты не смогли, однако, закрепиться в обширных сельских, особенно горных, районах. Начиная с 1938 г. в тылу японских войск под руководством КПК были созданы антияпонские опорные базы, которые укреплялись войсками 8-й и Новой 4-й армий при поддержке партизанских отрядов и народного ополчения. Там были проведены демократические реформы — снижена арендная плата за землю, ограничен процент по ссудам, изменена налоговая система в интересах большинства населения. Крестьяне привлекались к участию в органах управления, принимались меры к распространению грамотности, воспитанию духа патриотизма, повышению культурного уровня населения. Росла численность народных вооруженных сил, организаций компартии, крестьянских, профессиональных, женских, молодежных, детских союзов, пропагандировалась политика единого антияпонского национального фронта. Все это создавало условия для привлечения широких масс к участию в сопротивлении японской агрессии. Были, разумеется, и трудности, связанные с отходом от классовой политики, с проявлениями национализма, допускались ошибки, вызванные недостатком опыта и другими причинами. Но главное заключалось в том, что в районах, где руководство принадлежало компартии — в Особом районе на стыке провинций Шэньси, Ганьсу, Нинся и в антияпонских опорных базах, — зарождалась новая государственность.

Таким образом, в период национально-освободительной войны китайского народа против японских империалистов страна была разделена на три части: районы, где существовала власть гоминьдана (так называемый «большой тыл» в Западном Китае с временной столицей Чунцином); территории, руководимые КПК (Особый район с центром в Яньани, а также опорные базы в тылу японских войск); оккупированные земли, города и коммуникации в Северо-Восточном («Маньчжоу-го» со столицей Чанчунем или Синьцзином), Северном, Восточном, Центральном и Южном Китае с местопребыванием марионеточного правительства в Нанкине.

Между этими частями Китая существовали не только коренные различия, но и сложные взаимосвязи. Районы гоминьдановской власти и территории, контролировавшиеся компартией, связывал их национальный, антияпонский характер, но разделяли социальные характеристики. Последнее обстоятельство усугублялось влиянием субъективного фактора, в результате чего происходили столкновения, то и дело грозившие перерасти в гражданскую войну. Правительства Чан Кайши и Ван Цзинвэя глубоко различались по их отношению к японской агрессии, но по своей классовой базе были близки друг другу. В ряде случаев ненависть к КПК не только сближала их идейно, но и приводила к совместным действиям против войск 8-й и Новой 4-й армий, к массовым переходам гоминьдановских генералов со своими соединениями на сторону японцев.

Часть населения антияпонских опорных баз была вынуждена платить налоги двум сторонам — демократическим органам власти и японо-марионеточной администрации. В этих местностях днем хозяевами были оккупанты, а ночью — партизаны. Враг пытался задушить опорные базы КПК блокадой, но это не исключало торговли между свободными и оккупированными районами, когда в товарообмене были заинтересованы обе стороны.

Ни тяжелые удары военной машины Японии, ни откол от гоминьдана прояпонской группировки, образовавшей марионеточное правительство, не привели, однако, к капитуляции Китая. Главным международным фактором, способствовавшим продолжению борьбы против агрессора, была многообразная морально-политическая, экономическая,

военная поддержка Советского Союза, героический пример советского народа.

Буржуазные правительства западных стран, на поддержку которых рассчитывал гоминьдан, с первых месяцев войны фактически предавали Китай. США не прекратили снабжать Японию стратегическим сырьем и оборудованием, вишнстские власти в июне 1940 г. запретили отправку в Китай военных материалов через индокитайскую границу, правительство Черчилля в июле того же года закрыло дорогу Бирма — Китай.

Лишь наше социалистическое государство пришло на помощь Китаю. Через полтора месяца после начала войны, 21 августа 1937 г., был заключен советско-китайский договор о ненападении. В 1938—1939 г.г. СССР предоставил Китаю три займа на общую сумму 250 млн. долл. для оплаты поставок вооружения и военных материалов¹. Эти поставки были начаты уже 31 октября 1937 г. За 1937—1941 г.г. они включили более 900 самолетов, 1140 орудий, 82 танка, около 10 тыс. пулеметов, 50 тыс. винтовок, свыше 2 тыс. автомашин и тракторов, 2 млн. снарядов, 31,6 тыс. авиабомб, 180 млн. патронов. В войне китайского народа против японских милитаристов активно участвовали советские военные советники, к началу 1941 г. их было 140 человек. Их возглавляли (в разное время) известные военачальники М. И. Дратвин, А. И. Черепанов, В. И. Чуйков, обладавшие опытом гражданской войны в СССР и работы в Китае 20-х годов. В различных учебных заведениях и подразделениях китайской армии под руководством советских преподавателей и инструкторов прошли обучение свыше 90 тыс. человек. В 1937—1940 г.г. в Урумчи действовала школа подготовки кадров для руководимой КПК 8-й армии, в которой обучалось 416 человек, в том числе 41 авиатор. Несколько сот советских летчиков-добровольцев и авиатехников защищали китайские города от варварских бомбардировок. Свыше 200 из них погибли, выполняя свой интернациональный долг.

Отпор японским провокациям у озера Хасан (1938) и на реке Халхин-Гол (1939), отвлечение крупных сил японской армии от китайского фронта к границам СССР (наша страна была вынуждена держать на Дальнем Востоке свыше 1 млн. солдат и офицеров) помогали Китаю в его справедливой борьбе. Это отмечал в сентябре 1939 г. Мао Цзэдун: «После того как Япония была поставлена на колени (в результате советского отпора. — М. Ю.), японские милитаристы признали неприкосновенность советских и монгольских границ. Такое соглашение о прекращении военных действий увеличит возможность оказания Советским Союзом помощи Китаю, а не уменьшит эту помощь»².

Антияпонски настроенные китайские деятели различных политических взглядов признавали особое значение борьбы советского народа против гитлеровской Германии, а также советской помощи Китаю. В директиве ЦК КПК от 23 июня 1941 г. «О международном едином фронте борьбы против фашизма» подчеркивалось: «В священной войне, которую ведет Советский Союз, оказывая отпор фашистской агрессии, советский народ защищает не только свою страну, но и все народы, ведущие освободительную борьбу против фашистского порабощения». Эта же мысль содержалась в обращении ЦК КПК от 7 июля 1941 г. ко всем соотечественникам, бойцам и офицерам антияпонской войны по случаю 4-й годовщины войны против Японии³. Один из высших командиров 8-й армии, впоследствии маршал КНР Не Жунчжэнь так оценивал в 1951 г. значение разнообразной советской поддержки,

¹ См.: Советско-китайские отношения. 1917—1957. Сборник документов. М., 1959, с. 161—162, 167—170, 172—179.

² Там же, с. 189.

³ См.: Справочные материалы по истории китайской революции, т. 4. Пекин, 1959, с. 168 (на кит. яз.).

оказанной Китаю: «Конечно, успешный исход антияпонской войны китайского народа неотделим от помощи Советского Союза». Другой военный деятель КПК, Ло Жунхуань, также подчеркивал, что Советский Союз «был единственным государством, выступавшим за дело справедливости, против японских агрессоров»⁴.

Чан Кайши в начале войны с Японией признавал, что без советской помощи оружием Китай не смог бы оказать длительного сопротивления, а генерал Чэнь Чэн (начальник политуправления гоминьдановской армии) даже заявил: «Если бы мы пошли на договор с Советским Союзом до событий у Лугоуцяо [нападение японских войск на Китай 7 июля 1937 г. — М. Ю.], то войны могло бы и не быть».

Большое значение для сопротивления Китая японской агрессии имел последовательный и принципиальный курс КПСС, Советского государства, направленный на то, чтобы содействовать созданию и сохранению единого антияпонского фронта всех патриотических сил Китая.

Важным внутренним фактором предотвращения капитуляции была позиция Коммунистической партии Китая, стойкая борьба руководимых ею вооруженных сил против захватчиков, образование в тылу противника антияпонских опорных баз. В ходе войны численность КПК значительно увеличилась, вырос ее авторитет в народных массах, возросло ее влияние на судьбы страны. В 1941—1942 гг. японские милитаристы, усилив свои войска, действовавшие против армии КПК, добились уменьшения территории ее опорных баз, но в 1943 г. отступление удалось прекратить, а в 1944 г. началось частичное контрнаступление народных вооруженных сил. Используя переброску значительной части японских войск на гоминьдановский фронт для осуществления нового крупного наступления⁵, войска КПК в Северном и Восточном Китае вынудили противника отступить с захваченных им в 1941—1942 гг. участков. В центральном Шаньдуне в марте — апреле 1944 г. части Ло Жунхуаня разбили 13 полков марионеточных войск (7 тыс. человек) и освободили территорию с 300-тысячным населением. Во второй половине 1944 г. были одержаны победы в южном Шаньдуне, в Бохайском, Приморском и Цзяодунском районах, где также миллионы жителей избавились от власти оккупантов, а десятки отрядов марионеточных войск перешли на сторону 8-й армии. В районе Шаньси — Чахар — Хэбэй соединения армии КПК под командованием Не Жунчжэня начали наступление в январе 1944 г. и освободили за 10 месяцев 24 города, нанесли удары даже по таким важным пунктам, как Шицзячжуан, Баодин, Гаоян. Большое перспективное значение имело укрепление пограничного района Хэбэй — Жэхэ — Ляонин — «коридора», ведущего из опорных баз Северного Китая в Маньчжурию. Войска пограничного района Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань, руководимые Лю Бочэном, в 1944 г. взяли свыше тысячи укрепленных опорных пунктов врага, освободили территорию с 5-миллионным населением, в том числе 19 городов. В Шаньси-Суйюаньском районе в 1944 г. части Люй Чжэнцао освободили территории с 370-тысячным населением. Новая 4-я армия, действуя в Центральном Китае, также добилась заметных боевых результатов. 1-я дивизия Су Юя в сражении у Чэцяо (Северная Цзянсу) в марте 1944 г. нанесла поражение японо-марионеточным частям, а в июле захватила несколько речных портов на берегу Янцзы. За год соединение Су Юя вывело из строя 15 тыс. солдат и офицеров противника, заняло 135 укрепленных опорных пунктов. 3-я дивизия Хуан Кэчэна в 1944 г. одержала несколько побед, уничтожила отряд марионеточного флота, заняла новые территории и добилась соедине-

⁴ «Синь цзяньшэ», 1951, № 4, с. 8; 1957, № 5, с. 14.

⁵ По данным японских историков, для этой цели было мобилизовано в общей сложности 13 дивизий из войск, дислоцированных в оккупированных районах (История войны на Тихом океане, т. IV. М., 1958, с. 74).

ния антияпонских опорных баз Северной и Центральной Цзянсу. 7-я дивизия Тань Силяня активизировала боевые действия в Центральном Аньхуэе, в районе Нанкин — Аньцин — Уху. В Южном Китае в 1944 г. укрепились антияпонская опорная база в северо-восточной части острова Хайнань (Цюньганский район).

Всего за 1944 г. руководимые КПК войска в ходе частичного контрнаступления провели (по неполным данным) свыше 20 тыс. боев с противником, потерявшим убитыми, ранеными, пленными и восставшими 350 тыс. солдат и офицеров. Были освобождены территория в 80 тыс. км², 5 тыс. укрепленных опорных пунктов и 47 уездных городов, включая и захваченные врагом в 1941—1942 гг.⁶ Подводя итоги военных действий за семь лет антияпонской войны, Чжу Дэ писал, что 8-я и Новая 4-я армии уничтожили, вывели из строя и взяли в плен 1,1 млн. солдат и офицеров японских и марионеточных войск, установили контроль над территорией с 80-миллионным населением, создали в Северном, Центральном и Южном Китае 15 антияпонских опорных баз⁷. К концу 1944 г. 8-я и Новая 4-я армии насчитывали соответственно 508 тыс. и 251 тыс. бойцов, антияпонская колонна Южного Китая — 21 тыс., всего 780 тыс. бойцов, народное ополчение — около 1,7 млн. человек⁸.

По-другому складывалась обстановка на гоминьдановском фронте. С одной стороны, реакционная внутренняя политика руководителей гоминьдана, их попытки не допустить участия народа в войне, изолировать компартию, отвлечение войск с фронта на блокаду Особого района, а с другой стороны — слабость армии Чан Кайши и тем более региональных военных лидеров, подрывали способность армии чунцинского правительства к сопротивлению. Это было в полной мере использовано японским командованием, которое в 1944 г. провело в провинциях Центрального и Юго-Западного Китая крупномасштабное наступление под кодовым наименованием «Итиго» («План активной обороны на Тихом океане»). Цель этой операции формулировалась следующим образом: «Весенне-летнее наступление императорской армии в Китае должно обеспечить полный захват и освоение железнодорожных и шоссейных коммуникаций от Южно-Маньчжурской железной дороги и до Юньнань-Бирманской дороги, включая Пекин-Ханькоускую и Ханькоу-Кантонскую железные дороги; захватить или уничтожить все аэродромы американской авиации в Центральном и Юго-Западном Китае; прервать связь бирманского фронта с Юго-Западным Китаем»⁹. Операцию «Итиго» намечалось осуществить в два этапа. Первый имел целью разгром китайских войск на Бэйпин-Ханькоуской и Лунхайской железных дорогах и захват провинции Хэнань. Для этой цели были выделены две армии и авиадивизия, всего 172 тыс. солдат и офицеров, более 400 орудий, около 200 танков и бронемашин, 230 самолетов. По данным историков КНР, которые подтверждаются и другими публикациями, в наступлении в Хэнани непосредственно участвовало 50—60 тыс. японских солдат и офицеров. Китайское командование (генералы Цзян Динвэнь и Тан Эньбо) располагало 19 армиями (57 дивизий) — 456 тыс. солдат и офицеров, свыше 900 орудий, 32 бронемашин, 70 самолетов.

Несмотря на многократное численное превосходство китайских войск, они не выдержали ударов хорошо подготовленного и оснащенного про-

⁶ Общая история периода новодемократической революции в Китае, т. 3. Пекин, 1961, с. 324—326 (на кит. яз.).

⁷ См.: Чжу Дэ. Героизм 8-й и Новой 4-й армий. — В кн.: Построим сильную армию национальной обороны, защитим родину и народ. Пекин, 6 г., с. 13 (на кит. яз.).

⁸ См.: Лекции по истории КПК. Пекин, 1981, с. 398 (на кит. яз.).

⁹ Цит. по: Б. Г. Сапожников. Китай в огне войны. 1931—1950. М., 1977, с. 273—274 (в 1944 г. две китайские армии под командованием американского генерала Д. Стилуэлла вели наступление против японских войск в Северной Бирме).

тивника. Оборона Хэнани была прорвана в трех местах: на реке Хуанхэ, у станции Мисянь Бэйпин-Ханькоуской железной дороги, откуда японцы развернули наступление на юг; в районе станции Синьян, ставшей исходным пунктом встречного движения на север вдоль той же железной дороги; еще одна группировка действовала вдоль Лунхайской железной дороги в западном направлении на Лоян. К 25 мая первый этап операции был завершён, японцы захватили всю провинцию Хэнань с ее важными коммуникациями.

Перегруппировав свои войска, японцы в конце мая перешли ко второму этапу операции. Из Ханькоу на юг, а из Гуанчжоу на запад повели наступление японские группировки из двух армий (13,5 дивизий — 252 тыс. солдат и офицеров, 500 орудий, 150 танков, 280 самолетов). Им противостояли 16 китайских армий (139 дивизий и 19 бригад — 1120 тыс. солдат и офицеров, более 2300 орудий и 200 самолетов, а также 250 самолетов американского 14-го авиасоединения). Нанеся 28 мая удар по китайским позициям примерно на полпути между Ханькоу и Чанша, японские войска (100 тыс. человек) прорвали китайский фронт и двинулись на юг и юго-запад. Для соединения с ними наступала армия из района Гуанчжоу. 10—11 ноября обе группировки соединились в районе Гуйлинь — Лючжоу (провинция Гуанси). 24 ноября при участии японского отряда, пришедшего из Вьетнама через Лунчжоу, был взят Наньнин. Это означало, что японцы установили контроль над всей системой железнодорожных коммуникаций от Маньчжурии до Индокитая. 20 декабря 1944 г. они захватили город Душань в провинции Гуйчжоу, в 60 км от ее центра Гуйяна. Помимо районов Центрального и Юго-Западного Китая, была занята большая часть приморской провинции Фуцзянь.

Японские войска имели возможность идти на Гуйян и Чунцин, однако внезапно наступление было прекращено. Возможно, японские империалисты стремились таким образом сохранить путь к сговору с Чан Кайши на антикоммунистической основе.

В военном положении Японии успех операции «Итиго» мало что изменил. Главным завоеванием была возможность быстрой переброски войск и вооружений с целью продолжения войны на Азиатском континенте даже в случае высадки американцев на Японских островах. Однако японская военщина не смогла ею воспользоваться в результате вступления СССР в войну и разгрома ударной силы японских сухопутных войск — Квантунской армии — в августе 1945 г.

Но для гоминьдановского военно-политического руководства поражение в Хэнани, Хунани и Гуанси имело самые тяжелые последствия. Потери армии за 8 месяцев составили, по разным данным, от 500 тыс. до 1 млн. человек. Враг захватил огромную территорию (200 тыс. км²), включая четыре центра провинций (Лоян, Чанша, Фучжоу, Гуйлинь), 7 крупных американских авиабаз и 36 аэродромов; железные дороги Бэйпин — Ханькоу, Лунхайскую (от Чжэнчжоу до Лояна), Хунань — Гуанси и южный участок только что построенной дороги Гуйчжоу — Гуанси, плодородные земли и природные ресурсы, сотни промышленных предприятий, рудников. Под ярмо японских колонизаторов попало еще 60 млн. китайцев¹⁰.

Это было второе после 1937—1938 г. крупнейшее поражение гоминьдановских правителей. Его главная причина заключалась в антинародном характере режима Чан Кайши, разложении верхушки гоминьдана, неспособности его политического руководства и военного командования использовать для защиты страны имевшиеся в их распоряжении силы. Ярким примером этого были события в Хэнани. Хэнаньские крестья-

¹⁰ См.: Лекции по истории КПК, ч. 1. Хубэй. 1982, с. 168 (на кит. яз.); Общя история, с. 327—330.

не говорили, что их провинцию терзают четыре зла: засуха, разливы Хуанхэ, саранча и генерал Тан Эньбо — тот самый любимец Чан Кайши, который, располагая многократным численным превосходством над противником, отдал ему Хэнань, почти не оказав сопротивления. По подсчетам очевидцев — американских журналистов, из 30 млн. хэнаньцев от голода и болезней погибло 2—3 млн. человек, еще столько же бежало в другие места. Возмездие наступило, когда японские дивизии ударили по войскам Тан Эньбо: хэнаньские крестьяне не только не помогли китайским войскам, но и открыто выступили против вояк-мародеров. Сначала крестьяне разоружали небольшие группы солдат, а затем и целые роты, оружие было отнято у 50 тыс. солдат Тан Эньбо, деморализованных и лишенных руководства¹¹. Историки КНР пишут, что в июле 1944 г. свыше 7 тыс. крестьян во главе с Ван Чуанем разоружили в районе Синьяна (Южная Хэнань) большую группу гоминьдановских солдат. На подавление крестьянского выступления была брошена 28-я дивизия 69-го корпуса. 5 тыс. человек, включая стариков, женщин, детей, было убито. В ответ на зверскую расправу несколько десятков тысяч крестьян создали «Крестьянскую армию спасения Родины» и под лозунгом «борьбы против войск, не сопротивляющихся Японии», разгромили эту самую 28-ю дивизию¹².

Важной причиной поражений китайских войск было стремление гоминьдановских лидеров любыми средствами не допустить роста сил и влияния компартии. Выражая дружеские чувства к китайскому народу и тревогу в связи с военными поражениями гоминьдана, советская газета «Известия» 2 декабря 1944 г. указывала на опасность действий реакционных сил, подрывающих единство Китая в борьбе против японских агрессоров. Антикommунизм гоминьдана проявился особенно наглядно в блокаде Особого района Шэньси — Ганьсу — Нинся, для чего было выделено 400—500 тыс. солдат под командованием известного реакционера генерала Ху Цзуннаня. Официально он командовал силами, защищавшими рубежи по реке Хуанхэ от японцев, но фактически лишь одна треть его дивизий выполняла это задание, а две трети были размещены вокруг Особого района и участвовали в провокационных нападениях на части 8-й армии¹³.

В этих условиях в Яньани рассматривали поражение гоминьдановских войск в Хэнане с точки зрения соотношения сил между КПК и гоминьданом. Руководство КПК стремилось и в условиях японского наступления расширять территорию антияпонских баз, нанося чувствительные удары по врагу. Командование 8-й армии создало Отдельный Западнохэнаньский отряд. Командование Новой 4-й армии приказало 4-й дивизии Пэн Сюэфэна идти из Аньхуэя на запад, в Восточную Хэнань, а части 5-й дивизии Ли Сяньяня из района Хубэй — Хэнань — Аньхуэй — в Южную Хэнань, а затем через Хубэй в Северную Хунань. С сентября по декабрь 1944 г. в Западной Хэнане была занята территория с более чем миллионным населением. В боях за Северный Аньхуэй погиб Пэн Сюэфэн, но его соединение, взаимодействуя с войсками района Хэбэй — Шаньдун — Хэнань, установило свою власть в нескольких уездах вблизи Кайфэна с населением в 1 млн. человек. 5-я дивизия в Южной Хэпани заняла большую часть уездов Синьян, Цюэшань, Суйпин, Жунань и вступила с запада в горный район Тунбошань¹⁴. В Северной Хунани отрядом Ван Чжэня (комиссар Ван Шоудао) также была занята значительная территория вблизи Юэяна, Хуажуна и других мест. 9 ноября 1944 г. этот отряд чис-

¹¹ См.: Т. Уайт и Э. Джекоби. Гром из Китая. М., 1948, с. 179; П. П. Владимиров. Особый район Китая. 1942—1945. М., 1973, с. 353.

¹² См. Общая история, с. 333.

¹³ См.: там же, с. 276.

¹⁴ См.: Народно-освободительная армия в период войны против японских захватчиков (Боевые действия 8-й и Новой 4-й армии). М., 1957, с. 211—212.

ленностью 3800 человек вышел из Яньани, тайно переправился через Хуанхэ, а затем под прикрытием войск Новой 4-й армии — через Янцзы и вступил в Хунань. Отряд был назван «Хунаньской антияпонской армией спасения Родины».

Одним из важных последствий поражения, понесенного в 1944 г. армией Чан Кайши в Хэнани, Хунани и Гуанси, был подъем демократического движения в стране. Коммунисты указывали на связь военной катастрофы с антинародной политикой Чунцина, однопартийной диктатурой, террором против демократов, подавлением свободомыслия, коррупцией гоминьдановской верхушки в центре и на местах, экономическим кризисом, закрытием предприятий национальной буржуазии, разгулом спекулянтов. Как сообщила 1 марта 1944 г. газета КПК «Синьхуа жибао», издававшаяся в Чунцине, крупные чиновники в Куньмине (центр провинции Юньнань) в целях спекуляции тайно скопили столько товаров, что их хватило бы для войск и населения всей Юньнани в течение 5 лет¹⁵. Рост цен и безработицы, усиление налогового бремени, реквизиции — все это ухудшало и без того тяжелое положение крестьян, рабочих, служащих, представителей мелкой буржуазии, низших слоев интеллигенции. По сообщению газеты «Шиши синьбао» от 10 сентября 1944 г., и без того нищенская реальная заработная плата рабочих уменьшилась за время войны более чем вдвое. Положение безработных было еще хуже, а ведь только среди текстильщиков Чунцина в марте 1944 г. их насчитывалось 40 тыс. человек.

Крестьяне были беззащитны перед произволом властей, армейских офицеров и деревенской верхушки, жестоко страдали от стихийных бедствий. В 1944 г. в Сычуани насчитывалось 20 млн., а в Северном Хубэе — 3 млн. сельских жителей, бедствовавших из-за неурожая и поборов. Мелкие служащие, учителя школ и большинство преподавателей вузов влачили полуголодное существование. В гоминьдановской армии солдат били, обворовывали¹⁶.

Недовольство широких масс трудящихся и средних слоев тяжелым экономическим положением выливалось в политическую борьбу против диктатуры гоминьдана. Буржуазно-демократические деятели провели в начале 1944 г. ряд общественных собеседований для обсуждения государственных дел, на которых критиковалось намерение гоминьдана сохранить принятый в условиях гражданской войны проект антидемократической конституции 5 мая 1936 г., выдвигались требования разрешить деятельность политических партий, ввести конституционное правление, обеспечить права граждан, преобразовать правительство. Активизировалась и довольно аморфная, созданная в 1941 г. Лига демократических политических организаций. В мае она опубликовала декларацию о современном положении, осудив гоминьдан за антидемократическую политику, преследование негоминьдановских партий и объединений, за намерение продлить период политической опеки. В том же месяце пять организаций национальной буржуазии направили XII пленуму ЦИК гоминьдана «Мнение о решении современных политических и экономических вопросов», высказавшись за изменение политики гоминьдана. Затем ежемесячник «Сяньчжэн» («Конституционное правление») опубликовал требования представителей промышленников, собравшихся в Чунцине: свобода производства, поддержка национальных предприятий, осуществление демократического правления, отказ от политики диктата.

Поражения гоминьдановских войск стимулировали дальнейшее усиление оппозиции диктаторскому режиму Чан Кайши. В июне 1944 г. гуансийские гоминьдановские деятели во главе с Ли Цзишэнем и Лю Яцзы организовали Комитет по пропаганде мобилизации сил на войну

¹⁵ См.: У Минь, Сяо Фэн. От «4 мая» до рождения КНР. Пекин, 1951, с. 220—221 (на кит. яз.).

¹⁶ См.: Общая история, с. 331—332.

с Японией и Союз деятелей культуры Гуйлиня за усиление антияпонской войны. Эти организации призывали к немедленной мобилизации широких народных масс, к решительному отпору Японии, наказанию пораженцев. Инициатива гуансийцев получила отклик у представителей различных слоев населения в других городах. В Чэнду по предложению известного сычуаньского общественного деятеля Чжан Ланя было создано Общество содействия демократическому конституционному правлению, выдвигавшее требования уважать законность, права и свободы народа, мобилизовать и вооружить народ для борьбы с Японией, обновить политику, устранить злоупотребления при мобилизации, сборе арендной платы и налогов. В Чунцине Шэнь Цзюньжу, Го Можо, Тао Синьчжи опубликовали заявление в поддержку требований культурных кругов Гуйлиня. В Куньмине популярные (особенно среди учащейся молодежи и беженцев из оккупированных районов) демократические деятели Ли Гунпу и Вэнь Идо издавали журнал «Цзюю лунъюнь» («Трибуна свободы»), в котором осуждалась «фашистская диктатура гоминьдана»¹⁷, подчеркивалось, что китайский народ нуждается «в свободе, свободе и еще раз в свободе». В неправительственных газетах Чэнду («Хуаси жибао»), Куньмина («Юньнань жибао»), Сиани («Циньфэн жибао») публиковались статьи с требованиями демократии, конституционного правления, преодоления национального кризиса.

Особенно горячее участие в антидиктаторском движении приняла учащаяся молодежь. Начиная с июля 1944 г. в Гуйлине, Чэнду, Чунцине, Куньмине и других городах студенты, среди которых был особенно велик процент беженцев из Бэйпина и Тяньцзиня, Шанхая и Нанкина, затем из Уханя и Гуанчжоу, Хэнани и Хунани, организовали лекции, собеседования, требуя демократии и свободы. В 7-ю годовщину событий 7 июля 1937 г. свыше 3 тыс. студентов Юньнаньского университета (созданного из преподавателей и студентов вузов оккупированных городов), Центрального юридического университета («Чжунфа») провели митинг, требуя политических перемен. В своей речи Вэнь Идо разоблачал антинациональный курс Чан Кайши и призывал молодежь активно включиться в борьбу за демократию. 3 тыс. студентов Куньмина организовали демонстрацию с требованием демократии и свободы еще 4 мая 1944 г., в 25-ю годовщину «движения 4 мая».

Сведения об участии коммунистов в этих выступлениях отсутствуют, но в современных публикациях КПК прямо говорится, что Южное бюро ЦК КПК во главе с Чжоу Эньлаем много сделало для развития демократического движения¹⁸. Возможности для этого возросли в связи с изменениями в кадровой политике партии. Многие коммунисты, ошельмованные в ходе кампании «проверки кадров», были реабилитированы в 1944 г. Как указывают современные китайские авторы, «на втором этапе этой кампании — во время так называемого «движения экстренного спасения» — были допущены «левые» нарушения, когда путали два вида неодинаковых по характеру противоречий, вынуждали к признаниям, наносили тем самым большой вред. ЦК партии выявил и исправил эти ошибки»¹⁹. Эти перемены имели ряд причин и внутреннего, и международного плана. Немалое значение имела позиция международного коммунистического движения, авторитет которого и после роспуска Коммунистического Интернационала был велик и укреплялся в результате исто-

¹⁷ Характеристика гоминьдановской диктатуры как фашистской была выдвинута во внутрипартийной пропаганде КПК в 1943 г., после выхода в свет книги Чан Кайши «Судьбы Китая» и третьей антикоммунистической кампании. В развернутом виде это определение обосновывалось в докладе Чжоу Эньлая «О китайском фашизме — неодоеспотизме» (август 1943 г.). Тезисы этого доклада см.: Чжоу Эньлай. Избр. соч., т. 1. Пекин, 1981, с. 195—203.

¹⁸ См.: Лекции по истории КПК, ч. 1. Хубэй, с. 167.

¹⁹ Лекции по истории КПК, ч. 1. Хубэй, с. 162.

рических побед советского народа. Эта позиция была выражена в обращении Георгия Димитрова к Мао Цзэду (декабрь 1943 г.), в котором отмечалось: «Проведение такого правильного партийного мероприятия, как очистка партии от вражеских элементов и ее сплочение, осуществляется Кан Шэном и его аппаратом в таких уродливых формах, которые способны лишь посеять взаимную подозрительность, вызвать глубокое возмущение рядовой массы членов партии и помочь врагу в его усилиях по разложению партии»²⁰. По свидетельству П. П. Владимирова, Мао Цзэдун заявил ему 4 января 1944 г., что понимает глубокое, искреннее стремление товарища Димитрова помочь руководству КПК и ценит эту помощь, ибо она всегда оказывалась мудрой. По оценке П. П. Владимирова, такая чисто внешняя реакция на обращение Г. Димитрова имела целью сохранить Кан Шэна в руководстве КПК как руководителя партийной «разведки и контрразведки»²¹.

Реабилитация кадров расширила возможности парторганизаций по усилению различных участков работы, в том числе и в рядах демократического движения. Авторитету КПК способствовали и успехи ее вооруженных сил. Косвенные данные позволяют предположить, что деятельность компартии оказала самое непосредственное влияние на позицию мелкой буржуазии, интеллигенции и некоторых буржуазных кругов. Активными участниками и во многих случаях организаторами демократического движения были такие деятели, как Сун Цинлин, Го Можо, Цзоу Таофэнь, Ли Гунпу, Вэнь Идо, Тао Синьчжи, Шэнь Цзюньжу. Среди них были и деятели, близкие к КПК. Лозунги демократического движения в значительной мере совпадали с требованиями компартии, которые были сформулированы в обращении по случаю 7-й годовщины нападения Японии на Китай, опубликованном 6 июля 1944 г. во время японского наступления в Хэнане и Хунани. Компартия требовала от национального правительства укрепления боеспособности армии, поддержки развернувшегося в тылу демократического движения народа, чтобы оно «увеличило наши силы в войне против агрессора», принятия мер по укреплению внутренней сплоченности, в том числе между гоминьданом и КПК, изменения внутренней политики, проведения демократических преобразований: осуществления трех народных принципов, введения демократических свобод, мобилизации всего народа на подготовку к общему контрнаступлению, легализации антияпонских партий и групп, отмены диктата над экономикой, пресечения спекуляции, содействия расширению сельскохозяйственного, ремесленного производства и торговли, осуществления мер по преодолению экономического кризиса и созданию экономической основы для ведения войны против агрессора²². Из 24 призывов 8 относились к внутренним делам, из них 7 полностью или частично отражали настроения представителей общедемократических сил, патриотической интеллигенции, демократических партий и групп, мелкой и средней буржуазии. Компартия приняла меры по ознакомлению всей страны с этими требованиями. 15 сентября 1944 г. представитель КПК на переговорах с гоминьданом Линь Боцуй изложил позицию компартии²³. Он поставил вопрос о ликвидации однопартийной диктатуры гоминьдана, о созыве общекитайской конференции представителей антияпонских политических партий и групп, войск, органов власти, народных организаций для образования коалиционного правительства²⁴.

²⁰ «Коммунист», 1982, № 9, с. 81—82.

²¹ П. П. Владимирова. Указ. соч., с. 249—254.

²² См.: Справочные материалы, с. 322—324.

²³ Эти переговоры продолжались с перерывами с 1940 г. Речь шла о демократизации политических порядков, легализации антияпонских партий, освобождении политзаключенных, статусе войск Пограничного района Шэньси—Ганьсу—Нинся и антияпонских баз в тылу врага.

²⁴ «Цзефан жибао», 22.IX.1944.

Более подробно и конкретно идею создания коалиционного правительства обосновал Чжоу Эньлай в получившей широкую известность речи «Каково решение», произнесенной в Яньани в 33-ю годовщину Синьхайской революции 10 октября 1944 г. От имени компартии он выдвинул следующие предложения. 1) В ближайшее время созывается Государственное совещание из представителей гоминьдана, КПК, других антияпонских партий и групп, антияпонских вооруженных сил (центральных войск гоминьдана, местных войск, а также руководимых КПК вооруженных сил, действующих в тылу врага), властей (включая власти в большом тылу и избранные народом органы власти в освобожденных районах в тылу врага), делегатов, избранных самими народными объединениями в большом тылу и в освобожденных районах. 2) Государственное совещание вырабатывает политическую программу ликвидации кризиса на основе трех революционных народных принципов, полностью исправляет нынешнюю ошибочную политику гоминьдана. 3) За основу политической программы необходимо взять создание коалиционного правительства из представителей всех антияпонских партий, групп и деятелей, твердо стоящих за антияпонскую войну, демократию, сплоченность; пораженцы и фашистские элементы не должны включаться в состав коалиционного правительства. 4) Коалиционное правительство имеет право реорганизовать верховное главнокомандование и создать коалиционное главнокомандование. 5) После создания коалиционного правительства следует немедленно созвать Национальное собрание, избранное народом, которое осуществит конституционное правление.

Эти требования были заведомо неприемлемы для гоминьдана (приравнивание чунцинского правительства к местным органам власти в руководимых КПК районах, прекращение гоминьдановской монополии на верховное главнокомандование и т. п.), но позиция КПК была фактически поддержана организациями интеллигенции, мелкой и национальной буржуазии, которые весьма остро реагировали на крупные военные поражения гоминьдана и его нежелание демократизировать политическую систему, ослабить диктат бюрократического капитала, пресечь коррупцию, инфляцию, спекуляцию.

В сентябре 1944 г. Лига демократических политических организаций была преобразована в Демократическую лигу Китая, что способствовало усилению активности «промежуточных» сил в общенациональном демократическом движении. 10 октября Лига опубликовала политическое заявление о завершающем этапе антияпонской войны, содержавшее требования ликвидации однопартийной диктатуры гоминьдана, создания коалиционной власти всех антияпонских партий и групп, осуществления демократической политики.

Осенью 1944 г. антидиктаторское движение продолжало нарастать. 24 сентября 1944 г. в Чунцине более 500 общественных деятелей, включая члена Политбюро ЦК КПК Дун Бун, а также Фэн Юйсяна, Чжан Ланя, Хуан Яньпэя, Чжан Боцзюня, Шэнь Цзюньжу, провели собрание, на котором потребовали создать коалиционное правительство. 7 октября это же требование было выдвинуто на двухтысячном митинге студентов в Чэнду, а 11 ноября (в день прилета Чжоу Эньлая в Чунцин для переговоров с гоминьданом) 10 тыс. чэндуских студентов провели бурную демонстрацию против местного бюро гоминьдана, требуя немедленно покончить с однопартийной диктатурой. В октябре 1944 г. Сун Цинлинь, Го Можо, Чжан Лань и другие прогрессивные деятели, всего 72 человека, организовали собрание в Чунцине, на котором призвали к борьбе против фашизма и осудили гоминьдановскую диктатуру²⁵.

Совпадение основных политических требований демократических

²⁵ См.: Общая история, с. 337—340; У Минь, Сяо Фэн. Указ. соч., с. 225—227.

кругов и КПК дает основание считать, что компартии удалось в значительной степени добиться поддержки своего курса на изоляцию гоминьдана, на сплочение широких масс различных слоев населения страны под национально-патриотическими и демократическими лозунгами.

В демократическое движение районов гоминьдановского господства в 1944 г. еще не были вовлечены основные массы трудящихся, причем не только деревни, но и города — рабочие, мелкие служащие, учителя (хотя происходили стихийные выступления крестьян и рабочих против произвола властей), а также солдаты гоминьдановской армии. В этом была главная причина слабости этого движения. Другая причина заключалась в том, что далеко не все его участники понимали значение сотрудничества с компартией для борьбы за победу над японским империализмом и за демократизацию политического строя в Китае.

Крупным событием античанкайшистской борьбы было восстание уйгуров, казахов, киргизов и других народов Синьцзяна против великоханьского гоминьдановского гнета. В начале сентября 1944 г. вспыхнуло восстание крестьян Нилкинского уезда против реквизиции для гоминьдановской армии 10 тыс. лошадей. Возникло несколько партизанских отрядов, которые с помощью населения 7—8 октября захватили уездный центр, а затем еще несколько населенных пунктов Илийского округа. Одновременно в центре округа, городе Кульдже (Инине), развернул подготовку к восстанию нелегальный «Союз свободы». В его состав вошли представители помещиков, буржуазии, духовенства, а также некоторые прогрессивные деятели. Были созданы штаб восстания, Военно-революционный комитет, организовано управление повстанческими отрядами. 7—9 ноября в результате вооруженных действий повстанцев и партизан гоминьдановская власть в Кульдже и ее окрестностях пала, а 10 (по другим данным — 12-го) ноября было образовано временное революционное правительство (Народный комитет) Восточно-Туркестанской республики. Вскоре была создана армия ВТР, командующим которой стал руководитель одного из партизанских отрядов Исхакбек Мунинов²⁶.

Поражения гоминьдановской армии в апреле — декабре 1944 г. имели еще одно последствие. Часть сотрудников госдепартамента и посольства США в Чунцине, работников американской разведки, военных (включая начальника штаба войск союзников на китайско-бирманско-индийском театре военных действий генерала Стилуэлла) и журналистов стала критиковать неэффективность режима Чан Кайши в военной сфере, его неспособность вести военные действия против японцев, решать экономические и политические проблемы Китая. При этом они противопоставляли поражения гоминьдана успехам войск КПК и делали вывод о целесообразности пересмотра американской политики в Китае, установления военного сотрудничества с компартией, включая поставки ее армии части американского оружия, предназначенного для Китая.

Руководство КПК стремилось использовать эти настроения, чтобы добиться политической поддержки США, переориентации американской военной помощи с Чунциня на Яньань и, более того, чтобы заложить основу для сближения с США не только во время войны, но и в послевоенный период. В июле 1944 г. в Яньань прибыла группа военных наблюдателей США (миссия «Дикси»). Ее люди посетили опорные базы КПК в тылу японской армии. Доклады, представленные в Вашингтон разведчиком Д. Барретом и сотрудником посольства США в Чунцине Д. Сервисом, входившими в состав этой группы, содержали положительные характеристики вооруженных сил КПК и предложения об оказании им помощи вооружением, боеприпасами и инструкторами. Д. Сервис неоднократно встречался с Мао Цзэдуном и пришел к выводу, что

²⁶ См.: З. Таипов. В борьбе за свободу. М., 1974; Общая история, с. 341—342; В. А. Богословский, А. А. Москалев. Национальный вопрос в Китае (1911—1949). М., 1984, с. 178—180.

китайские коммунисты являются «аграрными реформаторами», а не сторонниками научного социализма и что в интересах США установить хорошие отношения с КПК. Однако эти предложения не были реализованы²⁷. В американской администрации возобладала точка зрения прочанкайшистской группы. Не желая идти на конфликт с Чан Кайши, президент США Ф. Д. Рузвельт в октябре 1944 г. заменил Д. Стилуэлла генералом Ведемейером, выступавшим против сближения с КПК.

США продолжали попытки закрепить свое влияние в Китае, «посредничая» между гоминьданом и КПК. В ноябре 1944 г. в Яньань прибыл личный представитель президента США в Китае генерал П. Хэрли. Результатом его переговоров с руководителями КПК стал проект соглашения, главными пунктами которого были создание коалиционного правительства, признание законности всех антияпонских вооруженных сил, предоставление народу гражданских свобод, легализация политических партий. Однако Чан Кайши отказался принять этот проект, потребовав подчинения гоминьдану войск и территорий, руководимых КПК²⁸.

Китай вступал в завершающий год мировой войны, не решив задачи объединения страны на демократической основе. Классовые антагонизмы, отошедшие в начале войны с Японией на второй план, все больше выдвигались в качестве определяющих во внутренней жизни страны.

Сокрушительные удары Советской Армии в решающих сражениях 1944 г., усиление руководимого коммунистами движения Сопротивления, успехи 8-й и Новой 4-й армий в Северном и Центральном Китае, а также открытие давно обещанного второго фронта и активизация действий американских войск на Тихом океане — все эти события в той или иной мере приближали победу антифашистской коалиции. Определяющее значение для судеб многих народов Европы и Азии имела по-прежнему борьба советского народа, которая в 1944 г. была перенесена за пределы нашей страны. Фронт продвигался к главному оплоту блока агрессоров — гитлеровской Германии.

В это время перед Китаем со всей реальностью и остротой, в условиях крупных успехов японских войск на китайском театре военных действий, огромных народных бедствий, вызванных антинациональной гоминьдановской тиранией, вставал вопрос о послевоенном будущем страны. Обе главные военно-политические силы Китая — КПК и гоминьдан — уже готовились к решению этого исторического вопроса.

...Таким вступал Китай в 1945 год — год Победы.

²⁷ П. П. Владимиров записал 12 августа 1944 г.: «Сегодня, пригласив меня, Мао Цзэдун заявил: "Мы подумываем о том, чтобы переименовать нашу партию. Именоваться ей не «Коммунистическая», а как-то по-другому. Тогда для Особого района сложится более выгодная обстановка, особенно среди американцев"» (П. П. Владимиров. Указ. соч., с. 315).

²⁸ См.: Чжоу Эньлай. Избр. соч., т. 1, с. 263.

Японо-филиппинские отношения после второй мировой войны

Ф. Г. МОРОЗОВ

Отношения с Филиппинами занимают в послевоенное время важное место в японской внешней политике. В основе традиционного внимания Токио к этой развивающейся стране лежат высокая притягательность филиппинского рынка для японских монополий, ее важное стратегическое положение, известная близость политических взглядов правящих кругов обоих государств.

Президент Филиппин Ф. Маркос в обращении к прибывшему в Манилу в мае 1983 г. с официальным визитом японскому премьер-министру Я. Накасонэ отмечал, что отношения между двумя странами представляют собой «важный элемент поддержания стабильности и роста в Азии»¹. Тот факт, что в настоящее время Филиппины охватил серьезный социально-экономический кризис, делает рассмотрение комплекса японо-филиппинских отношений в послесвоенный период еще более актуальным. Правящие круги Филиппин возлагают немалые надежды на японскую помощь, которая является, по их мнению, необходимым условием выхода страны из создавшегося положения.

Определяющее значение в общем контексте японо-филиппинских отношений имеют стабильные связи в экономической области. Активное проникновение японских монополий на местный рынок привело к тому, что Япония прочно заняла второе место (после США) в списке торговых партнеров Филиппин. Объем взаимной торговли возрос только за период 1973—1982 гг. с 1440 млн. долл. до 3379 млн. долл., то есть более чем в 2,3 раза². На Японию, по данным на 1981 г., приходилось 19,1 % всего импорта страны. Японский рынок в то же время поглощал 22,2 % совокупного филиппинского экспорта³.

Япония прочно привязала к себе основные экспортные отрасли филиппинской экономики, импортируя из Филиппин целый ряд сырьевых товаров. В японском импорте в 1982 г. доля филиппинской меди составила 24,2 %, хромовой руды — 12,6, сахара — 14,5 (в основном сахаросырья), фруктов — 26,5, в том числе бананов — 81,7, копры — 17,1 и кокосового масла — 98,2 %⁴. Настойчивые попытки филиппинского руководства изменить сложившуюся структуру экспорта в Японию путем включения в него продукции так называемых «новых» или «нетрадиционных отраслей» промышленности (цемент, химикаты, электроника, швейные изделия, мебель и др.) не находят должного понимания у японской стороны, что не может не служить одним из источников противоречий в торгово-экономических отношениях двух стран.

Филиппины заняли в 1982 г. 19-е место в мире по стоимости импортированной японской продукции, оставив при этом позади Нидерланды, Индию, Швейцарию, Италию.

¹ "Philippines Daily Express", 7.V. 1983.

² См.: Цусё хакусё (какурон) [Белая книга по внешней торговле (обзор рынков)]. Токио, 1983, с. 803.

³ См. там же, с. 320.

⁴ Подсчитано по: Цусё хакусё (какурон), 1983.

Одной из самых серьезных проблем является хронически отрицательное для Филиппин сальдо взаимной торговли с Японией. В 1982 г. оно составило 227 млн. долл., что способствовало уменьшению валютных запасов Манилы и еще более усугубило кризисные явления в экономике страны. Все попытки филиппинского правительства решить эту проблему на справедливой основе наталкивались на сопротивление японских правящих кругов, не желавших ликвидировать или хотя бы значительно снизить протекционистские барьеры на пути филиппинских товаров.

Все же за последние два-три года были сняты импортные ограничения на шелковые ткани филиппинского производства, уменьшены ввозные пошлины на бананы, а также предоставлены таможенные и иные льготы в отношении продукции некоторых смешанных предприятий с участием японского капитала. Целью подобных шагов было снять остроту критики в адрес Японии. Незначительной уступкой Филиппинам стало и обещание увеличить начиная с 1984 финансового года преференциальные квоты на импорт некоторых видов товаров местного производства. Однако все эти половинчатые меры не решили проблемы. Республика по-прежнему испытывает на себе последствия несправедливого экономического порядка, навязанного империалистическими государствами развивающимся странам.

Противясь облегчению доступа филиппинских товаров на японский рынок, Токио с помощью кредитно-финансовых рычагов вынуждает Филиппины устранять любые ограничения как в отношении доступа товаров японского производства на местный рынок, так и в плане создания наиболее благоприятных условий для экспорта японского капитала.

Япония — один из наиболее крупных кредиторов Филиппин. В течение ряда лет она занимает первое место среди стран, предоставляющих Филиппинам по правительственной линии так называемую «официальную помощь развитию» (ОПР), осуществляемую на льготных условиях. В 1977 г. объем японской ОПР Филиппинам составил 30,6 млн. долл.⁵ В 1982 г. он возрос до 136,4 млн. долл. (в 4,5 раза), что равнялось 40,9 % всей ОПР, получаемой Филиппинами (США — 17,3 %, ФРГ — 5,9 %). При этом на беспроцентные займы приходилось 22,12 млн., техническую помощь — 22,97 млн., льготные кредиты и займы — 91,21 млн., безвозмездную помощь — 45,09 млн. долл.

В 1983 г. Япония предоставила Филиппинам финансовую помощь на общую сумму 236,2 млн. долл. Начиная с 1969 г. Токио предоставляет Маниле крупные иенные льготные займы, имеющие целевой характер. Только по этому виду займов сумма филиппинской задолженности (исключая проценты) достигла к 1983 г. 1,56 млрд. долл.⁶

Филиппины имеют немалое значение для японского капитала и в качестве объекта прямых инвестиций. В 1982 г. их объем превысил 721 млн. долл., и Япония заняла по этому показателю второе место после США. В целом за период с 1969 г., то есть с момента, когда экспансия японского капитала на Филиппинах приобрела крупномасштабный характер, по 1982 г. Япония по правительственной и частной линии разместила в этой стране капиталов, предоставила различных займов и кредитов, а также оказала безвозмездную помощь на общую сумму 2,854 млрд. долл.⁷

Вместе с тем, идя на предоставление Филиппинам широкой экономической «помощи», Токио проводит строго избирательную политику, стремясь не допустить усиления конкуренции местной промышленности в отношении тех видов продукции, которую Япония сама поставляет в Юго-

⁵ См.: «Вага гайко-но кинкё» (Обзор японской внешней политики), 1978, № 22, с. 508.

⁶ См.: Кэйдзай кёрёку-но гэндзё-то мондайтэн, 1983 (Состояние и проблемы экономического сотрудничества). Токио, 1984, с. 420, 840, 410, 413.

⁷ См.: «Вага гайко-но кинкё», 1983, № 27, с. 559.

Восточную Азию. Так, в целях сохранения за собой регионального рынка готовой медной продукции в 1983 г. японская сторона отказалась удовлетворить просьбу Филиппин о предоставлении целевого кредита на сумму 125 млн. долл. для строительства медеплавильного комбината, хотя этот проект фигурировал в качестве совместного «проекта АСЕАН»⁸.

Отношения Японии с Филиппинами отражают подход Токио к развивающимся странам в целом и являются важным слагаемым японской стратегии, нацеленной на закрепление государств — членов АСЕАН в сфере своего политического влияния. Японские правящие круги учитывают то обстоятельство, что Филиппины занимают стратегически важное положение на путях снабжения Японии основными сырьевыми товарами, поскольку находятся в непосредственной близости от Малаккского и Сингапурского проливов, через которые проходит до 40 % всего японского импорта (в том числе до 80 % потребляемой в Японии нефти) и около 35 % всего японского экспорта.

Интерес Японии к Филиппинам объясняется и тем, что этой стране отводится важное место в военно-политической стратегии США. Япония и Филиппины связаны с Вашингтоном узами двусторонних военно-политических союзов. Тот факт, что США в течение всего послевоенного времени держат крупные контингенты войск на территории обеих стран, позволяет им оказывать эффективное воздействие на формирование внешнеполитических курсов как Токио, так и Манилы. В настоящее время политика США и Японии в отношении Филиппин являет собой пример империалистического «разделения труда», направленного на удержание этой развивающейся страны в орбите Запада. США взяли на себя обеспечение военно-стратегических интересов империализма, Япония же специализируется на оказании крупномасштабной экономической «помощи», окрашенной явно в политические тона. Это обстоятельство отнюдь не снимает остроты конкуренции американских и японских монополий в экономике Филиппин.

В послевоенном развитии отношений между Японией и Филиппинами можно выделить три исторических этапа. Первый из них (нормализация отношений) начался в 1946 г. с провозглашения независимости Филиппин.

Во время второй мировой войны Филиппины потеряли убитыми около 120 тыс. человек⁹ и понесли значительный материальный ущерб в результате японской оккупации, что привело к укоренению в стране сильных антияпонских настроений. Опасение вновь стать одной из первых жертв в случае возрождения японского милитаризма характеризовало послевоенное отношение Филиппин к Японии. Вместе с тем на позицию Филиппин оказывал сильнейшее воздействие комплекс «особых» отношений с США.

Филиппины как член Дальневосточной комиссии приняли участие в определении послевоенного устройства Японии. Они, по словам одного из представителей филиппинского правительства того времени, требовали «выработки недвусмысленной позиции, направленной против возрождения Японии в будущем в качестве господствующей державы, способной вновь угрожать миру в этой части света»¹⁰.

В сентябре 1951 г. Филиппины поставили свою подпись под Сан-Францисским мирным договором, назвав его «политическим актом величайшей важности»¹¹. Однако в качестве условия его ратификации Манила по-

⁸ Кэйдай кёрёку-но гэндзё-то мондайтэн, 1983, с. 417.

⁹ In: E. M. Alip. Political and Cultural History of the Philippines, vol. II. Manila, 1950, p. 333.

¹⁰ Under-Secretary Felino Neri's Address over Station DZFM, October 17, 1949; "Official Gazette", October 1949, p. 4358.

¹¹ Provisional Verbatim Minutes of the Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty of Peace with Japan. Ministry of Foreign Affairs. Tokyo, 1951, p. 258.

требовала от Японии выплаты репараций (8 млрд. долл., по филиппинским данным)¹².

Японские правящие круги сознавали, что нормализация отношений с Филиппинами неизбежно повлечет за собой необходимость осуществления репараций, поскольку данное требование носит справедливый характер. Поэтому японская дипломатия стремилась, во-первых, добиться соглашения о возможно более низком уровне выплаты репараций. Во-вторых, использовать удовлетворение претензий Филиппин и других стран ЮВА для скорейшего установления дипломатических отношений с ними и выхода на международную арену. В-третьих, воспользоваться выплатой репараций для создания благоприятных условий, включая нейтрализацию антияпонских настроений, развертывания в последующем крупномасштабной экономической экспансии на Филиппинах.

В результате упорных переговоров 9 мая 1956 г. в Маниле было подписано соглашение о репарациях. Обмен ратификационными грамотами был произведен в Токио 23 июля 1956 г. В этот день, когда соглашение вступило в силу и было оформлено установление дипломатических отношений между двумя странами, завершился первый этап взаимных отношений.

На втором этапе их развитие происходит на международно-правовой основе.

Японо-филиппинское репарационное соглашение было самым крупным по своему объему среди аналогичных соглашений, заключенных Японией с другими государствами Юго-Восточной Азии, пострадавшими от японской агрессии. Общая сумма взятых Японией на себя в отношении Филиппин финансовых обязательств составила 550 млн. долл.

Одновременно с соглашением о репарациях было заключено «соглашение об экономическом сотрудничестве», которым предусматривалось, что японские частные банки и компании предоставят филиппинским предпринимателям на коммерческой основе займы и кредиты на общую сумму 250 млн. долл., как правило, на низких процентах, в форме поставок машин и оборудования и связанных с их установкой и использованием услуг¹³.

В целях закрепления достигнутого в отношениях с Филиппинами прогресса в 1957 г. в Манилу прибыл с визитом японский премьер-министр Н. Киси. Его визит, по словам тогдашнего президента Филиппин К. Гарсиа, открыл «новую эру более тесных отношений дружбы и понимания между филиппинцами и японцами»¹⁴. В 1958 г. Гарсиа посетил с ответным визитом Японию.

22 июля 1976 г. Япония полностью выполнила свои репарационные обязательства в отношении Филиппин. Их осуществление в сочетании с «экономическим сотрудничеством» позволило японским правящим кругам одновременно решать несколько важных задач. Используя заинтересованность Манилы в поставках в счет репараций или на основе платежей в рассрочку в рамках «экономического сотрудничества» машин и капитального оборудования, японские монополии форсировали производство на экспорт продукции тяжелой промышленности.

Наводнение Филиппин японской техникой способствовало осуществлению более тесной привязки их экономики к японской технологии. Оно пробуждало интерес к экономическим связям с Японией как у предпринимателей, так и у связанных с ними представителей правительственных кругов Манилы, что имело значение для усиления политического влияния Японии на Филиппинах. Начавшаяся таким образом экономическая

¹² См.: Д. В. Петров. Внешняя политика Японии после второй мировой войны. М., 1965, с. 209.

¹³ См.: Гаймусё халпёбунсю (Сборник опубликованных документов МИД), № 3 (январь—июнь 1956 г.). Токио, 1956, с. 101.

¹⁴ "Official Gazette", 15.XII.1957, p. 8530.

экспансия на Филиппины способствовала не только получению японскими монополиями больших прибылей, но и помогла им выработать необходимые приемы, методы завоевания внешних рынков, что было с успехом использовано сначала в странах ЮВА, а затем и других регионов.

Выполнение репарационных обязательств привело к ослаблению антияпонских настроений среди филиппинцев. В 1960 г. газета «Токио симбун» писала: «Еще каких-нибудь 4—5 лет назад антияпонские настроения на Филиппинах были настолько сильны, что проживавшие там японцы никогда не чувствовали себя в безопасности». Газета констатировала, что «главную причину улучшения настроения филиппинцев по отношению к Японии, безусловно, следует искать в осуществлении репарационного соглашения»¹⁵.

Упор на осуществление «экономического сотрудничества» был сделан Токио с дальним прицелом. В этой связи характерна следующая оценка МИД Японии, данная в «Обзоре японской внешней политики» за 1960 г.: «Развивая экономическое сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии, Япония исходит из того, что политическая стабильность и экономическое процветание этих стран тесно связаны с политической безопасностью и долгосрочным экономическим развитием самой Японии»¹⁶.

В Токио рассматривали «экономическую дипломатию» в отношении Филиппин в качестве долговременной политики, направленной прежде всего на внедрение японских монополий на рынок этой страны, а также на недопущение развития ее связей с социалистическими государствами.

Несмотря на выполнение репарационных обязательств, между двумя странами оставался ряд нерешенных проблем. Японские монополии, в частности, не устраивало дискриминационное положение японских подданных на Филиппинах. Устранение этого препятствия стало следующей основной задачей японской дипломатии на пути полного «открытия» Филиппин для японской экспансии.

Во время переговоров в мае 1956 г., приведших к нормализации двухсторонних отношений, Япония и Филиппины выразили желание заключить впоследствии договор о дружбе, торговле и мореплавании¹⁷. Этот договор был подписан лишь 9 декабря 1960 г. Основной причиной, тормозившей ведение переговоров, было настойчивое требование японской стороны об обоюдном предоставлении сторонами статуса наиболее благоприятствуемой нации. Манила отказывалась пойти на это, ссылаясь на свои «особые» отношения с Вашингтоном. В результате была найдена компромиссная формулировка, согласно которой обе страны обязались ввести в отношении своих граждан и компаний «не менее благоприятный режим, чем в отношении граждан и компаний любой третьей страны», в вопросах въезда и проживания, а также в осуществлении предпринимательской, торговой и финансовой деятельности на своей территории.

Одна из статей — 5-я — была рассчитана на успокоение филиппинского общественного мнения, встревоженного перспективой усиления японского влияния в стране. Ее смысл сводился к обязательству обеих сторон «сотрудничать в целях экономического развития и повышения жизненного уровня на территориях своих стран», что способствовало бы «здоровому и сбалансированному развитию» их экономик «на основе независимости»¹⁸.

Заключение договора с Японией встретило серьезную оппозицию в

¹⁵ «Токио симбун», 17.1.1960 (печ. вып.).

¹⁶ «Вага гайко-но кинкё», 1960, № 4, с. 145.

¹⁷ См.: «Вага гайко-но кинкё», 1958, № 2, с. 53.

¹⁸ Здесь и далее цитируется по тексту договора; см.: «Вага гайко-но кинкё», 1961, № 5, с. 268—271.

Филиппинских кругах. Так, президент торговой палаты Филиппин заявил, что договор не дает никаких выгод стране и «необходимо поднять всех филиппинцев на борьбу против его ратификации»¹⁹. Подобного же мнения придерживались министр иностранных дел Серрано и председатель комиссии по иностранным делам филиппинского сената Сумулонг. Указывалось, что подписание состоялось по личному настоянию президента страны Гарсна.

Основным аргументом оппозиции был тот факт, что в тексте договора не нашло отражения одно из главных требований Манилы, выдвигавшихся на переговорах. Согласно конституции Филиппин и Парижскому договору 1898 г., обширные водные пространства, расположенные между островами Филиппинского архипелага, признавались территориальными водами страны. Японская сторона наотрез отказалась пойти на включение данного положения в проектируемое соглашение. В качестве уступки со своей стороны правительство Японии сняло требование о формальном предоставлении сторонами друг другу статуса наиболее благоприятствуемой нации.

Не сумев добиться упоминания о необходимом ей статусе в тексте договора, японская сторона все же протащила желаемую формулировку в совместное японо-филиппинское коммюнике. В нем указывалось, что для каждой из сторон «настоящий договор в целом устанавливает статус наиболее благоприятствуемой нации. Для Японии он явился первым в послевоенное время договором о дружбе, торговле и мореплавании с соседней страной Юго-Восточной Азии. Для Филиппинской республики он также стал первым соглашением подобного рода»²⁰.

Подписанный договор ставил Японию практически во всех отношениях в ряд равноправных партнеров Филиппин. Маниле же он позволил несколько ослабить зависимость полуколоннального характера от США, расширить поле для политического маневрирования в отношении своей бывшей метрополии, а также увеличить экспорт своей традиционной продукции на японский рынок.

Подведение договорной основы под взаимные отношения стало важной вехой в развитии разносторонних связей Японии не только с Филиппинами, но и для дипломатии Токио в ЮВА в целом. Близкая к внешнеполитическому ведомству Японии газета «Токио симбун» отмечала, что «после урегулирования репарационного вопроса заключение договоров о дружбе, торговле и мореплавании становится вторым исходным моментом японской дипломатии в отношении стран ЮВА»²¹. Договор отвечал и долгосрочным интересам США в Азиатско-тихоокеанском регионе, так как способствовал укреплению экономического потенциала, а следовательно, и политической стабильности двух важнейших союзников США в этом регионе.

Односторонняя ориентация на США, а также продолжительная полемика между президентом и сенатом Филиппин по вопросу о границах территориальных вод страны помешали скорейшей ратификации договора. Поэтому одной из целей официального визита премьер-министра Японии Х. Икэда на Филиппины в сентябре 1963 г. было ускорить его вступление в силу. Этот шаг японской стороны окончился неудачей. В совместном японо-филиппинском коммюнике, опубликованном по окончании переговоров премьер-министра Японии Х. Икэда с президентом Филиппин Д. Макапагалом, было сказано лишь о том, что стороны продолжают консультации с целью выработки соглашений, которые регулировали бы

¹⁹ «Нихон кэйдзай», 12.XII.1960.

²⁰ Гаймусэ кохёсю (МИД Японии. Сборник официальных публикаций министерства иностранных дел). Токио, январь 1961 г., с. 147.

²¹ «Токио симбун», 11.XII.1960.

деловую активность одной стороны на территории другой стороны в течение периода до ратификации договора²².

Несмотря на попытки филиппинского руководства несколько ослабить зависимость от США, до середины 60-х годов внешнеполитический курс Манилы в целом был по-прежнему ориентирован на Вашингтон. Филиппины поддерживали американскую агрессию в Индокитае, отказывались от каких-либо контактов с социалистическими странами. Однако с середины 60-х годов, в частности после прихода к власти нынешнего президента Филиппин Ф. Маркоса в 1966 г., во внешнюю политику страны под влиянием позитивных тенденций на международной арене, а также с учетом роста националистических настроений внутри страны были внесены изменения. Правительство Филиппин стало чаще поддерживать инициативы движения неприсоединения, выступать вместе с другими развивающимися странами против неокOLONиализма в рамках диалога «Север — Юг», придерживаться курса на развитие контактов со всеми странами мира, включая социалистические, рассматривая его как один из путей ослабления зависимости от США, расширения возможностей маневрирования в области внешней политики.

Говоря о дипломатии Филиппин в тот период, Маркос указывал в одном из своих выступлений, что его стране «был необходим прагматический пересмотр старой жесткой идеологической линии, в равной степени как и пересмотр традиционного подхода к международным делам», когда Филиппины, по его словам, «забывали о собственных интересах»²³.

По мнению филиппинской администрации, дальнейшее развитие отношений с Японией отвечало этим целям, а также объективно способствовало росту экономического потенциала страны, остро нуждавшейся в современной технологии и испытывавшей недостаток капитала. Для Японии, завоевавшей к середине 60-х годов достаточно прочные позиции в филиппинской экономике, укрепление взаимных отношений в целях усиления своего влияния по-прежнему не теряло актуальности. В этих условиях была продолжена практика обменов визитами на высшем уровне. В сентябре 1966 г. состоялся первый визит Ф. Маркоса в Японию, а в октябре 1967 г. Филиппины посетил премьер-министр Японии Э. Сато.

В 1967 г. филиппинское правительство официально сняло запрет на деятельность иностранного частного капитала, что было использовано Японией для усиления экспансии на Филиппинах. На рубеже 60—70-х годов основным источником антияпонских настроений в этой стране становятся широко распространенные среди общественности опасения по поводу растущей экономической зависимости от Японии, недовольство вызывающим поведением многих японских предпринимателей, проявлявших высокомерие по отношению к местному населению, а также туристов, основная часть которых посещала Филиппины в рамках так называемых «секс-туров».

Накопившееся недовольство населения бесцеремонными методами японских бизнесменов как никогда бурно проявилось в виде мощных демонстраций протеста во время визита премьер-министра Японии К. Танаки на Филиппины в январе 1974 г. В ходе переговоров японский премьер отверг предложения филиппинской стороны, направленные на установление более справедливых отношений в экономической области.

За несколько дней до прибытия Танаки в Манилу, 27 декабря 1973 г., здесь был произведен обмен ратификационными грамотами договора о дружбе, торговле и мореплавании, подписанного в 1960 г. Через четырнадцать лет после подписания, 27 января 1974 г., договор вступил в

²² In: "Japan Times", 27.IX.1963.

²³ "Bulletin Today", 25.VI.1982.

силу. Это событие подвело итог второму периоду отношений между двумя странами в послевоенное время.

С середины 70-х годов японо-филиппинские связи вступили в новый этап. Он характеризуется расширением японской экспансии на Филиппинах и усилением противоречий между двумя странами. Все большее недовольство Манилы вызывала проводимая Токио политика таможенного протекционизма, наличие разветвленной системы ограничений ввоза промышленной продукции из развивающихся стран. Попытки решить эту важную для Филиппин проблему путем переговоров, в том числе на высшем уровне, оказывались неудачными. Визит Маркоса в Японию в апреле 1977 г. лишь подтвердил взаимную заинтересованность в поддержании стабильных связей в различных областях, однако несколько не изменил их дискриминационный для Филиппин характер.

К этому времени перед японскими правящими кругами встает необходимость обновления своей внешнеполитической стратегии в Юго-Восточной Азии, что было связано с победами прогрессивных сил в Индокитае в 1975 г. Серьезным фактором, требовавшим переоценки японской политической линии в ЮВА, явился и постепенный рост регионального влияния АСЕАН.

Местом провозглашения первой за послевоенное время внешнеполитической доктрины Японии была выбрана столица Филиппин Манила, куда в августе 1977 г. прибыл с официальным визитом премьер-министр Японии Т. Фукуда. «Доктрина Фукуды», или «манильская доктрина», была нацелена на подведение концептуальной основы под попытки Токио расширить свое экономическое и политическое влияние в ЮВА. В ней заявлялось об отказе Японии от превращения в крупную военную державу и намерении посредничать между странами АСЕАН и Индокитая. Доктрина сопровождалась широкообещательным обещанием предоставить 1 млрд. долл. на финансирование строительства пяти совместных «проектов АСЕАН» в области экономики (по одному в каждой стране). На Филиппинах, в частности, предусматривалось сооружение комбината по производству суперфосфатных удобрений. Оказание этой помощи оговаривалось, однако, рядом условий, позволявших длительное время затягивать предоставление обещанного Филиппинам займа. Фактически работы по сооружению комбината не были начаты, так как его строительство было признано нерентабельным.

Задавшись целью заключить новый договор с Японией, в большей степени учитывающий интересы Филиппин, правительство этой страны 25 июня 1976 г. уведомило Токио о своем желании расторгнуть японо-филиппинский договор 1960 г.²⁴

В своей книге «Пять лет Нового Общества» президент Филиппин Маркос отмечал, что «договор о дружбе, торговле и мореплавании, подписанный между Филиппинами и Японией в 1960 г., дал Филиппинам возможность изменить характер экономических отношений с другими странами, особенно в плане прекращения фактической зависимости от США. Со временем, однако, многие положения договора были сочтены не отвечающими интересам Филиппин»²⁵.

Условившись, что действие старого договора будет продолжено вплоть до заключения нового соглашения, стороны начиная с марта 1977 г. провели несколько раундов переговоров. Филиппины выдвинули требование о предоставлении им преференциального режима, на что в Токио не шли до сих пор в отношении ни одной из стран мира.

Японская сторона отказывалась от этого шага, ссылаясь на то, что он противоречил бы духу призыва ГАТТ к развитию свободной и недискриминационной международной торговли. Переговоры заняли около двух

²⁴ In: Foreign Press Center Press Release N 2 (A), Tokyo, 18.I. 1978.

²⁵ Ferdinand E. Marcos. Five Years of the New Society. Manila, 1978, p. 154.

лет. В ходе визита тогдашнего премьер-министра Японии М. Охиры в Манилу 10 мая 1979 г. был подписан новый договор. 20 июня 1980 г. в Токио состоялся обмен ратификационными грамотами, и договор вступил в силу.

По новому договору Япония признавала тарифные преференции и другие преимущества, взаимно предоставляемые странами АСЕАН и другими развивающимися странами, в качестве исключения из статуса наибольшего благоприятствования, который Токио и Манила фактически предоставили друг другу. Пойдя на не имеющие принципиального характера уступки Филиппинам, Япония затем широко разрекламировала свой жест в качестве важного шага на пути удовлетворения чаяний развивающихся стран, содействия диалогу между Севером и Югом, а также придания первоочередного внимания отношениям с государством — членами АСЕАН. Заключение данного договора в преддверии токийского совещания руководителей ведущих капиталистических стран дало Токио возможность приводить его как пример своей «гибкости» и своего рода модель для заключения аналогичных договоров с остальными странами АСЕАН.

Во второй половине 70-х годов в политических отношениях между двумя странами сформировался весьма отлаженный механизм взаимодействия, базирующийся на общем подходе к большинству международных проблем, прежде всего азиатских. С 1978 г. осуществляются систематические консультации министров иностранных дел в рамках ежегодных расширенных совещаний министров иностранных дел стран АСЕАН, на которых координируется политическая линия двух стран. Наряду с этим точка зрения Японии по международным проблемам регулярно доводится до сведения руководства Филиппин специальными представителями японского правительства.

В 1978 г. Япония предприняла усилия с целью заручиться поддержкой Филиппин и остальных стран АСЕАН в связи с заключением японо-китайского договора о мире и дружбе. Хотя в Маниле и проявили известную озабоченность по поводу возможных экономических и политических последствий японо-китайского сближения, явных выступлений против него не было. Филиппинское руководство надеялось, что зафиксированное в договоре обязательство сторон не стремиться к гегемонии будет служить сдерживающим фактором в их политике в Юго-Восточной Азии.

Тем не менее тогдашний министр иностранных дел Филиппин К. Ромуло выражал тревогу в связи с тем, что в результате сочетания индустриальной мощи Японии с рабочей силой и сырьем Китая увеличится вероятность оказания доминирующего воздействия этих стран на государство региона «в рамках великой сферы сопроцветания, которая в значительной степени служит интересам Японии и Китая». По мнению министра, «это могло бы затормозить темпы развития АСЕАН», в результате чего «страны Ассоциации, за исключением Сингапура, навсегда остались бы поставщиками сырья индустриальным гигантам»²⁶.

Однако Токио удалось добиться понимания Манилы и на этот раз, и в дальнейшем данный вопрос остроты не приобретал.

О традиционном внимании японских правящих кругов в отношении Филиппин свидетельствовало и избрание Манилы первой столицей, которую посетил в январе 1981 года в качестве премьер-министра Японии Дз. Судзуки, сменивший М. Охиру на этом посту. Тем самым была нарушена традиция отдавать в подобном случае приоритет США.

За время, прошедшее со дня обнародования «манильской доктрины», значительно возросла озабоченность Филиппин по поводу роста военного потенциала Японии, а также милитаристских заявлений токийского

²⁶ "Daily Yomiuri", 4.1.1979.

руководства. Это относилось, в частности, к решению японских правящих кругов перекроить историю второй мировой войны, подретушировав в учебниках истории агрессивную роль, которую сыграла японская военщина в ее развязывании. Одна из ведущих газет Филиппин, «Таймс джорнэл», в редакционной статье призвала МИД Филиппин рассмотреть вопрос об ущербе, причиненном стране попытками Японии исказить историю²⁷.

Характерно, что в прошлом вопрос о милитаризации Японии не выносился на межгосударственные переговоры, поскольку правительство Филиппин вполне удовлетворяли заверения Токио об отсутствии у него агрессивных намерений. Однако в сентябре 1982 г. в ходе визита в Вашингтон президент Ф. Маркос заявил, что «наращивание военной мощи Японии под сильным нажимом со стороны США может создать угрозу безопасности стран АСЕАН»²⁸. После прихода в ноябре 1982 г. к власти нынешнего премьер-министра Японии Я. Накасонэ беспокойство на Филиппинах в связи с ускоренным темпом милитаризации Японии еще более усилилось.

Одобренный Я. Накасонэ план патрулирования «силами самообороны» морских коммуникаций в радиусе 1000 миль от берегов Японии вызвал особую тревогу в Маниле. В интервью журналу «Эйшауик» Ф. Маркос подчеркнул, что «филиппинский народ солидарен с народами стран АСЕАН, выражающими законную тревогу и опасения относительно того, что Япония еще раз может использовать свою военную мощь для установления господства в регионе»²⁹.

В позиции Филиппин по данному вопросу содержалось больше реализма, чем в соответствующих позициях Таиланда и Сингапура, фактически оправдывавших милитаризацию Японии. В этой связи Токио принял серьезные усилия с целью недопущения подрыва репутации Японии как «миролюбивой» страны. Официальный визит Я. Накасонэ в 1983 г. на Филиппины и в другие страны АСЕАН был задуман в качестве важного шага, направленного на устранение растущего недоверия к Японии. Изошренная пропаганда пыталась представить общественности этих стран визит японского премьера как свидетельство того, что «Япония придает своим отношениям с Азией такое же значение, как и отношениям с США»³⁰.

Находясь в Маниле с 6 по 8 мая 1983 г., Я. Накасонэ заявил Ф. Маркосу, что патрулирование Японией морских коммуникаций преследует цель защиты собственного морского судоходства «в случае нападения внешних сил» и не создаст в будущем угрозы странам АСЕАН. Он оправдывал усиление военного потенциала Японии ссылками на «растущую советскую угрозу»³¹. Накасонэ заверил филиппинскую сторону в том, что исходными точками отсчета «двух морских путей», которые Япония собирается защищать «в случае нападения» на нее, являются города Токио и Осака, а не остров Окинава. Поэтому, как утверждал Я. Накасонэ, расстояние в 1000 миль от этих пунктов не достигнет даже острова Гуам, «не говоря уже о ближайших странах Юго-Восточной Азии»³².

Японскому премьер-министру удалось склонить филиппинское руководство на свою точку зрения, и оно, хотя и с оговорками, приняло его успокоительные заверения. По окончании переговоров Ф. Маркос сказал, что он «удовлетворен» заверениями премьер-министра Я. Накасонэ о том, что Япония не имеет намерений становиться сильной военной державой. Президент Филиппин заявил японскому премьеру, что поддер-

²⁷ In: "Times Journal", 5.VIII.1982.

²⁸ "Japan Economic Journal", 9.II.1982.

²⁹ "Asiaweek", 11.II.1983, p. 50.

³⁰ "Philippines Daily Express", 5.V.1983.

³¹ "Daily Yomiuri", 8.V.1983.

³² Ibid.

живает «усилия Японии в целях самообороны» при условии, что этот процесс не выйдет за рамки японской конституции³³.

Примирительная позиция по вопросу о милитаризации Японии, к которой удалось склонить филиппинское руководство, не отвечала действительным интересам страны. Эта позиция не учитывала также настроений значительной части общественности, широких народных масс страны, что не гарантирует от повторения в будущем широких антияпонских демонстраций и протестов, подобных тем, что имели место в 1974 г. Противоречивая и непоследовательная критика японских военных приготовлений, которая велась Манилой в преддверии визита Накасонэ, не в последнюю очередь объяснялась конъюнктурными целями — надеждой добиться от Токио уступок, прежде всего в торгово-экономической сфере. Именно поэтому правящие круги Филиппин не допускали перерастания критических настроений, бытующих среди широких масс населения, в антияпонские выступления. Финансовая поддержка со стороны Японии является серьезным фактором стабильности правящего режима страны.

Сходство точек зрения Токио и Манилы по многим международным вопросам, включая так называемую «кампучийскую проблему», отнюдь не говорит о полном совпадении интересов двух стран. Филиппины поставили свою подпись под декларацией о новом международном экономическом порядке, которая назвала неоколониализм во всех формах «величайшим препятствием для полного развития и прогресса развивающихся стран». Стремление этой страны к проведению более независимого курса на международной арене явно не по душе Токио, готовому использовать имеющиеся в его распоряжении рычаги для воздействия на политику Манилы.

Рассматривая АСЕАН в качестве важного фактора противодействия росту влияния социалистических стран Индокитая в ЮВА, Япония исходит из того, что выполнение этой задачи невозможно, если позиции капитализма в странах Ассоциации ослабнут. Вот почему с особой тревогой в Токио было воспринято ухудшение экономического положения, с которым столкнулись в 1982—1984 гг. Филиппины.

Обострение социально-экономического кризиса на Филиппинах произошло не только под влиянием общего экономического спада в капиталистическом мире. Оно было обусловлено структурными диспропорциями, которые возникли в экономике страны прежде всего вследствие неравноправных отношений между Манилой и ее основными партнерами из числа развитых капиталистических стран, включая Японию.

В 1984 г. экономический кризис на Филиппинах, усугубляемый нестабильным политическим положением, принял угрожающие размеры. Резко ухудшились основные экономические показатели, внешний долг превысил 25 млрд. долл.³⁴ Страна, поставившая национальное экономическое развитие в зависимость от предоставлявшихся ей крупных иностранных займов, оказалась неспособной оплачивать даже проценты по своему огромному внешнему долгу.

Как указывалось в японских политических комментариях, развитие обстановки на Филиппинах стало напоминать порочный круг — политическая нестабильность оказывала отрицательное воздействие на экономику, что в свою очередь приводило к дальнейшему усилению политической нестабильности.

Филиппины были вынуждены обратиться к международным финансовым организациям, а также к частным банкам США и Японии с настоятельной просьбой разрешить объявить мораторий на выплату сво-

³³ "Philippines Daily Express", 9.V.1983.

³⁴ In: "Business Day", 29.XII.1983.

их долгов и предоставить им чрезвычайную помощь. Реакция Японии показала, что она не прочь использовать нынешние трудности Филиппин в своих корыстных интересах. Монополии Японии и других стран, имеющих инвестиции в экономике страны, вынудили руководство в Маниле пойти на устранение существовавших ранее ограничений в отношении их деятельности. 6 декабря 1983 г. был издан президентский декрет, в соответствии с которым иностранному капиталу позволялось приобретать до 100 % акций филиппинских предприятий, производящих продукцию «традиционной» номенклатуры. По действовавшим до этого правилам, иностранным компаниям могло принадлежать не более 40 % акционерного капитала указанных предприятий (в «нетрадиционных» или «новых» отраслях промышленности иностранные вкладчики капитала и ранее имели право на 100-процентное владение предприятиями).

Вместе с тем США, Япония и другие империалистические страны, имеющие интересы на Филиппинах, не могли игнорировать опасность дальнейшего развития переживаемого республикой социально-экономического кризиса, что поставило бы под вопрос действенность этого государства как союзника Запада в Азиатско-тихоокеанском регионе. Именно поэтому вопрос об оказании экстренной помощи Маниле был положительно рассмотрен в ходе визита президента США Р. Рейгана в ноябре 1983 г. в Токио. В феврале 1984 г. во время визита министра иностранных дел Японии С. Абэ в Вашингтон была подтверждена ранее достигнутая по этому вопросу договоренность. Японская пресса откровенно признавала, что «решение об оказании помощи Филиппинам было принято исходя из того, что политический и экономический кризис в этой стране представляет собой угрозу миру и безопасности в Азии, а также международной валютно-финансовой системе»³⁵. За подобными высказываниями прослеживается беспокойство Токио перед возможностью нежелательных социальных перемен в этой республике.

27 апреля 1984 г. японское правительство приняло официальное решение предоставить Филиппинам чрезвычайную помощь в виде льготных займов на общую сумму 247 млн. долл. Тот факт, что Япония решила оказать значительное финансовое содействие стране, наложившей мораторий на выплату процентов по своим прежним долгам, уже сам по себе является беспрецедентным для Токио, отличающегося осторожностью в подобных вопросах. А то, что правительство Я. Накасонэ пошло на такой шаг первым, не дожидаясь остальных стран — кредиторов Филиппин, явилось веским доказательством важного значения, придаваемого в Токио отношениям с этим государством.

Развитие японо-филиппинских отношений на протяжении послевоенного периода свидетельствует о том, что Филиппины стали важным объектом японской экспансии в Азии. Планово проводя неокOLONиалистский курс на развитие экономики страны в выгодном для себя направлении, Токио значительно укрепил свои позиции на Филиппинах.

Стремление Японии упрочить свое политическое влияние на Филиппинах наталкивается на ряд трудностей, связанных с тяжелым экономическим положением, глубоко укоренившимися среди населения страны антияпонскими настроениями, попытками проведения Манилой самостоятельного курса на международной арене. Серьезным препятствием на пути продвижения Японии на Филиппинах является противодействие американского капитала, который до сих пор обладает ведущими позициями в экономике этой страны и не желает сдавать их без ожесточенного сопротивления. И все же, несомненно, Филиппины и впредь будут занимать важное место в усилиях Японии, направленных на расширение своего влияния в Азии.

³⁵ «Майнити симбун», 23.II. 1983.

Дискуссия в КНР о пути развития страны

С. Р. РАТНИКОВ,
Д. А. РАДИКОВСКИЙ

В последнее время главным направлением идейно-политической жизни КНР и лейтмотивом теоретических публикаций центральной печати страны стала пропаганда выработки так называемой «национальной модели» развития, нашедшей на данном этапе конкретное воплощение в форме тезиса о строительстве «социализма с учетом специфики Китая». Настоящий обзор, не претендуя на исчерпывающую полноту, преследует цель рассмотреть преобладающие в китайских периодических изданиях оценки содержания, методов и целей разработки вышеназванной концепции.

Прежде всего целесообразно остановиться на внешних атрибутах концепции. Терминологически она была оформлена в первые месяцы 1983 г. В китайской пропаганде прочно устоялось (как самостоятельное понятие) словосочетание «ю Чжунго тэсэ-ды шэхуэйчжун», которое сами китайские издания переводят на русский язык как «социализм с учетом специфики Китая»; возможен и такой перевод — «самобытный китайский социализм», поскольку бином «тэсэ» именно так определяется в новейших словарях КНР. Значение определения «самобытный» помогает понять смысл, вкладываемый китайскими теоретиками в вырабатываемую ими концепцию социализма: «самобытный» — то есть «отечественный», «национальный» социализм, возникший и развивающийся исключительно на китайской почве.

Хронологически нынешняя идеологическая кампания началась в общенациональном масштабе также в начале 1983 г., когда пекинская газета «Гуаньмин жибао» выступила инициатором дискуссии об «основных идеологических принципах построения социализма с учетом специфики Китая». Осуществление этого курса было объявлено «главной стратегической задачей, стоящей в настоящее время перед партией и народом страны»¹. Развернутая характеристика целей и методов кампании была изложена в выступлении директора Института марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна АОН Китая Су Шаочжи на теоретической конференции в Пекине, посвященной 100-летию со дня смерти К. Маркса. Часть текста была опубликована под заголовком «В процессе всесторонних реформ развивать марксизм, строить социализм с учетом специфики Китая» — это был один из первых крупных и собственно теоретических материалов на эту тему².

Однако необходимо отметить, что руководители КНР и органы массовой информации страны периодически касались вышеупомянутого тезиса и ранее. Приоритет в этой области принадлежит Дэн Сяопину, который еще в конце 1979 г. говорил о «модернизации китайского образца» и отмечал «две основные особенности», определяющие

¹ «Гуаньмин жибао», 17.1.1983; «Хунци», 1983, № 8, с. 30.

² См.: «Жэньминь жибао», 11.11.1983.

строительство «социализма с учетом специфики Китая»: «слабая [материально-техническая] база при большом населении и малом количестве пахотной земли»³. В мае 1980 г. им же был выдвинут тезис о «невозможности построения социализма по какому-то одному образцу», а VI пленум ЦК КПК одиннадцатого созыва «обобщил опыт создания самобытного китайского социализма» и выделил десять его направлений. В дальнейшем эту проблему затрагивали Ху Яобан, Чжао Цзыян и другие руководители КНР⁴. XII съезд КПК официально утвердил программу создания «социализма с учетом специфики Китая», названную «насушной задачей и требованием времени», «квинтэссенцией духа XII съезда», наметив в общих чертах пути ее выполнения. С этого времени кампания начала постепенно приобретать свои сегодняшние контуры, а активное участие в ней было объявлено «главным и основополагающим критерием проверки настоящих коммунистов»⁵.

С начала 1983 г. эта проблема стала лейтмотивом китайской пропаганды. В газете «Гуанмин жибао» была создана обширная рубрика под названием «Специально об изучении и строительстве социализма с учетом специфики Китая», регулярно посвящавшая целые полосы (до 10 статей) этому кругу вопросов. Первостепенное внимание теоретическим аспектам проблемы уделяли орган ЦК КПК журнал «Хунци», газеты «Жэньминь жибао», «Бэйцзин жибао» и другие ведущие периодические издания КНР.

Прежде всего центральная печать КНР, подкрепляя свои утверждения ссылками на основоположников марксизма-ленинизма⁶, стремилась доказать, что тезис о строительстве «социализма с учетом специфики Китая» якобы не противоречит основополагающим идеям марксистско-ленинского учения. Приводя разрозненные цитаты из работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, китайские авторы утверждали, что марксистско-ленинская теория предусматривает возможность «особого пути социального прогресса», «своеобразные социальные революции на Востоке». Некая «отличающаяся еще большей специфичностью революция» и была осуществлена в Китае под руководством Мао Цзэдуна, который «творчески развил теоретические вопросы перехода от новой демократии к социализму»⁷. Идеологи КНР, таким образом, декларировали, что создание «социализма с учетом специфики Китая», с одной стороны, отвечает «объективным требованиям» развития одной страны, а с другой — учитывает общие закономерности построения социализма⁸. На специальном симпозиуме, организованном в Нанкине Обществом изучения научного социализма, отмечалось, что вырабатываемая ныне концепция (как и сам термин) подразумевает «конкретные формы, пути и методы строительства социализма, применяемые в различных условиях с учетом национальной специфики, но на основе общих марксистских руководящих положений»⁹.

В периодике КНР признавалось, что общее и особенное «существуют и развиваются в тесной взаимосвязи», а «оторвав их друг от друга, можно прийти к «левым» или правым ошибкам»¹⁰. Тем не менее в заявлениях китайских теоретиков безусловный приоритет отдавался «национальным особенностям»¹¹. Излагая основные принципы строи-

³ «Гуанмин жибао», 6.VI.1983.

⁴ См.: «Гуанмин жибао», 13.III.1983.

⁵ «Хунци», 1983, № 6, с. 19; № 8, с. 30.

⁶ См.: «Гуанмин жибао», 12.XII.1983.

⁷ «Сюешу яньцзю», 1983, № 3, с. 6.

⁸ См.: «Гуанмин жибао», 25.IX.1983.

⁹ «Гуанмин жибао», 9.V.1983.

¹⁰ «Жэньминь жибао», 22.II.1984.

¹¹ См.: «Гуанмин жибао», 31.X и 14.XI.1983.

тельства социализма, сформулированные К. Марксом в «Критике Готтской программы», харбинский журнал «Фэньдоу» писал, что хотя эти принципы «по-прежнему имеют универсальное руководящее значение», тем не менее «в настоящее время главная проблема заключается в том, как в экономически не очень развитых странах правильно выработать конкретный путь социалистического строительства с учетом конкретной обстановки в каждой отдельной стране»¹². Подчеркивалась необходимость «идти своим путем» в процессе «соединения марксизма-ленинизма с практикой данного государства», отрицалось некое «слепое копирование» положений марксистско-ленинского учения, а также иностранного опыта (прежде всего советского), включая положительный. Альтернативой этому называлось следующее: «Искать свой путь, опираясь на самостоятельное познание коммунистами каждого государства общественно-политической ситуации в своих странах»¹³. Все это оправдывалось тем, что положения, разработанные в свое время классиками марксизма-ленинизма, якобы уже не соответствуют нынешнему этапу экономического и социально-политического развития КНР, поскольку «современное представление о социалистическом обществе уже превзошло принципиальные предположения Маркса и Энгельса», а также выводы, «сделанные Лениным на основе обобщения практического опыта его эпохи»¹⁴. Иными словами, классики марксизма-ленинизма, «исходя из практики своего времени, ответили на поставленные эпохой вопросы», но «не могли провести конкретный анализ противоречий социалистического общества»¹⁵. Необходимо заметить, что китайские идеологи вообще ведут речь в основном о практическом опыте построения социализма в различных странах, отрицательном или положительном, а не о научной теории строительства социализма, не об общих закономерностях этого процесса.

Таким образом, китайская печать, декларируя создание «социализма с учетом специфики Китая» в соответствии с принципом сочетания общего и особенного, в действительности проводит тезис о множественности «национальных моделей» социализма на том основании, что Китай в силу «исключительности» и «самобытности» своего исторического, социально-экономического и культурного развития «не может не идти собственным, независимым путем»¹⁶. В свою очередь, призывая к соблюдению принципа «независимости и самостоятельности», китайские авторы не ограничивают «специфику своей страны» действительно существующими национальными особенностями процесса создания социализма в Китае, но распространяют ее и на сами закономерности социалистического строительства, утверждая, что в КНР якобы существуют «особые объективные законы» такого строительства¹⁷.

Среди основных факторов, определяющих наличие в Китае «особых законов» построения социализма, прежде всего назывались выделенные Дэн Сяопином «две главные объективные особенности» страны: «слабая [материально-техническая] база» и «большое население при малом количестве пахотной земли». Из экономических факторов упоминались многоукладность при доминирующем положении социалистических форм организации хозяйства, ведущая роль государственного планирования и вспомогательная роль механизма рыночного регулирования, необходимость правильного разделения хозяйственных функций центральных и местных органов управления и др.¹⁸ Оценивая эти

¹² «Фэньдоу», 1983, № 3, с. 16.

¹³ «Гуанмин жибао», 6.VI.1983.

¹⁴ «Хушци», 1983, № 24, с. 10.

¹⁵ Там же, с. 23.

¹⁶ Там же, с. 9—12; «Гуанмин жибао», 31.X.1983.

¹⁷ См.: «Гуанмин жибао», 26.XII.1983.

¹⁸ См.: «Хушци», 1983, № 20, с. 29.

и другие элементы, «определяющие путь строительства социалистической экономики», печать КНР утверждала, что «они разработаны на основе изучения действительности нашей страны и поэтому, естественно, отмечены китайской спецификой». И в то же время так называемые «новые представления и новые выводы, полученные в ходе этого изучения», якобы неизбежно станут «новым обогащением и развитием теории научного социализма», а поэтому они имеют, ни много ни мало, «универсальное теоретическое значение»¹⁹.

Необходимо отметить, что в многочисленных материалах периодики КНР, посвященных проблеме «соответствия» сегодняшней китайской концепции учению марксизма-ленинизма, прослеживался следующий ход рассуждений. Марксизм заложил фундаментальные основы теории социалистического строительства, выдвинув «принципиальные предположения» относительно хода этого процесса. Ленинизм дал некий «русский вариант» марксистского учения, это его «русифицированная», «национальная» форма, созданная В. И. Лениным и большевиками «применительно к реалиям новой исторической эпохи» и «в соответствии с конкретными условиями России». Это стало возможным потому, что В. И. Ленин, по утверждениям китайских авторов, «не застрял (!) на исторически ограниченных (!) выводах Маркса о возможности лишь одновременной победы пролетарской революции в развитых капиталистических странах мира». Так возникло оправдание тезиса о «естественном», «закономерном» возникновении и «китаизированного марксизма» как результата теоретической и практической деятельности Мао Цзэдуна и руководимой им КПК, соединивших в условиях Востока «всеобщую истину марксизма-ленинизма с конкретной действительностью собственно Китая»²⁰. Без этого «было бы невозможно найти правильный путь, отвечающий условиям нашей страны», и привести китайскую революцию к победе, поскольку «процесс победоносного развития коммунистического движения в Китае, вообще говоря, является процессом борьбы за соединение основных положений научного социализма с конкретной практикой китайской революции»²¹.

В целях теоретического фундирования «специфичности» и «самобытности» пути Китая к социализму пытаются эксплуатировать и авторитет первых китайских пропагандистов марксизма — Ли Дачжао и др. Люй Минчжо, редактор научного ежеквартальника «Цилу сюекань» (город Цюйфу, провинция Шаньдун), в статье под заголовком «Вклад Ли Дачжао в распространение марксизма» писал, что Ли Дачжао первым «выдвинул тезис о необходимости сочетания марксизма с конкретной практикой китайской революции» и, таким образом, «положил начало осуществлению той специфической задачи сочетания марксизма с особыми условиями своей страны, которая была поставлена Лениным перед коммунистами Востока». Это в свою очередь «имело немаловажное значение для последующего формирования идей Мао Цзэдуна»²².

Следует особо подчеркнуть, что в ходе пропаганды строительства «социализма с учетом специфики Китая» газеты и журналы КНР уделяли большое внимание «идеям Мао Цзэдуна», которые, как говорили Дэн Сяопин и Ху Яобан, «были, есть и всегда будут знаменем дела социализма в стране»²³. Китайская печать утверждала, что в работах «О десяти важнейших взаимоотношениях» (1956), «К вопросу

¹⁹ «Сюсю яньцзю», 1983, № 3, с. 13.

²⁰ «Гуанмин жибао», 13.III.1983.

²¹ «Хунци», 1983, № 24, с. 7.

²² «Чжэсюе яньцзю», 1983, № 2, с. 15—21.

²³ «Бэйцзин чжоубао», 5.IX.1983.

о правильном разрешении противоречий внутри народа» (1957), в «Речи на расширенном рабочем совещании в ЦК КПК» (1962) и ряде других выступлений Мао Цзэдун, «исходя из китайской практики», «реалистического подхода» и принципа «опоры на собственные силы», разработал основные направления строительства «социализма, соответствующего условиям Китая». Особое внимание пропаганда уделяла работе «О десяти важнейших взаимоотношениях» (опубликованной, кстати, лишь в 1977 г.); содержащиеся в ней установки по вопросам экономики, политики, культуры и отношений с иностранными государствами объявлялись и ныне актуальными²⁴, поскольку здесь «уже была поставлена задача поиска отвечающего условиям Китая пути строительства социализма, оставшаяся, однако, не выполненной»²⁵. В связи с этим выдвигалось требование об истории возникновения идей Мао Цзэдуна и процессе их формирования, так как «для правильной оценки и точного научного выяснения руководящего положения этих идей необходимо досконально описать их главное содержание и теоретическое наполнение, прежде всего те моменты, которые в дальнейшем будут последовательно проводиться в жизнь»²⁶. В печати даже встречались прямые утверждения и напоминания о том, что «главной отправной точкой экономических идей Мао Цзэдуна было — исходить из практики, идти по пути строительства социализма с учетом специфики Китая»²⁷.

Значительная часть публикаций печати КНР была посвящена оценке «идей Мао Цзэдуна в области философии», которые назывались «сокровищем в сокровищнице», поскольку явились «основой основ» познания китайского общества и китайской революции²⁸. Особый акцент делался на сформулированный Мао Цзэдуном «четвертый основной закон диалектики» — «закон волнообразного развития»²⁹. Это было непосредственно связано с поисками теоретического обоснования курса на создание «социализма с учетом специфики Китая», поскольку действие вышеупомянутого «закона», согласно Мао Цзэдуну, распространяется в основном на страны Востока, и в первую очередь на Китай. «Идеи Мао Цзэдуна» официально расцениваются как «целостная научная система», являющаяся идейно-теоретической основой нынешнего курса строительства «социализма с учетом специфики Китая»³⁰. В печати постоянно встречались утверждения, что КПК и ее руководители «последовательно отстаивают идеи Мао Цзэдуна, придерживаются его идейного наследия и развивают его», рассматривают «правильные и всеобъемлющие идеи Мао Цзэдуна как руководство к действию»³¹. Все это нашло «концентрированное отражение в работах Дэн Сяопина и документах КПК», опубликованных после III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (1978)³².

Периодика КНР, таким образом, недвусмысленно давала понять, что «идейное наследие Мао Цзэдуна» уже сформировало и, возможно, в дальнейшем также будет формировать политические решения его преемников и определять параметры, в рамках которых ими будут ре-

²⁴ См.: «Жэньминь жибао», 6.I.1984.

²⁵ «Гуанмин жибао», 26.XII.1983.

²⁶ «Хунцзи», 1983, № 13, с. 41—42.

²⁷ «Жэньминь жибао», 6.I.1981.

²⁸ См.: «Гуанмин жибао», 2.V.1983; «Бэйцзин жибао», 16.III.1984.

²⁹ «Волнообразное (седлообразное) развитие — это «такое развитие, когда с двух концов — высоко, а в середине — низко. На фронте производства в 1956—1958 гг. наблюдались: прилив — отлив — более высокий прилив, то есть скачок — застой — большой скачок» (Отчетный доклад о работе ЦК КПК II сессии VIII съезда КПК, 5 мая 1958 г.).

³⁰ См.: «Хунцзи», 1983, № 24, с. 8, 9.

³¹ «Бэйцзин чжоубао», 5.IX.1983.

³² «Жэньминь жибао», 6.I.1984.

шаться проблемы Китая. Поскольку «справедливость идей Мао Цзэдуна доказана практикой», подчеркивали китайские авторы, они по-прежнему «продолжают играть непосредственно направляющую роль в деле созидания социализма в стране» и «должны служить руководящей идеологией КПК»³³, в том числе и в ходе строительства «национальной модели» социализма. В 1984 г. печать уже прямо заявляла, что «идеи Мао Цзэдуна являются идейно-теоретической основой социализма с учетом специфики Китая»³⁴. Впрочем, говоря об актуальности «неуклонного следования идеям Мао Цзэдуна», китайские идеологи настаивали на «необходимости их дальнейшего развития», причем последнее требование объявлялось «центральным моментом вопроса»³⁵.

Итак, основное содержание дискуссии по вопросу идейного наследия Мао Цзэдуна сводится к следующему: хотя в последние годы в КНР и были разработаны «некоторые новые установки в различных областях», «в большинстве случаев делается лишь то, что было в свое время предложено Мао Цзэдуном, но не претворено в жизнь... Тем не менее китайские коммунисты развивали идеи Мао Цзэдуна и будут, конечно, продолжать их развивать»³⁶. «Уже намеченный КПК правильный путь строительства социализма с учетом специфики Китая» является, с одной стороны, «продолжением», а с другой — «развитием и обогащением идей Мао Цзэдуна»³⁷. Обе стороны общей установки о «неуклонном следовании идеям Мао Цзэдуна» и необходимости их «дальнейшего развития» нашли самое широкое отражение в многочисленных материалах, посвященных разбору и пропаганде сборника «Избранных сочинений Дэн Сяопина», опубликованного летом 1983 г. и названного «продуктом великого исторического перелома», «стратегической и всеобъемлющей программой создания социализма с учетом специфики Китая»³⁸. В статье одного из постоянных авторов журнала «Хунци» Чжай Сыши «Неуклонное следование идеям Мао Цзэдуна и их развитие — коренной принцип нашей партии» отмечается, что Дэн Сяопин, «глубоко проанализировав огромную роль идей Мао Цзэдуна», подчеркнул, что «не только сегодня, но и в дальнейшем мы должны высоко держать знамя этих идей... В противном случае будет совершена большая ошибка исторического характера», поскольку «сохранение идейного наследия Мао Цзэдуна действительно имеет исключительно важное значение для дела революции и созидания в Китае»³⁹.

Касаясь второй стороны установки — «развития и обогащения идей Мао Цзэдуна», — китайские авторы отмечали, что основной задачей в этой области является поиск «конкретного пути создания социализма с учетом специфики Китая» — задача, выдвинутая Дэн Сяопином «в новый период социалистического строительства». Официальная печать декларировала, что многое в этом направлении уже сделано, поскольку в последнее время КПК и ее руководители, «проверяя истинность идей Мао Цзэдуна на основе исторического и получаемого в ходе реальных жизненных процессов опыта, продолжали дело соединения всеобщей истины марксизма-ленинизма с практикой социалистического строительства в КНР» и, таким образом, «развили и обогатили идеи Мао Цзэдуна». Раскрывая это утверждение, китайские авторы пишут, что это «развитие и обогащение» в основном сводится к следующим моментам: во-первых, вновь были изложены, под-

³³ «Бэйцзин чжоубао», 5.IX.1983.

³⁴ «Гуанмин жибао», 23.I.1984.

³⁵ «Хунци», 1983, № 13, с. 41—42.

³⁶ «Бэйцзин чжоубао», 5.IX.1983.

³⁷ «Хунци», 1983, № 24, с. 8—9, 13.

³⁸ «Бэйцзин жибао», 22.VII.1983.

³⁹ «Хунци», 1983, № 14, с. 3—4; «Гуанмин жибао», 2.VII.1983.

тверждены и развиты «некоторые верные положения, ошельмованные в период десятилетнего хаоса»; во-вторых, в ходе изменения исторических условий «были сделаны новые выводы, соответствующие сегодняшней реальности и заменившие отдельные устаревшие установки»; в-третьих, с учетом нового опыта «были обогащены изначальные основополагающие истины в целях придания их содержанию более полного и конкретного характера»; в-четвертых, «исходя из практики осуществления четырех модернизаций», изучались новые условия, решались возникшие проблемы, расставлялись другие акценты, «вырабатывались некоторые новые теоретические и практические установки»⁴⁰.

Конкретизируя содержание этих тезисов, журнал «Хунци» писал в редакционных статьях, что в процессе подготовки к строительству «социализма с учетом специфики Китая» (то есть после III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва в декабре 1978 г.) ЦК КПК провел «большую теоретическую и практическую работу» по следующим основным направлениям: 1. В области идеологии была утверждена «идейная линия реалистического подхода к действительности», являющаяся «коренной предпосылкой познания реалий китайского общества и строительства социализма с учетом специфики Китая». 2. В области политики было «дано четкое разъяснение» о том, что «классовая борьба более не представляет собой главное противоречие китайского общества», хотя она «еще будет сохраняться на протяжении определенного периода времени, а иногда даже может обостряться»⁴¹; одновременно было определено, что в нынешних условиях на первый план выдвигается «противоречие между постоянно возрастающими материальными и культурными потребностями народа и отсталым общественным производством»⁴²; наконец, было отмечено, что в качестве одной из основных будет решаться задача достижения «высокого уровня развития демократии», в связи с чем будут приняты «практические меры по укреплению социалистической демократии, законности и совершенствованию партийного и государственного руководства». 3. В области экономики было указано, что главной особенностью, определяющей уровень экономического развития Китая, является «слабая база при большом населении и нехватке пахотной земли», что требует больших усилий для подъема экономики и «постепенного, поэтапного осуществления модернизации», причем ведущую роль должно играть «совершенствование основанного на общественной собственности планирования экономики», но одновременно необходимо и «развитие вспомогательной роли рыночного регулирования». Кроме того, была поставлена задача решительно бороться с «преступной деятельностью, наносящей ущерб социализму в области экономики, политики, идеологии и культуры»⁴³.

Заметно, что на начальном этапе пропагандистской кампании на тему «строительства социализма с учетом специфики Китая» в центральной печати КНР преобладали довольно расплывчатые и туманные рассуждения, по существу мало что объяснявшие в конкретном содержании нового курса. Китайские авторы пытались «оправдать» это тем, что содержание самого понятия «специфика», как говорил Су Шаочжи, не представляет собой «раз и навсегда установленную схему, но конкретизируется, дополняется и развивается в ходе процесса практического познания закономерностей социалистического строительства»⁴⁴. Комментарии же по существу вопроса были весьма

⁴⁰ «Хунци», 1983, № 14, с. 6.

⁴¹ «Жэньминь жибао», 2.1.1984; «Гуанмин жибао», 11.11.1984.

⁴² «Гуанмин жибао», 9.1.1984; «Жэньминь жибао», 22.11.1984.

⁴³ «Хунци», 1983, № 20, с. 26; № 24, с. 9.

⁴⁴ «Гуанмин жибао», 23.V.1983.

осторожны. В этой связи интересно следующее высказывание Ху Яобана: «Некоторые товарищи спрашивают, можно ли сформулировать готовый ответ на вопрос, что называть «социализмом с учетом специфики Китая»? Мы отвечаем на это, что такого заранее предусмотренного и готового ответа нет и быть не может. Мы в состоянии лишь, руководствуясь правильной теорией, в процессе непрерывной практики обогащать наше познание»⁴⁵. Однако начиная со второй половины 1983 г. китайские авторы стали несколько смелее в своих теоретизированиях по поводу конкретных аспектов курса на создание «национальной модели» развития. Прежде всего, были выработаны «Четыре основных методологических критерия» для выяснения сущности понятия «социализм с учетом специфики Китая». Во-первых, оно (понятие) подразумевает следование известному тезису Мао Цзэдуна о «сочетании всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции»; во-вторых, термин «китайская специфика» означает не только то, что единично отличает Китай от других стран, поскольку «различные особенности того или иного явления могут присутствовать и в каких-то общих моментах», повторяться в явлениях иного рода; в-третьих, понятие «социализм с учетом специфики Китая» представляет собой «органически связанное единое целое», а не конгломерат отдельных, разрозненных и не связанных между собой черт; в-четвертых, подчеркивалась опять-таки «необходимость и неизбежность» постоянного «творческого развития и обогащения» содержания понятия «специфика Китая»⁴⁶.

Отмечались и другие конкретные моменты строительства «социализма с учетом специфики Китая». Периодические издания КНР достаточно уверенно констатировали, что создание китайской «самобытной формы» социализма будет осуществляться «поэтапно». Главное направление нынешнего, начального этапа сводится к осуществлению «всесторонних и многоступенчатых реформ» в области экономики и политической структуры, без чего «невозможно успешное формирование новой системы, отвечающей общеполитическому контексту современного Китая»⁴⁷. Кроме того, пресса КНР, разъясняя суть тезиса о создании «национальной модели» социализма, акцентировала внимание на «неизбежности сочетания идейно-политической и экономической работы». Этому кругу вопросов были посвящены ряд всекитайских совещаний, проводившихся по инициативе ЦК КПК, и обнародованный ЦК КПК документ «Основные направления идейно-политической работы среди рабочих и служащих государственных предприятий», в котором подчеркивалось, что деятели идейно-политической сферы должны быть компетентны в вопросах производства и управления, «органически увязывать идеологическое воспитание с проведением реформы в системе методов экономического управления»⁴⁸.

В качестве одной из необходимых предпосылок успешной работы в этом направлении вновь объявлен известный принцип «опоры на собственные силы», который также характеризовался как один из конкретных аспектов выработки «национальной модели» развития. Печать КНР не уставала повторять, что практическое осуществление «независимого и самостоятельного» курса строительства социализма подразумевает самое строгое соблюдение этого принципа, то есть «опоры на силы своей партии, своей страны и своей нации», поскольку китайский народ добился всех своих успехов именно при соблюдении этого принципа, преодолев тенденции к «догматизации марксизма»,

⁴⁵ «Хунци», 1983, № 1, с. 4.

⁴⁶ «Гуанмин жибао», 9.V.1983.

⁴⁷ «Жэньминь жибао», 8 и 10.I.1983; «Гуанмин жибао», 23.V.1983.

⁴⁸ «Вэньхуэй бао», 15.IX.1983; «Жэньминь жибао», 28.VIII.1983; «Гуоцзэнь жибао», 6.I.1984.

«фетишизации решений Коминтерна и советского опыта»⁴⁹. Этот подход, как подчеркивала китайская печать, и в нынешних условиях «остается в принципе без изменений», однако при этом делалась следующая оговорка: «поскольку сегодня страна находится в более благоприятном международном окружении», чем когда бы то ни было в прошлом, она «может получать иностранную помощь в больших масштабах, нежели прежде»⁵⁰.

На проведенной в Нанкине IV всекитайской конференции по вопросам научного социализма (октябрь 1983 г.) была сделана попытка определить «основное содержание» курса на создание «социализма с учетом специфики Китая». В ходе рассмотрения этой проблемы «в широком плане» выявились три различные точки зрения: согласно первой, «социалистический строй на всех этапах имеет свою специфику»; согласно второй, только «само строительство [социализма] специфично», и, наконец, лишь «цель борьбы («зрелый социализм». — *Авт.*) обладает собственной спецификой». Однако, несмотря на такое, казалось бы, принципиальное расхождение в изначальной постановке вопроса, участниками конференции была дана единая трактовка «основного содержания социализма с учетом специфики Китая», которое, по общему мнению, включает в себя следующие главные моменты: на базе «четырех основных принципов» («твердо придерживаться социалистического пути, демократической диктатуры народа, руководства со стороны КПК и марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна») добиваться «сплочения всех народов страны»; экономическое строительство рассматривать как «ядро модернизации»; осуществлять «исторический, диалектический подход к теории марксизма-ленинизма и нашему собственному практическому опыту»; придерживаться лозунга «Миллиардный китайский народ — великая сила социалистического строительства».

В «основное содержание» вырабатываемой концепции была включена также идея о том, что одним из «главных условий успеха» (и «принципов борьбы») является «опора на собственные силы». И кроме того, новый курс подразумевает, что «одновременно с построением развитой материальной цивилизации социализма необходимо создавать и высокую духовную цивилизацию, добиваясь должного уровня социалистической демократии». Последняя установка была охарактеризована как одна из основных отличительных черт и стратегических целей «китайской модели» социализма и названа «новым вкладом КПК в теоретическую сокровищницу научного социализма», как будто бы не существует ленинского учения о коммунистическом воспитании и социалистической демократии.

В ходе этой же конференции были сформулированы и «основные принципы» создания «социализма с учетом специфики Китая»: «идейная система коммунизма» как руководящая идеология этого процесса; «реалистический подход к действительности» как «идейная линия» КПК, «основной метод исследования и решения всех проблем, возникающих в ходе строительства социализма»; строгое следование идеологической ортодоксии, выраженной в «четырех основных принципах», как «главной гарантии» успешного осуществления «социализма с учетом специфики Китая»; строгое следование «пути всестороннего развития», когда различные направления строительства (в экономической, политической, идеологической, социальной и культурной областях) предстают «в органическом единстве»; «неизбежный путь» создания «китайской модели» социализма — проведение «всесторонних, систематических и глубоких реформ»⁵¹. Все эти установки на деле сводятся к

⁴⁹ «Жэньминь жибао», 1.X.1983.

⁵⁰ «Бэйцзин чжоубао», 5.IX.1983.

⁵¹ «Гуанмин жибао», 31.X и 12.XII.1983.

тому же принципу «реалистического подхода к действительности», который, по существу, игнорирует объективный характер общих закономерностей строительства социализма.

Надо сказать, что проведению «многоступенчатых реформ» придается особое значение в ходе пропаганды строительства «социализма с учетом специфики Китая». Они расцениваются в печати как «важная предпосылка решения различных задач во всех областях жизни общества», залог успешного осуществления «модернизации» страны. Без них «невозможно создание новой системы, соответствующей общеполитической обстановке в Китае»⁵².

Акцентирование в периодике КНР вопроса о реформах связано с тем, что осуществление «четырех модернизаций», объявленное основой строительства «социализма с учетом специфики Китая», представляет собой, по словам Дэн Сяопина, «великую революцию, коренным образом изменяющую отсталый экономический и технический облик страны и последовательно укрепляющую диктатуру пролетариата». Хотя подобная «революция» должна привести к «многосторонним изменениям в производственных отношениях и надстройке», она тем не менее является «революцией не по отношению к человеку, а революцией по отношению к системе»⁵³.

Необходимость такой «революции» китайские идеологи обосновывают тем, что «при социализме сохраняются определенные противоречия». Социализм, писал президент Академии общественных наук КНР Ма Хун, избавил общество от противоречий капиталистической системы и в процессе развития производительных сил и подъема жизненного уровня народа выявил свое очевидное превосходство над капитализмом, «но это отнюдь не означает, что в социалистическом обществе не сохранились противоречия и оно не нуждается в революции». Проводимые в ходе осуществления «четырех модернизаций» реформы как раз и составляют содержание этой «революции».

Таким образом, в отличие от марксистской трактовки вопроса современные идеологи КНР объявляют революцией всякое более или менее существенное преобразование общественных отношений. Иными словами, подобная «революция», в толковании ведущих китайских теоретиков, направлена на некое «совершенствование» существующего в КНР общественного строя путем осуществления «кардинальных и глубоких реформ». Положение о том, что «реформа тоже представляет собой революцию» («гайгэ е ши гэмин»), утверждал Ма Хун, является «программным положением», получившим четкое разъяснение в «Избранных сочинениях Дэн Сяопина»⁵⁴.

Широкая пропаганда изучения вышеупомянутого сборника позволяет разобраться в идеологической подоплеке кампании в целом. Периодика КНР подчеркивала, что Дэн Сяопин, «выдвинув единственно верный путь строительства социализма с учетом действительно китайской специфики»⁵⁵, внес тем самым «принципиально важный вклад» не только в переосмысление и обогащение «идейного наследия Мао Цзэдуна», но и в «дальнейшее развитие марксизма-ленинизма в Китае»⁵⁶. Если отбросить сопровождающую эти утверждения риторику, то станет ясно, что подтекст многочисленных публикаций официальной печати на эту тему свидетельствует о стремлении представить сегодняшние высказывания Дэн Сяопина по поводу «социализма с учетом специфики Китая» как

⁵² «Гуанмин жибао», 23.V.1983; «Цзиньцзи жибао», 29.V.1984.

⁵³ Дэн Сяопин *вэньсюань* (Избранные сочинения Дэн Сяопина). Пекин, 1983, с. 125—126, 351, 352.

⁵⁴ «Хунци», 1983, № 20, с. 26, 27.

⁵⁵ «Жэньминь жибао», 15.VII.1983.

⁵⁶ «Хунци», 1983, № 7, с. 42—46.

«одну из составных частей марксизма-ленинизма — идей Мао Цзэдуна» (о чем прямо писала «Жэньминь жибао») ⁵⁷.

Однако, в материалах центральной печати встречались свидетельства того, что в китайском обществе существует немало подспудных источников оппозиции реформам, зачастую сохраняется настороженное и даже открыто негативное отношение к нынешней корректировке идеологической ориентации. В частности, попытки руководства КНР легализовать новую идеологическую линию встречают серьезное сопротивление со стороны творческой интеллигенции. В одном из комментариев, озаглавленном «Укрепить сплоченность работников литературы и искусства путем изучения основополагающих идей сборника «Избранных сочинений Дэн Сяопина», подчеркивалось, что в настоящее время «ограниченное число товарищей ведет пустые разговоры относительно тех рекомендаций писателям, которые выдвинул Дэн Сяопин от имени ЦК КПК». «Эти люди должны быть более требовательны к себе, поскольку... подвержены влиянию той или иной ошибочной идеологии». Именно в силу этого в среде творческой интеллигенции «возник нехороший уклон», заслуживающий пристального внимания и серьезной критики, так как он до сих пор окончательно не преодолен и «продолжает оказывать негативное воздействие на строительство социализма с учетом специфики Китая» ⁵⁸.

Критика вырабатываемой ныне в КНР концепции, как отмечала печать страны, ведется как с «левых», так и с «правых» позиций. И те и другие ставят под сомнение правильность выбранного пути создания нынешней версии «национальной модели» развития. При этом, по словам газеты «Гуанмин жибао», они отделяют «специфику Китая» от «социализма» и даже «противопоставляют их друг другу» ⁵⁹.

По свидетельству китайской периодики, критики «слева» обвиняют нынешнее руководство КПК в том, что поиски «особого», «самобытного» пути строительства социализма в КНР «не имеют ничего общего со всеобщей истиной марксизма» и «положениями научного социализма», а представляют собой лишь известное «обобщение практического опыта социалистического строительства в Китае». Одни усматривают в «индивидуальном секторе экономики» и рыночном регулировании «капиталистические факторы, либо развитие в сторону капитализма» ⁶⁰. Другие заявляют, что «построенный в Китае социализм» — это не марксистский научный социализм, а «мелкобуржуазный и даже феодальный (!) социализм» ⁶¹. Отвечая критикам «слева», китайские идеологи повторяют тезисы о том, что поиски «особого» пути развития страны якобы ведутся «в строгом соответствии с основными положениями марксизма», а наличие индивидуального сектора в экономике «отнюдь не означает развития капиталистических тенденций», так как ведущее положение в экономике КНР занимают предприятия общенародной собственности, развивающиеся в соответствии с государственным планом, а рыночное регулирование играет при этом лишь «вспомогательную роль» ⁶².

В свою очередь критики «справа», по заявлениям китайской печати, «впадают в другую крайность». Одни, ссылаясь на отсталость производительных сил Китая, пытаются доказать, что в стране «отсутствуют условия для создания и развития социалистической собственности», и на этом основании требуют провести «дополнительный урок капитализма», наставляя на том, что «после победы новодемократической рево-

⁵⁷ «Жэньминь жибао», 19.VII.1983.

⁵⁸ «Жэньминь жибао», 16.VIII.1983.

⁵⁹ «Гуанмин жибао», 14.XI.1983.

⁶⁰ «Хунши», 1983, № 24, с. 11—12.

⁶¹ «Сюешу яньцзю», 1983, № 3, с. 5.

⁶² «Гуанмин жибао», 14.XI.1983; «Жэньминь жибао», 25.III.1984; «Гунжэнь жибао», 3.VI.1984.

люции следовало в полной мере развить капитализм» и только после этого осуществлять социалистические революцию и строительство, «в противном случае неизбежно нарушение закона соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил»⁶³. Другие декларируют, что социалистическая государственная собственность на средства производства «отчуждается от масс» и поэтому ее надо «видоизменять». Третьи заявляют, что в КНР отсутствуют условия для развития плановой экономики, и требуют полной замены ее «рыночной экономикой», основанной на «саморегулировании» экономических процессов при свободном действии закона стоимости⁶⁴. Возражая оппонентам, официальная печать указывает на то, что подобные меры означали бы полную ликвидацию экономической системы социализма в Китае, что отказ от планового ведения народного хозяйства привел бы к анархии производства, присущей капиталистической экономике, и противоречил бы одной из «основных особенностей» экономической системы социализма в стране — «ведущей роли планирования при вспомогательной роли рыночного регулирования» — и что вообще решительно нет никаких оснований говорить, будто социалистическое общество в Китае «рождено преждевременно» и «не отвечает критериям»⁶⁵.

В заключение необходимо отметить, что в 1984 г. акцент пропагандистской кампании «создания социализма с учетом специфики Китая» был перенесен на необходимость решения различных конкретных практических вопросов. В связи с этим печать подчеркивала, что, «исследуя и создавая социализм с учетом специфики Китая, мы не только должны уделять внимание вопросам о том, что представляет собой социализм, какие присущи ему характерные особенности и общие закономерности, обращать внимание на изучение и заимствование иностранного опыта, но одновременно еще более важно углубить исследование практической обстановки в Китае... исходя из особенностей страны, решать различные практические вопросы», иными словами — «искать конкретные пути и способы строительства социализма с учетом специфики Китая»⁶⁶. Данному кругу вопросов и было посвящено подавляющее большинство материалов центральных периодических изданий на эту тему, содержание которых в основном сводилось к попыткам доказать существование «особых законов» в самых различных областях жизни китайского общества, обуславливающих «специфику» практического решения частных вопросов. Например, теперь стали писать о создании китайской «специфической системы планового управления», «управления экономикой» в рамках вырабатываемой концепции «национальной модели» развития, о формировании «банковской системы социализма с учетом специфики Китая», о «подготовке отрядов интеллигенции и специалистов с помощью методов, учитывающих специфику Китая», о создании «китайской самобытной формы социалистической духовной цивилизации»⁶⁷. Пишут и о «пяти особенностях страны», которые необходимо принимать во внимание при создании «юридической системы социализма с учетом специфики Китая» (способ вычленения этих особенностей, впрочем, помогает и в изучении методики анализа социального развития в целом. — *Авт.*): «1. Наше государство является социалистическим государством демократической диктатуры народа, руководимым рабочим классом и основанным на союзе рабочих и крестьян. Фундаментальной основой нашего общества является социалистический строй,

⁶³ См.: «Сюешу яньцзю», 1983, № 3, с. 5; «Хунци», 1984, № 3, с. 26, 28—29.

⁶⁴ «Хунци», 1983, № 24, с. 11—12.

⁶⁵ См.: «Сюешу яньцзю», 1983, 3, с. 9; «Цзинцзи жибао», 8.XI.1983.

⁶⁶ «Жэньминь жибао», 22.II.1984.

⁶⁷ См.: «Хунци», 1984, № 9, с. 26—30; «Жэньминь жибао», 1.III.1984; «Гуанмин жибао», 9, 12.I.1984.

а система эксплуатации уже уничтожена. Эксплуататорские классы ликвидированы как классы, но классовая борьба в определенных рамках еще будет продолжаться в течение длительного периода, поскольку буржуазная идеология продолжает оказывать серьезное разлагающее влияние на некоторых людей. 2. Китай обладает богатыми природными ресурсами и очень большим экономическим потенциалом, но по сравнению с современными развитыми странами экономика и культура Китая и сегодня являются все еще очень отсталыми. 3. Китай — единое многонациональное государство, в котором насчитывается 56 национальностей при подавляющем большинстве ханьцев. 4. Территория Китая обширна, население огромно, велика протяженность границ с Северо-Востока до Юго-Запада и от восточного побережья до западной границы, поэтому уровень экономического, политического и культурного развития отдельных районов страны неравномерен, повсюду резко различаются нравы и обычаи. 5. Китай — одно из государств с древней цивилизацией. Блестящая культура китайской нации существовала на протяжении тысячелетий неизменно на высоком уровне — таких примеров в мире немного. Трудлюбие, мудрость, мужество — славные революционные традиции китайского народа. В то же время наша страна насчитывает и тысячелетия истории и традиций феодального общества, в Китае отсутствовали теория и практика демократических институтов и законодательной системы, влияние феодальных стереотипов довольно прочное, и в настоящее время многие социальные пороки по-прежнему несут на себе отпечаток феодализма»⁶⁸.

В 1984 г. китайская печать еще настойчивее повторяла утверждения о том, что «пока еще рано подводить какие бы то ни было итоги» или «определять конкретные перспективы» нового курса: «Несмотря на то что в экономической сфере мы проводим некоторые реформы, во всех областях, кроме сельского хозяйства, они только начинаются, и заметных изменений в обстановке не наблюдается». «Мы еще только вступаем на путь создания социализма с учетом специфики Китая»⁶⁹.

В настоящем обзоре затронуты лишь основные идеологические моменты кампании по созданию «социализма с учетом специфики Китая». Кампания эта сегодня продолжается в несколько измененной форме — перенесена в практическую плоскость, — и пока, видимо, преждевременно давать ей окончательную оценку. Тем не менее уже сегодня можно с уверенностью сказать одно: в теоретических статьях, посвященных вышеозначенной проблеме, несомненно, доминируют рассуждения о приоритете «национального фактора», гипертрофируется значение «специфики». Публикации центральной печати КНР на эту тему свидетельствуют о подмене адекватного усвоения теории о закономерностях социалистического строительства изобретением способов, как обойти эти закономерности с помощью «своего пути развития», «национального социализма». Более того, они свидетельствуют о попытках представить такого рода «поиск собственной модели» как одну из общих закономерностей строительства социализма, что противоречит и логике, и принципам научного анализа.

⁶⁸ «Хуши», 1984, № 3, с. 8—9.

⁶⁹ «Жэньминь жибао», 25.11.1984.

Эволюция идеи японского экспансионизма во второй половине XIX в.

*Е. В. ЩЕТИНИНА,
кандидат исторических наук*

В процессе становления и развития японского империализма большую роль играли войны. Отбросив вместе с феодальными устоями устаревшие принципы изоляции страны, Япония вскоре после незавершенной буржуазной революции Мэйдзи (1867—1868) провозгласила экспансионизм основой своей внешней политики.

В. И. Ленин указывал, что в Японии монополия военной силы и особое удобство грабить Китай «...отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала»¹. Агрессия японского империализма, начавшаяся на самых ранних этапах его развития, способствовала образованию монополий, ускоряла их превращение в могущественные концерны. Вплоть до второй мировой войны каждая из захватнических акций японского империализма приносила огромные прибыли финансовой олигархии за счет грабежа колоний и усиления эксплуатации японских трудящихся.

Быстрый переход Японии к колониальным войнам после буржуазной революции был в целом закономерен и обусловлен самой хищнической природой капитализма. Английская буржуазная революция дала гигантский толчок развитию колониальной политики Англии. Во время французской буржуазной революции справедливые войны в защиту республики довольно быстро превратились в захватнические. Агрессивные войны Наполеона Бонапарта привели к подчинению Италии, Швейцарии и ряда других европейских государств французскому господству.

В этом смысле Япония мало чем отличалась от других капиталистических стран. «Это государство — буржуазное, — писал В. И. Ленин о Японии, — а потому оно само стало угнетать другие нации и поработать колонии...»².

Однако ряд особенностей, присущих японскому империализму, обусловил его особо агрессивный характер. Они уходят своими корнями в специфику генезиса капиталистических отношений и половинчатость буржуазной революции 1867—1868 гг. Незавершенность процесса первоначального накопления капитала ко времени революции и сохранение глубоких феодальных пережитков в экономической, политической и социальной структуре страны в последующие годы тормозили развитие внутреннего рынка и толкали нарождавшуюся буржуазию на путь внешней экспансии. Но мир был уже поделен. Не обладая достаточно развитой экономикой, чтобы конкурировать с другими капиталистическими державами, Япония стала использовать силовые методы борьбы за передел мира.

Большую стимулирующую роль в процессе милитаризации и развития экспансионистских тенденций во внешней политике Японии во вто-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 174.

² Там же, т. 25, с. 262.

рой половине XIX в. играло идеологическое обоснование агрессивного курса правящих кругов страны.

Признание активной роли идей и теорий является одним из крайних положений марксистской общественной науки. Развитие человеческого общества, как и развитие природы, есть объективный закономерный процесс. Но в отличие от природы, развитие человеческого общества осуществлялось в результате деятельности людей. «Все, что приводит людей в движение, — писал Ф. Энгельс, — должно пройти через их голову...»³

Люди, действующие в истории, ставят перед собой определенные сознательные цели, руководствуются определенными идейными мотивами. Эти цели и мотивы имеют, несомненно, материальную основу, но в рамках своей исторической обусловленности они играют огромную мобилизующую роль.

Важнейшей задачей правительства Мэйдзи, как ее определяли сами члены правительства, было обеспечение национальной независимости. Через тридцать лет после революции, в 1897 г., министр иностранных дел Сигэнобу Окума сказал в палате представителей: «Если мы задумаемся над тем, что было практически наиболее важным во внешней политике в эпоху Мэйдзи, то должны будем ответить: достижение равноправия с другими державами...»⁴. Но Окума, естественно, не довел эту мысль до конца. В благородную форму лозунга о достижении равноправия и независимости вкладывалось отнюдь не благородное содержание. Под его прикрытием правительство стремилось к расширению границ Японской империи и подчинению соседних азиатских государств.

Экспансионизм как стратегическая линия внешней политики Японии во второй половине XIX в. отвечал в конечном счете интересам японской буржуазии, которая в те годы еще только вставала на ноги и не имела сил и возможности действовать самостоятельно на политической арене. От ее лица выступала правящая бюрократия. «Небезынтересно отметить, — подчеркивал японский историк Сигэки Тояма, — что буржуазные идеи проповедовались в то время не самой буржуазией, а ее патроном — бюрократией...»⁵

Правящая бюрократия начала эпохи Мэйдзи (1868—1912) складывалась из кланового самурайства низших рангов, принимавшего активное участие в революции. Это были люди сравнительно молодые, энергичные, насквозь проникнутые военной психологией, для которых милитаризм и экспансионизм как система идей являлись основой полноценного образования и воспитания.

Выходцы из дворянства, они не могли не привносить в свою деятельность элементы классового сознания близкого им феодального общества. Но наиболее дальновидные из них сознательно направляли страну по пути капитализма, хотя и ограниченного консервацией феодальных пережитков, и объективно действовали в интересах господствующего класса формирующегося капиталистического общества — буржуазии.

Становление идеологии экспансионизма проходило в условиях борьбы между устаревшими феодальными установками реакционной самурайской оппозиции и новыми концепциями, отражавшими потребности развития капиталистических отношений в стране.

По форме экспансионизм Мэйдзи выступал как продолжение предшествующего развития мысли феодальной Японии, по содержанию отражал цели и задачи молодого капиталистического общества. «...Фи-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 308.

⁴ Д. И. Бугаева. Японские публицисты конца XIX века. М., 1978, с. 25.

⁵ Д. И. Бугаева. Указ. соч., с. 27.

лософия каждой эпохи, — писал Ф. Энгельс, — располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит»⁶. Подобные предпосылки для возникновения и развития экспансионистской идеологии в Японии обнаруживаются, в частности, в намерениях и планах объединителя феодальной Японии — Хидэёси Тоётоми, сделавшего попытку завоевать Корею в конце XVI в.

В своем письме к корейскому королю в 1590 г. он писал о великом предзнаменовании, ниспосланном матери накануне его рождения. Ему якобы было предназначено свыше «распространить свою власть на все части мира, где светит солнце, и принять под свое благословенное правление народы четырех морей»⁷. Японский полководец сообщал, что уже объединил под своей эгидой 66 провинций Японии и собирается организовать поход в Китай, заставив его население подчиниться и принять обычаи и манеры японцев. Хидэёси Тоётоми предлагал корейскому королю объединиться с ним в борьбе за свержение династии Мин. Но Корею он рассматривал лишь как этап на пути к завоеванию Китая. Х. Тоётоми пытался убедить японского императора перенести столицу из Киото в Пекин, где он стал бы правителем великой империи.

Замыслы феодального полководца свидетельствовали о традиционности ориентации японской агрессии — против соседних азиатских стран, в первую очередь Кореи и Китая.

С конца XVIII — начала XIX в. в Японии появляется все больше ученых и политических деятелей, которые пытаются идеологически обосновать экспансионистские устремления самурайства. Одним из них был Сихэй Хаяси (1738—1793), который в своих трактатах «Описание трех государств» («Санкоку цурун») и «Военные беседы о морском государстве» («Кайкоку хэйдан») доказывал необходимость войны и призывал к созданию мощного флота. Хаяси считал, что относительно спокойствие в период правления Токугава, в XVII—XVIII вв., когда не было междоусобных войн, вредно влияло на японское общество и экономику страны.

Подчеркивая уязвимость Японии как островного государства, Хаяси пытался убедить правителей страны, что «...нет никаких преград на пути из любого иностранного государства к любым местам японской территории, окруженной со всех сторон морями, и прежде всего нет этих преград между любым иностранным государством и центром столицы Японии — Нихонбаси»⁸. Отсюда автором делался вывод о необходимости усиления «защиты» Японии, суть которой сводилась, однако, не к оборонительным мерам по укреплению побережья, а к присоединению чужих территорий. Он призывал к захвату Кореи, Рюкю и Эдзо (Хоккайдо), чтобы затем перейти к оккупации русского Дальнего Востока.

Экспансионистские теории С. Хаяси в основном разделял известный ученый-экономист Тосиаки Хонда (1744—1821). Хонда отличал прагматический подход к явлениям. В своих трудах он стремился прежде всего доказать необходимость захвата колоний, мечтая о создании обширной японской империи. Так же, как и Хаяси, его беспокоил длительный мир на Японских островах. Образцом для него служила Англия. «Некоторые из процветающих стран Европы, — писал Хонда, — сами имеют малую площадь, но зато обладают обширными владениями; такие страны называют «великими». Среди них на первом месте

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 419.

⁷ R. T. Pollard. Ancient Dreams and Present Fears. — In: The Emergence of Imperial Japan. Self-Defense or Calculated Aggression? Lexington, 1970, p. 14.

⁸ Очерки новой истории Японии. (1640—1917). М., 1958, с. 100.

Англия, страна размером примерно такая же, как Япония»⁹. Он перечислял затем колонии Англии в разных частях света и блага, которые стекаются в Англию из этих колоний, доказывая, что нет никаких причин, почему бы Японии не пойти по стопам Англии, чтобы добиться такого же процветания.

В своих трактатах Т. Хонда намечал и направления экспансии: он предлагал начать с ближайших Курильских островов и архипелага Бонин, а затем захватить Камчатку, Алеутские острова и Северную Америку. Столицу империи следует перенести на Камчатку, поскольку она богаче Японских островов и лежит в центре будущих владений. Хонда считал, что продовольственные и другие товары из захваченных стран потоком хлынут в Японию в обмен на блага цивилизации, которые принесут японцы. Япония станет владычицей Востока, равноценным партнером Англии — ведущей в то время западной державы.

Однако С. Хаяси и Т. Хонда обогнали свое время. Их идеи противоречили традиционной конфуцианской морали, политике изоляции и феодальным порядкам токугавского режима. Хаяси был сослан в Сэндай и умер в неизвестности, а главные сочинения Хонда долгое время были известны только узкому кругу его друзей и не оказали непосредственного влияния на современников. Но эти концепции легли в основу новых теорий, проповедовавших необходимость создания империи и проведения экспансионистской политики.

Одной из наиболее популярных и имевших непосредственное отношение к событиям эпохи Мэйдзи теорий было учение Сэин Ёсида, самурая из клана Тёсю. Он был убежденным националистом и в своих теоретических воззрениях обращался к японским императорам древнейших времен, «когда их могущества боялись иностранцы, их благосклонное правление простиралось на другие народы и их великие замыслы и стратегия сверкали через тысячи поколений»¹⁰. Ёсида знал, что англичане вторглись на Восток, что Индия уже находится под их контролем и следующей на очереди — Китай. Он опасался, что «яд английского влияния и силы» распространится на острова Рюкю и проникнет через Нагасаки в Японию. В этих условиях, по его мнению, необходимо захватить Камчатку и Курильские острова, Формозу, острова Рюкю и часть Маньчжурии в порядке выполнения «божественной задачи» — распространения на них «благословенного правления императора»¹¹. Корея, по мнению Ёсиды, тоже должна платить дань Японии, как в древние времена.

В качестве конкретного первого шага Ёсида предлагал аннексировать острова у побережья Кореи как плацдарм для военных операций на континенте. Имелся и второй вариант — захват островов в южных морях и их использование для подготовки вторжения в Индию. Эта территориальная экспансия, по мнению Ёсиды, должна была выполнить двоякую задачу — удержать Россию и Америку от нападения на Японию и компенсировать ущерб, который их торговля нанесла Японии.

Взгляды и теории Ёсиды оказали громадное влияние на молодое самурайство клана Тёсю. Среди его учеников, одурманенных идеями блестящего будущего Японской империи, были многие могущественные деятели пореформенной Японии, включая принца Аритомо Ямагата, знаменитого создателя современной японской армии, и принца Хиробуми Ито, занимавшего высшие посты в государственном аппарате. С. Ёсида был казнен в 1859 г. за участие в мятеже против сёгу-

⁹ Д. Книи. Японцы открывают Европу, 1720—1830. Пер. с англ. М., 1972, с. 126—127.

¹⁰ R. T. Pollard. Op. cit., p. 16.

¹¹ Ibid.

ната в Киото, но после революции Мэйдзи был объявлен национальным героем.

Теоретические установки С. Хаяси, Т. Хонда и С. Ёсида были возрождены и нашли дальнейшее развитие после свержения сёгуната в 1868 г.

В первые же дни после прихода к власти новое правительство подтвердило свою приверженность идеям внешней экспансии. В обращении императора к народу от 6 апреля 1868 г. говорилось: «Мы сим приносим клятву вместе со всеми членами правительства... продолжать осуществление великих задач, завещанных нам нашими предками... Мы желаем распространить величие наше далеко за моря и сделать нашу страну такой же безопасной, как высочайшая гора Фудзи»¹².

Обеспечение безопасности страны связывалось, таким образом, с осуществлением экспансионистских планов С. Хаяси, С. Ёсида и других ученых феодальной эпохи. В последующие годы идея необходимости внешней экспансии как средства обеспечения безопасности и независимости получила более полное выражение в выступлениях лидеров правительства и в конечном счете легла в основу одной из первых доктрин экспансионизма эпохи Мэйдзи — доктрины обеспечения национальной независимости.

Ее формирование было связано с объективным положением страны. В начальный период после революции сохраняла свою остроту зависимость Японии на мировой арене: страна была связана неравноправными договорами с ведущими капиталистическими державами, экономическому могуществу и военной силе которых не могла противостоять. Это порождало страх перед возможностью военной интервенции западных держав, поскольку перед глазами японцев был печальный опыт грабительской политики этих стран в Китае и захвата Англией Индии. Кроме того, рост национализма в связи с образованием самостоятельного государства и сохранение у части населения приверженности идеалам «сонно дзёи»¹³ создавали благоприятную атмосферу для распространения шовинистических настроений.

Трезво мыслящие представители высшей бюрократии, более осведомленные о состоянии международной обстановки и о заинтересованности других государств в налаживании связей с Японией, не разделяли страхов общественности перед возможностью немедленной иностранной интервенции. По крайней мере это с очевидностью вытекает из заявлений представителей правительства о численности и задачах формирующихся вооруженных сил. По мнению Масудзиро Омуро, видного деятеля революции Мэйдзи, стоявшего у истоков современной японской армии, угроза внешней интервенции имела вторичное значение по сравнению с необходимостью борьбы с «беспорядками» внутри страны, то есть в первую очередь с массовыми выступлениями крестьянства.

Подобная позиция разделялась впоследствии другими руководителями военного департамента — Ямагата, Ямада, Ниси и пр., которые отвергли предложение генерала Торио Кояма о формировании крупного воинского контингента в первые же послереволюционные годы. Они доказывали, что правительство не может выделить для этого необходимые средства и что нет стратегической необходимости для создания большой армии¹⁴.

После прихода к власти правительство Мэйдзи было лишено воз-

¹² Y. Oka. Prologue. — In: The Emergence of Imperial Japan..., p. 2.

¹³ «Преклонение перед императором и изгнание варваров» — движение, противостоящее сёгунату в период революции Мэйдзи.

¹⁴ In: J. Crowley. Requirements of National Security. — In: The Emergence of Imperial Japan..., p. 40.

возможности быстро и в полной степени реализовать свои экспансионистские планы. Тем не менее первые шаги в этом направлении не заставили себя ждать: были отправлены колонисты на Хоккайдо, снаряжена военная экспедиция на Тайвань, навязан неравноправный торговый договор Корею.

Начало японской экспансии на Дальнем Востоке было тесно связано с форсированной перестройкой экономики, созданием государственного аппарата и строительством современных вооруженных сил. Реформы и преобразования проводились под лозунгом «Богатая страна, сильная армия» («Фукоку кэхэй»), который нес в себе идею применения силы и колониальной экспансии.

Формирование системы государственного аппарата после революции Мэйдзи осуществлялось в течение двух десятков лет. Правительство, пришедшее к власти после свержения сёгуната, очень скоро стало самурайским по составу и деспотическим по характеру правления. Император лишь формально управлял страной, фактически же всей полнотой власти обладала самурайская бюрократическая верхушка, окружавшая трон. С середины 70-х до конца 80-х годов правящие круги вели упорную борьбу с либерально-буржуазной оппозицией, требовавшей учреждения представительного органа власти и принятия конституции.

Но либеральное движение в Японии было ограниченным и непоследовательным. Из-за незавершенности революции и слабости буржуазии ведущую роль в нем, особенно на первом этапе, играли «новые помещики, которые легко шарахались от либеральной оппозиции к крайне правой реакции»¹⁵.

Умеренное крыло либералов откровенно разделяло милитаристские и экспансионистские взгляды правительства. Поддерживая идею создания сильного государства, они обосновывали ее необходимостью не только избавиться от неравноправных договоров, но и обеспечить экспансию в Азии. Наиболее популярный орган движения в те годы газета «Хёрон симбун» писала: «Необходимо выйти из состояния нынешнего упадка, создать прочный, непоколебимый государственный строй, противостоять всем странам... Установить господство на Востоке»¹⁶.

Лидеры левого крыла хотя не поддерживали открыто агрессивные планы правительства, но и не выступали с активной критикой в его адрес. В итоге же после принятия конституции в 1889 г. либеральная оппозиция удовлетворялась крайне ограниченными демократическими правами и сошлась с правительством на общей платформе милитаризма и внешней агрессии.

Наращивание военного потенциала неизменно занимало важнейшее место в деятельности правящих кругов Японии. Одним из первых был разработан и принят в 1872—1873 гг. закон о всеобщей воинской повинности, который был уточнен и дополнен в 1883 г. Эти законодательные акты появились до принятия конституции или открытия какого-либо представительного учреждения. Таким образом, система воинской повинности в Японии была автократической по способу ее установления и контрреволюционной по замыслу и действию. Чтобы превратить армию в послушное орудие достижения своих целей, правительство старалось изолировать ее от «движения за свободу и народные права» и обеспечить безусловную преданность трону. Специальным эдиктом императора от 1882 г. всем военным служащим предписывалось воздерживаться от политической активности и участия в каких-либо политических организациях.

¹⁵ Очерки новой истории Японии, с. 219.

¹⁶ Г. Ясуи. Дзюку минкэн сисо (Идеи свободы и народных прав), т. 1. Токио, 1958, с. 51.

Модернизация, проводившаяся в Японии, была объективно необходима для развития страны по капиталистическому пути. Субъективная роль правящих кругов в этом процессе заключалась в том, что реорганизации подвергались только те отрасли жизнедеятельности государства и только в той степени, которые позволяли в кратчайшие сроки обеспечить наращивание военного потенциала. Установление авторитарного режима власти, преимущественное развитие тяжелой и военной промышленности, введение всеобщей воинской повинности в условиях деспотического правления свидетельствовали о последовательной и целенаправленной деятельности правительства по подготовке к реализации экспансионистских планов.

В правящих кругах Японии не было расхождений по поводу доктрины экспансионизма в принципе, но существовали серьезные расхождения относительно направлений, сроков и методов ее проведения в жизнь. Именно они послужили поводом для раскола, происшедшего в правительстве в 1873 г. после ожесточенных споров о предполагаемом походе в Корею.

Наиболее активными сторонниками немедленной отправки военной экспедиции в Корею выступали военный министр Такамори Сайго и его друг и сподвижник Тосиаки Кирино. Т. Сайго выдвинул тезис о неизбежности войны с Россией. Обосновывая его интересами безопасности Японии, он подчеркивал, что Корея явится опорной базой для дальнейших военных действий на континенте. «Теперь Япония утверждает права на Хоккайдо, — говорил он. — Но может ли Япония выстоять против России, владея только островом Хоккайдо? Нам надо решить корейский вопрос и распространить свое влияние через залив Посьета до Николаевска. Мы безусловно должны вступить в Корею и защитить нашу страну»¹⁷.

Тосиаки Кирино также доказывал, что Японии необходимо вести агрессивные войны, ибо только они могут принести ей могущество, расширить политическое влияние и уравнять в правах и престиже с европейскими странами и США. «Если мы хотим сделать нашу страну равной другим странам и независимой в мире, — говорил Т. Кирино, — мы должны идти за моря, сражаться и завоевать победу». Далее он продолжал: «Мы должны стремиться расширить территорию Японских островов. Нам не следует ограничиваться обороной. Надо двигаться за моря и завоевывать территории... Для того чтобы защитить себя, необходимо сегодня атаковать противника. Мы не должны довольствоваться только тем, что уже имеем»¹⁸.

Тосиаки Кирино, Такамори Сайго и другие идеологи явно исходили из концепций японского экспансионизма конца XVIII — начала XIX в. Они не придавали значения развитию капитализма в Японии и считали, что с внутренними реформами можно повременить, предоставив приоритет внешней агрессии. Эти идеи нашли свое отражение в политической платформе правой самурайской оппозиции, возглавлявшейся Т. Сайго. «Мы не должны пытаться проводить цивилизацию Японии слишком быстро, — подчеркивалось в опубликованном в середине 1871 г. документе, — должны отказаться от паровых машин и железных дорог и работать не покладая рук над усовершенствованием нашей военной системы»¹⁹.

Суть противоречий между правящей бюрократией и реакционным самурайством сводилась к принципиально различному пониманию путей будущего развития Японии. Militarизм и экспансионизм самурайской оппозиции был направлен на установление в конечном счете во-

¹⁷ У. Ока. *Op. cit.*, p. 3.

¹⁸ *Ibid.*, p. 3.

¹⁹ Цит. по: Очерки новой истории Японии, с. 227.

енно-феодальной диктатуры. Эта оппозиция объективно была не в состоянии сочетать свои самурайские амбиции и жажду военных авантур с перспективными интересами сформировавшегося в Японии капиталистического общества.

Требование экстремистов о немедленном вторжении в Корею встретило противодействие Ивакура, Окубо, Кидо, Ито, Ямагата и других влиятельных деятелей правительства, которые в принципе поддерживали идеи экспансионизма, но считали, что экономика и вооруженные силы еще не готовы для активных внешних захватов. Эта мысль была ярко выражена в письме Ямагата на имя Сайго: «Наша армия в настоящее время находится в самом разгаре реорганизации; однако через один-два года основа военной системы будет заложена, и тогда, видимо, не будет никаких препятствий для посылки армии на континент»²⁰.

Отклонив требование о немедленном походе в Корею, лидеры правительства тем не менее санкционировали в 1874 г. военную экспедицию на Тайвань, чтобы успокоить самурайство и подтвердить свою верность экспансионистскому курсу. Однако полный провал попытки захватить Тайвань отчетливо показал слабость Японии и ее неподготовленность к крупным военным операциям.

В этих условиях ряд видных представителей правящей верхушки выступили с предложением попытаться укрепить позиции Японии на континенте дипломатическим путем, заключив союз с Китаем. Они надеялись, что такой шаг позволит Японии оказывать влияние на политику Китая и в то же время несколько ограничить проникновение западных держав.

Одним из влиятельных государственных деятелей, глубоко преданных этой идее, был Томоми Ивакура. В меморандуме императору в феврале 1875 г. он писал: «...Если Китай будет аннексирован Россией, независимость Японии окажется под угрозой. Поэтому Японии необходимо стараться быть в дружественных отношениях с Китаем, ибо только на основе взаимопомощи и сотрудничества они могут обеспечить свою «полную независимость»²¹. Несколько лет спустя, в октябре 1882 г., Ивакура вновь подчеркивал в письме министру иностранных дел Каору Иноуэ, что в Азии только Китай и Япония смогли сохранить свою независимость. Если эти две страны не будут действовать сообща, то в конечном счете окажется невозможным предотвратить «распространение западной мощи на Востоке»²².

Ивакура вплоть до своей смерти (1883) оставался верен этой идее, считая дипломатический путь наиболее надежным для обеспечения японских интересов в Китае. Он предупреждал императора о неизбежных тяжелых последствиях военного конфликта. «Если, к несчастью, Япония и Китай начнут воевать, они окажутся во власти силы, и потребуются более чем несколько десятков лет, чтобы унять вспыхнувшую вражду»²³.

Во второй половине 80-х годов внутреннее положение Японии существенно изменилось. Возрос экономический потенциал, стабилизировалось денежное обращение. Передача государственных предприятий крупной буржуазии способствовала централизации производства и ускорению темпов развития капитализма. Быстро развивались железнодорожный транспорт и судостроение. Резко увеличился выпуск различных видов оружия и боеприпасов.

Принятый в 1883 г. новый закон о воинской повинности привел к значительному увеличению вооруженных сил и огромному росту военных

²⁰ Там же, с. 228.

²¹ Y. Oka, op. cit., p. 4.

²² Ibid., p. 4.

²³ Киндай Нихон сисоки кодза (Исследование истории идеологии новой Японии), т. VIII. Токио, 1961, с. 18.

расходов. Это была явная подготовка к агрессии на континенте. Ямагата в этот период откровенно писал: «В настоящее время высокомерная позиция китайцев в отношении Кореи, противоречащая интересам Японии, показала нашим офицерам, что рано или поздно следует ожидать великой войны на континенте...»²⁴.

Развитие капитализма в Японии и усиление военного потенциала дали толчок дальнейшему развитию доктрины «обеспечения национальной независимости» как идеологической основы японского экспансионизма эпохи Мэйдзи. Большую роль в ее разработке сыграл один из крупнейших государственных деятелей Аритомо Ямагата.

В ряде документов, составленных А. Ямагата, когда он занимал посты министра внутренних дел (1885—1888) и премьер-министра (1889—1891), делается попытка идеологически обосновать широкую программу японской агрессии в Азии.

Ямагата считал, что первоочередная задача Японии — обеспечить господствующее влияние в Корее.

Пытаясь теоретически обосновать планы захвата Кореи, Ямагата в своей речи на первой сессии парламента в 1890 г. объявил о необходимости различать «линию суверенитета» и «линию интересов». Первая проходит по государственным границам. А вторая — через территории соседних стран, простираясь до тех пределов, которые определяются лишь объемом алчных устремлений Японии. «Если мы хотим сохранить национальную независимость и встать в ряд великих держав, — говорил Ямагата, — необходимо сделать шаг вперед и защитить нашу линию интересов. Очень важно находиться всегда в наиболее выгодной позиции и не довольствоваться только защитой линии суверенитета». Далее Ямагата четко пояснял: «Наша линия интересов, бесспорно, проходит в Корее»²⁵.

Рассматривая военную экспансию как единственный способ утверждения великого будущего Японии, Ямагата в качестве ближайших объектов агрессии указывал на Корею и Китай, но в принципе его декларация экспансионизма не имела географических пределов, и каждый новый захват чужих территорий в последующие годы генерировал новые требования и претензии.

В годы японо-китайской войны Ямагата писал императору с поля боя, предлагая начать строительство железной дороги от Пусана и Сеула до Йыцзы около устья реки Ялу: «Я не сомневаюсь, что в будущем эта дорога пересечет Китай и достигнет Индии. Если наша страна желает добиться лидерства в Азии и обеспечить прочное преимущественное влияние среди великих держав, то мы должны протянуть эту дорогу прямо в Индию»²⁶.

Постоянным требованием Ямагата было увеличение военных расходов. После заключения симонсекского мирного договора, юридически оформившего военную победу Японии над Китаем, он выражал неудовлетворенность состоянием японской армии. «Наша военная готовность, — говорил он, — до настоящего времени использовалась главным образом для поддержания линии суверенитета. Если, однако, мы хотим в результате этой войны получить нечто большее, чем пустую победу, и собираемся стать лидером в Восточной Азии, то абсолютно необходимо продлить нашу линию интересов. Наша военная сила сегодня недостаточна даже для поддержания новой линии суверенитета. Отсюда следует, что

²⁴ Г. Норман. Возникновение современного государства в Японии. Пер. с англ. М., 1961, с. 269.

²⁵ М. J. Mayo. Attitudes toward Asia and the beginnings of Japan Empire. — In: Imperial Japan and Asia. New York, 1967, p. 13.

²⁶ Y. Oka. Op. cit., p. 7.

она не соответствует растянувшейся линии интересов и задачам доминирования в Восточной Азии»²⁷.

В доктрине Ямагата нашли свое отражение некоторые элементы экспансионистских теорий идеологов феодальной Японии. В частности, совпадали географические ориентиры — первой жертвой агрессии неизменно считалась Корея; одинаковым по своей сути был метод обоснования экспансионизма — необходимость обеспечить национальную независимость и безопасность путем внешней агрессии.

Вместе с тем эта доктрина по своему содержанию означала большой шаг от феодальной идеологии к идеологии империализма. В отличие от реакционной самурайской оппозиции Ямагата отстаивал интересы капиталистического развития Японии. Он стремился ограничить экономическую активность Англии и России, опасался ущемления не только стратегических, но и торговых интересов японской буржуазии, настаивал на ускоренных темпах модернизации страны, в первую очередь на строительстве железных дорог, создании современной тяжелой промышленности и на ее основе — развитии военного производства.

Доктрина Ямагата — это концентрированное идеологическое оформление стремлений к неограниченному расширению границ Японской империи во имя интересов господствовавшего класса развивающегося капиталистического общества. Вместе с тем абсолютизация военного метода экспансии, типичная для Ямагата, вытекала из военно-феодалного характера японского капитализма и являлась результатом сохранения феодальных пережитков в социальной структуре и общественном сознании Японии на рубеже перехода к империалистической стадии развития.

Развитию японской экспансии способствовало глубокое националистическое настроение, охватившее не только правящие круги, но и либерально-буржуазную оппозицию. При всех противоречиях по многим проблемам внутренней политики они оказывались едины, когда речь шла о расширении границ Японии и колониальных захватах. По мере укрепления капиталистических отношений националистические настроения приобретали откровенно агрессивную окраску. Если в 1870-х годах многие участники либерально-буржуазного движения выступали за проникновение в Корею мирными средствами, то ко второй половине 80-х годов они активно стали поддерживать идеи правительства об укреплении «нрав государства» путем экспансии в другие страны. Газета «Дзю симбун» («Свобода») 4 октября 1884 г. в передовой статье «О расширении прав государства» подчеркивала, что Япония обладает географическим преимуществом перед странами Европы и США для колонизации дальневосточных территорий»²⁸. Когда в декабре 1884 г. в Сеуле произошли массовые выступления против вмешательства Японии во внутренние дела Кореи, оппозиция поддержала правительство и приняла участие в раздувании шовинистической пропаганды для прикрытия агрессивных целей Японии и попыток навязать Корею неравноправный договор. Лидер левого крыла «движения за свободу и народные права» Кэнтаро Он заявил, что «вся нация единодушно потребовала послать в Корею карательную экспедицию»²⁹.

Нападение на Китай в 1894 г. также было восторженно встречено оппозиционными партиями и либеральной прессой. В специальном выпуске либеральной партии от 19 сентября 1894 г. предсказывались скорая война в Европе и не менее скорое утверждение величия Японии. Объявлялось, что «западные институты и культура будут разрушены»,

²⁷ М. Мауо. *Op. cit.*, p. 15—15.

²⁸ См.: «Вестник Ленинградского университета», вып. 1, 1978, № 2, с. 51.

²⁹ Там же, с. 51.

колониальная политика европейских держав потерпит крах, они будут вынуждены уйти из Азии, и «Япония возвысится в Восточной Азии и воспрянет над мирядами наций мира»³⁰.

Юкио Одзакэ, в будущем лидер Прогрессивной партии (Кайсинто), заявил в одной из своих речей, что в целях противодействия «продвижению Западных держав на Восток» Япония должна после окончания войны полностью подчинить себе Китай и поставить его под управление императора³¹.

Выдающийся просветитель новой Японии Юкити Фукудзава, труды которого оказали большое влияние на формирование общественного сознания, также не сумел подняться над волной шовинизма, включившись в кампанию идеологической подготовки к нападению на Китай. 23 июля 1884 г., накануне начала боевых действий, он писал: «Это война между страной, которая пытается развивать цивилизацию, и страной, которая противостоит развитию цивилизации... Это не война между народом и народом, государством и государством, а своего рода тип религиозной войны...»³² Японский историк Сисо Хаттори весьма четко определил позицию Фукудзавы, подчеркнув, что «лозунгом «цивилизация и просвещение» он оправдывал покорение соседних народов Азии»³³.

* * *

Идеология экспансионизма эпохи Мэйдзи значительно опередила появление экономических условий, необходимых для ее реализации. Но, как известно, для воплощения идей в жизнь нужны в первую очередь материальные предпосылки. «...Сама задача, — писал К. Маркс, — возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо или, по крайней мере, находятся в процессе становления»³⁴. Экспансионизм теоретический превратился в практику японского государства, когда оно вступило на путь ускоренного развития капитализма.

Олигархия Мэйдзи, воспитанная на идеях милитаризма и экспансионизма, понимала необходимость модернизации для претворения их в жизнь. Правящие круги сознательно направляли этот процесс, проводя в первую очередь те реформы и преобразования, которые обеспечивали в сжатые сроки создание оптимальных условий для осуществления внешней агрессии.

Идеология экспансионизма в начальный период после незавершенной буржуазной революции отражала процесс ускоренного развития капитализма в Японии на его ранней, домонополистической стадии и перерастание в империализм на рубеже XIX—XX вв. Сохранение глубоких феодальных пережитков, с одной стороны, и форсированный переход к империализму — с другой, весьма ограничивали возможности либерально-буржуазного движения в стране. Японское просветительство и либерально-буржуазная интеллигенция сомкнулись с авторитарным правительством на единой платформе экспансионизма и способствовали формированию шовинистических и милитаристских тенденций в общественном сознании японского народа.

Материальное господство, как известно, предполагает господство духовное. «...Тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая»

³⁰ Y. Oka. Op. cit., p. 8.

³¹ Ibid., p. 8.

³² H. Conroy. The Japanese Seizure of Korea. Philadelphia, 1960, p. 255.

³³ Д. П. Бугаева. Указ. соч., с. 51.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 7.

щая духовная сила»³⁵, — писали в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс. Используя эту силу, правящие круги Японии под предлогом необходимости обеспечения национальной безопасности и независимости последовательно и целенаправленно навязывали экспансионистские интересы буржуазии и дворянства всему народу и выдавали их за общенациональные и единственно разумные.

Насаждение в широких слоях населения шовинистических настроений и идеалов милитаризма и экспансионизма на долгие годы лишило японское общество возможности развиваться по пути мира и демократии и явилось тяжчайшим преступлением японского империализма.

---

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 45.

О мемуарах Дж. К. Фэрбенка

А. Е. БЛОК

Выход в свет мемуаров крупного ученого, тем более ученого с мировым именем, — это всегда событие, которое привлекает внимание и специалистов, и широкой общественности, независимо от непосредственного адресата, избранных проблем, жанра изложения, независимо от того, идет ли речь о творческой эволюции автора, его научной лаборатории или о событиях, исследователем и свидетелем которых он был.

Вызывает интерес и социально-нравственный смысл такой работы, человеческая позиция автора, ее искренность, добросовестность и гражданственность. Если автор стремится сохранить и передать преемникам свой многотрудный опыт, уникальные и значительные факты, нерешенные загадки, если он предупреждает ложные шаги и тягостные заблуждения, если он озабочен сохранением действительных научных и человеческих ценностей. — тогда его работа становится связью поколений, звеном процесса познания, необходимой частью духовного бытия людей. Тогда это — общественный отчет ученого и итог бесплодной жизни в науке.

Читателя интересует поэтому не только непосредственная цель воспоминаний и даже не столько прямо выраженная концепция автора и его система критериев в оценках научных проблем, исторических событий или явлений международной жизни. Читатель старается усвоить замысел автора во всей его глубине, включая его «сверхзадачу», которую тот не всегда декларирует открыто.

С понятным волнением раскрываем первые страницы мемуаров известного американского сиолога Дж. К. Фэрбенка¹, ожидая встретиться с проблемами и историей американского китаеведения, надеясь увидеть яркие картины недавнего китайского прошлого, познакомиться с новыми мыслями автора об американско-китайских отношениях, о современном мире, где складываются эти отношения, об общенсторических воззрениях автора, ибо масштабы научной и практической деятельности Фэрбенка оправдывают такие ожидания².

Джон Кинг Фэрбенк — ведущий американский китаевед, профессор истории, глава «гарвардской» школы, бывший директор Восточноазиатского исследовательского центра при Гарвардском университете.

Восточноазиатский центр был создан в 1955 г. самим Фэрбенком и сейчас носит его имя. Центр финансируется фондом Форда и в меньшей степени — фондом Рокфеллера. За 15 лет (1955—1970) фонд Форда выделил на исследования по Китаю различным научным учреждениям США более 30 млн. долл., из них центр Фэрбенка получил 5,5 млн. долл. (с. 360). Фэрбенк преподавал, занимался научной деятельностью и возглавлял этот центр с 1955 по 1973 г. В конце 70-х годов он вернулся к активной научно-политической деятельности, в 1979 г. дважды побывал в КНР, вновь стал консультировать правительство по вопросам, касающимся Китая.

Его мемуары сразу же вызвали довольно широкий отклик. Были опубликованы по-

¹ J. K. Fairbank. *Chinabound; a Fifty-Year Memoir*. New York etc, 1982, 481 p. (далее ссылки на эту работу — в тексте).

² Дж. К. Фэрбенк дал своим основным трудам, включая коллективные, следующие наименования: "The United States and China" (Cambridge, Mass., 1948; 4th rev. ed. 1979); "A Documentary History of Chinese Communism" (1952); "Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports 1842—1854" (2 vols, 1953); "China: The People's Middle Kingdom and the U. S. A." (1967); "The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations" (1968); "East Asia: Tradition and Transformation" (L., 1973); "China Perceived: Images and Policies in Chinese-American Relations" (New York, 1974); "Chinese Ways in Warfare" (Cambridge, 1974); "Chinese-American Interactions: a Historical Summary" (New Brunswick, New Jersey, 1975); "The Cambridge History of China" ("Late Ch'ing 1800—1911". Part 1 — 1978. Part 2 — 1980; "Republican China 1912—1949". Part 1 — 1982).

ложительные рецензии О. Латтимора³, Б. Л. Эванса⁴. Журнал Торговой палаты США «Чайна ноутс»⁵ опубликовал рецензию без подписи, где отмечалось, что смыслом жизни Фэрбенка стали пропаганда «спасения с помощью научного исследования», извлечение исторических уроков и популяризация собственных идей. Автор высоко оценил роль Фэрбенка как советника Белого дома и заверил, что Фэрбенк — «единственный в своем роде».

Профессор Колумбийского университета Мартин Уилбур отметил симпатии Фэрбенка к «левым» в Китае, то есть к коммунистам. Утверждая, что компартия Китая «так же авторитарна и безжалостна к диссидентам, как и гоминьдан», Уилбур притом характеризовал Фэрбенка как человека «известного и почитаемого в качестве отца американской синологии»⁶. Еще один рецензент, подписавшийся О. Е. С., писал, что Фэрбенк подвергся гонениям в период маккартизма в США, но «поскольку у него не было официального поста в Китае во время второй мировой войны, он прошел слушания в конгрессе более благополучно и потому выжил». Автор позитивно оценил сегодняшнюю деятельность Фэрбенка, который «продолжает знакомить американцев с Китаем», «борется с невежеством», пытается «вдохнуть веру» в американские институты, призванные «поощрять свободную работу мысли»⁷.

Как пишет сам Фэрбенк, цель его мемуаров следующая. С появлением мощных средств массовой коммуникации (радио, телевидения), современных видов транспорта и межконтинентальных ракет сократились расстояния между странами, мир как бы «сжался». «Сжатие мира, в котором мы живем, сделало более необходимым познание других народов, и в течение последних пятидесяти лет я пытался понять Китай. Постепенное расширение круга моих знаний о Китае влекло за собой, разумеется, и открытие все больших пробелов в них. Вопросы возникало больше, чем следовало ответов. Но ныне условия для того, чтобы понять Китай, стали лучше, и даже, как видно, при этом требуется, чтобы мы лучше разобрались и в нас самих. Нельзя изучать Китай, не изучая китайско-американские отношения, причем без раздражения, страха или скепсиса. На деле каждый, изучающий Китай, вскоре начинает понимать, что он действует как частица американско-китайских взаимоотношений, так же как любой историк ныне сам признает, что он волей или неволей вносит собственный вклад в историю, которую пишет. Подобная точка зрения оправдывает мои воспоминания о самом себе» (с. XIII).

В книге семь частей, охватывающих важнейшие периоды жизни автора с 1907 г., года его рождения, и до 1981 г. Первая часть (1907—1931) рассказывает о детстве, школе. Висконсинском университете, Гарварде и британском Оксфорде, становлении автора как китаеведа. Выбор профессии Фэрбенк объясняет так: «Изучение Китая, казалось мне, таило в себе безграничное поле деятельности, уходящее за неведомые горизонты, ожидающее исследований и разработки» (с. 3).

Во второй части (1932—1935) описывается первый приезд Фэрбенка в Пекин, преподавание в школе Родса, а затем и в университете Цинхуа. Принимая историческую обусловленность традиционных методов управления государством в Китае, Фэрбенк вместе с тем отмечал, что «в современной истории Китая есть одно поразительное явление — демонстративные убийства потенциально опасных лидеров оппозиционного движения» (с. 76). Автор приводит соответствующие примеры времен Юань Шикая и Чан Кайши, действовавших по принципу «ждать, пока голова признанного лидера появится на поверхности, чтобы снести ее». Симпатий подобные действия у автора не вызывали, но это не мешало Фэрбенку в 1949 г. именовать Чан Кайши «героем нации». Правда, в 1968 г. он уже возмущался его «непреодолимой твердолобостью»⁸.

Часть третья (1936—1940) посвящена годам преподавания в Гарварде, годам, когда германский фашизм пробовал силы в Испании, оккупировал Австрию и Чехословакию, создав «ужасающую ситуацию, на фоне которой Япония вторглась в Китай». Автор осудил деятельность правящих кругов США в тот период, их позицию «стороннего наблюдателя», их «изоляционизм», классифицируя все это как «курьезную аномалию в нашей внешней политике» (с. 162). Близорукость американского руководства, вплоть до конца 30-х годов снабжавшего Японию стратегическим сырьем, вызывает возмущение Фэрбенка (с. 163—164). В те годы он писал, что германо-японский альянс угрожает непосредственно Китаю и Индокитаю и что необходимо учитывать уроки прошлого и поступать в соответствии с ними. «Разочарование американской политикой в период мирового кризиса утвердило меня в мысли, что знание истории весьма существенно для выживания человечества», — отмечал Фэрбенк (с. 170). Эту мысль он настойчиво пропагандирует в своих воспоминаниях, однако применяет он ее не ко всем событиям прошлого.

Четвертая часть (1941—1946) посвящается пребыванию Фэрбенка в Чунцине в ка-

³ "Yale Review" (New Haven), 1982, vol. 72, N 1, p. XII—XIII.

⁴ "Pacific Affairs" (Vancouver), 1982—1983, vol. 55, N 4, p. 687—688.

⁵ "China Notes", Spring and Summer 1982, vol. XX, N 2, 3 (double issue), p. 219—

220.

⁶ "Political Science Quarterly", Fall 1982, vol. 97, N 3, p. 498—499.

⁷ "Current History" (Philadelphia), September 1982, p. 272.

⁸ The United States and China, 1968, p. 313.

честве «координатора по вопросам информации и деятельности стратегических служб» Вашингтона, а затем — директора американской информационной службы, видного сотрудника американской разведки в Китае. Автор не без иронии описывает грязью и неразбериху в отношениях между службами США и ведомством Дай Ли (секретной службой гоминьдана), которые не могли или не хотели координировать свои действия в борьбе против японцев. Глава группы ВМС США в Китае Милтон Майлс, позднее, как пишет Фэрбенк, сам себе устроивший назначение «координатором УСС (Управления стратегических служб. — А. Б.) на Дальнем Востоке» (с. 218), в конце 1942 г. подготовил соглашение о САКО (Китайско-американской организации по совместному сотрудничеству). Это было сделано по просьбе Чан Кайши. 15 апреля 1943 г. президент Рузвельт подписал это соглашение, которое гарантировало независимость САКО от УСС и даже от штаба «командующего театром военных действий» генерала Стилуэлла.

Дай Ли не доверял даже УСС как организации «политически ненадежной и, возможно, антигоминьдановской» (!), он «энергично противодействовал экспансивной деятельности УСС в Китае»⁹. «Попытка Донована (руководителя УСС. — А. Б.), ухватиться за полу мундира ВМС, чтобы достичь чего-либо в Китае в дальнейшем, не принесла успеха» (с. 219) из-за этой межведомственной конкуренции, что не означало, конечно, общей бездеятельности УСС в Китае.

Необходимо отметить, что роль китайского участка театра боевых действий КБИ (Китай — Бирма — Индия) во второй мировой войне оценивается автором весьма низко. «Мотивы межведомственного соперничества оказывали главенствующее влияние на военные усилия, — отмечает Фэрбенк. — Китайский театр был всего лишь большим военным шоу, которому адмирал Кинг (командующий ВМС США. — А. Б.) в действиях на Тихом океане определил роль подспорья в деятельности метеостанций, патрулировании побережья и тренировке командос (как и следовало из задач САКО). Летом 1943 г. САКО начало осуществлять программу, которую генерал Дай Ли назвал «инструктивным обучением у ФБР», — тренировку и вооружение секретной полиции Дай Ли для действий против китайского населения. Посольство, госдепартамент, штаб Стилуэлла, УСС и другие ведомства возражали против подобного использования американской помощи. Широко распространенным было мнение, что военные усилия Китая в борьбе с Японией подменялись приготовлениями к гражданской войне против компартии Китая. (выделено нами. — А. Б.). САКО, разумеется, причиняла кое-какое беспокойство японцам, готовила десантные операции, но главным аспектом ее деятельности было то, что, когда разгорелась гражданская война между националистами и коммунистами, САКО двинула американскую помощь на активную поддержку гоминьдановской стороны. Это было равносильно «непродуманной» инициативе США в отношении компартии Китая, которой КПК отчаянно возмущалась и которую нежно делала как уникум американского империализма» (с. 219—220). Таково мнение видного ученого, к тому же близко к УСС.

Теперь, в начале 80-х годов, Фэрбенк считает, что уже к концу 1943 г. Чан Кайши потерял моральное право на руководство Китаем (с. 264, 277). Справедливости ради следует напомнить, что в статьях 40-х годов Фэрбенк подобных оценок не высказывал, хотя по частным вопросам и критиковал Чан Кайши. У каждого, естественно, может быть свой взгляд на этот вопрос. Кто-то считал, что Чан Кайши вообще не должен был бы руководить Китаем, кто-то полагал, что он должен был оставить свой пост несколько позже. Примечательно другое: нападки на Чан Кайши, признанного в США перед войной самым популярным человеком в мире, приобрели там особый размах в основном лишь после его смерти. Вряд ли это случайность, скорее дань конъюнктуре и привычное в США пренебрежение к союзникам, потерпевшим крах. Таковой была посмертная участь ставленника США южнокорейского диктатора Ли Сын Мана и их южновьетнамской марионетки Нго Динь Зьема (Дьема).

Представляют определенным интерес те аргументы Фэрбенка, которые раскрывают причины его неприязни к режиму Чан Кайши. Автора мемуаров коробит ксенофобия гоминьдановского руководства и самого Чан Кайши, которая, как пишет Фэрбенк, явственно проглядывала в книге диктатора «Судьбы Китая» (с. 253). По словам Фэрбенка, США хотели от гоминьдана «нормального восприятия политической оппозиции, несмотря на партийную диктатуру» (с. 277). Здесь, скорее всего, автор следует и сейчас весьма популярной в США теории «третьей силы», смысл которой в том, что в 30—40-е годы американское правительство должно было поддерживать не гоминьдан или КПК, а другие силы в Китае, которые преследовали те же цели, что и США. Судя по всему, Дж. К. Фэрбенк склонен подобной «третьей силой» считать прежде всего представителей китайской буржуазной интеллигенции времен гоминьдана, репрессии против которой он ставит в упрек Чан Кайши. В мемуарах Фэрбенк цитирует свою статью из «Атлантик мансли» (сентябрь 1946 г.) «Наши шансы в Китае», поводом для появления которой явилось убийство одного из профессоров университета «Ляньда» (Куньмин, провинция Юньнань), настроенного проамерикански, «кликой Дай Ли — ЧЧ» (ЧЧ — представители крупнейшего в Китае капитала братья Чэнь Гофу и Чэнь Лифу, державшие в руках весьма солидную часть

⁹ Фэрбенк ссылается при этом на книгу М. Шаллера «Крестовый поход США в Китай. — 1938—1945» (Нью-Йорк, 1979), с. 235.

китайской экономики, имевшие собственную полицию, секретные службы и т. д. — А. Б.). «Это беспардонное использование насилия очень остро поставило вопрос: является ли американская поддержка националистического правительства в гражданской войне мудрой идеей. В моей статье говорилось, что нет», — пишет ныне Фэрбенк (с. 315—316). И далее: «Даже в 1943 г. я полагал, что революция в Китае неизбежна. Крушение экономики в городах и коррупция гоминьдана, репрессии, принявшие открытый характер в 1945—1946 гг., утвердили меня в этой позиции. Когда посредничество Маршалла¹⁰ также не привело к желаемым результатам, то это стало ясным предупреждением американской общественности не возвращаться к Чан Кайши и его правому гоминьдану, которые столь энергично копали себе могилу и пытались втянуть нас туда же вместе с собой... Китайский случай, как обычно, имел свои специфические особенности. Мы были союзниками националистического правительства. Оно с первых дней существования имело много друзей среди американцев. Местные китайские революционеры не были демократами в нашем понимании, они открыто признавали коммунистов, пытавшихся установить новую партийную диктатуру. Более того, США погрязли в мировой «холодной войне», будучи явно не расположены к созданию обстановки для существования какой-либо компартии за границей» (с. 316—317). Фэрбенк, как он пишет ныне, был против какого-либо вмешательства в события на стороне гоминьдана. «Однако мы уже частично вмешались, предоставив чанкайшистским силам инструкторов, вооружение, припасы и транспорт, американские ВМС даже стали на пути русских в Северном Китае»¹¹. Как известно, американская помощь действительно не помогла, и ныне Фэрбенк склонен обвинять Чан Кайши и тогдашние правящие круги США, не поддержавшие «третью силу», в том, в чем его обвиняли когда-то маккартисты — «потере Китая» для США.

В начале 50-х годов, повествует часть пятая (1946—1952), Фэрбенк вместе с другим известным китаеведом Оуэном Латтинмором, которого, как пишет автор, маккартисты считали «самым главным советским шпионом» (сам Фэрбенк так не думает), стали объектом пристального внимания пресловутой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Основным обвинением, предъявленным им и другим специалистам по Китаю, в частности Джону Сервису, было обвинение в этой самой «потере Китая» (с. 334—335). Как пишет Фэрбенк, он «без особого ущерба ускользнул от Маккарти, но был так ошеломлен бездной проблемы китайско-американских отношений, что переключился на преподавательскую, исследовательскую и редакторскую деятельность в Гарварде и стал заниматься Китаем в целом. Восстановление дружественных отношений с Китаем, последовавшее за 1972 г., поставило нас перед множеством все тех же старых проблем, к которым пришлось вернуться вновь» (с. XIV).

Здесь явный намек на то, что китаеведение США долгие годы находилось в загоне, и это впоследствии дорого обошлось. В 60-х годах пришлось экстренно разыскивать синологов, часто занимавшихся абсолютно не своим делом, организовывать их, срочно ориентировать на конкретные нужды государства, восстанавливать безответственно и неосмотрительно реорганизованное или разрушенное. Автор подчеркивает, что активное развитие американского китаеведения началось годы спустя после «эры Маккарти», которого Фэрбенк резко осуждает за препятствия, воздвигнутые на пути изучения исторических, культурных и других факторов развития Китая, да и других азиатских стран (с. 360, 396).

Части шестая (1953—1971) и седьмая (1972—1981), судя по всему, являются ключевыми в мемуарах. И не потому, что здесь описывается формирование и деятельность Восточноазиатского центра под руководством Фэрбенка. В них наиболее ярко проявилось кредо автора, выразившееся в призыве к «гуманистам» Китая объединить свои усилия с «гуманистами» США ради установления взаимопонимания между их странами. Первым условием для достижения взаимопонимания, считает Фэрбенк, является изучение истории, этнографии, психологии, социальных отношений и экономики своих соседей по земному шару. Автор неоднократно повторяет мысль о необходимости изучения Китая, ибо, по его мнению, знание друг друга только и может избавить народы и государства «от внешних и внутренних бед». Фэрбенк считает даже, что если бы в США уделяли больше внимания исследовательской работе, то, возможно, удалось бы предотвратить американо-корейскую и американо-вьетнамскую войны (с. 395—396). Иными словами, автор отвлекается от социальной сущности империалистической политики США, сводя все к «недоразумениям».

В то же время Фэрбенк явственно выделяет тезис, весьма напоминающий староконфуцистскую теорию «желтой опасности». Он предсказывает, что США в будущем могут оказаться «перед лицом великой опасности со стороны непредсказуемого размаха в развитии Китая, потому что мы (американцы. — А. Б.) — участники его модернизации. Нам не следует рассчитывать на то, что мы, уже прошедшие модернизацию, можем стать моделью для китайцев». Зачем он это делает? Автор поясняет, что большинство населения Китая — 800 млн. человек — крестьяне, «чей сельский уровень жизни можно изменить материально гораздо быстрее, чем уровень их мышления и социального по-

¹⁰ Генерал Джордж К. Маршалл в 1945—1947 гг. — специальный представитель Трумэна в Китае, в 1947—1949 гг. — госсекретарь США.

¹¹ Автор имеет в виду назойливые попытки США обосноваться на Ляодунском полуострове в 1945 г.

ведения. Этот великий и невиданный монолит человечества, все еще не поддающийся влиянию извне, может преподнести нам крайне неприятный сюрприз». Фэрбенк подчеркивает, что если у «китайской элиты» и населения городов имеются какие-то общие с США проблемы, то без досконального знания как традиций, так и животрепещущих проблем китайского крестьянства «мы ничего не сможем сделать» (с. 455). В данном случае, напоминая о «китайской опасности», автор предлагает в качестве гарантии то же доскональное изучение страны, от которой эта опасность исходит («влияние извне?»). Развивая эту тему далее, Фэрбенк пишет: «Если Китай в своей модернизации последует примеру Японии, то в один прекрасный день мы вдруг, возможно, обнаружим, что сами живем не на американской пище, а на продуктах из Китая. Возможно и худшее, если китайский национализм выступит под знаменем воинствующего шовинизма, который известен современным народам со времен периода Сун, когда Китай достиг вершин цивилизации, а Европа пребывала во тьме средневековья. Нашей современной организации мировой экономики и государственного устройства... предсказывают совершенно очевидную катастрофу. Несумлимая логика подсказывает, что у примитивного homo sapiens больше шансов выжить, чем у нашей современной цивилизации». Как апофеоз теории «китайской опасности» звучит у Фэрбенка утверждение о том, что если «мировая экономика и государственное устройство будут стерты с лица земли ядерными взрывами», то именно китайцы со своим низким жизненным уровнем «наиболее вероятная кандидатура на то, чтобы возглавить их восстановление» (с. 457). Здесь Фэрбенк, призывая к изучению Китая в США, забывает о противоречивости и несостоятельности своих доводов и предсказаний. Как признают не только ученые-специалисты, но и многие военные высокого ранга на Западе, в случае возникновения ядерного конфликта вся жизнь на Земле будет уничтожена и некому будет «возглавить восстановление мировой экономики и государственного устройства». Тезис о «китайской опасности», очевидно, понадобился Фэрбенку как альтернативный идее улучшения отношений США с Китаем, поэтому-то автор далее заявляет: «Китайская революция скорее друг нам, чем враг. Она более, чем какая-либо другая, занята сама собой и неагрессивная для иных стран. Если наши связи станут теснее, у нас появится возможность помогать друг другу» (с. 458). Сегодня автор следует концепции «неагрессивности» Китая, выразителями которой в 70-е годы являлись американские китаеведы А. Барнетт, Э. Рэвинел, Г. Моргентау [младший], Б. Ларкин и др. Концепция эта была развенчана в 1979 г., после нападения КНР на Вьетнам, но в настоящее время в США предпринимаются попытки ее реанимации. Ради утверждения этой идеи автор не отказывается от попыток обелить Мао Цзэдуна, хотя делает это неназойливо, без нажима, характеризую его как «мессию» Китая, выразителя интересов широких крестьянских масс, деятеля, благодаря которому страна стала влиятельной мировой державой. Даже репрессии, инспирированные Мао Цзэдуном в период «культурной революции», Фэрбенк трактует как «классовую борьбу», то есть «наступление ретивых юнцов на партийных бюрократов», что впоследствии привело якобы к вспышкам «гражданской войны между фракциями» (с. 319).

Подобное отношение к деятельности Мао Цзэдуна встретило в определенных кругах США непонимание и даже враждебную реакцию, особенно со стороны антикоммунистов-«ортодоксов». Некие Мирнам и Иван Лондоны (И. Лондон — профессор психологии Бруклинского колледжа университета в Нью-Йорке; М. Лондон — научный сотрудник института психологии того же колледжа) опубликовали по этому поводу негативную рецензию¹².

Необходимо отметить, что отпор подобным взглядам с противоположных Лондонам позиций дал ученый из Гамбурга Вольфганг Франке, ныне внештатный профессор Майского университета¹³. Он прямо обвинил М. и И. Лондонов в предвзятом отношении к книге Фэрбенка и в клевете на него самого.

Можно согласиться с мнением Франке, давшего отпор Лондонам с их осуждением антивоенного движения в США, можно согласиться и с ролью Фэрбенка в развитии американского китаеведения. Как крупный специалист по Китаю, он известен и в Советском Союзе, но нельзя согласиться с его оценкой личности и деятельности Мао Цзэдуна, развенчанного и советскими учеными, и многими специалистами по Китаю в других странах. Совершенно неприемлема с точки зрения науки попытка Фэрбенка откровенно обелить Мао Цзэдуна, представляя его в качестве некоего «гуманиста», а все ошибки Мао переложить на... советских руководителей и «занятую систему «диктатуры партии» (с. 319). Автор мемуаров стремится соединить несоединимое. Именно здесь и надо бы на деле применить призыв самого Фэрбенка к разностороннему и детальному изучению истории и сути предмета. Несубъективный, ненаучный подход со штампованно-произвольными оценками встречается практически всюду, где автор пишет о советских государственных деятелях и даже о советских ученых. Он подчеркивает «примат идеологии» в трудах советских китаеведов, выражает недовольство тем, что ленинградский китаевед-историограф профессор Л. А. Березный «всех американских историков» объявляет «апологетами капиталистического империализма и катастрофического националистического отклонения Мао от марксизма-ленинизма» (с. 426). Автор заявляет, например, что советские историки-китаеведы якобы ограничены «жесткими рамками» в отношении предмета

¹² "Far Eastern Economic Review", August 20—26 1982, vol. 117, N 34, p. 43, 45.

¹³ Ibid., September 17—23, vol. 117, N 38, p. 3, 5.

исследования и возможных выводов. Раздел о встречах с советскими учеными (С. Л. Тихвинским, Г. В. Ефимовым и др.) он назвал «Неудача с советскими» (с. 425). Ученые СССР, по Фэрбенку, не соответствуют эталону «гуманистов», которых он пытается найти в Китае или «открытом» обществе на Западе. Знай автор лучше и марксизм-ленинизм, и историю нашего государства, к чему в принципе он сам и призывает, а главное, если бы он объективно отнесся ко всему этому, в том числе и к встречам с «советскими», у него не произошло бы неудачи. Впрочем, Фэрбенк прямо не отрицает заслуг советского Китаеведения. Он, например, не согласен с точкой зрения некоторых американских и китайских авторов, полагающих, что изучение исторической роли отношений России с Китаем не представляет интереса для американской и мировой науки (с. 431). (При всем том, что в КНР издается немало публикаций по советско- и русско-китайским отношениям; тем самым Фэрбенк напомнил о принятом в Китае «обычае», чтобы иностранцы получали информацию только от самих китайцев.) «Результатом этого пренебрежения, — пишет Фэрбенк, — явилось игнорирование русского опыта в Китае, тогда как его можно было использовать для сравнения, например, советской помощи и планов периода единого фронта середины 20-х годов с американской помощью и планами в конце 40-х годов, в период коалиционного правительства. Это — явная ошибка... В стратегическом отношении Пекин считал в XIX в. и считает до сих пор Россию более значительной, чем Америку... В нашей истории в Азии гораздо больше общего, чем мы думаем. Китайцы будут натравливать нас друг на друга. Однако с тех пор, как нам приходится решать одну общую проблему — проблему выживания, — мы должны держаться друг за друга как можно крепче» (с. 431).

В данном случае ясно видна непоследовательность позиции автора. То он призывает СССР и США «держаться друг за друга как можно крепче», поскольку «китайцы будут натравливать нас друг на друга». То через два десятка страниц он утверждает, что «китайская революция скорее друг нам, чем враг... Если наши связи станут теснее, у нас появится возможность помогать друг другу» (с. 458). Страницей-двумя ранее он же пугает американского читателя «китайской опасностью». В данном случае может подвергнуться сомнению и искренность, и логика автора.

Непоследовательность бросается в глаза и тогда, когда Фэрбенк, с одной стороны, осуждает позицию США накануне и в начале второй мировой войны, позицию «стороннего наблюдателя», а с другой — у него не нашлось слов, чтобы осудить отнюдь не «изоляционистскую», а захватническую политику нынешних американских правящих кругов, руководствующихся «американоцентристской» (на манер геополитической теории Х. Маккиндера и «изысканий» гитлеровского теоретика К. Хаусхофера) теорией «ответственности Америки» за мир и «стабильность» во всех частях земного шара — не новую идею сколачивания союзов под эгидой США, теорию контроля над миром путем выделения областей «жизненно важных интересов США», охватывающих чуть ли не весь несоциалистический мир. Эти идеи уже были использованы для прямой агрессии США в Ливане и Латинской Америке. Практически они оправдывают американскую агрессию в любой части земного шара.

Призывая изучать, а изучив — понять другие страны, Фэрбенк, к сожалению, не понял, вероятно не изучив, причины, по которым у него произошла «неудача с советскими» учеными, и ограничился использованием антисоветских штампов.

Подобные примеры искажения политических реалий снижают научную и практическую ценность мемуаров Дж. К. Фэрбенка (в которых, несомненно, есть и немало полезного, использован богатый фактический материал, представляющий интерес для Китаеведов). Это относится и к оценкам нынешних проблем Китайской Народной Республики и ее роли в американской политике.

Вспомнивая беседу с Чжоу Эньлаем и Чэнь Бода о проблеме народонаселения, одной из самых острых проблем Китая, Фэрбенк спросил у них, что было сделано для предотвращения перенаселенности. «Это, — ответили они, — мальтузианское империалистическое заблуждение. Мы знаем из марксизма, что сила и мощь трудового человека преодолевает все, так что чем больше людей, тем лучше». (Правда, еще никому не удавалось обнаружить у Маркса афоризма подобного сорта. — А. Б.) Я часто вспоминал этот обмен мнениями. Это была просто игра словами! После того как население Китая за 30 лет, с 1950 по 1980 г., удвоилось, жизненный уровень после маоистской революции был приблизительно на том же уровне» (с. 372—373).

Автор, очевидно пытаясь изыскать общие политические черты у США и Китая, проводит даже сопоставление агрессии США во Вьетнаме и «культурной революции» в КНР. «Сколь много скверных путей привели Америку к вьетнамской войне! — восклицает он. — И как много их привело Китай к «культурной революции». После Вьетнама мы впервые пришли к инфляции и к чувству страха и неуверенности в нашей внешней политике. Китай же после «культурной революции» был отброшен на десять лет назад в области образования и технологии, результатом чего были нищета и отсталость. Обращает на себя внимание тот факт, что вьетнамская война и «культурная революция» происходили одновременно, в 1965—1975 и 1966—1976 гг. соответственно. Оба этих бедствия не прошли независимо друг от друга. Отказ американской политики «холодной войны» принять то, что мы сентиментально называли «потерей Китая» в пользу коммунизма, привел нас, скорее всего непреднамеренно (!), к сировоцированию китайской интервенции (!) в корейской гражданской войне 1950 г.

В результате этого китайско-американская война привела нас к альянсу с Тайванем и политике (я надеюсь, вы поморщитесь) «сдерживания» Народной Республики, включая непризнание и эмбарго на двадцать лет. Внутри Китая доверие к советской технологии было утрачено (?!) в конце 1960 г. без надежды на замену ее американской технологией. Маоистский, бьющий ключом крестьянский энтузиазм, направленный на развитие собственными силами с помощью мускулов и безудержного патриотизма, победил. Это отразилось на университетах, встревожило современно воспитанных китайцев и оставило миллиард людей в КНР без квалифицированного руководства. Нельзя было идти на эти крайности. Как и при большинстве исторических бедствий, китайцы могли бы поступить лучше. Что же касается нас, то, с одной стороны, у нас не было необходимости столь истошно, явно и насильственно противиться китайской революции, как мы это делали. Мы могли бы отнестись к ней лучше, если бы больше знали о ней. Тогда мы были бы более объективны в своих полных страха чувствах. То же самое справедливо и в отношении Вьетнама» (с. 395—396). Необходимо отметить, что Фэрбенк поддерживал антивоенное студенческое движение в период агрессии США во Вьетнаме. «Американская неудача во Вьетнаме подвергла банкротству смысл нашей политики в отношении Китая», — пишет он и вновь призывает к «изучению Китая» (с. 399), и вновь объясняет происшедшее «незнанием», «недоразумением».

Основной проблемой в американо-китайских отношениях автор считает проблему Тайваня. С 1971 г., отмечает он, «безопасность Тайваня стала для нас сердцевинной китайской проблемой» (с. 409). Тайваньская проблема, пишет Фэрбенк, имеет много сторон: Тайвань — «символ гражданской войны, в которой мы потеряли все, кроме Тайваня; эта проблема может раздуть тлеющие угли, ирредентизм (восстановление единства по этнографическому и лингвистическому признакам. — А. Б.) в отношении провинции, которая была оторвана от матери-отчизны в результате империалистической агрессии Японии, а затем — Америки. Тайвань — островная база с 18-миллионным населением для захвата страны миллиарда китайцев; это экономическое чудо, наш шестой крупный торговый партнер, негибнущая языковая школа, доступное хранилище предметов искусства и архивов, вывезенных из Пекина; это последний договорный порт с большими возможностями; наш неагрессивный, заслуженный и необходимый экс-союзник и многое-многое другое». Фэрбенк считает, что не стоит недооценивать «позитивные (для США. — А. Б.) стороны Тайваня лишь из-за его досадных недостатков» (с. 434). Правда, в число этих «недостатков» входит возможность новой «потери Китая», но автор старается не заострять эту сторону проблемы, очевидно надеясь, что со временем она сгладится.

Фэрбенк сетует не только на «неудачу с советскими», но и на нелегкую долю «друга единого Китая», когда в его глаза их два и когда «нормализация» отношений с КНР сопровождается «неформальной связью» с Тайванем. Ему приходилось отбиваться от нападков с двух сторон: тайбэйские собеседники воскрешали в его памяти маккартистский словарь «дискуссии», а пекинские — докучали упреками по поводу «двух Китаев». В мемуарах он возместил этот моральный ущерб иронией в адрес новых друзей. Рассказывая о приеме, организованном администрацией Дж. Картера в январе 1979 г. по случаю визита Дэн Сяопина, Фэрбенк приводит два диалога с китайским руководителем. Дэн Сяопин беседовал с известной американской киноактрисой Ширли Маклэйн. Она упрекнула его в том, что один из известных китайских артистов в период так называемой «культурной революции» был вынужден, чтобы прокормиться, выращивать томаты. «А может быть, он просто любит томаты», — парировал китайский лидер. Его беседа с Фэрбенком оказалась еще более содержательной. Дэн Сяопин спросил Фэрбенка, сколько ему лет. Получив ответ, что 72 года, Дэн Сяопин заметил, что ему 74. «Но у вас еще все волосы целы, а я своих лишился», — посетовал Фэрбенк. «Это, вероятно, потому, что вы слишком много думаете», — пояснил Дэн Сяопин (с. 443).

Завершая мемуары, автор пишет, что США и Китай — главные центры грядущей мировой борьбы между «механистами и гуманистами». Для «механистов» основное — «технологические новшества и идеология» для «гуманистов» — «вера в гуманный разум» (с. 458—459). Он обращается к гуманистам Китая со следующими словами: «В конце 60-х и в начале 70-х годов, во время вьетнамской войны и «культурной революции», гуманисты как Америки, так и Китая действовали вразнобой. Ныне у нас больше шансов на объединенные действия. Давайте же используем эту возможность» (с. 459).

Очевидно, «гуманисты» и есть та «новая третья сила», которую Фэрбенк хотел бы видеть своей социально-политической опорой в деле развития американо-китайских отношений на базе тотального изучения Китая.

Книга Дж. К. Фэрбенка — построенный на мемуарной основе призыв к «выживанию» США путем «сближения» США и КНР. Аргументами этого решения служат исторические уроки неудач американской политики в отношении Китая конца 20-х — начала 70-х годов. Эта книга — своеобразное «историческое поучение» американским политикам с целью предупредить неудачи, а также потери в Китае и Восточной Азии в целом.

Страницы жизни Сюй Бэйхуна

В прошлом году исполнилось 30 лет со дня смерти, а в будущем — 90 лет со дня рождения одного из крупнейших китайских художников XX в. Сюй Бэйхуна.

Сюй Бэйхун родился 19 июня 1895 г. в семье бедного сельского художника Сюй Дачжана (1867—1915). В раннем детстве он почувствовал склонность к занятиям живописью. Его первым учителем был отец. Благодаря исключительной одаренности Сюй Бэйхун быстро овладел традиционной техникой живописи тушью. Во время тяжелой болезни отца и после его смерти он смог взять на себя заботу о семье, зарабатывая на жизнь продажей своих картин и уроками рисования.

В семнадцатилетнем возрасте Сюй Бэйхун уезжает из родной деревни в Шанхай, где изучает в университете французский язык, затем продолжает свое образование в Пекине.

С 1919 по 1927 г. с небольшими перерывами Сюй Бэйхун живет в Европе. Здесь он изучает европейскую технику рисунка и живописи масляными красками, знакомится с произведениями выдающихся мастеров мирового искусства.

Вернувшись на родину, Сюй Бэйхун работает в традиционной национальной и европейской технике живописи, быстро добивается широкой известности и признания. Он активно занимается педагогической деятельностью — преподает в Шанхае, Нанкине, Чунцине и Пекине.

Сюй Бэйхун, всегда стоявший на прогрессивных позициях, с радостью воспринял победу китайской революции. После провозглашения КНР он продолжал активную творческую, педагогическую и общественную деятельность. Признанием исключительного авторитета Сюй Бэйхуна в художественных кругах Китая было его избрание в 1949 г. председателем Союза китайских художников.

Творческое наследие Сюй Бэйхуна велико и разнообразно. В технике масляной живописи он создал ряд значительных композиций на исторические сюжеты, где в аллегорической форме получили отражение прогрессивные, патриотические взгляды художника. Важное значение для становления современного китайского искусства имели многочисленные академические рисунки, выполненные Сюй Бэйхуном на высоком профессиональном уровне. Но, пожалуй, наибольшее признание получили его картины, написанные в традиционной национальной технике с использованием некоторых изобразительных приемов европейского искусства. Они явились блестящим подтверждением плодотворной идеи синтеза традиций двух художественных культур.

Вот что говорил известный китайский художник Ай Чжунсинь о Сюй Бэйхуне:

«Заслуги Сюй Бэйхуна в области современного китайского искусства и художественного образования чрезвычайно велики. Его преданность художественному творчеству, его трудолюбие и в особенности его неустанные усилия по воспитанию молодых художников сыграли огромную роль в развитии современного китайского искусства. В течение более чем 30 лет он непрестанно боролся с глубоко ненавистными ему формалистическим уклоном в искусстве, с формализмом в области китайской традиционной живописи, ратуя за учебу у природы и последовательно отстаивая реалистическое направление. Ведя борьбу против формализма, Сюй Бэйхун знакомил китайскую художественную общественность с лучшими произведениями западных художников, русских передвижников. Сюй Бэйхун является самым выдающимся современным китайским художником. Его творчество, впитавшее в себя передовую европейскую технику, явилось дальнейшим шагом в развитии лучших национальных традиций в живописи и было весьма самобытным по стилю. Всю свою жизнь Сюй Бэйхун работал над воспитанием молодого поколения художников, обучал их реалистическим приемам живописи.

Сюй Бэйхун с любовью рисовал лошадей, буйволов, кошек, львов, птиц, а также цветы. Нас поражает не какое-нибудь отдельное движение тела или расположение дерева, а одушевленный и образный жизненный мир. Это позволило китайской живописи, длительное время находившейся в состоянии упадка и отошедшей от традиционных принципов реализма, вновь выйти на реалистический путь, на путь образного творчества, основанного на наблюдении действительности». В этих словах Ай Чжунсиня дана довольно точная характеристика творчества выдающегося художника.

«Мы, молодые художники, — писал Ай Чжунсинь, — чувствовали на себе, как заботливо и любовно воспитывал Сюй Бэйхун молодое поколение, как он радовался его малейшему росту, как он вдохновлял нас на непрерывное совершенствование таланта и повышение мастерства. Своим зорким взором художника Сюй Бэйхун умел замечать таланты, какими бы незначительными они ни были, и умело направлял их, не давал им погибнуть. Его заботы, — подчеркивал Ай Чжунсинь, — не ограничивались молодежью и не замыкались в рамках Академии. По всему Китаю рассеяно немало художников, которые, не будучи его прямыми учениками, получали его советы и помощь».

Умер Сюй Бэйхун 26 сентября 1953 г. На траурной церемонии в Пекине по случаю кончины Сюй Бэйхуна были произнесены следующие слова:

«Безвременная кончина талантливого художника Китая Сюй Бэйхуна является большой утратой для китайского искусства, для всего прогрессивного человечества. Нам дорог Сюй Бэйхун как художник, отдавший весь свой талант, все свои творческие силы служению интересам народа. Жизнь народа, его страдания и борьба всегда были неиссякаемым источником вдохновения и энергии Сюй Бэйхуна. Вот почему искусство Сюй Бэйхуна глубоко национально, самобытно и горячо любимо народом.

Творчеству Сюй Бэйхуна глубоко присуще новаторство, которое он смело вносил в живопись.

В богатом художественном наследии, оставленном Сюй Бэйхуном, старые национальные традиции органически сочетаются с новыми живописными приемами».

Имя и творчество Сюй Бэйхуна хорошо известны за пределами Китая, в том числе в Советском Союзе. Его произведения хранятся в Эрмитаже, в Государственном Музее искусства народов Востока в Москве и пользуются любовью зрителей.

Сюй Бэйхун был большим другом Советского Союза. Он дважды побывал в нашей стране. В 30-е годы Сюй Бэйхун с выставкой китайского искусства совершил поездку по странам Европы и в 1934 г. впервые посетил Советский Союз. Советские люди уже тогда высоко оценили прекрасное художественное мастерство и замечательный талант Сюй Бэйхуна.

По возвращении из Советского Союза Сюй Бэйхун привез в Китай репродукции произведений Репина, Сурикова и др. Это дало возможность впервые показать в Китае «Бурлаков», «Не ждали», «Утро стрелецкой казни», «Переход Суворова через Альпы» и другие шедевры русской живописи.

Во время своего пребывания в СССР Сюй Бэйхун пригласил советских художников в Китай для устройства выставки советской живописи. В результате этой инициативы в 1936 г. в Шанхае и в Нанкине были проведены выставки советской графики, что в огромной мере способствовало разрыванию нового направления в китайской живописи.

Второй раз Сюй Бэйхун побывал в СССР в 1949 г. проездом, направляясь на Всемирный конгресс Движения сторонников мира. Находясь в Москве, Сюй Бэйхун с интересом ознакомился с работами советских художников и по возвращении на родину высоко оценил новые достижения советского изобразительного искусства.

Сюй Бэйхун поддерживал тесную связь с художниками Советского Союза и был знаком со многими из них. Большим успехом в СССР пользовались в 50-е годы написанные им портреты знатных людей народного Китая и большие композиции «Сила и бесстрашие» и «У большого дерева». Впоследствии Сюй Бэйхун не раз с большой теплотой вспоминал эти визиты в нашу страну.

Сюй Бэйхун был не только талантливым художником, но и крупным общественным деятелем Китая, патриотом, активно борющимся за мир во всем мире. Советские люди сохраняют о нем память как о замечательном художнике своего времени, скромном и отзывчивом человеке, верном друге Советского Союза, последовательно отстаивавшем принципы реализма в искусстве.

В 1983 г. по случаю 30-й годовщины со дня смерти художника Обществом советско-китайской дружбы было проведено заседание, посвященное его памяти, а в Государственном музее искусства народов Востока была организована выставка его произведений (см. «Проблемы Дальнего Востока», 1984, № 3).

Продолжая знакомить советских людей с жизнью и творчеством выдающегося китайского художника, предлагаем вниманию наших читателей перевод избранных страниц из вышедшей недавно в Китае книги «Жизнь Сюй Бэйхуна. Мои воспоминания»¹. Книга эта написана вдовой художника Ляо Цзинвэнь, являющейся ныне директором Дома-музея Сюй Бэйхуна в Пекине. Первая часть книги, охватывающая период до знакомства Ляо Цзинвэнь с Сюй Бэйхуном в 1942 г., основана на документах и рассказах людей, лично знавших художника, вторая часть — на собственных воспоминаниях автора.

Хотелось бы, пользуясь случаем, обратиться с теплыми словами в адрес Ляо Цзинвэнь — супруги всемирно известного китайского художника. Во время моего пребывания в КНР в 50—60-х годах она также была директором музея Сюй Бэйхуна, который активно посещался пекинцами, жителями других городов Китая, иностранцами, музей, который в ходе «культурной революции» был разрушен (сейчас музеем воссоздан).

¹ Ляо Цзинвэнь. Жизнь Сюй Бэйхуна. Мои воспоминания. Пекин, 1983 (на кит. яз.).

Помнятся многократные беседы с Ляо Цзинвэнь о творчестве и жизненном пути ее мужа, о его преданной любви к Стране Советов, к советскому искусству. Эта обаятельная женщина отдавала все силы, чтобы сохранить светлую память о народном художнике, нашем современнике.

Книга Ляо Цзинвэнь поможет читателю глубже понять жизнь и творчество выдающегося деятеля китайской культуры.

*О. Б. Рахманин,
профессор*

Мои воспоминания

ЛЯО ЦЗИНВЭНЬ

В ШАНХАЕ. 1916—1917

Печальными были предновогодние дни, которые Бэйхун впервые провел дома без отца². После Нового года он хотел снова поехать в Шанхай, чтобы оттуда перебраться в Пекин, надеясь найти там работу. Как раз в это время его земляк, некий господин Тан, уроженец Исин, занимавшийся торговлей шелковичными коконами, тоже собрался в Шанхай по делам, и Бэйхун решил отправиться в путь вместе с ним.

Миновал праздник весны. Вперемешку с дождем падал снег, но окрестные поля уже зеленели. В непогоду пешком по большаку вышли из Цзитинцяо Бэйхун и его полутчик³. Дойдя до железнодорожной станции Уси, они сели в поезд и приехали в Шанхай.

Остановились они в одной из шанхайских гостиниц. Господин Тан целыми днями был занят — где-то носился, улаживая свои торговые дела, — а Бэйхун сидел в номере один, читал или что-нибудь рисовал.

В один из таких дней темные тучи заволокли небо. В воздухе носились густые хлопья снега, они плясали, подхваченные холодным ветром, а затем неслышно опускались на крыши домов, деревья и мостовую, покрывая их тонким слоем сверкающего серебра. Невзрачная улочка, на которой стояла гостиница, стала опрятной и красивой. Бэйхун быстро достал принадлежности для рисования и акварелью написал с натуры небольшую картину — снежный пейзаж.

На картине все заполнено летящими в танце снежинками. Ослепительно белый снег лежит на крышах домов и переплетающихся ветвях деревьев, что растут вдоль улицы. По тротуару, покрытому слякотью растаявшего снега, сжавшись всем телом и втянув голову в плечи, спешит прохожий, совсем продрогший. Его фигура придала всей картине исключительную достоверность.

Бэйхун тут же окантовал картину под стекло и повесил на стену, решив просить господина Тана захватить ее в Цзитинцяо как подарок земляку, оказавшему когда-то Бэйхуну щедрую помощь деньгами.

Вдруг постучали в дверь. Бэйхун открыл ее, и в комнату вошел представительный мужчина средних лет, сухощавый, в дорогой темной кофте, надетой поверх длинного шелкового халата. Оказалось, он пришел к господину Тану переговорить насчет торговли шелком. Узнав, что его нет, гость решил подождать, сел и закурил. Окружив себя клубами табачного дыма, он случайно увидел висящую на стене картину.

² Отец Сюй Бэйхуна после долгой болезни умер в 1915 г. в возрасте тридцати восьми лет.

³ Исин — уезд в провинции Цзянсу, родина Сюй Бэйхуна. Цзитинцяо — деревня, где родился Сюй Бэйхун.

Чем дольше он ее разглядывал, тем очевиднее становилось, что она произвела на него сильное впечатление. Кивнув в знак одобрения несколько раз головой, гость воскликнул:

— Как правдиво нарисовано! Да это настоящий шедевр!

Поднявшись, он подошел к Бэйхуну и оговорился:

— Вы не знаете, чьей кисти эта работа?

— Это я нарисовал, — смущенно пробормотал Бэйхун.

Пораженный сообщением, которое никак не ожидал услышать, гость посмотрел на худого бледного Бэйхуна и сказал: «На вид вы еще совсем юноша. Никогда бы не подумал, что вы обладаете таким совершенным мастерством! Мне хочется приобрести эту картину. Вы согласны с ней расстаться?» Бэйхун объяснил, что картина предназначена для подарка и продать ее он не может. Тогда гость спросил:

— А скажите, вы куда-нибудь собираетесь уезжать отсюда?

— Да, в Пекин, — без малейшего колебания ответил Бэйхун.

Заботливым тоном гость проговорил: «В Пекине сейчас очень холодно, а на вас, я вижу, одежда легкая, она не годится для настоящих морозов. Советую вам найти возможность остаться в Шанхае.

— Нет, мне хочется поехать в Пекин. Я должен увидеть его величественные дворцы, — упрямо сказал Бэйхун.

Пока шел этот разговор, вернулся господин Тан и стал увлеченно обсуждать с гостем положение дел в торговле шелком. Бэйхун решил не мешать им и вышел из гостиницы купить кое-какую мелочь.

В это холодное время года вечер наступает рано. Бэйхун недолго пробыл на улице, а сумерки уже сгустились, небо совсем потемнело. Когда он вернулся в гостиницу, гость уже ушел. Господин Тан рассказал, что это богатый шанхайский торговец Хуан Чэньчжи, уроженец Усина⁴. Он слыл большим любителем искусства, коллекционером, понимающим толк в живописи и каллиграфии. Увидев снежный пейзаж, написанный Бэйхуном, Хуан Чэньчжи оценил исключительную одаренность автора и посоветовал, чтобы тот не уезжал из Шанхая, выразив готовность оказать ему покровительство и помощь. Бэйхун в то время всем сердцем рвался в Пекин, город древней культуры. Однако и господин Тан стал уговаривать его остаться в Шанхае, доказывая, что вряд ли в Пекине найдется работа. В конце концов, вняв советам доброго земляка, Бэйхун принял покровительство Хуан Чэньчжи, после чего переехал жить в Шанхайский клуб.

Это был клуб торговцев. Бэйхун поселился в комнате, которую там снимал Хуан Чэньчжи для отдыха и курения.

В клубе имелся зал, где к вечеру собирались игроки. Ночь напролет до утра следующего дня в клубе царил оживление, ярко горели лампы. Собравшиеся вокруг игорного стола люди, словно обезумев, бросались тысячами, раздавался звон монет, звучали громкий смех, возгласы радости и проклятия. Видя и слыша все это, Бэйхун чувствовал, как отвращение охватывает все его существо, и, спасаясь будто от опасной заразы, убегал на улицу. Первое время он просто бродил по улицам, а потом нашел ночные курсы, на которых стал учиться французскому языку. С рассветом игроки расходились, в клубе воцарялась мертвая тишина, и Бэйхун, склонившись над широким игорным столом, увлеченно занимался живописью.

Час за часом, день за днем, месяц за месяцем текло словно песок меж пальцев время. Не успел Бэйхун оглянуться, как пришла зима. В клубе, готовясь к большой игре накануне Нового года, затеяли ремонт и побелку помещений. Бэйхуну пришлось переехать.

Он поселился у своего нового знакомого Хуан Цзинваня. Тот служил в книжном магазине коммерческого книгоиздательства, куда часто

⁴ Усин — город и уезд в провинции Чжэцзян.

заходил Бэйхун, чтобы стоя у прилавка почитать книги. И хотя Бэйхун только читал книги никогда их не покупая, Хуан Цзинвань, относившийся ко всем с большой благожелательностью, ни разу не выразил по этому поводу неудовольствия. По возрасту он был чуть старше Бэйхуна. Однажды они разговорились, потом постепенно сдружились, а в трудную минуту он протянул Бэйхуну руку помощи.

Хуан Чэньчжи в конце года крупно проигрался, почти разорился и уже не мог поддерживать Бэйхуна. Просить денег взаймы у Хуан Цзинваня Бэйхун не хотел, ведь тот был всего лишь мелким служащим, получал небольшое жалованье, да еще кормил старую мать.

Оказавшись в критическом положении, Бэйхун нарисовал лошадь и послал картину в издательство «Шэньмэй», которое возглавляли известные художники, представители линнаньской живописной школы, братья Гао Цзяньфу и Гао Цифэн⁵.

Вскоре Бэйхун получил ответ от Гао Цзяньфу с высокой оценкой его картины, в письме отмечалось, что она по мастерству исполнения «не уступает произведениям самого Хань Ганя»⁶, и сообщалось о решении издать ее репродукцию. В том же письме содержалась просьба написать для издательства четыре картины с изображениями красавиц⁷.

К этому времени у Бэйхуна на жизнь оставалось лишь пять медяков, а чтобы нарисовать заказанные ему четыре картины, требовалось не менее недели.

Каждое утро с урчащим от голода желудком выходил Бэйхун на еще подернутую утренней дымкой шанхайскую улицу. Оживленная ночная торговля с рассветом затихала, магазины погружались в глубокий сон. Только над лавчонками и лотками, где торговали утренней снедью, поднимались струи теплого воздуха. Соевое молоко, обжаренные в масле полоски теста, паровые пирожки с мясом, фаршированные пампушки, бульон из грудинки с лапшой — все источало соблазнительные ароматы. Бэйхун крепко, словно кусочек золота, сжимал в кулаке медяк, боясь его потерять. Ведь на эту монету он должен был прожить целый день и еще длинную-длинную ночь!

В конце концов он останавливался перед харчевней, где продавались рисовые лепешки и жаренный в масле хворост. Продавец прямо рукой доставал из котла горсть вареного клейкого риса, укладывал его на влажную белую ткань, заворачивал и мял руками, придавая рису форму лепешки. На один медяк можно было купить одну лепешку, за лепешку с полоской обжаренного в масле теста надо было заплатить уже две монеты. Бэйхун, конечно, покупал только лепешку, без хвороста. Рис был очень вязкий, его можно долго жевать, и таким способом на одной лепешке удавалось кое-как протянуть целый день, поэтому Бэйхун и выбрал для себя эту еду.

И все же Бэйхун, чувствуя как от постоянного голода и нервного напряжения все больше слабеют его руки, усилием воли заставлял себя продолжать работу.

На шестой и седьмой дни у него не осталось ни одной монеты. Есть было совершенно нечего. Рука с кистью дрожала и не слушалась. В глазах мутнело, будто пробегали черные тени, а потом вдруг наступал полный мрак, в котором вспыхивали золотые искры. Бэйхун опу-

⁵ Гао Цзяньфу (Гао Луш, 1881—1951) и Гао Цифэн (1889—1933) первыми в китайском искусстве сознательно поставили цель соединить традиционные национальные и европейские приемы живописи. Группировавшиеся вокруг них художники, их последователи, составили направление в китайской живописи, получившее название линнаньской школы.

⁶ Хань Гань — живописец VIII в., мастер изображения лошадей.

⁷ Популярный сюжет традиционного жанра «жэнью» национальной китайской живописи.

скал голову на стол и ждал, пока обморок пройдет. Поднимал голову и снова брался за кисть. Затем — новый обморок. Он опять ронял голову на стол...

Наконец он закончил все четыре картины. Держа их подмышкой, он направился в издательство «Шэньмэй». Мела пурга, мокрый снег, подхваченный холодным ветром, бил ему в лицо, налипал на его густые черные волосы и не по сезону легкую одежду. С особенной остротой в этот момент он чувствовал и голод, и незащищенность от холода.

В издательстве привратник, высунувшись в окошко, громко крикнул Бэйхуну: «Сегодня идет снег — господина Гао нет!» И тут же захлопнул окошко.

— А завтра он придет? — растерянно спросил Бэйхун.

— Завтра — воскресенье. Обычно не бывает, — не открывая окошка, ответил привратник.

Пришлось оставить картины у привратника и уйти.

Бэйхун чувствовал, что от нестерпимого голода он вот-вот потеряет сознание. Ему ничего не оставалось делать, как снять с себя, несмотря на страшный холод, верхний халат и заложить его в ломбарде.

На обратном пути его внимание привлекло объявление Чэньданьского университета о наборе студентов. Бэйхун набрался смелости, подал заявление и был внесен в списки экзаменующихся для поступления в университет. Но где ему было взять денег на учебу, когда даже на питание и одежду ему не хватало? Долго он бродил у входа в университет и думал. Наконец решил, преодолев стыд, пойти и попросить денег взаймы у своего земляка, мелкого торговца шелком Юань Дигуана. С этим искренним и доброжелательным человеком его познакомил как-то господин Тан.

Не откладывая дела в долгий ящик, Бэйхун сразу же отправился домой к господину Юаню и прямо в дверях выложил цель своего визита. Тот охотно дал ему в долг двадцать юаней. Потом просмотрел последние работы Бэйхуна, горячо и искренне похвалил за успехи и оставил его у себя поужинать. Впервые за много дней Бэйхун получил возможность нормально поесть, и в душе его вновь возродилась надежда на лучшее.

С каждым поступающим в Чэньданьский университет ректор беседовал лично. Когда назвали имя «Хуан Фу», в кабинет ректора вошел Бэйхун. Поступая в университет, он записался под этим именем в знак благодарности двум людям по фамилии Хуан (Хуан Чэньчжи и Хуан Цзинваню), оказавшим ему большую помощь.

Ректор спросил, где и как учился Бэйхун. Этот вопрос растревожил его душу, вызвав горькие воспоминания о том, что пришлось пережить: безработный, сирота, он уже немало испытал за двадцать с небольшим лет своей жизни — пахал землю, бродяжничал, преподавал рисование, но сам никогда не учился в школе. Он хотел рассказать обо всем этом, но дрожащие от волнения губы не слушались его, в горле застрял комок, по щеке скатилась слеза.

Ректор посмотрел вниз, на белые траурные туфли Бэйхуна, и с сочувствием спросил:

— По ком вы носите траур?

— По отцу, — с трудом проговорил Бэйхун и, не в силах больше сдерживать слезы, разрыдался:

Стараясь его успокоить, ректор ласковым тоном сказал: «Учитесь прилежно! Усиленные занятия помогут забыть ваше горе».

Бэйхун был принят в университет и начал заниматься на факультете французского языка. Он не собирался бросать живопись, но думал, что знание французского языка может пригодиться ему, если когда-нибудь представится возможность поехать для продолжения своего образования во Францию.

В свободное от занятий время, которое Бэйхун имел только по четвергам во второй половине дня, он совершенствовал свою технику рисунка, писал портреты товарищей по учебе или с помощью зеркала рисовал автопортреты.

Однажды, когда он как раз занимался рисованием, пришло письмо от Гао Цифэна. Бэйхун быстро вскрыл его — помимо хорошего отзыва об исполненных Бэйхуном четырех картинах с изображением красавиц, Гао Цифэн прислал пятьдесят юаней в качестве гонорара за эти работы. Отложив в сторону кисть, Бэйхун тут же поспешил к Юань Дигуану, чтобы вернуть ему долг. Тот, искренне порадовавшись успеху Бэйхуна, порекомендовал его нескольким своим знакомым как учителя рисования для их детей. С этого времени Бэйхун имел постоянный заработок.

Преодолев бесчисленные трудности, лодка жизни Бэйхуна миновала наконец опасные пороги и вышла на чистую воду спокойно текущей реки. Совмещая работу и учебу, он начал студенческую жизнь.

В ЕВРОПЕ. 1919—1920

Мартовский день 1919 г. Над широкой рекой Вампу редкий теплый дождь, его капли весело шлепают по поверхности воды. На пристани собралась оживленная толпа — люди с разноцветными зонтиками в руках прощаются с отплывающими родными и знакомыми.

Японский пароход вот-вот отчалит, слышен грохот и лязг якорной цепи. От мощного парового гудка воздух делается густым и вязким. На палубе двадцатичетырехлетний Бэйхун, опираясь на перила, машет провожающим друзьям и родственникам черной широкополой шляпой. Тесно прижавшись к нему, рядом стоит улыбающаяся Цзян Бивэй, они вместе отправляются в Париж⁸. Цзян Бивэй высоко поднимает руку с шелковым платочком и машет на прощанье своим родителям, которых видит в густой толпе провожающих.

Бэйхун решил взять жену с собой в Париж после долгих размышлений. Прожить вдвоем на одну его стипендию будет очень и очень непросто. Лишь одна надежда заставила его решиться — он думал, что в Париже Цзян Бивэй, как и он сам, испытает благотворное воздействие атмосферы этого художественного центра мира. Он живо представлял себе, какое потрясение ждет их при встрече с шедеврами великих мастеров Возрождения и поздних эпох, он надеялся, что Цзян Бивэй полюбит искусство, займется творчеством и будет вносить свой вклад в дело развития и процветания культуры и искусства своей страны. Тогда они станут не только спутниками, идущими по жизни рядом друг с другом, но и настоящими товарищами-единомышленниками. Эта надежда помогала Бэйхуну не думать о домашних ссорах, которые хотелось забыть навсегда.

Пароход находился в плавании пятьдесят дней. Пройдя по Тихому и Индийскому океанам, миновав Красное море и Суэцкий канал, в начале мая он прибыл в Лондон.

Первым делом Бэйхун и Цзян Бивэй отправились в Британский музей. Увидев скульптуру из древнегреческого храма Парфенона, Бэйхун был просто потрясен. Какой захватывающей живой силой веет от скачущих боевых коней! Как изящны и прекрасны движения молодых девушек! Как мягки и пластичны складки их одежд — трудно поверить, что они выполнены из твердого камня, что это не настоящий шелк... Ошеломленный Бэйхун воскликнул: «О, почему я не мог подготовить»

⁸ Сюй Бэйхун получил стипендию для учебы в Европе. Цзян Бивэй, вторая жена Сюй Бэйхуна, состояла с ним в гражданском браке с 1918 г., в 1935 г. они расстались; после 1949 г. жила на Тайване. Первая жена Сюй Бэйхуна, с которой он вступил в брак по воле родителей, умерла в 1916 г.

ся к этой встрече? Это даже страшно — вот так, вдруг оказаться перед таким искусством!»

Потом Бэйхун побывал в Национальной галерее, насладившись творениями Веласкеса, Констебла, Тернера и других выдающихся мастеров. Посетил он и выставку Королевской академии художеств, где познакомился с работами современных английских художников.

Проведя в Лондоне неделю, Бэйхун с женой во второй декаде мая приехали в Париж.

Весенний город встретил их теплым ветром и ароматом распустившихся цветов. Бэйхун смотрел на будто давно знакомую Триумфальную арку и был счастлив. Свершилась его давняя мечта. В то же время он понимал, какие трудности его ждут впереди и какое мужество потребуется для их преодоления. К тому же, только приехав в Париж, он узнал, что в Китае началось «движение 4 мая». Всем сердцем он хотел быть вместе с многострадальной родиной, с теми своими соотечественниками, кто преисполнился решимости постоять за ее честь, смыть с нее пятно позора...

Оказавшись в Париже Бэйхун с волнением поспешил в Лувр. Однако некоторые главные экспозиционные залы музея оказались закрытыми, поскольку многие картины, перевезенные в более безопасное место во время войны, еще не вернули назад. Все же в одном из залов были выставлены «Мона Лиза», «Св. Анна с Марией и младенцем Христом» и еще более десяти других шедевров Леонардо да Винчи. Особенно долго простоял Бэйхун, погрузившись в созерцание, у картины, перед которой давно уже преклонялся. Это была «Джоконда».

В другом зале экспонировались работы Давида. Бэйхун осмотрел их все и был покорен ясным и строгим стилем знаменитого живописца. Особенно взволновало его полотно «Клятва Горациев».

Затем Бэйхун посетил выставку в Салоне, где увидел работы Моне, Лоранса, Даньяна, Фламэна, Бернара, Лермита, Кормона и других современных художников старшего поколения⁹.

Столкнувшись с произведениями этих мастеров, Бэйхун пережил ни с чем не сравнимые радость и волнение, испытал удивительное чувство — словно яркое солнце согрело ему сердца и благодатный дождь утолил его страждущую душу. В то же время, глядя на эти произведения, он как в зеркале увидел то, чего ему самому не хватало. Он понял, что не умеет рисовать, хотя и зарабатывал на жизнь живописью у себя на родине. Он обычно работал в скорописной манере национального искусства и поэтому плохо знал натуру, не мог изобразить ее точно. Рука его была слишком свободна и не всегда подчинялась правилам, ее было так же трудно укротить, как обуздать нестреноженного коня. Бэйхун поэтому твердо решил на некоторое время оставить работу в национальной манере и специально заняться изучением и копированием европейских мастеров.

Лишь через несколько месяцев Бэйхун поступил в Академию Жюльена¹⁰. Поначалу пришлось нелегко, но прошло два месяца, и рука постепенно обрела уверенность. Сдав экзамены, Бэйхун поступил в Парижскую высшую школу изящных искусств и стал учеником ее директора Фламэна.

Фламэн проникся искренней симпатией к старательному студенту-китайцу, приехавшему за тысячи километров в Париж, и охотно взялся руководить его занятиями.

К этому времени некоторые музеи уже восстановили свои прежние экспозиции. В свободные от занятий часы Бэйхун ходил по их залам.

⁹ П. А. Ж. Даньян-Бувре (1852—1929), Ф. Фламэн (1856—1923) и Ф. Кормон (1845—1924) стали впоследствии учителями Сюй Бэйхуна.

¹⁰ Академия Жюльена — одна из наиболее известных частных художественных школ в Париже, основана в 1860 г. Р. Жюльеном.

внимательно изучая технические приемы художников, стиль и особенности различных художественных направлений.

Большое впечатление произвело на него монументальное полотно представителя французского романтизма конца XVIII в., известного живописца Делакруа «Резня на Хиосе». В этой замечательной работе автор не только смело вышел за рамки традиционных технических приемов, но ярко и сочувственно отобразил страдания греческого народа под игом султанской Турции. Картина, исполненная подлинного гуманизма, тронула Бэйхуна до слез, вызвав в его душе горячий отклик...

Жизнь студента за границей вообще нелегка, а Бэйхуну, вынужденному жить на одну стипендию вдвоем с женой, было тем более трудно. К счастью, в то время цены на продукты были не очень высоки даже по сравнению с Китаем. Тем не менее Бэйхун снимал в Латинском квартале комнату без стола. Это было дешевле полного пансиона, и таким образом кое-как можно было прожить. Приготовлением еды обычно занималась Цзян Бивэй, а Бэйхун, помогая ей, мыл посуду. Простая и скромная студенческая жизнь, наполненная заботой друг о друге, текла спокойно и безмятежно, словно чистый, незамутненный ручей. Если и возникали иногда беспокойные волны, то причиной их была неизменная страсть Бэйхуна к книгам и альбомам по искусству. Стоило ему встретить что-нибудь интересное, как он тут же выкраивал из скудного своего бюджета деньги на покупку понравившейся книги или репродукции. Поэтому иногда приходилось утолять голод простым хлебом, запивая его кипятком. Но Бэйхуну и этого было довольно.

Как-то зимой в начале 1920 г. Бэйхун был приглашен одним французским скульптором на прием, где присутствовали многие видные деятели искусства. Супруга скульптора познакомила Бэйхуна с Даньян-Бувре, представив его как «крупнейшего современного художника Франции».

Работы Даньян-Бувре были уже известны Бэйхуну, и он их ценил высоко. Теперь же, увидев их автора, спокойного и мягкого в обращении, лишенного и тени высокомерия, Бэйхун проникся к нему чувством теплой симпатии и еще большего уважения.

— Месье Даньян, — простодушно произнес Бэйхун, — я бы очень хотел учиться у вас.

Даньян светлыми ясными глазами внимательно посмотрел на молодого человека, приехавшего из далекого Китая. По бесхитростным словам и скромной одежде он сразу определил, что перед ним человек искренний и трудолюбивый. И конечно же, острый глаз опытного художника, проникающий в глубины человеческой души, не обманул его. Даньян-Бувре тут же дал Бэйхуну адрес своей мастерской и велел приходить туда каждое воскресенье с утра.

Еще не рассеялся утренний туман в первый же после этого воскресный день, а Бэйхун уже отправился в мастерскую Даньян-Бувре. Шагая по широким парижским бульварам, он вдыхал свежий утренний воздух и невольно вспоминал, как когда-то на родине, чтобы прокормить семью, ему приходилось ежедневно преодолевать десятки километров пешком, добираясь до школы, где он преподавал. Как молод и неопытен он был тогда! А теперь чем дальше он учился, тем глубже осознавал ограниченность своих возможностей и справедливость поговорки: «Учись — и узнаешь, как мало ты знаешь». И он жадно тянулся к знаниям, как голодный тянется к хлебу, а жаждущий — к воде.

Даньян-Бувре всегда работал очень много. Уже на склоне лет, добившись известности и признания, он, несмотря на воскресный день, с раннего утра был в мастерской. Увидев пришедшего Бэйхуна, обрадовался и стал показывать развешанные по стенам свои картины, ри-

сунки и наброски. Бэйхун смотрел и думал: «Какой сильный мастер Даньян-Бувре! Как прекрасно он владеет кистью! Его портреты как живые!» Даньян-Бувре стал оживленно рассказывать Бэйхуну о своей юности.

— Когда мне было семнадцать, я учился у Коро. Он говорил, что в искусстве надо быть всегда искренним, верить себе и не отступаться от правды в угоду зрителю. Я всегда следовал этим его наставлениям и, хотя с тех пор прошло уже более пятидесяти лет, не забыл их до сих пор.

Даньян-Бувре улыбнулся и продолжал:

— Вы приехали к нам во Францию учиться, и я прежде всего должен передать вам прекрасные слова Коро.

Потом он лист за листом внимательно просмотрел принесенные Бэйхуну рисунки, похвалил за усердие и сказал:

— Учиться живописи — дело очень трудное. Я очень надеюсь, что вы не будете скользить по поверхности, довольствуясь незначительными успехами. Для того чтобы выполнить один рисунок, необходимо фактически повторить его трижды. Сначала надо, закончив рисунок во всех деталях, постараться запомнить его и выполнить еще раз по памяти. А затем следует вернуться к первому варианту и исправить обнаруженные недостатки. Только так можно добиться хороших результатов.

Следуя советам Даньян-Бувре, Бэйхун действительно добился быстрого прогресса. Занимаясь по классу Фламэна в Парижской высшей школе изящных искусств, Бэйхун благодаря своим успехам скоро был переведен из группы рисунка в группу живописи. Однако у него не было денег, чтобы купить кисти и масляные краски. Пришлось перейти на хлеб и воду, чтобы из скромных средств постепенно собрать небольшую сумму на покупку принадлежностей для живописи.

В первый же раз, когда Бэйхун выполнил штудию натуры масляными красками, он заслужил похвалу Фламэна, и затем на каждом экзамене неизменно оказывался в числе лучших.

В то время в Парижской высшей школе изящных искусств после полудня занятия не проводились, и Бэйхун в эти часы посещал одну частную студию, где, купив разовый входной билет за франк, можно было рисовать натуру. Возвращаясь домой, Бэйхун часто проходил набережной Сены, где в книжных лавочках просматривал книги и альбомы. Весь день Бэйхун был занят. Он часто ходил еще и в зоопарк, где рисовал животных с натуры. Там он выполнил тысячи набросков, изучая анатомическое строение лошадей, чем заложил хорошую основу для будущих картин, в которых изображал лошадей в различных состояниях — спокойно стоящими или скачущими во весь опор, на водопое или в табуне.

ШАНХАЙ — НАНКИН. 1927—1930

Шанхайский художественный университет, в который Тянь Хань пытался вдохнуть новую жизнь¹¹, был закрыт действовавшей в контакте с гоминьдановскими властями французской полицией¹². Это было сделано не только потому, что университет задолжал за аренду помещения. Более важной причиной была деятельность в его стенах коммунистов.

¹¹ Тянь Хань (1898—1968) — китайский драматург и театральный деятель, друг и единомышленник Сюй Бэйхуна. Шанхайский художественный университет — частное учебное заведение, в 1927 г. из-за финансовых трудностей был на грани полного краха и продолжал существовать благодаря энтузиазму нескольких прогрессивно настроенных деятелей искусства во главе с Тянь Ханем.

¹² Университет располагался во французском селтльменте.

Тянь Хань не был сломлен и задумал новое начинание — организацию художественного института «Наньго». Бэйхун активно поддержал его и помог делом, согласившись безвозмездно выполнять обязанности декана факультета изобразительных искусств.

Институт арендовал помещение на территории французского селтльмента в доме № 371 по улице, которая называется теперь Юнцзялу. Из-за нехватки средств в институте «Наньго» было мало преподавателей, а служащих не было совсем. Чтобы сократить расходы, функции административно-хозяйственного аппарата этого учебного заведения были поручены студентам.

Любопытная история связана с именем студента факультета изобразительных искусств У Цзожэня¹³.

Еще в то время, когда Тянь Хань прилагал усилия, чтобы возродить Шанхайский художественный университет, этот молодой человек приехал в Шанхай из Сучжоу учиться на архитектора. Однако в объявлении о приеме студентов Шанхайского художественного университета он увидел в списке его руководителей имя Бэйхуна, перед которым преклонялся. Поэтому У Цзожэнь изменил свое первоначальное намерение и поступил на факультет изобразительных искусств.

Когда начался учебный год, университет был в крайне бедственном положении — не было даже преподавателей, чтобы вести занятия. Студенты самостоятельно рисовали в классе с натуры гипсовые слепки. У Цзожэнь тогда не умел даже пользоваться углем, не знал, как рисовать контур. Он научился этому лишь у товарищей по учебе, видя, как они это делают.

Однажды, спустя немногим более месяца, разнеслась взволновавшая всех студентов весть о том, что в институте прочитает лекцию Бэйхун.

После лекции Бэйхун в сопровождении Тянь Ханя пошел по классам, чтобы познакомиться с успехами студентов различных групп. Они начали со старших курсов, внимательно просматривая учебные работы каждого студента. Перед одним из рисунков в классе первого курса Бэйхун неожиданно задержался. Рисунок этот, хотя и не был совершенным, свидетельствовал о живости и точности руки автора. Бэйхун обвел стоявших вокруг него студентов пронизательным взглядом:

— Это чей рисунок? — и, так как никто не ответил, спросил погромче. — Кто здесь У Цзожэнь?

Из-за спин стоявших вокруг студентов потихоньку вышел высокий худой юноша лет девятнадцати, с испуганным выражением застенчивого лица.

— Это я. Меня зовут У Цзожэнь, — произнес он.

Бэйхун похвалил его, дал свой домашний адрес и велел прийти в воскресенье. С этого времени У Цзожэнь под внимательным руководством Бэйхуна стал быстро расти. После того как Шанхайский художественный университет был закрыт, У Цзожэнь перешел в институт «Наньго», чтобы продолжать учебу у Бэйхуна.

Став деканом факультета изобразительных искусств художественного института «Наньго», Бэйхун особенно большое внимание уделял серьезной работе студентов над рисунком. Он считал, что рисунок — основа изобразительного искусства.

Одновременно с преподаванием Бэйхун задумал и начал писать большое полотно «Тянь Хэн и пятьсот героев». Сюжет этой картины взят из «Исторических записок» Сыма Цяня. Тянь Хэн был родом из царства Ци. Когда под влиянием восстания Чэнь Шэна и У Гуана повсеместно начались антициньские выступления, он возглавил один из

¹³ У Цзожэнь (род. в 1908 г.) — впоследствии известный художник, заместитель председателя Союза китайских художников.

повстанческих отрядов. После того как ханьский Гао-цзу, подавив сопротивление местных правителей, объединил всю Поднебесную, Тянь Хэн с пятьюстами воинами и после гибели царства Ци продолжал упорно держаться на одном из островов, называемом теперь Тянь-хэндао. Прослышав, что Тянь Хэн пользуется большой популярностью, и опасаясь в будущем осложнений, ханьский Гао-цзу объявил, что если Тянь Хэн явится к нему с повинной, то получит княжеский титул, в противном случае на остров будут посланы многочисленные войска, которые уничтожат там всех поголовно. Чтобы сохранить жизнь пятистам воинам, Тянь Хэн в сопровождении двух приближенных покинул остров и направился к столице ханьского Гао-цзу. Однако не дойдя до нее тридцати ли, он покончил жизнь самоубийством, завещав своим приближенным отнести его голову императору, чтобы тем самым избежать позора капитуляции, сохранив в то же время жизнь оставшимся на острове воинам. Ханьский Гао-цзу приказал похоронить Тянь Хэна с княжескими почестями, а сопровождавших его приближенных назначил на высокие должности. Однако во время церемонии погребения они в склепе гробницы тоже покончили с собой. После этого ханьский Гао-цзу послал своих представителей на остров, чтобы они приняли капитуляцию пятисот воинов. Но те, узнав о самоубийстве Тянь Хэна, все до единого бросились в море и тоже погибли¹⁴.

Сыма Цянь, восхищенный подвигом Тянь Хэна, писал: «Разве величие Тянь Хэна и погибших по его примеру соратников уступает величю подвижников?» Преклоняясь перед силой духа Тянь Хэна и преданностью его воинов, Сыма Цянь горестно восклицал: «У нас нет недостатка в хороших художниках. Так почему же никто не напишет его портрет?»

Слова Сыма Цяня запали в душу Бэйхуну. Когда он прочитал повествование о жизни Тянь Хэна, то с волнением увидел в прошлом аналогию современным событиям. Империалистическая агрессия против Китая и разложение гоминьдана вызывали в его сердце чувства горечи и ненависти. В то же время находились такие люди, которые ради личной выгоды и славы, отбросив всякие принципы, встали на сторону гоминьдановцев и иностранцев. И Бэйхун посчитал своим долгом написать картину на сюжет подвига Тянь Хэна и выразить в ней резкое осуждение тех, кто перешел на сторону гоминьдановцев и империалистов. Главной идеей своего произведения он решил сделать мысль о том, что сильного духом «не соблазнить богатством и знатностью, не сломить силой».

Для своей композиции Бэйхун выбрал сцену расставания Тянь Хэна с воинами. Сложив руки перед грудью, прощается он с остающимися на острове соратниками. Лицо его спокойно и торжественно. В ясных глазах, горящих неукротимой решимостью, нет ни горечи, ни сожаления. Среди воинов одни погружены в полное молчание, другие открыто скорбят, третьи выражают гнев и протестуют против его ухода. Какой-то хромой воин подался вперед, словно пытаясь помешать Тянь Хэну уехать. Но рядом уже стоит оседланный конь, готовый от-

¹⁴ Сыма Цянь (145—86 гг. до н. э.) — великий китайский историк, автор «Исторических записок» («Шицзи»). Царство Ци — древнекитайское государство на территории нынешней провинции Шаньдун; в 221 г. до н. э. было захвачено войсками Цинь Шихуана и вместе с другими царствами вошло в состав централизованной империи Цинь (248—270 гг. до н. э.). Чэнь Шэн и У Гуан — вожди первого крупного крестьянского восстания в Китае (209—208 гг. до н. э.). Антициньские выступления, восстания земледельцев и примкнувших к ним представителей господствующего класса, недовольных политикой Цинь, привели к падению династии в 207 г. до н. э. Гао-цзу — первый император (206—194 гг. до н. э.) династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). До того как он провозгласил себя императором, возглавлял один из повстанческих отрядов под именем Лю Бана.

правиться в путь, и нетерпеливо выгибает шею. Вся сцена, исполненная трагического пафоса, ярко выражает идею величия духа героев.

Создание этого монументального полотна, 198 см высотой и 355 см шириной, потребовало от Бэйхуна напряжения всех его сил. Для каждого из многочисленных персонажей он сначала делал этюд с натуры и только потом переносил созданный образ на полотно. Все свободное от преподавания время Бэйхун проводил в мастерской института «Наньго», увлеченно работая. Лишь поздно вечером он возвращался домой. Бэйхун начал картину в 1928 г., а закончил в 1930 г. Как же трудны были эти два года!

Еще когда Бэйхун задумал создать эту картину, его пригласили на художественный факультет Нанкинского центрального университета. Бэйхун согласился при условии, что не оставит преподавания в институте «Наньго». Администрация Нанкинского университета не возражала против этого. И Бэйхун полмесяца давал уроки в институте «Наньго», а потом на полмесяца отправлялся в Нанкин преподавать в Центральном университете. Ему приходилось много времени тратить на утомительные поездки из Шанхая в Нанкин и обратно...

Перевод с китайского и примечания В. Л. СЫЧЕВА

(Окончание следует)

Ай Цин: жизнь и время

Н. Т. ФЕДОРЕНКО,
член-корреспондент АН СССР

Корни китайской поэзии обращены к глубокой старине. Ее истоки — в фольклорном творчестве безымянных певцов древности. От их песенной традиции до современной поэзии — дистанция в несколько тысячелетий. Все дальнейшее развитие китайской поэзии продолжалось на благодатной почве народного творчества и на опыте индивидуальной поэзии.

Именно в этой взаимосвязи находится поэтическое творчество одаренного художника слова Ай Цина, занимающее видное место в современной китайской поэзии.

В одном из своих ранних стихотворений Ай Цин провозгласил, что несет миру сиянье света, тепло и радость дарит людям. И пусть это скажут уста поэта — уста правдивого человека. Пусть услышат это всюду, во всех городах и поселеньях, пускай встречают с открытым сердцем предвестника дня, посланца солнца.

Таковы были ощущения поэта, его видение окружающего мира, понимание миссии художника, долга его и призвания. И ни время, ни превратности судьбы, ни суровые ветры событий в наш яростный век, мы знаем, не сломили поэта, не изменили его мирознания. Он остался верен избранному пути, нравственным своим принципам. Поэт словно бы держался правила: что бы о тебе ни думали и ни говорили, делай то, что считаешь справедливым. Будь одинаково строг и к порицанию и к похвале.

Ай Цин принадлежит к тому поколению китайской интеллигенции, которому исполнилось восемнадцать лет, когда миру уже были известны и восстание в Наньчане, и Кантонская коммуна, и поход революционных войск в Цзинганшань. Он принадлежит к тем людям, которые пришли в революцию уже после завершения многих социальных событий.

Ай Цин (настоящее имя поэта — Цзян Хайчэн) родился в 1910 г. в провинции Чжэцзян, в семье небогатого помещика, однако свое детство он провел под кровом простого сельского жилища. Крестьянка Даяньхэ, вскормившая поэта и воспитавшая в одном из самых искренних и проникновенных его стихотворений, в сущности была его матерью. В ее доме будущий поэт прожил первые пять лет своей жизни.

После окончания средней школы Ай Цин решил посвятить себя искусству. В 1928 г. с помощью друзей, увлекавшихся современной французской живописью, поэт отправился в Париж с намерением продолжить там художественное образование. Но желанию его не суждено было осуществиться. Жесткие материальные лишения, которые пришлось пережить поэту в Париже, во многом сковывали его творческие порывы. Поэт сблизился с китайскими кустарями — мастерами по кости, камню, дереву, которых немало в больших европейских городах. Он вошел в одно из таких товариществ, снабжавших парижских торговцев сувени-

рами, фигурками из фарфора. На добываемые скромные средства и жил поэт.

Немногие свободные часы Ай Цин проводил в Лувре, вновь и вновь возвращаясь к тому укромному уголку Луврского музея, где стоит бессмертное творение древнегреческой скульптуры — Венера Милосская. Поэт подолгу простаивал у полотен Рембрандта и Рубенса. Но как ни сильно было его увлечение изобразительным искусством, он все больше интересовался литературой.

Все начинается с малого. Как и самые большие, полноводные реки начинаются с одного ручейка, сливающегося с другими, так и нравственный мир человека складывается из великого множества поступков, формирующих в совокупности жизненный опыт души и сердца.

Именно в Париже, под влиянием революционной французской интеллигенции, среди которой и в то время был высок авторитет коммунистической партии, Ай Цин отдается чтению Эмиля Верхарна, Аполлинера, Уитмена и Владимира Маяковского. Поэзия Верхарна казалась Ай Цину хотя и социально заостренной, но абстрактной, огненное же слово русского поэта было правдивым и беспощадно точным: он обращался к живым людям, сражался за интересы своего народа, своего класса.

Маяковский —
Поэт,
Не сравнимый ни с кем,
Певец и глашатай всего человечества,
Стоит на вершине народной мудрости.
Выковывая
Стальное слово революции... *

Эти стихи, написанные Ай Цином почти через двадцать с лишним лет после возвращения из Франции, быть может, впервые стали складываться в его сознании именно в дни пребывания в Париже. Трудно сказать, в какой мере жизнь в Париже способствовала формированию эстетических взглядов Ай Цина, но именно Париж с его острыми социальными противоречиями, по признанию поэта, оказал влияние на политические взгляды Ай Цина.

Когда в 1931 г. японцы вторглись в Маньчжурию, поэт оставил Париж и вернулся в Шанхай, где в тот момент жили и Лу Синь, и Мао Дунь, и Цюй Цюбо, и многие другие революционные деятели китайской литературы. Это было тревожное время. Шанхай еще находился под впечатлением гибели выдающегося революционного поэта Китая Жоу Ши и его сподвижников по Лиге левых писателей Китая.

Едва поэт сошел с парохода, полицейские ищейки направились за ним по пятам. Им недолго пришлось ходить за Ай Цином. Он был обвинен в «сокрытии опасных мыслей» и брошен в тюрьму. Поэт пробыл в тюрьме три года и три месяца. Годы тюрьмы оставили глубокий след в его сознании. За каменными стенами он многое осмыслил и прочувствовал. Плодом этих раздумий над судьбами людей и отечества явились стихи, к которым Ай Цин впервые обратился в тюрьме. В истории Китая, отмеченной столь многими испытаниями, это была поистине тяжелая година. В страну вторгнулся сильный и вероломный враг. Словно лава, низвергнувшаяся с высот, разлилась по китайской земле армия врага. Чтобы сдержать недругов и обратить их вспять, надо было поднять весь народ. Этот большой и тяжкий труд взяли на себя коммунисты.

* Здесь и далее стихи в переводах А. Гитовича и Л. Черкасского.

Коммунисты явились той силой, вокруг которой сплотилось в борьбе с врагом все живое, творческое, свободлюбивое, патриотическое. Все, кто стремился выволнить Китай из иностранной неволи, кто хотел видеть родную землю свободной и процветающей, кто был настоящим китайским патриотом, стали сподвижниками коммунистов в этой борьбе. Все, кто составлял славу современной китайской литературы — Лу Синь, Го Можо, Мао Дунь, — шли с коммунистами. И Ай Цин пошел с ними. Истина способна сделать человека свободным. Важно лишь ее постигать, хотя многим ли известна истина во всем ее объеме. Едва ли не на следующий день после освобождения из тюрьмы он встретился с Мао Дунем. Встреча произошла в редакции альманаха «Рассвет», который Мао Дунь редактировал в те годы. Мао Дунь напечатал первые стихи Ай Цина и помог молодому поэту сблизиться с прогрессивной китайской интеллигенцией. Первые стихи поэта отразили его жизнь за годы странствий по чужим землям. Многие из стихов так и назывались: «Париж», «Марсель». Характерно, что в этих стихах о Франции поэт не делает разницы между врагами французского и китайского народов. Даже тюрьму, в которую он заточен в Шанхае, он называет Бастилией.

Однако лучшие стихотворения, написанные в тюрьме, посвящены Китаю. Стихотворение Ай Цина «Даяньхэ — моя кормилица», посвященное простой китайской крестьянке, было своеобразной клятвой верности поэта народу, отечеству. В нем Ай Цин рассказывает о судьбе китайской деревенской бедноты, к которой он относится с «горячей любовью гуманиста», по выражению китайского критика Лао Синя. Поэт полон презрения к помещикам-паразитам, угнетающим крестьянство. Эти чувства поэта отразились в другом стихотворении «Светлая ночь». Однако поэт не поднялся в своих первых стихах до выражения социального протеста, он пока лишь только сочувствует крестьянскому горю. Гуманизм Ай Цина еще носит отвлеченный характер.

Примечательно, Ай Цин никогда не был поэтом-эстетом, но в ранних своих стихотворениях он не сумел избежать влияния декадентской поэзии Запада. Так, в ряде стихотворений сборника «Даяньхэ» («Вслушиваюсь», «Там» и других) заметно влияние символизма, мелкобуржуазной индивидуалистической идеологии. Однако эти влияния поэт быстро преодолел. Благодаря революционному подъему в стране и горячей любви к народу он понял, что сможет с пользой служить делу освобождения китайского народа только под знаменем реалистического, революционного искусства.

В книгу «Даяньхэ» вошли девять стихотворений, написанных поэтом в 1932—1936 гг. Хотя сборник не свободен от различных влияний, свойственных раннему периоду творчества поэта, его страницы исполнены патриотических чувств, любви к своему народу, глубокой тревоги о его тяжелой доле, вековечных горестях и страданиях, оптимизма и веры в грядущий день, который избавит китайский народ от гнета и унижений.

В 1937 г. поэт создает цикл стихов, отражающих борьбу в его сознании. Чувства разочарования и горечи, вызванные в нем гоминьдановской действительностью, отходят на второй план при мысли поэта о светлом будущем китайского народа. В стихах поэта возникает сильная, яркая, оптимистическая нота, которая затем становится лейтмотивом всего его творчества. Ай Цин, движимый состраданием к гонимому и униженному, начинает славить радость и свет. Символом грядущего счастья китайского народа у поэта становится рассвет, ибо солнце приносит людям и радость свободы, и горячее чувство труда, поддержку, утешение, надежду. Поэт с нетерпением ждет рассвета.

В этом ожидании рассвета китайский читатель видел ожидание новой жизни, хотя в стихах поэта эта мысль выражалась лишь через образы природы.

К этим же годам относится и знаменитая «Весть о рассвете», в которой поэт впервые обратился к солнцу, как символу нового мира. Чудесный этот образ позднее пройдет через стихи поэта разных лет.

Во имя просьб моих и стремлений,
Вставай, поэт, и меня послушай!
Скажи простым, работающим людям,
Которые ждут меня, не дождутся,
Что я иду, по росе ступая,
При слабом свете звезды последней;
Иду с Востока, от океана,
Где пенит волны могучий ветер;
Несу я миру сиянье света,
Тепло и радость несу я людям.

Образу солнца в этом стихотворении сопутствует образ поэта, глашатая справедливости, человека, несущего народу правду, великую правду, творящую и преобразующую мир, — именно так Ай Цин представлял себе поэта, таким хотел быть сам. А у народа в ту пору была особенно велика нужда в людях, несущих в массы праведное слово.

Участие поэта в национально-освободительной антияпонской войне прочно связывает его творчество с борьбой прогрессивных и демократических сил страны. Издававшая журнал «Июль» литературная группа реалистического направления «Циюэшэ», в которую входили видные прогрессивные поэты, оказала значительное влияние на формирование Ай Цина как художника. Члены этой литературной группы стремились к сближению своего творчества с жизнью народа, требовали от стихов простоты и строгости.

Летом 1937 г. Ай Цин выступает со стихотворением «Воскресшая земля», в котором призывает отбросить чувство печали и скорби, ибо

Родины земля не умерла!
Под светлым небом вновь она воскресла,
В ее груди
Клокочет и кипит
Кровь сыновей, что бились за свободу.

В апреле 1938 г. Ай Цин закончил поэму «К солнцу». Поэма состоит из девяти глав, связанных между собой общей темой — поэт славит солнце, которое для него символ жизни, свободы и равенства. Поэма интересна тем, что в ней Ай Цин делает новый шаг в сторону дальнейшего сближения с жизнью. В одной из глав поэмы изображается поднявшийся на борьбу со зловещим врагом китайский народ.

Следующей большой творческой удачей Ай Цина был сборник стихов «Север», появившийся летом 1939 г. Стихи поэта, вошедшие в этот сборник, по замыслу автора, должны были передавать «чувства горя, беспокойства и гнева нации, заботливые думы о земле»¹.

Сборник «Север» посвящен жизни Северного Китая. Название свое он получил по стихотворению «Север», в котором Ай Цин говорит о своей приязни к северу Китая.

Перед читателем разворачиваются картины жизни Северного Китая («Крестьяне», «Старик», «Женщина, чинящая одежду», «Нищие»), его бедная, но столь дорогая сердцу поэта природа («Переправа Фэнлин», «Сумерки», «Костер», «Ослик» и другие стихотворения).

Сборник «Север» отражает сыновнюю любовь Ай Цина к родине, над которой нависла смертельная угроза, к жителям севера Китая, му-

¹ Ай Цин. Север. Предисловие. Шанхай, 1944, с. 2.

жественно сражавшимся с японским милитаризмом, жгучую ненависть к врагам. Сборник «Север» относится к лучшим образцам китайской поэзии периода национально-освободительной войны.

Ай Цин решительно включился в большую пропагандистскую работу, которую вели литераторы на фронтах. Пренесенный горячим чувством патриотизма, он ездил из восточной части Китая в центральную, из центральной в северную, из северной в южную, из южной в северо-западную. И только тогда, по его словам, он понял, что увидел свет.

Ай Цин становится в первые ряды поэтов и писателей, решительно выступивших за отпор японскому агрессору, в защиту национального существования китайского народа. Поэт ставит свою подпись под открытым письмом «Советским поэтам и советскому народу», в первых строках которого — слова Маяковского из его стихотворения «Наглядное пособие»:

Разговаривай с фашистами
Языком пожаров,
Словами пуль,
Остротами штыков.

1939—1940 гг. принесли поэту новые творческие успехи. В 1939 г. Ай Цин написал одно из лучших своих произведений — поэму «Он умер во второй раз».

В этой поэме, завоевавшей широкую популярность, поэт повествует о простом солдате, который, излечившись после опасного ранения, вновь попадает на поле брани и в жестокой схватке с врагом героически погибает.

Это была суровая повесть о трудной солдатской судьбе, повесть, написанная сильными, точными, взятыми у самой жизни словами. Раненый солдат попадает в госпиталь, его солдатскую форму заменяет халат с красным крестом.

Мы лежим и глядим на свое тело,
Оно разъедено ядовитыми газами,
Оно рассечено ударом металла...

Солдат наблюдает, как работает сестра, как движутся ее искусные руки. И ему кажется, что руки сестры, меняющей бинты на ранах, «словно бы не лечат, а ласкают».

И, словно желанное солнце, пробившееся сквозь тучи и заполнившее мир своим светом, к солдату приходит выздоровление. Вот он идет по улицам большого города.

Солдат шел родными полями, залитыми радостным солнцем, и ноги ступали по мягкой и теплой почве поля. Он сбросил свои грубые башмаки и опустил ноги в канаву. Ему приятно расплескать руками теплую воду. И солдат оглядывает поле, будто хочет найти неведомого человека, зазвавшего его сюда.

Он видит рисовое заливное поле,
Он видит крестьянина и видит плуг,—
Всюду одно и то же!
Всюду одно и то же!
Но сердце говорит ему: это Китай.

И повинувшись зову родины — великому чувству, которое «сильнее и лучше нас», «сильнее, чем ненависть и любовь», — солдат возвращается на поле битвы. Он возвращается, исполненный непреборимого жела-

ния вернуть свободу Китаю, а заодно и положить конец «рабству и нищете, тюрьмам и палачам».

Приходит свободы срок,
Победы близится час.
Смелее, друзья, вперед!
Выше, братья, штыки!

Солдат погибает.

Мгновенно мелькнуло электрической вспышкой,
Когда обжигающая пуля
Второй раз,
Второй — и самый последний раз,
Навылет прошла сквозь тело солдата...
И он упал, как падает дерево,
Срубленное топором лесника.

В самих стихах трагическое сочетается с торжественным. Смерть не повергает в трепет, не вызывает отчаянья. Смерть подняла на бой живых, хотя в стихах поэта гибель солдата была описана темными, исполненными великой грусти красками.

Ай Цин — мастер белого стиха, броского и выразительного, проникнутого острым восприятием жизни, стиха, в котором так свежи краски и запахи земли. Ай Цин может придать произведению своеобразную живописность, пластичность. При чтении поэмы «Он умер во второй раз» нельзя не видеть, что над ней трудился поэт и художник. Ай Цин — живописец, мастер акварелей, отличающихся светлыми, жизнелюбивыми красками.

Пейзажными зарисовками богат и вышедший в 1940 г. сборник «Поля», являющийся по настроению пейзажной лирики продолжением сборника «Север». Но образы родного пейзажа не просто живописуются поэтом, в этих образах он старается воплотить свои мысли и переживания. Два одиноких дерева, которые, казалось бы, ничем между собой не связаны, оказывается, тесно переплелись под землей своими корнями. Этот образ вызывает мысль о больших, настоящих друзьях, у которых, однако, «дружба не видна».

Стоят два дерева года,
Но друг от друга в отдаленье,
Соединяет на мгновенье
Их только ветер иногда.

Деревья будто незнакомы,
Но под землей, в кромешной мгле,
В тугой клубок сплелись их корни,
Невидимые на земле.

В 1940 г. Ай Цин опубликовал поэму «Факел», в которой рассказал о китайской революционной молодежи. В этом же году Ай Цин написал стихотворение «Маяковский».

По признанию Ай Цина, Маяковский — его любимый поэт. Ай Цин познакомился с поэзией Маяковского, когда ему было двадцать лет. Самое сильное впечатление на китайского поэта произвело «Облако в штанах». Ай Цин считает, что в этой поэме Маяковского выражен революционный протест против произвола буржуазии, уродующей души людей.

По мнению Ай Цина, нет другого поэта, который бы с такой силой, как Маяковский, показал литератору, начинающему самостоятельную творческую жизнь в искусстве, как надо работать над политической темой. Ай Цин считает, что поэты, испытавшие большое влияние Маяковского, не утратили в своем творчестве национальных особенностей. Это, в частности, можно видеть на примере творчества китайских поэтов, работавших в походном театре «янгэ». В этом театре, искусно использовавшем песни и танцы китайских крестьян, работал и сам Ай Цин. Короткая пьеса-агитка, исполненная сатирического огня и доброго юмора, писалась в поле, в окопе. Именно злободневность материала и народность формы, к которой обратился театр, обеспечили, по мнению Ай Цина, необыкновенный успех этому поистине народному театру. В том, что такой театр возник, немалая заслуга боевого революционного искусства, испытавшего влияние поэзии Маяковского.

В марте 1941 г. Ай Цин едет в столицу освобожденных районов в прославленный город Яньань. Здесь поэт обретает подлинную свободу творчества, главное содержание которого — служение народу.

«В первые месяцы жизни в Яньани, как, впрочем, и потом, — вспоминает Ай Цин, — я много ездил по окрестным городам и селам. Я родился далеко, на юге, в местах, где не успевают опасть листья с деревьев, как завязывается новая. А здесь даже в марте было пасмурно, солнце было не особенно щедрым на тепло, земля — на зелень. Первое время и люди мне показались чем-то похожими на здешнюю природу: более сдержанными и замкнутыми, чем мои земляки-чжэцзянцы. Но только лишь первое время. Они и впрямь были не так темпераментны, может быть, не так общительны, как южане, но они, как и весь наш народ, чудесно чувствовали красивые, остро ощущали прелесть слова — меткого, удачно найденного, к месту сказанного. И я пошел в поход за этим метким народным словом, искал его и бережно собирал. Кстати, у меня для этого были большие возможности. Я работал в походном театре «янгэ»...»

Поэт трудился с увлечением. Театр проехал десятки деревень, и не было места, в котором бы Ай Цин не беседовал со стариками о жизни крестьян. Театр «янгэ» бывал здесь и прежде, и крестьяне знали: все, что они поведают поэту, прозвучит со сцены. Это воодушевляло крестьян, и они делились с поэтом деревенскими новостями, а заодно и всем тем, что рождено мыслью и фантазией бродячих сказителей. Конечно, самым ценным в этом общении с крестьянами было непосредственное наблюдение жизни, но немаловажное значение для поэта имели передававшиеся из уст в уста обогащенные народной фантазией сюжеты из истории, согретые дыханием нынешнего дня. Неизменно рассказ о том, как жила шэньсийская деревня вчера, перерастал в рассказ о том, как живет сегодня. Крестьяне раскрывали перед поэтом сокровища своего устного творчества, все, что веками шло от поколения к поколению, совершенствуясь, обретая ту сжатость и меткость, которые характерны для истинно народных произведений. Здесь были и сказы, и басни, и множество пословиц, которых так богат китайский язык, и народные анекдоты, в которых искусство диалога доведено до совершенства. Все, чем так щедро и бескорыстно делился с ним народ, поэт тщательно записывал. И по мере того как он двигался с походным театром из деревни в деревню, он чувствовал, что в сознании его происходит сложный, интересный процесс: преобразается мир его образов, меняется первооснова его изобразительных средств. Образы становятся реальнее, а вместе с тем и правдивее — они взяты у самой жизни и ближе народу, понятнее ему. Так поэт подошел к осознанию того, что его творчество должно быть истинно народным, оно должно быть понятно народу и

ценно им. Этот перелом в творческом сознании поэта наметился в первый же год его жизни в Яньани.

Когда советские войска гнали врага от стен Москвы, китайский народ приветствовал победу советских войск. С победой на заснеженных русских полях Китай связывал свое освобождение. Это было время, когда «Севастопольские рассказы» Л. Толстого печатались в газетах с продолжением, когда студенты, разделив русскую книгу на три части, передавали ее друг другу.

Буржуазная пресса даже в том случае, когда она могла раскрыть истинные причины победы советского оружия, отделялась молчаливым или банальной фразой, в которой понятию «Россия» сопутствовали ничего не значащие слова: «тайна, загадка, секрет». И вот в один из этих дней по радио прозвучала поэма, в которой мужественными и простыми словами была раскрыта тайна победы русских. В центре поэмы стояла русская девушка, воплотившая в себе лучшие черты сражающегося народа. «Зоя» — так называлась поэма, написанная в 1942 г. Автором ее был Ай Цин.

Перед взором слушателей возникал образ русской девушки, идущей на казнь по заснеженным русским полям.

...ей обидно лишь одно —
Своей мечты не достигнув, —
Расстаться с жизнью юной,
Не дождавшись победы отчизны,
Сомкнуть глаза светозарные...

Любовь к родине дала девушке силы, сознание своего высокого долга окрылило ее и сделало неустранимой.

Не надо бояться, товарищи!
Умереть за народ — великое счастье...

Из всего, что характеризовало подвиг советской девушки, Ай Цин выделил эти слова: «Умереть за народ — великое счастье». Поэт определил этим и свое отношение к борьбе народа за свободу и счастье отечества. Сын народа, он сделал знаменем своей борьбы любовь к родному народу, счастье которого всегда было и счастьем самого поэта.

По словам Ай Цина, в этой поэме он стремится раскрыть смысл событий, пронесшихся в последние годы над миром. Всею силой гневных строк книга обращена против фашизма. Как далеко поэт ушел в этих стихах от того, что он некогда писал о Франции, как окреп талант поэта, обогатилась его способность вскрывать самое существо событий, а вместе с этим и чувство прозорливости, чувство предвидения.

В 1943 г. вышел один из наиболее известных сборников Ай Цина «Весть о рассвете», включивший стихи поэта, написанные им с 1940 г. Тематически стихи сборника делятся на стихи о войне («Время пришло», «Эшелон», «Циркулярный приказ» и другие), о жизни города («Шоссе», «Улица», «Горожане» и т. д.), о Советском Союзе (цикл «Новый Эдем»). Есть в сборнике и лирические, пейзажные стихи («Зимний лес», «Ночь», «Гаолян»).

Особый интерес представляют стихи цикла «Новый Эдем», в которых Ай Цин впервые обратился к новой для него теме о жизни Советского Союза и дружбе между китайским и советским народами. Сборник «Весть о рассвете» явился свидетельством творческого роста поэта, его поэтической зрелости, проникновенного понимания действительности.

Лучшие стихи и поэмы, написанные в 1939—1940 гг., были объединены Ай Цингом в изданном в 1946 г. сборнике «Он умер сражаясь».

Стремясь подытожить яньаньский период своего творчества, Ай Цин в 1945 г. написал книгу «Против фашизма». Годы жизни Ай Цина в Яньани — это годы его кипучей общественной деятельности. Здесь он принимает активное участие в работе бригады литературных работников по преобразованию деревни, избирается депутатом правительства Пограничного района Шэньси — Ганьсу — Нинся, членом яньаньского филиала Всекитайской ассоциации писателей по отпору врагу, занимает должность декана Литературного института при Северо-китайском университете.

Ай Цин прожил в Яньани четыре года. Покидая этот город, он почувствовал, что Яньань всю жизнь будет дорог ему. Новый, бесконечно близкий ему мир, с которым отождествлялись его самые дорогие идеалы, был воплощен в облике этого города.

В своих воспоминаниях Ай Цин рассказывает, как они уходили из Яньаня, о сорокадевятидневном походе по земле, начисто выжженной врагом.

«Наверно, вот так выглядела русская земля после ухода гитлеровцев. Сорок девять дней мы шли через деревни нашего Северо-Запада. В деревне Хуцзинянань было пятьдесят дворов — осталось с десятка, остальные обращены в пепел, в прах. В деревне Юньэлуцзе было несколько десятков домов — остался только храм...

Да и в самом деле, местность похожа на пустыню — ни деревьев, ни фанзы, люди зарылись в землю. Холодная, необжитая пустыня. Но человек живет, он не потерял надежды вернуть земле ее прежнюю силу».

Казалось, самое страшное — позади. Но самое трудное было впереди.

Из всего того, что написано о Яньани, — а таких книг и в Китае и за рубежом вышло за последние годы десятки — ничто так лаконично и так полно не раскрывает понятий «Яньань» и «народное правительство», как стихотворение Ай Цина «Обращаюсь к миру». Заключительные строфы этих стихов исполнены великого пафоса; в них некое обобщение времени.

Все, что сделано здесь, — это против войны и фашизма,
За народное счастье и радостный труд миллионов,
За святую свободу великого государства.
И поэтому здесь и рабочие и землепашцы,
Генералы, поэты, философы и агрономы,
Как один человек, для единой работают цели...

В период национально-освободительной борьбы против гоминьдановской диктатуры Ай Цин отдает себя служению народной революции, славит армию героев, вдохновляет воинов. К этому периоду относятся наши встречи с Ай Цингом, продолжительные беседы о китайской поэзии, роли художника в продолжавшейся битве.

После победы революции в Китае и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики Ай Цин посвящает себя общественной деятельности, активно участвует в работе Первого всекитайского съезда деятелей литературы и искусства, выступает с докладом «Художественное образование в освобожденных районах». Ай Цина избирают членом президиума Всекитайской ассоциации работников литературы и искусства и Ассоциации писателей.

В годы мирного строительства в Китае, ведущегося с огромной помощью Советского Союза, Ай Цин создает новые стихотворения, посвященные трудовому энтузиазму народа, борьбе за мир, созданию

повой жизни. В 1950 г. Ай Цин впервые посетил Советский Союз. Около месяца поэт прожил в Москве, затем отправился в большое путешествие по стране. Лучшая весть о самом поэте — его стихи. В Китай доходили новые строки Ай Цина, и почитатели его таланта следили по ним, где пролегали в это время дороги поэта.

Появились стихотворения «Поезд минует Байкал», «Сибирь». Последнему было предпослано своеобразное прозаическое вступление: «Некогда существовала бескрайняя, необитаемая Сибирь, Сибирь льдистых бродяг, холодная и заснеженная. Но сегодня я увидел...» И поэт рассказывает об удивительном крае, богатом и привольном, преображенном творческим подвигом советского человека.

Вот и Москва. Наряду с другими стихами она отмечена в поэтическом дневнике Ай Цина стихотворением «Площадь Пушкина». К Пушкину обращены слова поэта:

Ты отстоишь от нас на целый век,
А кажется — всего лишь на день,
Твои прекрасные мечты
Здесь в жизнь воплощены...
Народ победой славной отвечает
На предсказанья светлые твои...

• Около месяца поэт прожил в Грузии. Его пребывание там обозначено стихотворением «Рог». Поэт говорит в нем о старинном грузинском обычае — угощать дорогого гостя вином, налитым в рог. Рассказ об этой красивой традиции служит поэту поводом, чтобы в проникновенных, полных искреннего огня словах воспеть дружбу между многонациональными народами нашей страны.

Во время поездки по Советскому Союзу Ай Цин написал и несколько стихотворений, навеянных думами о Китае, о большой и обнадеживающей судьбе его родины. Характерно, что именно в Москве, с именем которой народы связывают борьбу за свою свободу и независимость, поэт написал одно из самых сильных своих стихотворений, воспевающих любовь к отечеству.

Я родину мою люблю,
Люблю ее народ трудолюбивый,
В ее заботливых объятиях вырос я.
Она меня вскормила...

Вдохновенно стихотворение «Рубиновые звезды», написанное Ай Цинном после пребывания в Советском Союзе.

Башни вокруг Кремля
стоят в богатырский рост.
На их вершинах горят
пять рубиновых звезд.
Чем непроглядней ночь,
тем ярче рубиновый свет,
По этим звездам земля
находит пути побед...
С великой Страной Советов
вперед, к золотой весне.
Братская эта дружба
путь преградит войне.
Звезды Кремля сияют.
И в грозные наши дни
Правду, силу, отвагу
людям несут они!

Немало искренних и волнующих произведений создали китайские художники слова о борьбе корейского народа против иноземных захватчиков. Широкой известностью пользуются стихотворения поэтов: Тянь Цзяня — «Тысяча мертвых», «Прощай, Пхеньян!», «Я стою на Пике пионов», Шао Яньсяна — «Пойте, громко пойте песню боевую», Ван Япина — «Убьем дикого зверя», произведения поэтов Цзан Кэцзя, Ма Фаньто, Люй Цзяня, Ша Оу и других. Среди стихотворений на эту тему есть и строки Ай Цина «Вперед, славная армия корейского народа!».

Борьба за мир между народами — одна из центральных тем китайской поэзии того времени. С большой выразительностью написано стихотворение Ай Цина «В защиту мира» — одно из выдающихся произведений поэта.

Многие произведения современных китайских художников слова посвящены разоблачению империалистической агрессии. Гневным протестом против происков захватчиков наполнены строки стихотворения Ай Цина «Вставайте, народы Азии!».

Ай Цин, переживший годы войны, годы странствий, незабываемое время борьбы за свободу отечества, — борец, страстный поборник великой правды нового мира. И его протест против произвола носит далеко не тот абстрактный характер, каким он был на заре творческой жизни поэта. Ай Цин сражается не просто против абстрактных темных сил, извечно олицетворяющих зло. Он знает имя своего врага и нещадно громит его всей мощью большого таланта.

Он никогда не сможет забыть чудовищных мучений своего народа, тысячелетия страдавшего в ярме неволи, терпевшего гнет и унижения. Поэтому так проникновенно звучали строки Ай Цина:

Республике нашей слава!
Народ мой стоит у власти:
Трудолюбивый китаец
Поднялся для новой жизни.

Поэтическое творчество Ай Цина — это актуальность тематики, политической устремленности, глубокого реалистического вторжения в живую жизнь. Писатель не замыкался в рамки своего поэтического творчества, он принимал самое деятельное участие в литературно-критической борьбе за утверждение и творчество идейных и эстетических принципов передового искусства, связанного с народом, одухотворенного прогрессивным мировоззрением.

Поэтический труд — один из самых мирных и достойных на нашей земле. Плуг художника — его кисть, перо, лист чистой бумаги — поле его вдохновения. Здесь он сеет семена добра и правды.

Возвращаясь мысленно к тем суровым дням, когда китайский народ, обливаясь кровью, вел героическую битву за свое освобождение от иноземного порабощения, видишь, что честные китайские писатели, многие из которых были тогда совсем юными, вместе со своим поколением приняли на себя всю тяжесть войны против японской агрессии и гоминьдановской диктатуры. Вместе с народом делили они горечь утрат, невзгод и лишений. Многие из них до конца прошли все тяжкие испытания войны, выстрадали свою судьбу вместе с Отечеством, чтобы подвергнуться тяжелым испытаниям в годы пресловутой «культурной революции».

Не обошла эта беспощадная участь и Ай Цина. В 1958 г. в период борьбы с «правыми элементами», к которым был причислен и Ай Цин, голос поэта умолк на целых двенадцать лет. Так образовывались зияющие пустоты в творческих биографиях многих современных китайских поэтов. Ай Цина принудили замолчать те самые

люди, которые отняли право на песню у многих других — едва ли не у всех — поэтов, движимых духом интернационализма. Ужасная судьба была уготовлена китайскому народу и китайской культуре. В 1965 г. началось всеобщее наступление на профессиональную поэзию. Сусальные, беспринципно-восторженные вирши, «улучшающие» действительность и уходящие от острых проблем, псевдореволюционные лозунги распространялись в печати, заглушая и окончательно вытесняя все то здоровое, что еще уцелело в китайской поэзии.

Были закрыты и разгромлены литературно-художественные журналы, почти все профессиональные поэты, чьи голоса слышались в Китае десятилетиями, были сосланы или отправлены в трудовые лагеря. Судьба эта постигла и Ай Цина. Хунвэйбины и цзаофани вдохновлялись кострами, на которых сжигались гениальные творения китайского народа — классическое наследие, бессмертные произведения китайских и зарубежных художников слова. Анафеме предавались вечные традиции культуры.

Хорошо известны события в Китае, разыгравшиеся после смерти Мао Цзэдуна и ареста «банды четырех», приведшие к определенным переменам во внутренней политике. Об истинном содержании происходящего писал вернувшийся к творчеству после двадцатилетнего молчания Ай Цин в поэме «На гребне волны», в стихотворениях «Жизнь и время», «Горький опыт» и многих других.

Потеряли время, писал Ай Цин в стихотворении «Жизнь и время», жизнь стала как призрак, а лишиться жизни, время стало дымкой. Это — монолог поэта о времени и жизни.

В пору боли, горечи и бед
Потеряли не четыре года
Десять лет и снова десять лет
Холостого хода.

Поэт говорит о том, что молодых ужасен был удел, мучительна дорога стариков, «страшный незаполненный пробел времени земного».

Сколько же народу
Нужно впредь трудиться
Чтоб восполнить время,
Отнятое силой.

...Исчезает время — исчезает жизнь. Показательно в этом смысле и стихотворение Ай Цина «Горький опыт», в котором поэт, как бы жалуясь на свою старость — взгляд его стал не тот и в глазах порой двоится, видит все наоборот: «сверху ноги, снизу лица». — замечает:

Лишь пройдя страданий путь,
Я постиг в кровавой драме:
Нужно все перевернуть,
Что стояло вверх ногам.

Как-то в давние времена Ай Цин рассказал мне в дружеской беседе китайскую старинную притчу. Крестьянин, сказал он, запряг лошадь и, навалив на воз груз, отправился в горы. Вскоре его лошадь не выдержала и пала, а он продолжал тянуть груз. На обратном пути крестьянин увидел свою мертвую лошадь на дороге и был удивлен: неужели это он сам втащил телегу на вершину горы?

Ай Цину удалось выдержать удары судьбы, он устоял и вновь вернулся к творчеству.

Молод и свеж поэтический дар Ай Цина, неотвратимо влекут его непроторенные дороги искусства. Поэт вдохновенно отдает себя высокому патриотическому служению своему народу.

ПО СТРАНИЦАМ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ

Против извращений истории Казахстана

Р. Б. СУЛЕЙМЕНОВ,
член-корреспондент АН КазССР

В. А. МОИСЕЕВ,
кандидат исторических наук

В последнее время в историографии КНР заметно возрос интерес к истории казахского народа. Казалось бы, расширение диапазона исследований ученых КНР можно только приветствовать. Однако знакомство с рядом их публикаций по истории казахов вызывает не только недоумение, но и протест. По всему видно, что в основе этого «научного» интереса лежат поиски «новых аргументов» для обоснования территориальных притязаний к Советскому Союзу, стремление всячески очернить политику России в Казахстане и в то же время приукрасить деяния в Центральной Азии маньчжурской династии Цин. Характерным образчиком таких «исследований» в области истории Казахстана являются статьи, подписываемые Су Бэйхаем, неоднократно появлявшиеся на страницах «Вестника Синьцзянского университета»¹. Казахские историки подвергли принципиальной научной критике статью Су Бэйхая о Младшем казахском жузе, однако в связи с появлением в печати КНР очередныхopusов этого автора теперь уже по истории Среднего и Старшего казахских ханств возникает необходимость еще раз вернуться к затрагиваемым им вопросам прошлого казахского народа².

Красной нитью через все статьи Су Бэйхая проходит мысль, будто казахи и их исторические предки, проживавшие на территории Казахстана с древнейших времен и до XIX столетия, являлись подданными императоров Китая и всегда находились в сфере политического влияния Поднебесной. Не случайно поэтому все названные статьи начинаются с этногеографического описания казахов. Су Бэйхай с несвойственной ученому легкостью расправляется со сложной проблемой этногенеза казахов. Преследуя определенные цели, он берется рассуждать об этнической истории казахов, совершенно игнорируя при этом труды советских, в том числе и казахских историков, и делая выводы, давно отвергнутые марксистско-ленинской исторической наукой. «Главными племенами, составляющими казахский Средний жуз, — утверждает, например, Су Бэйхай, — являются киреи, найманы, хунгираты, меркиты, аргыны, кипчаки и др. В период возвышения Чингисхана эти племена (разрядка наша.—Авт.) в основном кочевали в обширных степях Монголии и Алтайских гор». Во время похода Чингисхана в Казахстан и Среднюю Азию они «были переселены в Центральную Азию». Следовательно, делает вывод автор, «казахский Средний жуз исконно являлся китайским народом». Говоря о племенах и народах, принимавших участие в этногенезе казахского народа и входивших в состав Старшего жуза — усунях, дулатах, жалаирах и др., — Су Бэйхай утверждает, что поскольку, мол, усунь «со времен Западной Хань подчинялись Китаю... то они в течение более 2 тыс. лет являются братским народом Китая».

Таким образом, перед нами подновленный вариант псевдонаучной концепции «единой китайской нации», извлеченной из, казалось бы, выброшенных на свалку истории «идей» китайских националистов. Вкратце суть ее заключается в следующем: якобы в Китае издревле существовала «единая китайская нация» («чжунхуа миньцзу») и все окружающие Китай народы — это «ответвления» этой нации. При этом замалчивается то обстоятельство, что нация — категория историческая и появляется она лишь на определенной и весьма высокой ступени развития человечества в постфеодалный период. Таким образом, вслед за монголами, маньчжурами, уйгурами, тибетцами и другими казахи удостоились высокой «чести» быть включенными в семью Китая. Политическая заданность подобной антинаучной, антиисторической концепции очевидна. Казахский народ имеет свою собственную богатую историю.

Комплексные исследования советских ученых позволили достаточно глубоко и всесторонне вскрыть и проследить механизм непрерывных этногенетических процессов,

¹ Су Бэйхай. Агрессия царской России против Младшего жуза. — «Синьцзян даскуе сюебао», 1983, № 1; его же. Агрессия царской России против Среднего жуза казахов Китая. — Там же, № 2; его же. Агрессия царской России против Старшего жуза казахов Китая и борьба народов против России. — Там же, № 3.

² См.: Г. С. Садыкасов, У. Х. Шалкенов. Вопреки исторической правде. — «Вестник АН КазССР», 1983, № 4; 1984, № 4, с. 61—71.

протекавших на территории Казахстана в древности и средневековье³. Казахская народность сложилась на основе автохтонных тюркоязычных племен и народов на рубеже XIV—XV вв., то есть задолго до непосредственных контактов с цинским Китаем⁴. Об этом говорится не только у тюркских и персоязычных авторов, но и в китайских источниках, в записках европейских путешественников Марко Поло, Гильома Рубрука и других материалах, о которых китайский автор не может не знать⁵. Однако в истории, как известно, нет и никогда не было какой-либо «чистой» этнической общности, абсолютно автохтонного этноса. Какая-то часть племен найманов и киреев, выходцев из Монголии, действительно приняла участие в этногенезе казахского народа, передав свои этнонимы местным кочевникам. Эти этнонимы встречаются также у народов Средней Азии и Поволжья, однако из этого вовсе не следует вывод, что, скажем, узбеки, башкиры или татары суть «китайские» народы. Тем более что и вопрос об этнической принадлежности переселившихся в Казахстан найманов и киреев в науке пока не решен. Одни исследователи считают их монголами, другие относят к тюркоязычным народам⁶.

Фундаментальные работы советских ученых-китаеведов, посвященные проблемам этногенеза китайского народа, вышедшие в последние годы, убедительно подтвердили вывод о том, что древнекитайский этнос сформировался в бассейне реки Хуанхэ в VII—VI вв. до н. э. на основе местного этнического субстрата, но при активном участии соседних, в том числе прототюркских, племен и народов. Своеобразной границей, отделявшей ханьский этно-культурный ареал от тюркского и монгольского кочевого мира, стала Великая китайская стена, строительство которой началось в III в. до н. э. в период правления императора Цинь Шихуана. Земледельцы-ханьцы никакого, даже косвенного, участия в этногенезе казахского народа не принимали, что подтверждает обширный палеоантропологический и археологический материал, памятники письменности, лингвистические данные, которые, видимо, намеренно игнорируются автором.

Большое место в публикациях Су Бэйхая отводится истории Джунгарского ханства, правопреемником которого он пытается представить империю Цин. Однако и здесь у автора явно не сходятся концы с концами. Так, если в статье, посвященной Младшему жузу, он, не жалея красок, живописует агрессивные захватнические войны западно-монгольских феодалов в Казахстане и Средней Азии, то в материале о Среднем и Старшем казахских ханствах уже твердит о каком-то обоюдном стремлении казахов и ойратов к единству.

Не утруждая себя поиском и анализом конкретных исторических фактов, автор безапелляционно заявляет, что Средний и Старший казахские жузы «подчинялись Джунгарии», а последняя якобы «без сомнения была владением Китая». Если следовать логике Су Бэйхая, казахские ханства уже в XVII—начале XVIII вв. являлись вассалами цинского императора. Автор, мягко говоря, вводит в заблуждение своих читателей.

Известно, что кочевое феодальное государство западных монголов — ойратов, или, как их называли тогда, джунгары (от слова зюнгар — левая сторона), — Джунгарское ханство — возникло в 1635 г. на обширных пространствах Центральной Азии, в основном в пределах северной части современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Спустя несколько десятилетий усилиями его энергичных правителей Батура (1635—1654) и Галдана (1671—1697) оно превратилось в мощное кочевое государство, с силой которого считались правители Китая, России, Индии⁷. Внешняя политика ойратских феодалов носила двойственный характер: сдерживая и отбивая агрессию Циньской империи в Центральной Азии на востоке, они проводили захватническую политику в отношении народов Казахстана и Средней Азии на западе. Политически раздробленные, раздираемые межфеодальными усобицами казахские ханства, несмотря на успехи в отдельных военных кампаниях против сильного противника, в конечном счете в ходе ожесточенных войн в XVII—начале XVIII в. потеряли исконно им принадлежавшие обширные районы Тарбагатай, Семиречья.

Несколько слов о том, как складывались и развивались ойрато-казахские отношения после начала добровольного присоединения Казахстана к России.

³ См.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, в 5-ти томах, т. 2. Алма-Ата, 1979.

⁴ См.: В. В. Востров, М. С. Муқанов. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX—начало XX в.). Алма-Ата, 1968; О. Нематулов. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970; М. С. Муқанов. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.

⁵ См.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 2. М.—Л., 1952; С. А. Козин. Сокровенное сказание, т. 1. М.—Л., 1941; История Абуль-гази. Библиотека восточных материалов, изд. И. Березиним, т. III. Казань, 1854; «Шейбаниада». Библиотека восточных материалов, изд. И. Березиним; Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. М., 1965; С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 8—82; Б. Е. Кумеков. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1970; В. В. Бартольд. — Соч., т. V. М., 1968 (статьи о карлуках, кимаках, кипчаках); В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч., т. I. М., 1968 и другие работы.

⁶ См.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, т. 2, с. 43—44.

⁷ См.: И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. Изд. 2-е. М., 1983.

Как известно, вслед за представителями Младшего жуза, признавшими в 1731 г. подданство России, в 1734—1740 гг. русское подданство добровольно приняли многие родоправители Среднего и Старшего жузов⁸. Однако процесс присоединения Казахстана к Российской империи значительно осложнялся завоевательными устремлениями джунгарских (ойратских), а позднее и цинских феодалов.

В 1741 г. джунгарские войска обрушились на кочевья Среднего и Старшего жузов. Джунгарский хан Галдан-Цэрэн потребовал от казахских ханов и султанов признать себя ойратскими подданными. В чрезвычайно сложной военно-политической обстановке мнения казахской знати по этому вопросу разделились. Рассчитывая вернуть захваченные ойратскими феодалами города Южного Казахстана, хан Абулмамбет, султаны Абулфеиз, Ниязбатыр, Девлетбай и некоторые другие, которые «наперед сего с лежащих около Ташкента городков дань обирывали», настаивали на принятии требований Галдан-Цэрэна и отправления к нему заложников. Однако «собрание знати и народа» Среднего жуза, состоявшееся осенью 1741 г., отвергло эти предложения.

«Мы под властью Галдан-Чирина быть не хотим, — говорили участники собрания, — а желаем быть в верности под протекциею у ея и. в.»⁹ (то есть Российской империи).

Военные поражения ойратов в Средней Азии вынудили джунгарского хана не только отказаться от своих требований присылки заложников и дани, но и самому искать помощи и заступничества у казахских феодалов. Вопрос о подданстве, таким образом, отпал сам собой. Нельзя не сказать и о том, что русское подданство делало все возможное, чтобы оградить своих новых подданных от вторжений ойратских феодалов. С джунгарским правителем Галдан-Цэрэном, гласил указ Сената от 20 мая 1742 г., адресованный оренбургской и сибирской администрации, «нужно будет в корреспонденции вступить или подданных ханов и султанов с их людьми, сколько можно, охранять, а в крепостях и по всей границе от того владельца наибольшую опасность иметь...»¹⁰. Коллегия иностранных дел рекомендовала казахским правителям приблизиться со своими улусами к русским крепостям. В ставку ойратского хана был направлен посол К. Миллер, с тем чтобы потребовать у Галдан-Цэрэна, «дабы он более никаких разорений им (казахам. — Авт.) не причинял и войск своих на них не посылал, также б и вышезначенных запросов более к ним не производил», то есть отказался от требования присылки дани и заложников, и добиться освобождения султана Аблая с его людьми, взятыми ойратами в плен в одном из сражений в 1741 г. Военно-дипломатические мероприятия правительства России оказали соответствующее воздействие на политику джунгарских феодалов в Казахстане. Спустя некоторое время после освобождения из ойратского плена султан Аблай говорил приехавшим к нему русским представителям, что «я же должен за всемиловитвейшую государыню вечно бога молить... что-де меня соизволила величайшею милостию ис полону от калмык владения Галдан-Чирина освободить». Одним словом, факты свидетельствуют о диаметрально противоположном домыслам Су Бэйхая. Казахский Средний жуз никогда не был вассальным владением джунгарских феодалов, и вторжения ойратов лишь затормозили, но не смогли остановить процесс присоединения его к России.

История взаимоотношений джунгар и казахов Старшего жуза изучена пока недостаточно для того, чтобы делать какие-либо далеко идущие выводы относительно характера этих отношений. Известно, что в начале XVIII в. это ханство не представляло собой единого государственного образования, делилось на несколько самостоятельных феодальных владений. В результате ряда вторжений ойратских феодалов в конце XVII — начале XVIII в. часть родов и племен откочевала в западные и центральные районы Казахстана, часть вынуждена была остаться в своих родных кочевьях и платить некоторое время дань завоевателям.

В середине 50-х годов XVIII в., воспользовавшись ослаблением Джунгарского ханства вследствие охвативших его феодальных распрей за престол всеойратского хана, Цинам наконец удалось повергнуть своего грозного соседа. «Джунгария, — писал об этих трагических событиях сибирский историк С. Шашков, — была буквально усеяна трупами, ее воды покраснели от пролитой крови, а воздух был полон дыма от горящих улусов, лесов и трав... Все, что имело ноги и могло двигаться, бросилось в Сибирь»¹¹. Таковы были взаимоотношения между Цинской империей и Джунгарским ханством. Нужно обладать буйным воображением, чтобы говорить о какой-либо зависимости ойратских феодалов от правителей Цинской династии.

Завоевав Джунгарию и Восточный Туркестан, Цины стали выступать с открытыми угрозами в адрес казахского и других народов Средней Азии. Ч. Валиханов писал, что «среднеазиатцы были очень встревожены: падение сильной Джунгарии и завоевание единоверной Малой Бухарии навели на них панический и мистический страх, тем более, что, по господствовавшему преданию, суеверные мусульмане верили, что перед окончанием света китайцы покорят весь мир»¹².

⁸ См.: В. Я. Б а с и н. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971, с. 146—157.

⁹ ЦГАДА, ф. 248, 1-й департамент Сената, оп. 113; 1744 г., л. 365, л. 4 об.

¹⁰ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1961, с. 199.

¹¹ С. Ш а ш к о в. Рабство в Сибири. — «Дело», кн. 3. 1863, с. 47.

¹² Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 1. Алма-Ата, 1961, с. 428.

Совершенно иную картину рисует Су Бэйхай. Он утверждает, будто «весь казахский народ под предводительством Аблая оказался под управлением цинского правительства... Китайский народ присоединил кочевья Аблая к китайской территории. Император Цяньлун выдал ему грамоту о пожаловании титула наследного князя и грамоту об условиях принятия в подданство. Средний жуз, оказавшись под правлением династии Цин, еще более решительно стал бороться против агрессии царской России». В тексте статьи приводится послание Аблая к цинскому императору Цяньлуну, содержащее просьбу принять его со своим народом в китайское подданство, перечисляются даты приезда к цинскому двору казахских посланников и, наконец, заявляется, что «в этот период (вторая половина XVIII в. — Авт.) кровавая агрессия царской России против Среднего жуза в конечном счете не увенчалась успехом». Аналогичным образом трактуется и история взаимоотношений Цинов с феодалами Старшего жуза. После гибели Джунгарии, вещает Су Бэйхай, «Старший жуз казахов был подчинен власти Цинов, районы его кочевий вошли во владения цинского Китая, а его вожди время от времени приносили цинскому правительству дань».

Как же обстояло дело в действительности?

Вплоть до 1755 г. цинский дом и казахские правители, как известно, не имели непосредственных контактов. Но маньчжурская династия при проведении в Центральной Азии той или иной военно-дипломатической акции всегда учитывала характер и состояние ойрато-казахских отношений и стремилась разжечь между ними вражду. Когда же весной 1755 г. стало ясно, что дни Джунгарского ханства сочтены, Пекин резко изменил свое отношение к вторжениям казахов в пределы Джунгарского ханства. Опасаясь возвращения ими своих кочевий в Семиречье и Тарбагатае, император Цяньлун направил казахским родоправителям манифест, заканчивавшийся недвусмысленным предостережением: «Нельзя вторгаться [в джунгарские пределы], если как прежде [станете нападать], пошлем великую армию [вас] покарать»¹³. Тогда же летом 1755 г. командование цинских войск установило посольские контакты с султаном Среднего жуза Аблаем. «В своих взаимоотношениях с народами Казахстана и Средней Азии, — отмечает в этой связи советский исследователь истории международных отношений в Центральной Азии Б. П. Гуревич, — маньчжуро-китайские завоеватели чередовали методы угроз и прямого военного давления с установлением политических и экономических связей»¹⁴. История взаимоотношений империи Цин с народами и государствами Центральной, Средней Азии и Казахстана обстоятельно изучена в советской историографии, поэтому лишь вкратце коснемся отдельных фактов.

Осенью 1755 г. в Джунгарии вспыхнуло антицинское восстание, одним из организаторов которого был Амурсана, опиравшийся на помощь и поддержку Аблая и других казахских феодалов. Потерпев поражение в столкновениях с цинскими войсками, Амурсана укрылся в кочевьях Аблая. Под предлогом поимки «мятежного» нойона цинские власти летом 1756 г. вторглись в Казахстан. «Нужно навести порядок у казахов... — гласил императорский эдикт, адресованный командованию армии, — [непокорных] решительно истреблять и хватать...»¹⁵.

Объединенные отряды Аблая и Амурсаны выступили навстречу противнику. «На киргис-кайсаков идет мунгальское войско многое число... — сообщают документы, — а киргисской владельц Аблай-салтан с своим войском против того мунгальского собрался было на баталию и вострелился в урочище Нор-Ишимском, где и зделалася у них баталия, точю де за малолюдством у него Аблая в собрании войска против мунгальской силы состоять не мог»¹⁶. Некоторые сведения об этом сражении содержатся в рассказе побывавшего осенью 1756 г. в кочевьях Аблая российского чиновника Абдуллы Каскинова. Ополчение Аблая, выступив навстречу цинским войскам, «в скрытном месте остановилось и наперед их на себя ожидали, токмо де они от того китайского войска так нечаянно окружены, что они человек двести их кайсак побили, а и прочие, да и сам он Аблай-салтан ... раненые едва бегом спаслись, чего-де ради ныне паки против того войска и собираются и, взяв с собою помянутого калмыцкого владельца Амурсаня, с калмыками выезжают»¹⁷.

Аблай был серьезно ранен копьем в ногу. Тем не менее он продолжал руководить боями казахских и ойратских дружин против маньчжуро-китайских завоевателей. Сражения продолжались до глубокой осени 1756 г., после чего цинское командование, так и не добившись поставленной задачи, отвело свои части.

В следующем году, расправившись с повстанцами Джунгарии, Цины вновь двинули свою армию против казахов. В такой ситуации некоторые казахские феодалы решили вступить с цинским командованием в переговоры. «Аблай-салтан, — доносили русским властям старшины Каянбай и Отогон, узнав о вторжении в кочевья 30-тысячного цин-

¹³ Даи Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Хроника правления Гаоцзуна Чуньхуанди великой Цин), т. 489. Токио, 1937—1938, л. 18—18 б; Цит. по: В. С. Кузнецов. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983, с. 20.

¹⁴ Б. П. Гуревич. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в. М., 1979, с. 175.

¹⁵ В. С. Кузнецов. Указ. соч., с. 21.

¹⁶ АВПР, Зюнгорские дела, оп. 113/1, 1755—1757, д. 4, л. 539 об.

¹⁷ Там же, л. 562—562 об.

ского корпуса, — всех старшин к себе собрал и оным то известие объявил и всем старшинам сказал, что теперь же время с китайцами помириться, ибо через такую войну, кроме крайнего разорения, ничего не останется.... На что все старшины со Аблай-салтаном согласились и некоторые выбранные старшины как в китайское войско, так и к показанным черчутам посланниками отправлены»¹⁸. Цинское правительство, заинтересованное в том, чтобы оторвать казахов от освободительной борьбы народов Центральной Азии, охотно пошло на переговоры и прекращение военных действий. Вот при таких обстоятельствах между рядом казахских феодалов и цинским двором были установлены вначале дипломатические, а затем и торговые контакты.

В силу господствовавших во внешней политике императорского Китая китаецентристских догм и представлений, не допускавших равноправных отношений Поднебесной с каким-либо государством, казахские ханы и султаны тут же были причислены маньчжурским двором к новым вассалам императора, а присылаемые ими традиционные в те времена подарки квалифицировались и записывались в исторические хроники как «дань». Повелитель Китая присваивал приезжавшим ко двору казахским посланцам и их правителям различные пышные титулы и даже вручал грамоты и печати на правление. Это пожалование грамот на управление и присвоение различных титулов и званий, указывал советский китаевед Л. И. Думан, «как правило, было чисто символическим актом и не имело реального значения, так как одаряемые правители иноземных народов и без грамот китайских императоров владели своей территорией и управляли своим народом...»¹⁹.

Все вышесказанное полностью относится и к казахским феодалам, поддерживавшим с цинским двором политические и торговые связи. Достаточно сказать, что на обратном пути из Пекина в родные кочевья эти грамоты и печати попросту выбрасывались казахскими посланцами²⁰. Причем в Пекине знали, что никакого реального значения все эти календари, грамоты и печати в степи не имеют и все же практиковали подобные инсценировки. Делалось это не только для того, чтобы усладить богдыхана, показать величие династии и т. п. «В любой ситуации, — указывает в этой связи советский исследователь А. Г. Малявкин, — эта бурная деятельность, зафиксированная в указах императора, будь то указ о выдаче инвеституры главе независимого государства, проведении районирования чужих территорий или получение «дани» от народов, представители которых совершенно неожиданно появились при дворе, осуществлялась вполне сознательно и преследовала далеко идущие цели. В тех случаях, когда на Востоке Азии изменялось соотношение сил и в руках императоров Среднего государства оказывалась реальная сила, тогда на свет извлекались соответствующие данному моменту приукрашенные и фальсифицированные записи о мнимых правах и предъявлялись вполне реальные претензии. При этом сынов Неба и их ближайших советников не смущало, что интервал между свершением записей, изданием указов и предъявлением требований исчислялся часто многими сотнями лет»²¹. Ныне Су Бэйхай и ему подобные, вместо того чтобы критически проанализировать показания китайских источников, сопоставить их данные со сведениями летописей других народов, спекулируют на этих фальсифицированных записях придворных историографов феодального Китая.

Цинское правительство пыталось помешать процессу присоединения Казахстана к России, стремилось любым путем привлечь казахских феодалов на свою сторону. С этой целью на свет была извлечена даже доктрина «единого предка», то есть Чингисхана, использовался весьма широкий арсенал изощренных методов дипломатического воздействия²². К их числу относились обещания цинского правительства вернуть некогда захваченные ойратами у казахов кочевья. Цинские эмиссары, прибывшие зимой 1757 г. в ставку Аблая, говорили ему, чтоб казахи признали подданство китайского богдыхана «и кочевали б они на зюнгорской земле, кои де ныне состоит впусте»²³. Наученные горьким и трагически завершившимся опытом ойратов, казахи в большинстве своем не поддавались на все эти лживые посулы. Китайские власти «обманчивы, — говорили казахи приезжавшим в их кочевья русским людям, — хотя малым чем к их стороне склонность возыметь, то де они, яко государство великое и сильное, могут привести под свое точное владение».

Эта осторожность, как показали следующие события, оказалась не излишней. Задушив последние очаги сопротивления ойратов в Джунгарии, завоевав Восточный

¹⁸ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, 1758, д. 4, л. 32 об. — 33.

¹⁹ Л. И. Думан. Традиции во внешней политике Китая. — В кн.: Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972, с. 207.

²⁰ АВПР, ф. Библиотека Азиатского департамента, оп. 505, д. 71, л. 122 об.

²¹ А. Г. Малявкин. Уйгурские государства в IX—XII вв. Новосибирск, 1983, с. 67—68.

²² К. Ш. Хафизова. К характеристике политики цинского Китая в отношении казахов (вторая половина XVIII в.). — V научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, ч. 2. М., 1974, с. 193—198; см. же. О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. (На примере политики Китая в Центральной Азии.) VI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады, ч. 1. М., 1975, с. 179—183.

²³ АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, 1757, д. 7, л. 128.

Туркестан, Китай начинает менять политику в отношении казахов. Летом 1760 г. император Цяньлун заявил прибывшим к нему послам Аблая Юлбарсу и Девлеткирею, чтобы казахи освободили территории в бассейне реки Или²⁴. Тогда же цинские войска, применяя насилие, стали прогонять кочевников с их исконных земель²⁵.

Может возникнуть в общем-то закономерный вопрос — как же, являясь подданными Российской империи, Аблай, Абулмамбет и некоторые другие казахские феодалы поддерживали самостоятельные отношения с цинским двором? Дело в том, что в 30—50-х годах XVIII в. процесс присоединения Казахстана к Российской империи, обусловленный как объективными социально-экономическими и политическими причинами, так и субъективными стремлениями, еще полностью не завершился. Подписывая юридические акты о признании российского подданства, казахские феодалы, выражая интересы народа, в то же время преследовали и личные, классовые цели: опираясь на помощь и поддержку царизма, укрепить и расширить свое влияние в степи. Казахские феодалы, признавшие подданство России, стремились не допускать ограничения своих прав царскими чиновниками. Русское правительство и местная администрация, конечно же, принимали меры к пресечению противоречащих политике России акций казахских правительств. Поддерживая связь с цинской династией, Аблай и ряд других казахских феодалов никогда не порывали с Россией, не отказывались от русского подданства, но надеялись таким образом сохранить максимум самостоятельности и материальных выгод. Аблай неоднократно заверял русские власти, что «наши киргиския владельцы и простые киргисцы есть верноподданные всемилоштивейшей государыни»²⁶. Во время вторжения цинских войск в казахские кочевья мирное население укрывалось под защитой российских крепостей. Русское правительство, получив известия о вторжении маньчжуро-китайских войск в Казахстан, немедленно направило Трибуналу внешних сношений Цинской империи решительный протест, потребовав вывести войска, принимало меры для отражения нападения неприятеля²⁷.

Конечно, «пафос» всех без исключения статей Су Бэйхая направлен главным образом на то, чтобы извратить историю присоединения Казахстана к России, опорочить политику России в Казахстане и Средней Азии. Усилия сосредоточены на том, чтобы доказать, что якобы не было никакого добровольного присоединения казахских ханств к Российской империи, что все это «выдумки» современных советских историков, занимающихся якобы приукрашиванием политики царизма в отношении нерусских народов этого края. Прибегая к подтасовке произвольно надерганных фактов из работ ряда буржуазных авторов и зарубежных исследователей, замалчивая достижения современной советской исторической науки, Су Бэйхай, вопреки общеизвестным фактам, тщится изобразить длительный и сложный процесс вхождения Казахстана в состав Российской империи как насильственное завоевание одного народа другим. При этом постоянно подчеркивается, что Россия будто бы присоединяла не казахские, а китайские земли. «Россия огнем и мечом захватила обширные китайские (разрядка наша. — Авт.) земли в районах рек Иртыша и Оби».

Но оставим на совести автора утверждения насчет захвата «китайских» земель и напомним лишь отдельные фрагменты сближения и присоединения Казахстана к России. В конце XVII — начале XVIII вв. внутри- и внешнеполитическое положение Казахстана ухудшилось. Исторически сложившаяся специфика кочевого образа жизни и хозяйства, разделение труда между населением кочевых и оседлых районов вынуждали кочевников Казахстана всеми средствами добиваться доступа на рынки соседних земледельческих стран²⁸. Однако обстановка в это время в Центральной и Средней Азии складывалась неблагоприятно для степняков. В Центральной Азии, как уже говорилось выше, господствовали ойратские феодалы, преградившие казахам путь на рынки Восточного Туркестана. В Средней Азии насчитывалось около десяти крупных самостоятельных феодальных владений, правители которых вели между собой ожесточенные кровавые войны, подрывавшие производительные силы края, истощавшие его материальные ресурсы, приводившие к массовой гибели людей, опустошению городов²⁹. «XVIII в., — отмечал в этой связи академик В. В. Бартольд, — был для всей мусульманской Азии веком политического, экономического и культурного упадка»³⁰. В таких условиях с каждым годом крепли и расширялись экономические связи Казахстана и России. Высокие цены на продукты животноводства на рынках Сибири и Урала, безопас-

²⁴ См.: АВПР, ф. Зюнгорские дела, оп. 113/1, д. 1, 1761, л. 98.

²⁵ См. там же, д. 2, л. 14.

²⁶ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, оп. 122/1, д. 18, 1766—1769, л. 368.

²⁷ См.: Б. П. Гуревич. Вторжение Цинской империи в Центральную Азию во второй половине XVIII в. и политика России. — «История СССР», 1973, № 2.

²⁸ См.: В. С. Батраков. Хозяйственные связи кочевых народов с Россией, Средней Азией и Китаем. Ташкент, 1950.

²⁹ См.: В. А. Моисеев. Политическая обстановка в Центральной и Средней Азии накануне начала присоединения Казахстана к России (первая треть XVIII в.). — В кн.: Навекы вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982.

³⁰ В. В. Бартольд. История Туркестана. Собр. соч. в 9-ти томах, т. II, ч. I. М., 1963, с. 164.

ность движения торговых караванов, отсутствие каких-либо ограничений — все это стимулировало развитие русско-казахской торговли, сближало народы.

Опустошительное вторжение ойратских феодалов в Казахстан и Среднюю Азию в 20-х годах XVIII в. поставило страну на грань гибели. Кто из соседей мог оказать помощь казахскому народу? Только Россия. Вот почему наиболее дальновидные представители казахского народа все чаще и чаще обращаются к русскому правительству с предложениями о военном союзе, а затем и подданстве. Конечно, интересы простого народа и знати далеко не всегда совпадали. Трудовые массы ждали избавления от феодальных междоусобиц и защиты от вторжений извне. Правящие круги казахского общества надеялись с помощью царизма укрепить и расширить свою власть.

«Нельзя упрощенно трактовать побудительные мотивы и весь сложный процесс добровольного присоединения Казахстана к России, — указывал в своем докладе член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана товарищ Д. А. Кунаев на Торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России, — который не завершился в один день или в один год. Было много его поборников, но было и немало противников в лице реакционной феодальной знати, мусульманского духовенства, других противников сближения Казахстана с Россией.

Но курс неустойчивой дружбы с Россией, горячо поддерживаемый народными массами, возобладал и взял верх. Наиболее дальновидные представители казахского общества сознавали, что без единения с могучим русским народом нет будущего у казахов³¹. Таким образом, многовековое развитие экономических и политических связей между Казахстаном и Россией завершилось в XVIII — начале XIX в. добровольным вхождением казахских ханств в состав Российской империи.

Таковы подлинные факты истории. Конечно, и в советской историографии далеко не сразу сложилось единое понимание и общепринятая оценка этого сложного и противоречивого явления³². Однако по мере накопления фактического материала и все более глубокого его осмысления, утверждения ленинской методологии и совершенствования методики научных исследований выкристаллизовывалась объективная картина событий. Обращение Су Бэйхая к выводам советских историков 30—50-х годов и в то же время замалчивание достижений современной казахской историографии свидетельствует о сознательном искажении исторических реалий.

Обращает на себя внимание упрощенный, примитивный подход Су Бэйхая к оценке действующих лиц исторических событий, происходивших в казахских степях в XVIII — начале XIX вв. Все, кто выступал за сближение с Россией, причисляются им к «предателям», «прихвостням», кто выступал противником — к «героям». Так, например, один из разделов статьи о Старшем жузе озаглавлен: «Кенесары Касымов и его сын Садык — герои сопротивления России». Автор здесь также явно не в ладах с краеугольным, основополагающим методологическим принципом исторических исследований — материалистической диалектикой. Он сваливает в одну кучу различные по целям, движущим силам и характеру восстания и скатывается с классовых позиций при оценке освободительного движения в России на позиции националистические. Автор статей ставит в один ряд народно-освободительное восстание Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова с реакционным монархическим движением Кенесары Касымова. Вопреки утверждениям Су Бэйхая восстание Касымова не было, как неопровержимо свидетельствуют исследования самих советских ученых, ни антиколониальным, ни тем более народным. Движение это имело целью реставрацию феодально-монархического строя, ханской власти и старых порядков в казахских степях. Много горя и страданий принесло оно казахскому народу³³. Что же касается целого ряда других восстаний, то при всем многообразии причин их порождавших, все они были направлены не против присоединения к России, не против русского народа, а против колонизаторской политики царизма, байско-феодального гнета и стали важным составным звеном общего освободительного движения угнетенных народов России, движения, активно поддержанного российским пролетариатом и партией большевиков во главе с В. И. Лениным.

Су Бэйхай под видом разоблачения агрессивной политики России много рассуждает о строительстве городов и крепостей в Казахской степи. Отвечая на многочисленные обвинения китайской пропаганды в адрес советской исторической науки, необходимо в категорической форме подчеркнуть, что советские ученые, в том числе и историки Казахстана, в своих обобщающих и монографических исследованиях никогда не замалчивали и не приукрашивали сущности политики царизма.

Однако, исходя из марксистско-ленинского учения, руководствуясь научным методом, советские историки в то же время сумели увидеть и показать глубоко прогрессивные последствия присоединения Казахстана к России. Строительство городов, проникновение капиталистических отношений несло с собой не только усиление эксплу-

³¹ Д. А. Кунаев. Великая сила дружбы и братства. — «Партийная жизнь Казахстана», 1982, № 7, с. 15.

³² Б. А. Тулепбаев. Добровольное присоединение Казахстана к России и его прогрессивное значение. — В кн.: Навеки вместе, с. 50.

³³ См.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, т. 3. Алма-Ата, 1979, с. 169—175.

тации, социального и национального гнета, но и втягивало отсталую окраину в цивилизацию, в общее русло мирового прогресса.

Города и крепости, возникавшие на рубежах Казахстана, служили не только центрами колонизации, но и защищали казахское население от вторжения ойратских, а затем и цинских войск. Тысячи степняков спасали свои семьи и имущество под их стенами³⁴. Но Су Бэйхай нет до этого никакого дела.

«Строительство русскими властями крепостей, — утверждает он, — явилось агрессивной акцией, целиком направленной против Китая». Непонятно, однако, чем могли угрожать Китаю крепостные сооружения и торговые центры, возводимые, скажем, по Яйку, Ишиму, Сырдарье. Что же касается сооружений по Иртышу, то они возникли задолго до появления военных сил Китая близ границ Казахстана: Омск — в 1716 г., Семипалатинск — в 1718 г., Усть-Каменогорск — в 1720 г. Когда же владения Российской империи и цинского Китая в Центральной Азии сблизились, при строительстве новых городов строго предписывалось никоим образом не приближаться к цинской территории. Так, например, при открытии Аягузского и Кокпектинского округов генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич наставлял чиновников: «иметь в предмете святость сохранения дружества с союзной издревле державою Китайскою и удаляться малейших даже случаев, кои бы могли подать повод к неудовольствиям», и не приближаться к цинским землям «под опасением строжайшего взыскания по законам»³⁵. И наконец, необходимо подчеркнуть, что, как правило, те или иные города на территории собственно Казахстана появлялись лишь после принятия подданства России местным казахским населением, а не наоборот.

Су Бэйхай с чувством сожаления пишет о реформах XIX в., приведших к ликвидации ханской власти в Казахстане и введению новых форм правления в степи. На самом же деле отмена ханской власти в степи, постепенный переход к новым формам правления, завершившийся в 1891 г. введением Положения об управлении областями Акмолинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, имели прогрессивное значение в жизни казахского общества. Согласно Положению вводилась форма управления, существующая в Центральной России, что вело к уничтожению родового начала в управлении и экономике — главного тормоза в развитии производительных сил казахского общества.

Несмотря на колонизаторские цели царизма, реформы XIX в. имели и прогрессивное значение, так как в полном объеме включили производительные силы Казахстана в общее русло развития капитализма в России, что ускорило социальную дифференциацию казахского аула, создало условия для совместной борьбы казахского и русского народа против социального и национального гнета, завершившейся Великой Октябрьской социалистической революцией.

В братской семье советских республик Казахская Советская Социалистическая Республика совершила невиданный взлет от отсталости к вершинам экономики, науки и культуры. Достаточно сказать, что за 60 лет существования СССР промышленное производство республики увеличилось в 938 раз³⁶. Республика поддерживает экономические связи с 82 странами мира, дети вчерашних кочевников сегодня оказывают экономическую и научно-техническую помощь 65 государствам.

В целом «научные труды» Су Бэйхая написаны с совершенно чуждых подлинной науке позиций. Тщетно искать в них классовый, исторический подход к рассмотрению и оценке явлений общественной жизни прошлого, диалектическую постановку тех или иных вопросов, обоснованность выводов и утверждений. Произвольное препарирование фактов, крайний субъективизм в их трактовке, узость источниковой базы, игнорирование работ советских историков, явная пропагандистская направленность статей Су Бэйхая с неблагоприятной целью «обосновать» территориальные притязания к Советскому Союзу лишает их какой-либо научной значимости. Регулярное появление материалов, в частности в «Вестнике Синьцзяньского университета», грубо извращающих историю народов Советского Казахстана и республик Средней Азии, свидетельствует о сохранении националистических тенденций в исторической науке КНР. Издание в КНР таких «изысканий» не только мешает воссозданию объективной картины исторического прошлого казахского народа, но и вносит негативный момент в процесс налаживания нормальных, добрососедских отношений между Советским Союзом и Китаем.

³⁴ См.: Ж. К. Касымбаев. Русские военно-оборонительные пункты в защите казахских земель от врагов. — «Военно-исторический журнал», 1981, № 11.

³⁵ Н. Коншин. Материалы для истории Степного края. — Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г., вып. IV. Семипалатинск, 1900, с. 32.

³⁶ См.: Народное хозяйство СССР, 1922—1982. Юбилейный статистический сборник. М., 1982, с. 74.

Гонконг: политика и экономика

А. Г. ЛАРИН

Своеобразная роль Сянган (Гонконга) в международных экономических связях, а также его отношения с КНР и Англией вызывают к нему постоянный интерес. В последнее время внимание к Сянгану усилилось благодаря шагам, предпринятым Китаем с целью восстановить свой суверенитет над этой территорией. В чем заключаются основные особенности положения Сянгана на современном этапе, который без преувеличения можно назвать переломным в его истории?

СЯНГАН — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Широкая известность Сянгана в значительной мере объясняется его положением одного из крупнейших в мире производителей и экспортеров ряда потребительских товаров. Свыше 80 % промышленной продукции Сянгана, производимой почти миллионом рабочих на 48 тыс. предприятий, идет на экспорт¹. В 1983 г. экспорт товаров, изготовленных в Сянгане, составил 104,4 млрд. гонк. долл.²

Ведущей отраслью промышленности является производство текстиля и изделий из него; в этом секторе занято 43 % общего числа рабочих, и он дает 40 % общей стоимости гонконгского экспорта³. По экспорту одежды Сянган на протяжении последних десяти лет неоднократно выходил на первое место в мире.

Второй по значимости является электротехническая и электронная промышленность: производство узлов к ЭВМ, телевизоров, портативных вычислительных машин, радиоприемников, электронных игр и т. п. Эти товары экспортируются во многие страны мира. В 1982 г. в указанной отрасли было занято 9,5 % всех промышленных рабочих, ее продукция составила 10 % собственного гонконгского экспорта⁴.

Быстрыми темпами растет в Сянгане производство часов. В конце 70-х годов по количеству экспортированных часов он обогнал Швейцарию и Японию и вышел на первое место в мире. В 1983 г. Сянган поставил на внешние рынки свыше 270 млн. этих изделий⁵.

В развитии сянганской промышленности заметную роль играет иностранный капитал. В последние годы объем иностранных инвестиций неизменно возрастал и в 1983 г. составил 7,8 млрд. гонк. долл. Зарубежный капитал контролирует 438 предприятий, то есть менее 1 % их общего числа, однако это наиболее крупные предприятия, и на них трудятся более 10 % всех наемных рабочих, занятых в промышленности⁶.

Самым крупным инвестором являются США (46,2 % всех иностранных капиталовложений), далее следует Япония (29,4 %), Англия (5,8 %). Наибольшая доля инвестиций — 35,9 % — приходится на электронную промышленность⁷.

Неустойчивая экономическая конъюнктура в капиталистических странах сильно сказывается на всей хозяйственной жизни Сянгана. Так в 1982 г. в обстановке экономического спада на Западе имело место снижение экспорта на 2,6 %, реэкспорта на 4 %, импорта на 3 %. Одновременно произошло сокращение производства, уменьшение

¹ In: *The Markets of Asia / Pacific. Hong Kong and Macau*, Aldershot, 1982, p. 75; «Цзинцзи даобао», 1983, № 3, с. 6.

² In: «Цзинцзи даобао», 1984, № 12, с. 13. В начале 80-х годов гонк. доллар котировался как 0,19—0,21 ам. доллара. В 1983 г. в связи с резким падением стоимости гонконгского доллара он был привязан к американскому по соотношению 7,8:1. — См.: «Цзинцзи даобао», 1983, № 42, с. 6.

³ См.: «Цзинцзи даобао», 1983, № 43, с. 9.

⁴ См. там же, 1983, № 14, с. 11.

⁵ См. там же, 1984, № 13, с. 14.

⁶ См.: «Цзинцзи даобао», 1983, № 15, с. 6; № 43, с. 9.

⁷ См. там же, 1984, № 7, с. 13.

числа рабочих мест. Тем не менее за пятилетие 1978—1982 гг. экспорт гонконгской продукции вырос более чем в два раза, в начале 80-х годов по объему торгового оборота Сянган вошел в число двадцати наиболее крупных участников мировой торговли, а по обороту на душу населения — в первую десятку⁸. В 1983 г. торговля Сянгана выросла по всем основным показателям.

Главными потребителями продукции Сянгана являются США (на 1983 г. — 41,9 % стоимости ее экспорта), которым намного уступают идущие далее Англия (8,2 %), ФРГ (7,7 %), КНР (6,0 %), Япония (3,4 %). Особенно быстро растет экспорт в Китай: за последнее пятилетие он увеличился приблизительно в 50 раз.

Важное место во внешнеэкономических связях Сянгана занимает традиционная для него реэкспортная торговля, берущая начало еще в прошлом веке, а ныне быстро развивающаяся. Объем реэкспорта в 1983 г. достиг 56,3 млрд. гонк. долл.

Главными партнерами в реэкспортной торговле через Сянган являются, с одной стороны, Китай, с другой — развитые капиталистические страны, а также Тайвань и некоторые государства Азиатско-тихоокеанского региона. Реэкспорт в КНР в 1982 г. достиг 7,92 млрд. гонк. долл., вывоз через Сянган китайских товаров — 14,69 млрд. гонк. долл.⁹. В 1983 г. реэкспорт в Китай возрос до 12,2 млрд. гонк. долл.

Сянганский импорт растет теми же темпами, что и совокупный экспорт (порядка 12 % ежегодно за период с 1978 по 1982 г., 25—26 % в 1983 г.¹⁰), что закономерно, поскольку Сянган ввозит практически все, что необходимо для жизнеобеспечения его населения и функционирования хозяйства, вплоть до питьевой воды из КНР. В 1983 г. объем сянганского импорта составил 175,4 млрд. гонк. долл.

Ориентация экономики Сянгана на внешние рынки и источники сырья, на посредническую торговлю постепенно привела к превращению его в один из крупнейших портов мира, обладающий развитой судоремонтной базой. В 1983 г. через Сянган прошло более 35 млн. т грузов¹¹. Сянган оснащен мощным новейшим оборудованием для обработки контейнеров, благодаря чему пропускает свыше 1,5 млн. контейнеров в год, а в 1984 г. этот показатель намечено довести до 2,2 млн.

Важнейшей стороной функционирования Сянгана как международного экономического центра является деятельность его многочисленных банковских учреждений, финансирующих главным образом торговлю развивающихся стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии с развитыми капиталистическими государствами. Сосредоточенные в Сянгане банковские активы в 1982 г. достигли 420 млрд. гонк. долл.¹²

Второстепенную, но заметную роль во внешнеэкономических связях Сянгана играет такая форма «невидимой» торговли, как продажа товаров и предоставление услуг туристам, приезжающим из стран ЮВА, Японии, США. В 1983 г. Сянган посетило свыше 2,7 млн. туристов, расходы их превысили 10 млрд. гонк. долл.¹³

Если наиболее крупным торговым партнером Сянгана являются США, а в банковском деле ключевые позиции занимает принадлежащая английскому капиталу «Гонконг энд Шанхай бэнкинг корпорэйшн», то сам Сянган играет чрезвычайно важную роль во внешнеэкономических связях Китая. Прежде всего Сянган служит для КНР крупнейшим источником конвертируемой валюты. Часть ее поступает по внешнеэкономическим каналам: Сянган является вторым по объему двухсторонней торговли партнером Китая (после Японии) и основным рынком сбыта китайских товаров. В 1982 г. на Сянган приходилось 15,7 % всего внешнеэкономического оборота КНР и 23,3 % китайского экспорта, товарооборот КНР с Сянганом превысил 6,4 млрд. долл. при положительном для Китая сальдо — 3,8 млрд. долл.¹⁴

Значительны также доходы, получаемые Китаем от непосредственного участия в экономической жизни Сянгана. Объем китайских инвестиций в Сянгане, по подсчетам местных властей, оценивается в 3—5 млрд. долл. В колонии функционируют 13 китайских банков, более 50 контор, представляющих торговые и инвестиционные интересы КНР, 101 универмаг, торгующий товарами из КНР¹⁵.

Всего же доходы, получаемые Китаем благодаря развитию экономических связей с Сянганом, достигают, по оценкам, 8 млрд. долл. в год и, согласно некоторым подсчетам, составляют 36,5 % всех валютных поступлений КНР¹⁶.

⁸ Там же, 1983, № 3, с. 5; "Far Eastern Economic Review", March 17, 1983, vol. 119, N 11, p. 47; «Цзинцзи даобао», 1983, № 21, с. 9.

⁹ In: "Far Eastern Economic Review", March 17, 1983, vol. 119, N 11, p. 47; "China Trade Report", May 1 1983, vol. XXI, p. 14.

¹⁰ In: "Far Eastern Economic Review", March 17, 1983, vol. 119, N 11, p. 47; «Цзинцзи даобао», 1984, № 12, с. 13.

¹¹ См.: «Цзинцзи даобао», № 4, 1984, с. 9.

¹² Подробнее о банковских институтах Сянгана см.: В. Н. Карпунин. Международные финансовые центры в ЮВА. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 4.

¹³ См.: «Цзинцзи даобао», 1984, № 4, с. 8.

¹⁴ In: Direction of Trade Statistics. Yearbook. Washington, 1983, p. 127.

¹⁵ См.: «Цзинцзи даобао», 1983, № 46, с. 17; "Far Eastern Economic Review", January 20, 1983, vol. 119, N 3, p. 41.

¹⁶ In: "Newsweek", 27.VI.1983; "Far Eastern Economic Review", January 20, 1983, vol. 119, N 3, p. 42.

Деловые круги Сянгана являются ближайшим партнером КНР в ее усилиях, направленных на привлечение в Китай прямых предпринимательских инвестиций. Из общего числа соглашений о совместных проектах, подписанных китайской стороной с иностранными компаниями, более 60 % соглашений заключено с фирмами Сянгана (такова же их доля в общем объеме привлеченного иностранного капитала).

В особых экономических зонах на юге Китая, созданных в качестве центров приложения зарубежного капитала, доля Сянгана в общей сумме иностранных инвестиций особенно высока — свыше 90 %¹⁷.

Сянганский бизнес активно инвестирует капиталы в экономику КНР, привлекаемый налоговыми льготами, низкой арендной платой и относительной дешевизной рабочей силы. Однако, если рассматривать инвестиции сянганских предпринимателей как стимулятор развития экономики Китая, нетрудно обнаружить у них те же слабые стороны, которые вообще присущи предпринимательской деятельности иностранного капитала в КНР. Советские исследователи уже обращали на них внимание¹⁸.

Во-первых, капиталовложения из Сянгана направляются преимущественно в непроезжую сферу: строительство отелей, курортных и туристических комплексов, создание торговых центров, операции с недвижимостью. Объем вложений в недвижимость превышает 1 млрд. гонк. долл.¹⁹ Во-вторых, в производственной сфере главным объектом приложения капитала являются небазовые отрасли промышленности: текстильная, швейная, полиграфическая, изготовление игрушек и т. п. Крупнейший совместный проект — создание промышленного района Сявань в особой экономической зоне Чжухай рассчитан главным образом на развитие промышленности стройматериалов²⁰. В-третьих, значительная часть предприятий с участием сянганского капитала предназначена для сборки (радиоприемников, часов и т. д.) или переработки сырья по заказам, они невелики по размерам и техническая оснащенность их невысока. Эти особенности обусловлены как комплексом экономических и политических факторов, действующих в Китае, так и структурой экономики самого Сянгана и потому носят долговременный характер.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ СЯНГАНА

Как известно, превращение Сянгана в колонию в ее нынешних границах произошло по частям и заняло почти столетия. В результате двух «опиумных» войн (1840—1842 и 1856—1860 гг.) Англия захватила «навечно» остров Сянган и южную оконечность полуострова Цюлун, а в 1898 г. «арендовала» на 99 лет так называемую Новую территорию, составляющую более 9/10 всей площади колонии.

С первого же этапа колонизации Сянган стал плацдармом империалистической экспансии в Китае. Здесь была построена английская военно-морская база, через Сянган пошел нарастающий поток разнообразных товаров, в том числе в Китай — контрабандный опиум, а из Китая — «живой товар»: кули, законтрактованные на работы различные части света. Позднее в Сянгане стал сосредоточиваться банковский капитал, и Гонконг-Шанхайская банковская корпорация сыграла крупную роль в финансовом закабалении Китая.

Рабочий класс Сянгана неоднократно поднимался на борьбу против своих угнетателей. Достаточно напомнить о Сянганской стачке моряков в 1922 г. — первой в Китае крупной антиимпериалистической акции такого рода — или о знаменитой Сянган-Гуанчжоуской забастовке 1925—1926 гг., в поддержку которой по инициативе трудящихся СССР была развернута мощная кампания международной пролетарской солидарности.

В 1949 г. Народно-освободительная армия Китая, преследуя отступающие чанкайшистские части, приблизилась к границам Сянгана. В Лондоне возникли серьезные опасения за судьбу колонии, однако Китай оставил ее в неприкосновенности, рассчитывая таким путем получить определенный политический и экономический выигрыш, в частности в налаживании торговых связей с Западом.

Эти расчеты оправдались лишь отчасти: с 1951 г., вскоре после начала американской агрессии в Корею, превратившейся также в необъявленную войну против КНР, США и их союзники начали проводить в отношении Китая политику экономической блокады и эмбарго, что сказалось и на поступлении товаров в Китай через Сянган. Объем закупок КНР в Гонконге за период с 1951 по 1956 г. сократился в 12 с лишним раз, а в 60-е годы снизился еще более²¹.

¹⁷ См.: «Цзинци даобао», 1983, № 46, с. 16, 17.

¹⁸ См. напр.: С. А. Манежев, Л. В. Новоселова. Роль внешних факторов в народнохозяйственном строительстве КНР. — «Проблемы Дальнего Востока», 1983, № 1.

¹⁹ In: "Far Eastern Economic Review", January 20, 1983, vol. 119, N 3, p. 42.

²⁰ См.: «Цзинци даобао», 1983, № 32, с. 5.

²¹ См.: А. Г. Куколевский. Гонконг в системе мировых экономических связей. М., 1972, с. 20, 100.

Запад преследовал цель не только ослабить в Кюрес военное сопротивление своих противников, но и помешать восстановлению и развитию народного хозяйства Китайской Народной Республики. Эта политика потерпела провал благодаря огромной помощи, оказанной Китаю Советским Союзом и другими социалистическими странами. Поэтому представляются явно преувеличенными появляющиеся время от времени в западной прессе утверждения со ссылкой на китайские источники, будто бы Сянган после введения эмбарго стал для Китая «жизненно важной артерией»²².

В то же время поступления конвертируемой валюты из Сянгана в Китай, за исключением отдельных периодов, из года в год возрастали, и это побуждало руководителей КНР сохранять колониальный статус Сянгана неизменным. В 1972 г. представитель КНР в Организации Объединенных Наций направил председателю Специального комитета ООН по деколонизации письмо, в котором потребовал не включать Гонконг и Макао в список колониальных стран, отметив, что они являются «частями китайской территории, оккупированными британскими и португальскими властями», а потому решение вопроса об их судьбе «целиком является суверенным правом Китая», и китайское правительство разрешит его «надлежащим путем», когда для этого «созреют условия»²³.

Однако на рубеже 70—80-х годов деловые круги Сянгана, учитывая приближающееся окончание срока «аренды» Великобританией Новой территории, стали проявлять все большую обеспокоенность за свое будущее. Оказалась под вопросом целесообразность долгосрочных капиталовложений в Сянгане. В этих условиях китайские руководители почувствовали необходимость публично выразить свое отношение к сянганским делам. В 1979 г. Дэн Сяопин впервые принял представителя английских властей — губернатора Сянгана — и призвал его «успокоить гонконгских вкладчиков капитала», заверив, что «капиталовложения в Сянгане будут поощряться»²⁴. Этот тезис неоднократно подтверждался руководителями КНР.

В 1982 г. подход китайского руководства к вопросу о будущем Сянгана приобрел более четкие контуры. Дэн Сяопин, Чжао Цзяян, Ху Яобан сделали ряд заявлений о намерении восстановить суверенитет КНР над Сянганом и одновременно сохранить его «процветание и стабильность» на основе формулы «одна страна — две системы».

По всей вероятности, этот шаг был связан с предпринятыми в тот период попытками китайских руководителей добиться прогресса в деле воссоединения Тайваня с КНР, гарантировав неприкосновенность существующих на острове экономических и политических порядков. Такую цель преследовали, в частности, предложения, выдвинутые в декабре 1981 г. Е Цзяньнином. В конституцию КНР, принятую в декабре 1982 г., была включена статья, гласящая: «В случае необходимости государство учреждает особые административные районы. Режим особых административных районов устанавливается законом с учетом конкретных условий Всекитайским собранием народных представителей». Комментируя идею особых административных районов, китайские политические деятели прямо говорили о возможности применения ее к Тайваню.

Вместе с тем отмечалось, что статус таких районов будет предоставлен Сянгану и Аомыню (Макао). Очевидно, что Сянган рассматривается руководством КНР и как пример применительно к Тайваню. При этом представители гонконгского бизнеса и прессы должны были, не ограничиваясь заботами о процветании, стать, по выражению Е Цзяньнина, «мостиком для осуществления связей между Тайванем и материком».

Учитывая негативные явления в экономике Сянгана, вызванные опасениями предпринимателей, китайские руководители форсировали разработку программы, касающейся будущего колонии. С конца 1982 г. между КНР и Англией начались длительные переговоры о Сянгане, во время которых определились позиции обоих государств.

Позиция китайской стороны заключалась в следующем.

Права Китая на Сянган бесспорны и не подлежат обсуждению на переговорах. КНР восстановит свой суверенитет над всей колонией с 1 июля 1997 г. — с момента, когда истекает срок «аренды» Новой территории. Об этом заявил, в частности, Ху Яобан в интервью японским журналистам²⁵. Он объяснил также мотивы, которым руководствовался Китай, откладывая деколонизацию почти на пятнадцать лет: «Хотя англо-китайские договоры, по сути дела, являются неравноправными, Китай намерен с уважением относиться к их историческим результатам».

Остающийся срок руководители КНР рассматривают как переходный период, нужный им для того, чтобы «сохранить процветание и стабильность в Сянгане», то есть предотвратить бегство капиталов и вообще расстройство экономической жизни, которое привело бы к прекращению валютных поступлений из колонии. Для успешного выполнения указанной задачи КНР хотела заручиться содействием со стороны Англии и именно этого и добивалась на переговорах с Лондоном, однако было предreshено, что после 1997 г. Англия будет отстранена от какого бы то ни было участия в управлении Сянганом.

²² In: "Times", 17.XI.1980.

²³ Цит. по: М. Н. Сладковский. Китай и Англия. М., 1980, с. 265.

²⁴ "Daily Telegraph", 7.IV.1979.

²⁵ In: "Mainichi", 16.VIII.1983.

При этом, как заявил публично Чжао Цзяян, «Сянган не изменит своего общественного строя, экономической системы и образа жизни в течение еще пятидесяти лет. Для претворения этого курса в жизнь Всекитайским собранием народных представителей будет принят основной закон Сянгана. Что делать в последующий период — решит будущее правительство Сянганского особого административного района»²⁶.

На 2-й сессии ВСНП шестого созыва в мае 1984 г. премьер Госсовета изложил ряд политических установок по Сянгану, в дополнение к вышеприведенным принципам предусматривающих следующее: вновь созданный особый административный район «будет управляться самими местными жителями и пользоваться правом на высокую степень автономии». Он сохранит «статус открытого порта и международного валютно-финансового и торгового центра»²⁷.

Вместе с тем, как отметил Дэн Сяопин на состоявшейся в те же дни встрече с участием представителей Сянгана и Аомыня, «после восстановления своего суверенитета над Сянганом китайское правительство будет иметь право разместить там свои войска».

Позиция английского правительства на переговорах была по ряду вопросов прямо противоположна китайской. Оно отстаивало юридическую силу договоров, закрепивших колониальный статус Гонконга, и, согласно материалам прессы, лишь постепенно согласилось признать права КНР на весь Сянган²⁸.

Правительство М. Тэтчер настаивало на сохранении в своих руках административной власти в Сянгане в течение неопределенно долгого периода после возвращения его под суверенитет КНР. Свою точку зрения оно обосновывало наличием у Англии «обязательств перед народом Гонконга», а также тем, что якобы только присутствие прежней администрации обеспечит атмосферу уверенности, необходимую для стабильной активности гонконгских деловых кругов. Сначала английская сторона добивалась полного сохранения существующей системы управления, а затем выдвинула предложение о совместном управлении Сянганом, которое осуществлял бы как английские, так и китайские должностные лица²⁹. В прессе обсуждались предложения о превращении Сянгана в «свободный город» и о сдаче его в аренду Англии на основе «контракта об управлении».

Китай через органы массовой информации подверг резкой критике линию Лондона, охарактеризовав ее как попытку «обменять суверенитет на право управлять» и обвинил Англию в том, что она и сегодня все еще стоит на платформе колониализма³⁰. Единственное, на что согласилось правительство КНР — это на то, чтобы «принять во внимание экономические интересы Англии и других государств в Сянгане».

В зависимости от хода китайско-английского диалога в Сянгане в течение года неоднократно возникала нервозность, сопровождавшаяся падением курса акций на местной бирже, ухудшением курса гонконгского доллара, отливом капиталов. Чтобы остановить эти процессы, китайские представители энергично убеждали сянганских бизнесменов, что тем нечего опасаться. В подтверждение своих намерений Китай через принадлежащие ему фирмы заключил ряд крупных коммерческих сделок в Сянгане (например, приобрел контрольный пакет акций компании «Коник инвестментс», производящей бытовую электронную аппаратуру³¹).

В сентябре 1984 г. англо-китайские переговоры завершились парафированием совместной декларации, в основу которой были положены вышеприведенные установки китайских руководителей. Стороны договорились, что до 1997 г. Англия будет осуществлять в Сянгане административное управление, а затем власть в специальном административном районе Сянган перейдет в руки органа, состоящего из местных жителей. При этом глава исполнительной власти будет назначаться центральным народным правительством КНР «на основе итогов выборов или консультаций, которые будут произведены на месте».

Законы, действующие ныне на территории Сянгана, «в основном останутся неизменными». Сянган получает право сохранить собственную валюту и финансовую систему, самостоятельно разрабатывать экономическую и торговую политику, заключать соглашения с государствами и международными организациями (выступая при этом как «Сянган КНР»).

Наряду с флагом и гербом КНР Сянгану разрешено будет иметь аналогичные «районные» атрибуты власти. Эта мера, излишняя с точки зрения сянганских деловых кругов, еще раз подчеркивает, что, решая проблему Сянгана, китайские руководители стремятся создать модель, на основе которой можно было бы добиваться восстановления суверенитета КНР над Тайванем.

Предполагаемое воздействие Сянгана на будущее Тайваня не помешало, однако, госсекретарю США Дж. Шульцу выразить одобрение содержанию англо-китайской декларации. Явно не опасаясь, что пример Сянгана будет ослаблять американские позиции на Тайване, монополистические круги США, а также и других стран, имеющие значительные капиталовложения в Гонконге, надеются со временем использовать его как плацдарм для приобретения влиятельного положения на китайском рынке.

²⁶ «Жэньминь жибао», 15.I.1984.

²⁷ Там же, 16.V.1984.

²⁸ In: "Far Eastern Economic Review", June 9, 1983, vol. 120, N 23, p. 43—44.

²⁹ In: "Newsweek", 12.XII.1983.

³⁰ «Жэньминь жибао», 20.IX.1983.

³¹ In: "Asiaweek", 3.II.1984.

Развитие торговли и экономического сотрудничества — дело взаимовыгодное

СССР — Япония: проблемы торгово-экономических отношений. Отв. редакторы Ю. С. Столяров, Я. А. Певзнер. М., «Международные отношения», 1984, 240 с.

Совместными усилиями ученых-экономистов и работников учреждений Советского Союза, занимающихся практическими экономическими и научно-техническими связями с Японией, создан обзорный труд по всему обширному комплексу советско-японских торгово-экономических отношений. Проблемный подход в исследовании авторы монографии удачно сочетают с кратким, но содержательным экскурсом в историю советско-японских отношений. В книге нарисована объективная картина развития отношений между СССР и Японией в экономической сфере и их нынешнего состояния.

Каждая из восьми глав монографии обобщает богатый позитивный опыт, накопленный в торговле, осуществлении планов экономического сотрудничества и во всех других аспектах (научно-технический обмен, транспорт, рыболовство, кредитно-финансовые отношения) экономических связей СССР с нашим дальневосточным соседом, второй по промышленной мощи стране капиталистического мира. Бережно относясь ко всему позитивному, авторы анализируют также факторы, замедляющие процесс развития торговли и экономического сотрудничества, стараются указать пути преодоления возникающих проблем и препятствий.

В книге четко показано, что Советский Союз, последовательно и настойчиво проводя линию на осуществление стабильных взаимовыгодных торгово-экономических и научно-технических связей с капиталистическими странами, видит в этих связях не только средство рационального использования преимуществ международного разделения труда и повышения, в конечном счете, эффективности социалистического общественного производства, но и важный фактор упрочения мира, установления добрососедских отношений со странами иной общественной системы. Из истории советско-

японских отношений как довоенного, так и послевоенного времени хорошо видно, что заинтересованность в развитии взаимовыгодных торгово-экономических связей являлась крупным побудительным моментом восстановления, а затем и развития межгосударственных политических отношений. В этой связи интересны приводимые в рецензируемой книге факты из истории японских концессий на советском Дальнем Востоке. Концессии с участием японского капитала на территории СССР, по мнению авторов монографии, «сыграли важную роль в установлении и развитии нормальных отношений между двумя странами. Советский Союз благодаря концессиям привлек японские капиталы для разработки нефтяных, угольных и лесных ресурсов Дальнего Востока, что в определенной степени позволило ускорить восстановление народного хозяйства региона, подорванного гражданской войной и интервенцией. Предоставление концессий позволило также положительно решить вопрос о выводе японских войск с Северного Сахалина, укрепило позиции Советского Союза на Дальнем Востоке и Тихоокеанском регионе в целом» (с. 14).

Стремление к развитию торговли с Советским Союзом, необходимость урегулировать рыболовные отношения со своим соседом и другие экономические интересы побудили деловые круги Японии к активным выступлениям за восстановление государственных отношений с СССР и после второй мировой войны. В этом направлении, в частности, развертывалась в 50-х годах деятельность таких созданных в Японии организаций, как Комитет по ускорению развития японо-советской торговли, Общество содействия японо-советской торговле в парламенте Японии, Ассоциация содействия развитию международной торговли (с. 50). Знаменателен и тот факт, что заключению Декларации о нормализации дипломатических отношений между СССР и Японией предшествовало подписание Конвенции о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана между СССР и Японией, состоявшееся в мае 1956 г. (с. 117).

Но существует и обратная связь: на уровень и темпы развития торгово-экономических отношений оказывает влияние внешнеполитический курс участвующих в них государств, состояние политической атмосферы между ними. Советская линия в этом вопросе однозначна: СССР неизменно выступал и выступает за развитие торгово-экономических связей с Японией на основе равенства и взаимной выгоды.

Позиция японской стороны, напротив, отличалась большими загадками. Так, в довоенные годы с нормализацией двусторон-

них государственных отношений «на основе обоюдного стремления сторон стало возможным, в частности, заключение между СССР и Японией нескольких концессионных соглашений, аналогичных которым по масштабам и срокам действия с другими капиталистическими странами у СССР в тот период не было». С другой стороны, ухудшение политического климата по вине японской стороны «привело к фактическому прекращению взаимной торговли в предвоенные и военные годы» (с. 16—17).

Не отличалась последовательностью линия японских правящих кругов и в послевоенное время. Несмотря на интерес японских деловых кругов к торговле с СССР, торговые связи двух стран до нормализации дипломатических отношений были незначительны, правительство С. Есида фактически проводило политику их сдерживания, а во время агрессии американского империализма против корейского народа в 1950—1953 гг., когда Япония стала плацдармом и тыловой базой для вооруженных сил США, советско-японская торговля фактически прекратилась (с. 17).

Иное положение создалось после нормализации дипломатических отношений между СССР и Японией в 1956 г. и последующего принятия ряда межгосударственных документов, включая Торговый договор. Двусторонние экономические связи «обрели прочную договорно-правовую основу. Получили развитие рыболовные отношения, транспортные перевозки, постепенно стал налаживаться научно-технический обмен. Совершенствовался организационный механизм осуществления экономических связей, регулярными стали взаимные визиты экономических делегаций. Уже к середине 60-х годов Япония превратилась в одного из ведущих экономических партнеров Советского Союза среди развитых капиталистических государств» (с. 18).

Возросший интерес японских деловых кругов к Советскому Союзу как перспективному партнеру в торгово-экономических отношениях и взаимное желание использовать преимущества международного разделения труда и географической близости двух стран привело к созданию в июле 1965 г. Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству. «С началом их функционирования экономические отношения между двумя странами вступили в качественно новый этап своего развития, отныне включая не только традиционные торговые, но и более развитые формы, связанные прежде всего с сотрудничеством в освоении природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока» (с. 19).

В 1968—1971 гг. были сделаны первые шаги по налаживанию советско-японского экономического сотрудничества на компенсаторной основе: между советскими внешнеторговыми объединениями и японскими фирмами были заключены соответствующие генеральные соглашения, связанные с разработкой лесных ресурсов Дальнего Востока, строительством морского порта в бухте Врангеля (порт Восточный), поставками

из Японии соответствующего оборудования и машин. Открывались и значительные возможности сотрудничества СССР и Японии при сооружении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (БАМ).

В 1973 г. в совместном советско-японском заявлении правительствами двух стран была обоюдно признана необходимость форсировать экономическое сотрудничество, в том числе в связи с разработкой природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Была достигнута договоренность содействовать осуществлению экономического сотрудничества, поощрять заключение контрактов между японскими фирмами и соответствующими советскими организациями, содействовать своевременному осуществлению этих контрактов. В развитие этой договоренности и в условиях, когда японская экономика с конца 1973 г. начала входить в полосу самого глубокого и продолжительного в послевоенной истории страны экономического кризиса, японское правительство стало разрешать предоставление Советскому Союзу кредитов государственного Экспортно-импортного банка Японии (до этого времени экономическое сотрудничество осуществлялось с использованием фирменных кредитов). Это позволило «на практике перейти к заключению крупномасштабных долгосрочных соглашений об экономическом сотрудничестве» (с. 76).

Рассказывая о поступательном движении в торгово-экономических отношениях между СССР и Японией, отмечая, в частности, опережающие по сравнению с общим увеличением объема внешней торговли Советского Союза темпы роста товарооборота с Японией в 1971—1975 гг. (24,1% при 18,1% среднегодовых темпах прироста внешнеторгового оборота СССР в целом — см. с. 52), авторы монографии указывают на многие факты, свидетельствовавшие о том, что в отношении японского правительства к торгово-экономическим связям одновременно нарастали негативные тенденции. Все чаще при решении принципиальных вопросов, определяющих дальнейшие перспективы экономического сотрудничества двух стран, правительство стало руководствоваться принципом «неотделения экономики от политики», то есть применительно к СССР сдерживания экономических связей по политическим соображениям.

В книге указывается, что уже в начале 70-х годов «усилилось «оглядывание» Японии на США и другие страны при развитии торгово-экономических отношений с СССР. В Японии участились инспирируемые правыми кругами кампании против расширения торгово-экономических связей с Советским Союзом, попытки все теснее увязывать участие японских фирм в совместных проектах с решением «проблемы северных территорий», с обеспечением «государственной безопасности» страны и т. п. Особенно усердствовали в этой области МИД Японии и Управление национальной обороны» (с. 21). Японская сторона не откликнулась на переданные ей Советским правительством в 1973 г. проект межпра-

вительственного соглашения о принципах экономического сотрудничества и на высказанное в 1976 г. представителям японских деловых кругов советское предложение «о возможной долговременной программе экономического сотрудничества, рассчитанной на 10—15 лет, главным образом за счет более интенсивного использования ресурсов Сибири и Дальнего Востока».

В дальнейшем негативная тенденция «политизации» в подходе японского правительства к проблемам экономического сотрудничества с СССР еще больше усилилась. Это нашло проявление в «попытках правящих кругов Японии увязывать торгово-политический режим в отношении СССР с конкретными политическими проблемами; проведении дифференцированного подхода к СССР и другим социалистическим государствам; воспроизведении в порядке «солидарности» торгово-политического режима (полностью или частично) и ограничений, вводимых другими ведущими капиталистическими странами, в первую очередь США» (с. 38).

С начала 80-х годов, делают вывод авторы книги, торгово-политический режим Японии в отношении СССР «со всей определенностью стал базироваться на принципе «неотделения экономики от политики» (с. 44).

Много места отводится в книге фактам, подтверждающим выгодность торговли и экономического сотрудничества как для СССР, так и для Японии. Кажется, здесь нечего доказывать, ведь торговля не может осуществляться в ущерб одной из участвующих сторон. Тем не менее в Японии находятся люди, стремящиеся представить свою страну как некоторую «жертву» экономических связей с Советским Союзом. Автору настоящей рецензии самому приходилось слышать такого рода нелепые публичные заявления от одного из японских участников научного симпозиума в Саппоро в 1981 г.

Экономические связи между СССР и Японией, неоднократно подчеркивается в монографии, строятся на основе принципов равноправия и взаимной выгоды, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела друг друга. К тому же по большинству направлений взаимных экономических связей СССР и Япония имеют альтернативные варианты, а потому располагают возможностью выбора. «То обстоятельство, что в этих условиях две страны поддерживают экономические отношения на достаточно высоком уровне, говорят о взаимной выгоде в подлинном смысле слова» (с. 191).

Значению взаимных экономических связей отводится немало места, в том числе в специальной главе, посвященной этой проблеме. На конкретных примерах книга рассказывает, как экономическое сотрудничество с Японией помогает Советскому Союзу экономить труд и материальные ресурсы, способствует ускорению технического прогресса, выигрышу времени, в частности при осуществлении советских планов развития экономики в восточных, удаленных

от центра страны районах. С другой стороны, анализируются выгоды экономических связей с СССР для Японии, указывается важность СССР как экспортного рынка для японской промышленности и поставок из Советского Союза для экономики Японии. Отмечается, в частности, что экспорт в СССР обеспечивает работой значительное количество японцев. Это немало важный фактор в условиях сохраняющейся до сего времени тенденции к росту числа безработных. Исходя из размера объема японского экспорта, приходится на одного занятого в экономике, подсчитано, что в 1982 г. изготовлением экспортной продукции для СССР в Японии было занято около 1,4 млн. человек (с. 192).

И напротив, послушное следование диктату США, требующих от своих союзников применения различного рода «санкций» и других ограничений экономических связей с СССР, идет в ущерб национальным интересам Японии, ведет лишь к ослаблению ее позиций на международных рынках. В книге приводится ряд примеров, когда стремление угодить Вашингтону в конечном счете приводило к тому, что многие выгодные крупные заказы, которые Советский Союз намеревался разместить в Японии, передавались в Западную Европу. Западноевропейские конкуренты успешно заполняли «вакуум», образовавшийся в результате отказа Японии от ряда поставок. Весьма красноречивы с этой точки зрения показатели 1980 г., когда США развернули кампанию давления на своих партнеров по НАТО и Японию. Товарооборот Советского Союза с ФРГ вырос тогда на 36 %, с Италией — на 41, с Францией — на 43, с Финляндией — на 49 %, а с Японией его прирост не достиг и 5 %. С учетом роста внешнеторговых цен это означало фактическое сокращение торговли между СССР и Японией (с. 66).

Всему авторскому коллективу монографии присуще стремление выявить и подробно охарактеризовать позитивный опыт в развитии экономических связей СССР с Японией. В книге тщательно исследуются новые перспективные формы взаимовыгодного сотрудничества, но авторы не останавливаются на этом. Каждый из них видит большие неиспользованные резервы, ищет пути и средства приведения этих резервов в действие.

Читатель найдет в книге убедительную аргументацию в пользу осуществления советских предложений о заключении межправительственного соглашения о принципах экономического сотрудничества и о совместной разработке долговременных планов такого сотрудничества между СССР и Японией. Обращается внимание на то, что аналогичные советские предложения давно уже реализованы, введены в практику торгово-экономических отношений Советского Союза с целым рядом высокоразвитых капиталистических стран. Соглашения на уровне правительств о долгосрочном сотрудничестве, которые заключены с Францией, Италией, Финляндией и многими другими странами Запада на 10—15 и

даже 20 лет, учитывают одновременно плановый характер советской экономики и интересы западноевропейских фирм, «создают наиболее благоприятные условия для крупномасштабного и долгосрочного экономического сотрудничества между странами с различными социально-экономическими системами» (с. 83). Создание прочной договорной основы для экономического сотрудничества СССР с европейскими капиталистическими странами позволило некоторым из них отгеснить Японию с первого по объему товарооборота с СССР места, на котором она находилась в начале 70-х годов.

В книге обосновываются, безусловно, с учетом взаимовыгодности, и другие конструктивные предложения, направленные на обеспечение поступательного роста экономических связей с Японией, например: открытие в Японии отделений советских банков, а в СССР — японских (с. 166), заключение межправительственного долгосрочного кредитного соглашения, которое позволяло бы одному из партнеров без излишних формальных процедур получать кредиты, а другому — получать крупные экспортные заказы (с. 169).

В ряде глав содержится обстоятельный рассказ о том, что делается в нашей стране для дальнейшего расширения экономического сотрудничества с Японией. Из этого рассказа видны особенно большие перспективы, открывающиеся с осуществлением грандиозных планов развития экономики восточных районов Советского Союза, тем более что уже и сейчас «чисто сибирский и дальневосточный экспорт, да и то не в полной сумме, дает около 80 % поступлений от советских экспортных поставок в Японию и покрывает около 25 % всего импорта из Японии» (с. 186).

Весьма интересен в этом смысле также обзор состояния и перспектив расширения и совершенствования транспортной системы на Дальнем Востоке, развивающейся бурными темпами и уже сейчас не только обслуживающей нужды советской экономики, но и помогающей Японии в ее торговых связях с другими странами (перевозки грузов иностранных фрахтователей морским, железнодорожным и воздушным транспортом Советского Союза). Заботой о сохранении и расширении биологических ресурсов дальневосточного морского бассейна, рациональном их использовании на основе международных договоренностей проникнута глава об отношениях СССР с Японией в области рыболовства и рыбохозяйственных исследований.

Новая книга, по существу, может служить справочником по торгово-экономическим отношениям СССР с Японией, поскольку содержит самые необходимые сведения об основополагающих совместных документах двух стран, определяющих торгово-экономический режим в настоящее время, цифровой материал, показывающий динамику и структуру внешнеторгового оборота, подробные характеристики состояния экономического сотрудничества, в том числе об осуществленных и ныне действующих

генеральных соглашениях, всесторонний разбор положений в области научно-технических связей, рыболовства, транспорта и валютно-кредитных отношений. Очень ценно, что составители нашли возможным дать в качестве приложения некоторые документы советско-японских отношений и статистические материалы.

Книга тщательно отредактирована, ее научная ценность повышается тем, что она снабжена ссылками на источники и списком использованной литературы. Рецензентом замечено минимальное для такого разностороннего труда количество оплошностей. Из них стоит обратить внимание лишь на одну (чтобы не вводить читателя в заблуждение): подводный тоннель между островами Хонсю и Хоккайдо, названный в книге действующим (с. 198), в действительности не введен, хотя и построен; перспективы его открытия остаются неясными.

В целом можно сказать, что издание рецензируемой книги является удачным началом готовящейся советскими исследователями серии монографий «Торгово-экономические отношения СССР с капиталистическими и развивающимися странами».

А. И. СЕНАТОРОВ,
кандидат исторических наук

* * *

О прошлом, с верой в будущее

М. И. Сладковский. Знакомство с Китаем и китайцами. М., «Мысль», 1984, 381 с.

Китаеведческая литература пополнилась новым интересным изданием — книгой одного из старейших советского востоковедения, члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского «Знакомство с Китаем и китайцами». Выход книги в свет — итог многолетнего кропотливого труда автора, выступающего в новом для себя качестве — очевидца и участника тех или иных событий, связанных главным образом с Китаем.

Рецензируемая книга — своеобразное дополнение к ранним исследованиям автора. Она дает возможность с несколько необычной стороны проследить процесс развития китайского общества в период от Синьхайской революции 1911—1912 гг. до образования КНР, а также развитие отношений между Советским Союзом и Китаем. Этот аспект особенно актуален сейчас, когда некоторые зарубежные исследователи пыта-

ются фальсифицировать историю советско-китайских отношений, приуменьшить роль интернациональной помощи СССР Китаю. Личные наблюдения М. И. Сладковского, документальные материалы, приведенные в книге, позволяют с объективной достоверностью рассказать о конкретных условиях, определявших отношения между двумя странами.

Период знакомства автора с китайцами совпал со значительными изменениями в жизни китайского общества, произошедшими во втором десятилетии XX в. Это было время, когда под влиянием революции 1905—1907 гг. в России угнетенные народы, в том числе и в Китае, поднимались на борьбу за национальное и социальное освобождение, время, которое В. И. Ленин назвал «пробуждением Азии». Синьхайская революция, приведшая к свержению маньчжурской династии Цин, борьба между народно-демократическим правительством Сунь Ятсена и реакционным правительством Юань Шикая всколыхнули весь Китай, положили начало грандиозным переменам в китайском обществе. Как справедливо отмечает М. И. Сладковский, эти события оказали «большое политическое влияние на формирование сознания китайского народа — пробуждение его от многовекового низкопоклонства перед императором, униженного рабства перед эксплуататорами, власть имущими. Эти великие перемены сказались и на китайцах, проживавших на русской земле...» (с. 21).

Коренной переворот в судьбах народов мира, в том числе и китайского народа, произвела Великая Октябрьская социалистическая революция, которую В. И. Ленин назвал мировым переломом, новой главой всемирной истории. Под непосредственным воздействием Октябрьской революции начался новый этап борьбы китайского народа за утверждение Китая как независимого и демократического государства, переход к массовым, организованным выступлениям в общенациональном масштабе.

Значение Октябрьской революции и интернационалистской политики Советского государства для судеб китайской революции выразилось прежде всего в том, что Великий Октябрь, пробив гигантскую брешь в системе капитализма, в огромной степени ослабил давление империалистических держав на Китай и тем самым неизмеримо облегчил национальное освобождение китайского народа. В результате революции Россия не только вышла из числа крупнейших империалистических государств, угрожавших национальной независимости Китая, но и превратилась в страну, твердо вставшую на сторону национально-освободительной борьбы китайского народа.

Идеи Великого Октября были с радостью восприняты и простыми китайцами, проживавшими в России. Они доблестно сражались в рядах Красной Армии на Восточном фронте, проявляли большую политическую активность в пропаганде интернациональной социалистической внешней политики Советской России, принимали активное

участие в китайском революционном движении.

В эти годы все отчетливее просматривался процесс классового размежевания среди китайцев, проживавших в России. «Наблюдения за жизнью и деятельностью китайцев на советской земле, — пишет М. И. Сладковский, — показывали, сколь разнородны они, сколь не похожи друг на друга. Если в рабочей среде было заметно проявление интереса к окружающему, к происходящим событиям, то в другой части китайской общины — среди торгашей, занимавшихся контрабандой золота, ценной пушницы, опиума, — преобладали страх, смятение, злоба. ... Враждебный характер деятельности китайских торгово-ростовщических предпринимателей понимали не только мы, советские люди, но и трудовые китайцы, становившиеся на путь борьбы за революционное обновление Китая. В лице социалистической России они видели надежного друга и союзника» (с. 37—38).

Так впечатления, полученные от знакомства с Китаем и китайцами в детские и юношеские годы, невольно подвели М. И. Сладковского к мысли о необходимости серьезного изучения этой страны и народа, чему он посвятил всю свою жизнь.

С большим интересом читаются главы, повествующие о годах учебы автора на китайском отделении Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета. Это был период, когда партия поставила задачу подготовки кадров новой, «красной», интеллигенции, способной решать грандиозные, не имевшие прецедента в истории задачи построения социалистического общества.

Революционные события в Китае, первые успехи китайского народа в борьбе против милитаристов-феодалов создавали особую политическую атмосферу на Восточном факультете ГДУ, заставляли студентов-китайцев с предельной отдачей работать над овладением новой специальностью. Будущие китаеведы вели политико-просветительную работу среди китайского населения Владивостока, стремясь воспитать стойких борцов за дело китайской революции. «Мы готовились посвятить себя делу обеспечения ленинской внешней политики, — пишет автор, — с честью и достоинством выполнять интернациональные обязанности советских людей, помогать борьбе угнетенных народов за свое национальное и социальное освобождение» (с. 57).

В гущу революционной борьбы китайского народа автору пришлось окунуться очень скоро, уже в студенческие годы. Весной 1926 г. М. И. Сладковский был направлен на практику в Шанхай — город, в котором «движение 30 мая» положило начало китайской национальной революции 1925—1927 гг.

В 1926 г. накал антиимпериалистических выступлений шанхайских трудящихся и студентов оставался еще чрезвычайно высоким. Местная пресса пестрела сообщениями о растущей политической активности рабочего класса, о создании рабочих союзов, о демонстрациях, забастовках. Уже

вскоре после приезда в Китай М. И. Сладковский стал свидетелем борьбы китайского народа против своих угнетателей. На всю жизнь ему запомнилась демонстрация студентов, посвященная годовщине кровавых событий 30 мая 1925 г. — памяти погибших во время антимпериалистической демонстрации. Так, «находясь в Шанхае, — пишет М. И. Сладковский, — мы наблюдали социальную поляризацию китайского общества, предопределявшую неизбежность нарастания классовых битв — борьбы трудового народа за национальное освобождение и социальное равенство» (с. 79).

Как известно, уже в то время Советский Союз по просьбе Сунь Ятсена оказывал Китаю необходимую помощь. В середине 20-х годов в Южном Китае находилась значительная группа советских добровольцев, советников и инструкторов. С их помощью была создана военно-политическая школа Вампу и Национально-революционная армия. 20-летний практикант М. И. Сладковский также принял активное участие в помощи китайской революции. По просьбе китайских товарищей он начал вести занятия на историко-литературном факультете Шанхайского университета, который был по существу превращен китайскими коммунистами в политическую школу КПК. Автору воспоминаний приходилось не только преподавать основы политэкономии, исторического материализма, историю Коминтерна, но и подробно рассказывать студентам о жизни нашей страны, советского народа, о которой буржуазная пресса распускала злобные небылицы.

«Семимесячное пребывание в Шанхае, — признается М. И. Сладковский, — один из ярких, навсегда запомнившихся периодов моей жизни. То было интересное время! Я видел революционный Шанхай, встречался с истинными китайскими революционерами, восторгался искренностью их дружеских чувств к советскому народу, Родине Ленина, пониманием ими роли Великой Октябрьской социалистической революции в судьбах трудящихся всего мира» (с. 102).

Окончание Дальневосточного университета открывало перед молодыми специалистами, в том числе и перед М. И. Сладковским, получившим распределение во внешнеторговую организацию Дальгосторг, широкие перспективы использования своих знаний и энергии для развития отношений с соседним Китаем. Однако реальная действительность внесла свои коррективы.

Контрреволюционный переворот Чан Кайши в Шанхае, поражение революции в 1927 г. привели к изменению в расстановке классовых сил в Китае. Управление государством перешло к новому правящему слою, который состоял главным образом из гоминьдановских милитаристов и политиканов. Внешняя политика режима Чан Кайши определялась стремлением укрепить свое положение за счет признания и поддержки со стороны империалистических держав и выторговать у них определенные уступки. Чтобы заручиться поддержкой империалистов, чанкайшистская группировка заняла враждебную позицию по отношению к

СССР, развернула антисоветскую кампанию, преднамеренно пошла на обострение отношений с Советским Союзом.

27 мая 1929 г. харбинская полиция ворвалась в здание генерального консульства СССР в Харбине и арестовала всех находившихся там советских граждан. В июле того же года китайские власти захватили КВЖД. Гоминьдановские войска и бело-бандиты начали совершать налеты на территорию СССР. Обстановка на границе с Маньчжурией становилась все неспокойнее. В эти дни М. И. Сладковский, как и его товарищи, был призван в ряды Красной Армии для выполнения своего гражданского долга по защите рубежей Родины. Благодаря решительным действиям советской стороны конфликт был урегулирован и автор воспоминаний получил возможность вернуться к любимой работе.

К середине 30-х годов стала очевидна полная несостоятельность политического курса правого гоминьдановского правительства во главе с Чан Кайши, приведшего китайское общество в состояние глубокого кризиса.

М. И. Сладковский, вернувшийся на работу в Наркомат внешней торговли, в 1934—1935 гг. побывал в Китае, выполняя жизненно важное для нашей страны задание по изысканию дополнительных резервов получения валютных средств, столь необходимых для нужд социалистического строительства. Вместе с тем, вольно или невольно он становился свидетелем сильного идеологического и политического брожения в китайском обществе. «Общее впечатление, сложившееся у меня от встреч и бесед с представителями различных социальных прослоек, — отмечает М. И. Сладковский, — сводилось к тому, что все китайцы ожидают каких-то коренных перемен, хотя каждый представляет их по-своему, но одинаково. Утешительным для меня было то, что я не встречал китайцев, которые разделяли бы откровенно антисоветские взгляды» (с. 252). Более того, работники советских учреждений в Китае отмечали растущий интерес к СССР со стороны китайцев, в том числе со стороны правящих гоминьдановских кругов. События последующих лет подтвердили эти наблюдения.

В 1937 г. в связи с вторжением Японии во Внутренний Китай китайское правительство обратилось к Советскому Союзу за военной и экономической помощью. 21 августа между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении. Подписанный в самый тяжелый для Китая момент, договор нанес серьезный удар агрессивной политике Японии, которая рассчитывала, что ее противник окажется в международной изоляции. Сразу же после подписания договора Советский Союз оказал Китаю и материальную помощь. Уже в начале 1938 г. между правительствами двух стран было подписано соглашение о предоставлении Советским Союзом кредита на сумму 500 млн. долл. с использованием частями по отдельным соглашениям.

Получив назначение на пост начальника

дальневосточного сектора Восточного управления НКВД, М. И. Сладковский принял участие в разработке советско-китайского торгового договора 1939 г., в обеспечении сооружения автомобильной дороги через Синьцзян, строительства авиасборочного завода в Синьцзяне.

Большое значение в борьбе Китая против японских захватчиков имела морально-политическая поддержка со стороны Советского Союза. СССР неизменно поддерживал связи со всеми общественными организациями и политическими течениями, которые на деле вели борьбу за освобождение Китая, выделяя, естественно, Коммунистическую партию Китая как наиболее передовой, боеспособный отряд китайских трудящихся.

Вступление СССР в войну против милитаристской Японии, позиция Советского Союза по отношению к китайскому революционному движению после разгрома японского милитаризма ознаменовали наступление качественно нового этапа советской интернационалистской политики оказания помощи китайскому народу.

Капитуляция Квантунской армии под сокрушительными ударами советских войск создала исключительно благоприятные условия для победоносного развития народной революции. Советское командование передало НОАК большое количество трофейного японского оружия, оказало содействие в реорганизации ее войск, в обучении руководящего ядра китайской революционной армии.

Трудно переоценить огромное значение для победы китайского народа экономической, хозяйственной и организационной деятельности советских органов по созданию и укреплению Маньчжурской революционной базы. Советский Союз помогал восстанавливать промышленность, речной и железнодорожный транспорт, оказывал содействие в обеспечении предприятий сырьем, населения продовольствием, медикаментами, товарами повседневного спроса. Многие из этих проблем приходилось решать Наркомату внешней торговли и, в первую очередь, начальнику Восточного управления М. И. Сладковскому.

Всесторонняя помощь и поддержка Советского Союза превратила бывшую колонию японского империализма Маньчжурию в самый передовой район Китая, центр прогрессивных общественных движений на заключительном этапе китайской революции. Именно с Маньчжурской революционной базы началось победоносное наступление народно-освободительных войск, завершившееся разгромом гоминьдановских армий и образованием Китайской Народной Республики.

Советский Союз стал первым государством, признавшим Китайскую Народную Республику и ее правительство и скрепившим свои отношения с Китаем Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи. И нам понятны чувства участника первых переговоров между СССР и КНР М. И. Сладковского, который по праву причисляет себя к тем, «кто искренне и

твердо верил в исторически обусловленную закономерность сближения и дружбы первого в мире социалистического государства — СССР — с революционным Китаем!»

В заключение следует отметить, что удачно найденное сочетание личных воспоминаний со строгой документальностью и экскурсами в прошлое выводит книгу далеко за рамки чисто мемуарной литературы, придает ей характер научного исследования, имеющего актуальное политическое звучание. Хочется поблагодарить автора за книгу, которая будет полезна не одному поколению китаеведов.

В. В. СЕМЕНОВ

Уроки, которые нельзя забывать

W. Burchett. The China — Cambodia — Vietnam Triangle. Chicago — London, Vanguard Books; Zed Press, 1983, 235 p.

Известный австралийский журналист У. Бэрчетт, объясняя в журнальной заметке, что побудило его издать в 1983 г. в исправленном и дополненном виде книгу, впервые увидевшую свет в 1981 г., писал, что она призвана служить напоминанием тем, кто склонен, исходя из сиюминутных политических соображений, закрывать глаза на чудовищные преступления полпотовцев. Это напоминание и тем представителям интеллигенции на Западе, которые вновь начинают поговаривать об «интересном опыте» некой «радикальной социальной революции» в полпотовской «демократической Кампучии». Наконец, это предупреждение о том, к каким последствиям может привести выросшее на чахлай идеологической почве Яньани, но оказавшееся живучим учение, будь то в практике полпотовцев, их духовных двойников в джунглях других стран ЮВА, в действиях «Сендеро луминосо» в Перу или где бы то ни было еще. Именно этим пафосом — не дать повториться одному из самых чудовищных эпизодов XX в. — пронизана рецензируемая книга, вышедшая уже после смерти автора (У. Бэрчетт умер осенью 1983 г.) и как бы завершающая его более чем 40-летнюю карьеру политического журналиста. С суждениями У. Бэрчетта далеко не всегда можно согласиться. Этот видный представитель «независимой» журналистики — фигура достаточно сложная и неоднозначная. Вместе с тем глубоко символично, что после книги

«На баррикадах: сорок лет на острие истории»¹, задуманной как своеобразное подведение итогов жизненного пути. У. Бэрчетт считал необходимым вновь сесть за пишущую машинку, чтобы подвергнуть уничтожающей критике феномен полпотовщины.

В первых двух главах рецензируемой книги, посвященных предыстории событий, развернувшихся после 1975 г., историк и публицист найдет немало любопытных фактов, рассказывающих о том, как складывался и «программировался» будущий конфликт между полпотовской «демократической Кампучией» и Вьетнамом. Интересны, в частности, свидетельства из первых рук, проливающие свет на вопрос о том, что НФОЮВ и ДРВ признали еще в 1968 г. границы Кампучии. Сведения автора на этот счет вполне авторитетны: ведь он был лично знаком с Сянуком (и даже написал в соавторстве с ним в 1973 г. книгу «Моя война с ЦРУ»²). Именно через У. Бэрчетта Сянок и Председатель ЦК НФОЮВ Нгуен Хью Тхо обменялись посланиями по этому вопросу (подробно об этом рассказывается на с. 137—140 этой книги). Весьма познавательны страницы рецензируемой книги, рассказывающие о Женевской конференции 1954 г.

Но, пожалуй, наибольший интерес вызывает глава, посвященная полпотовской Кампучии. Из нее читатель не только узнает леденящие подробности чудовищной безжалостности и садизма полпотовских функционеров. В ней предпринята попытка разобраться в вопросе о том, как во второй половине XX в. мог возникнуть и функционировать подобный режим. Анализ этой проблемы уже предпринимался в отечественной литературе, намечался подход к ней и в литературе зарубежной³. При этом справедливо указывалось на особую роль в формировании программы полпотовцев «теоретических изысканий» идеологов режима — Ху Юна и Ху Нима, — которым не довелось стать очевидцами «становления» и «укрепления» предсказывавшегося ими «нового, чистого общества», якобы свободного от «городской скверны» и «пережитков феодализма и капитализма», — в процессе «чистки» оба они были казнены полпотовцами.

Полпотовская «демократическая Кампучия» была полигоном крупного социального эксперимента по реализации реакционной утопии. Целью ее было создание невиданного в истории «чистого» общества с «пра-

вильной» организацией, каждый член которого был бы перассуждающим, лишенным «ненужных» мыслей винтиком, роботом, слепо повинующимся тому, что ему предписывается свыше.

В качестве рабочей «программы» продвижения к этой цели были избраны два направления — «очищение» общества сверху (перманентная чистка кадров, ликвидация всех «зараженных» симпатиями к Сянуку и окружавшим его людям, Вьетнаму, «капитализму» и т. д.), и «оздоровление» общества снизу.

У. Бэрчетт пишет, что полпотовцы в своей «теории» и практике разделили общество как бы на три категории (в некоторых деталях приводимая им полпотовская «стратификация» общества отличается от той, которую дают советские исследователи⁴). Первую категорию составляли функционеры «Ангка» («Ангка» или «Ангка лой» — «организация свыше»), то есть механизм режима. Во вторую входили жители «старых освобожденных районов», в третью — все остальные жители сельскохозяйственных районов, контроль над которыми полпотовцы получили после захвата власти в стране, а также все горожане. Из числа третьей категории немедленной ликвидации подлежала «буржуазия», в которую зачислялись все функционеры донпотовского режима, в том числе учителя, почтмейстеры, землемеры, медработники и пр., а говоря уже о правительственных чиновниках, офицерах и т. д. Кхмерское выражение «самбор бел», использовавшееся полпотовцами для обозначения «буржуазии», которая подлежала ликвидации, строго говоря, означает всех, кто «лучше живет» — лучше одевается, лучше питается, лучше образован, пользуется какой-то степенью комфорта, так что под эту категорию со всеми вытекающими последствиями подпадали очень широкие слои населения.

Статус третьей категории в существующих элементах был статусом государственных рабов. Эти люди были прикреплены к земле, не пользовались свободой передвижения, однако они не продавались и не покупались, так как отсутствовал товарообмен (с. 93). Таким образом, была возрождена традиция феодальной Кампучии, по которой военнопленные становились государственными рабами. В своих документах полпотовцы называли третью категорию населения именно «военнопленными» (с. 92).

При этом предполагалось, что третья категория в течение нескольких лет сама собой вымрет от голода и болезней, чему следовало по возможности способствовать, и ее положение в качестве рабов займет вторая категория. По мере того как усиливался голод, указывает У. Бэрчетт, разница между «старым» и «новым» населением становилась практически неразличимой. Первоначально «старое население» имело, например, такую «привилегию», как право питаться фруктами и овощами, выращенными им самим или собранными в лесу, в

¹ W. Burchett. At the Barricades: Forty Years on the Cutting Edge of History. Chicago, 1981.

² N. Sihanouk. My War with the CIA. New York, 1973.

³ См., напр.: Кампучия: от трагедии к возрождению. М., 1979; Р. Косолапов. Оскорбление идеи. — «Коммунист», № 14, 1979; Ю. П. Деметьев. Кампучия — крах маоистского эксперимента. М., 1979; История Кампучии. Краткий очерк. М., 1981.

⁴ См.: История Кампучии, с. 228—229.

то время как представителей третьей категории ждала за это немедленная казнь (с. 103). Через два с половиной — три года вторая категория лишилась практически всех своих «привилегий» (с. 94).

Дело в том, что представителям второй категории была уготована та же судьба, что и третьей — они должны были постепенно вымереть (чтобы ускорить этот процесс, их в массовом масштабе уничтожали), и тогда уже все общество состояло бы только из «чистых и твердых» людей — роботов, повинующихся правящей элите. Система, разработанная последней, была идеально приспособлена для выполнения такой задачи — для воспроизводства умственно, душевно и психологически кастрированных исполнителей (с. 119).

Почти невозможно поверить, но это факт: полпотовская элита поставила задачу «сократить» население страны в течение нескольких лет с более чем 7 млн. человек до одного миллиона, то есть уничтожить несколько миллионов кампучийцев. Впрочем, один высокопоставленный деятель заявил по иномпеньскому радио, что возможно сохранение «двух миллионов человек» после того, как вьетнамцы будут «стерты с лица земли» (с. 110). У. Бэрчетт считал необходимым проанализировать механизм передачи политических установок из центра на места и пришел к выводу, что эта людоедская цель была не изобретением отдельных чиновников на местах, а определялась всей государственной политикой.

Полпотовская реакционная утопия была вовсе не так далека от реализации, как иногда утверждают на Западе. «Красным кхмерам» удалось создать систему, действовавшую достаточно эффективно. Основными ее элементами были чудовищный террор, запугивание населения и его изоляция. Деревни не имели какой-либо связи между собой. Различные группы населения — дети, подростки, женщины, мужчины, старики — также не могли общаться между собой. Попытки протеста, оставшийся быстро локализовались, а их участники ликвидировались.

Довольно эффективной была и система организации власти на местах, державшаяся на доносах и терроре. Последовательно проводя в жизнь по-своему толкуемый лозунг «социальной революции», понимаемой как полный переворот всех общественных отношений, «красные кхмеры» старались выбирать деревенских старост и прочих местных функционеров из людей никчемных и презираемых в общине и не ошибались — в этих людях, как правило, просыпались требуемые упоение властью и садизм.

Создавая свое «чистое общество», полпотовцы делали особую ставку на сельскую молодежь, считая ее «чистым листом бумаги». Крестьянскую молодежь изолировали от всякого социального влияния, например со стороны семьи или деревенской общины, и «программировали» по-своему эффективной системой воспитания, приспособленной к максимализму и стремлению упрощать, которые свойственны этому воз-

расту. В какой-то мере можно говорить, что такая система воспитания (описание ее читатель найдет в главе «Доводя до кондиции «чистых и твердых», с. 121—135) подлаживалась под жестокие законы и железную дисциплину, характерные для подросткового коллектива в условиях полной самостоятельности и независимости от мира взрослых — типа бурсы или колонии малолетних преступников. К наблюдениям У. Бэрчетта добавим, что Пол Пот и его окружение умело использовали в своих целях такие качества крестьянской молодежи, как полная политическая неразвитость, крайне низкий общеобразовательный уровень, ограниченный жизненный опыт и т. д.

Детей в возрасте 4—5 лет (в некоторых районах — 6—7 лет) отделяли от семьи и воспитывали в особых «отрядах», где они занимались физическим трудом под наблюдением взрослых и подвергались ежедневным урокам индоктринации. Исклучение составляли дети «нового» населения (с. 126). О методах воспитания подрастающего поколения говорит описание «уроков» садизма (по материалам опросов и из мемуаров Сианука «Хроника войны и надежды»). Их учили мучить животных, начиная с мышей, ящериц, затем — кошек, собак и обезьян. Сианук рассказывает, как десятилетние мальчишки — «йотэ» («солдаты») бросали обезьян в пруд на съедение крокодилам, а через какое-то время уже спокойно проделывали это со своими провинившимися сверстниками (с. 126—127).

Как говорят десятки свидетельств, полпотовские солдаты не испытывали и не могли испытывать каких-либо угрызений совести или сочувствия к своим жертвам. Для них убийство было работой, и от хорошо выполненной «работы» они получали удовлетворение. «Все без исключения, с кем я разговаривал, — пишет У. Бэрчетт, — подчеркивали веселье ненормальных, с каким эти юные палачи обращались со своими ужасно выглядевшими физически истощенными жертвами. Отпуская шуточки насчет крепости черепа той или иной жертвы и обсуждая, сколько ударов понадобится, чтобы расколоть его» (с. 129). В выборе орудий убийства полпотовцы явно следовали своеобразной символике, подчеркивавшей их «самообеспечение» и «близость к земле»: чаще всего это были мотыги, лопаты, бамбуковые шесты, серпы, зазубренный край пальмового листа и т. д.

«Хороший» красный кхмер должен был сознательно подавлять в себе все человеческие качества, так как проявления чувства дружбы, привязанности и т. д. считались индивидуалистической тенденцией и должны были искореняться наряду с другими «пережитками капитализма» (с. 119).

Триумфом является утверждение, что тирания и деспотичность неизбежно сопровождаются коррупцией и лихоимством. Не избежало этого и «новое чистое общество» полпотовцев. Функционеры «Ангка» задерживали сводки о числе погибших, а их рацион обменивали на золото, драгоценности и т. д. (с. 117).

В главе «Отношения в треугольнике» рас-

сказывается о том, как из-за маннакальной ненависти полпотовцев к социалистическому Вьетнаму, к вьетнамскому народу, поощрявшейся внешними силами, разгорался, а затем перерос в настоящую войну пограничный конфликт между «демократической Кампучией» и СРВ. Подробное описание провокаций полпотовцев, отвергавших все предложения вьетнамской стороны разрешить вопрос путем переговоров, служит хорошим напоминанием тем, кто цинично заявляет о приверженности принципам невмешательства во внутренние дела, уважения суверенитета и тому подобное, обвиняя Вьетнам во «вторжении» в Кампучию и не желая видеть, в какой обстановке, на фоне каких событий было принято вьетнамским руководством нелегкое решение о контрударе по полпотовцам — почти через два года после того, как в июне 1977 г. руководство «ДК» приняло резолюцию, гласившую: «Вьетнам для нас — враг № 1, наш всегдашний враг. Мы должны готовиться к нападению на Вьетнам» (с. 149).

У. Бэрчетт полагает, что международная поддержка Вьетнама в его борьбе против полпотовцев была бы неизмеримо большей, если бы СРВ раньше предала гласности факты нападений «ДК» на вьетнамскую территорию, которые сопровождалась резней мирного населения, допустила бы в пограничный район иностранных журналистов и т. д. Но дело в том, что руководство Вьетнама сразу не обнародовало факты нападений на СРВ полпотовцев, стремясь не дать им таким образом повода отказываться и дальше от переговоров. С точки зрения политической доброй воли позиция СРВ, конечно, гораздо предпочтительней, чем позиция властей Таиланда, которые в 1977 г. опубликовали «Белую книгу МИД» о нападениях полпотовцев на их страну, а спустя два года открыли им объятия, вскармливая и вооружая их на своей территории для борьбы против кхмерского народа и тех, кто пришел к нему на помощь, — и все исходя якобы из «принципиальных» соображений, выставляя себя защитниками «невмешательства» и «уважения суверенитета».

В главах «Роль Китая» и «Китай готовится напасть на Вьетнам» (с. 165—193) автор описывает роль Китая в конфликте между полпотовцами и СРВ. Особый интерес тут представляют цифровые данные о поставках оружия, в том числе тяжелого, в Кампучию, условия его обслуживания китайскими расчетами и экипажами и т. д.

Главу «Кампучия возрождается — что ждет ее впереди?» (с. 193—222) автор не стал или же не смог переделать, и она осталась в том же виде, в каком была опубликована в 1981 г. У. Бэрчетт задавал в 1981 г. вопрос: сможет ли кхмерский народ выжить, возродить древнюю культуру Ангора? Жизнь уже дала на него убедительный ответ. Ныне Народная Республика Кампучия, признанная тридцатью пятью государствами, — член братской семьи государств Индокитая, строящих социализм, она поддерживает тесные отношения дружбы и сотрудничества с социалистическими

странами и пользуется немалым авторитетом на международной арене. Ее народ под руководством своего марксистско-ленинского авангарда — Народно-революционной партии Кампучии — уверенно строит светлое будущее, залечивая страшные раны, нанесенные полпотовцами, которым нет и никогда больше не будет места на кампучийской земле.

И. С. ГАЛИЧЕВ

• • •

В Пекине и Нью-Йорке

Л. Н. Кутаков. От Пекина до Нью-Йорка. Записки советского ученого и дипломата. М., «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1983, 271 с.

Советская мемуарная литература о Китае пополнилась новой книгой — воспоминаниями Леонида Николаевича Кутакова, видного советского ученого, одно время работавшего проректором по научной части МГИМО, автора ряда исследований по истории и теории международных отношений и крупного дипломата, ответственного сотрудника посольства СССР в Японии, а позже заместителя генерального секретаря ООН.

Следует сразу же отметить, что книга Л. Н. Кутакова относится к тому виду воспоминаний, которые можно квалифицировать как научные мемуары. Это не только личный опыт работы в Китае и ООН, не только описание встреч автора с известными руководителями КНР, китайскими дипломатами, работниками системы подготовки кадров для внешнеполитических ведомств Китая, организаторами и преподавателями, с видными международными деятелями и работниками ООН. Это и не только описание личных впечатлений от событий и явлений китайской действительности (Л. Н. Кутаков много ездил по стране) и международной жизни или жизни Организации Объединенных Наций и различных ее институтов. «Документальные записи бесед в КНР, протоколы заседаний Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Безопасности и других органов ООН и международных организаций, официальные документы и публикации, пресса и мемуары позволили уточнить и проверить впечатления, сохранившиеся в памяти о тех временах, и придать настоящим запискам документальную достоверность», — пишет автор.

Некоторым читателям может показаться непривычной структура материала. Исторические экскурсы могут быть восприняты как отклонения, не свойственные жанру. Однако и документальная основа, и историзм описа-

ния у Л. Н. Кутакова — свидетельства стремления к глубокому и всестороннему научному анализу событий, что и рождает этот вид мемуаров с научным трудом. Отсюда не только их достоверность, достоверность наблюдений непосредственного свидетеля и участника этих событий, но и научная убедительность, методологическая точность в выработке оценок и выводов, касающихся как социальных явлений, так и политических портретов. Сама структура книги представляет собой научное соединение исторического и логического. Это не только хроника виденного, но и логическая соподчиненность процессов и явлений. Это не только факты, но и связи между ними, их закономерность, соотношение фактов и социальной закономерности. Это именно то, чему учил В. И. Ленин при определении позиции рассмотрения событий общественной жизни.

Четыре из десяти глав книги посвящены работе и пребыванию в Китае (1955—1957), а также событиям, предшествовавшим этому периоду и имевшим продолжение в последующие годы. Здесь Л. Н. Кутаков блестяще преодолел соблазн, свойственный поверхностному мемуаристу, соблазн свести дело к описанию собственного участия. Читатель видит и осознает, что автором движет здесь иное — глубокое, искреннее сочувствие, безразличие к судьбам китайского народа и китайской революции, отношение личной причастности к этим судьбам, искренняя человеческая заинтересованность в выполнении общественного, интернационального долга.

Л. Н. Кутаков работал в Китае главным советником директора Пекинского дипломатического института и одновременно был руководителем группы советских специалистов. Он прибыл в КНР в то время, когда дружественные чувства советских людей к китайскому народу уже проявились во всей полноте, когда, пожалуй, в наибольшей мере их характеризовал энтузиазм помощи братской стране в деле социалистического созидания, пристрастный энтузиазм сотрудничества наших стран между собой и в международных отношениях в целом. Одним из участков этой вдохновенной деятельности была работа по подготовке социалистических дипломатов Китайской Народной Республики. Но вместе с тем это был период подспудного вызревания тех процессов в политической жизни и идеологии руководства КНР, которые привели позже к коренному изменению отношения Пекина к СССР, советскому опыту, принципам пролетарского, социалистического интернационализма. Тогда это были лишь первые, малозаметные признаки. Л. Н. Кутаков очень продуманно и взвешенно отмечает сложность многих явлений жизни Китая и личных характеристик деятелей, с которыми пришлось работать или встречаться.

На протяжении первого десятилетия в КНР трудилось более 10 тыс. советских специалистов, в СССР прошли обучение и стажировку более 8 тыс. китайских специалистов, более 11 тыс. студентов закончили советские вузы, в том числе МГИМО. С выпускниками этого института автор неоднократно

встречался в ходе своей дипломатической деятельности. Китайские руководители в то время не раз высоко оценивали опыт и помощь СССР, советского народа, выступая против недооценки дружбы наших народов (с. 15). Значение этой помощи подтверждалось успешным выполнением первой пятилетки КНР (1953—1957) в области экономики и культуры. В то же время Л. Н. Кутакова удивляли некоторые «мелочи», многим казавшиеся преходящими, — то кто-то из сотрудников проповедует формулу «великая китайская цивилизация» или подчеркивает идею превосходства китайского искусства над всяким прочим, то неожиданно для многих специалистов Китая в ходе реформы письменности принимается латинский алфавит, а то и раздаются выстрелы по автомобилю с советскими специалистами.

Эти сложности были еще более заметны непосредственно в том деле и той среде, где работал Л. Н. Кутаков, в его консультативной и лекционной деятельности (автор мемуаров читал общий курс истории международных отношений в новейшее время профессорам, преподавателям и аспирантам названного института). С помощью советских товарищей были разработаны эффективный учебный план и организационная структура института, было перестроено содержание преподавания. Любопытную картину представляли тогда студенты, курсанты и преподавательский состав. Почти половина слушателей были выходцами из буржуазной среды (из рабочих — менее 20%). Члены КПК и комсомола среди студентов составляли почти две трети, а среди преподавателей партийная прослойка была чуть более 20%, зато преобладали последователи Арнольда Тойнби и Ганса Моргентау. Кадров с фундаментальной марксистско-ленинской подготовкой практически не было. Автор с большой теплотой и объективностью рассказывает о деятельности и облике официального директора института, кандидата в члены Политбюро ЦК КПК, первого заместителя министра иностранных дел КНР Чжан Вэньтяня, который проводил последовательную линию на подготовку марксистско-ленински образованных специалистов. И другая деталь, другой портрет — тяжелая фигура с тяжелым взглядом — Мао Цзэдун произносит фразу о том, что скоро придет время, когда «все страны будут приглашать нас принять участие в решении мировых проблем»...

То были годы, когда в Китае разворачивалась работа по производству ядерного оружия. «Непостижимым» образом из США в КНР переехали более 100 крупных ученых китайского происхождения — физики и математики. Позже автор воспоминаний задал вопрос, как сумели в КНР без соответствующей научно-технической базы создать собственное ядерное оружие, М. Хальперину, профессору Гарвардского университета. Ответ был таков: «Можно допустить, что китайский ученый, работавший в США, в университете Беркли, и каким-то путем оказавшийся в Китае, помог своей стране».

...Президент Сукарно и его попытки посредничать в китайско-индийском конфликте, дело «Амерэйша» и метаморфозы биографии

Дж. Сервиса¹ — эти и многие эпизоды читаются в воспоминаниях с захватывающим интересом. И в то же время с тревогой, особенно когда автор излагает главные тезисы доклада Цяо Гуаньхуа, касавшиеся положения в Юго-Восточной Азии: растет число браков между китайцами и кхмерами; в жилах Сианука — китайская кровь; со странами ЮВА хорошие отношения, поскольку там много китайцев; помощь вьетнамскому народу оказана в виде оборудования для текстильной и спичечной промышленности, трудности лишь с мусульманскими странами региона. Уже тогда обнаруживался «своеобразный» подход Пекина к проблемам Юго-Восточной Азии, а это был лишь конец 1956 г. Уже тогда прозвучал тезис о «ряде исторических несправедливостей по вине империализма» как основание для территориальных претензий почти ко всем соседям КНР — невиданный случай в истории международных отношений (с. 43—53).

Минуло почти тридцать лет, в ходе которых то и дело вспыхивал китайско-индийский конфликт, «странная помощь» ДРВ вылилась в «странную войну» с Социалистическим Вьетнамом, «китайский опыт» в Кампучии поставил страну на грань национальной катастрофы, действительная помощь афганским басмачам сегодня «сменила» не столь уже давние провокации на китайско-советской границе, «нормализация» и «декларация китайско-американской дружбы» шли параллельно китайско-советским переговорам и очередной пропагандистской кампанией по поводу «отторгнутых территорий». Обо всем этом сегодня не может не думать советский читатель, знакомясь с воспоминаниями Л. Н. Кутакова. Вновь пущена в ход изобретенная в конце 60-х годов «теория единой китайской нации»: Китай всегда существовал как многонациональный государственный конгломерат, независимо от смены династий и правящей национальности, почему все неханьские народы Китая и ряд народов соседних стран суть части «единой китайской нации», их территория — часть государственной территории Китая, а те земли, что не входят сегодня в границы КНР, — «утраченные» китайские земли. По этой логике казахи, киргизы и таджики всегда обитали в пределах Китая². Теперь, как пишут в Пекине, все эти народы «выходят за рамки национальных и классовых интересов... ради сплоченности и пользы единой китайской нации»³. «Вопрос о советском Дальнем Востоке и Средней Азии приравнивается к вопросу о Тайване и Гонконге»⁴. Л. Н. Кутаков исторически подходит к явлению великоханьского национализма (с. 56—57). Вывод о том, что не Мао Цзэдун

его «изобрел», делает это явление значительнее, а проблему серьезнее.

Вместе с тем мы читаем у Л. Н. Кутакова немало страниц, посвященных дружественным отношениям между советскими и китайскими специалистами в работе и на отдыхе, в Пекине и во время интересно описанных автором в главе «По Китаю» поездок по стране, о которых рассказано с большой человеческой заинтересованностью и любовью. Впечатляют страницы, посвященные Порт-Артуру; богатейший калейдоскоп образов: Шу И и русские из Дунбэя, вернувшиеся на Родину; причудливые переплетения событий и судеб, например, судьбы тайваньского дипломата с японской оккупацией Тайваня и революцией в России (с. 197—198).

Глава «На распутье» посвящена завершающему этапу работы Л. Н. Кутакова в Пекине и вместе с тем — событиям, приведшим к тому, что воспользоваться приглашением продолжить работу в КНР не смогли ни автор воспоминаний, ни его советские коллеги. В 1958 г. издательство «Жэньминь жибао» выпустило книгу Л. Н. Кутакова «Новейшая история международных отношений», в качестве учебника она использовалась не только в Китае, но во Вьетнаме и других странах. Руководство Дипломатического института, подводя итоги работы специалистов, отметило, что с их помощью за два года создана по существу заново система управления институтом, обеспечены эффективность и высокий уровень преподавания, профессоры и студенты по-новому, по-настоящему серьезно стали относиться к делу и т. д. (с. 101—102). От имени премьера Госсовета КНР Л. Н. Кутаков и его товарищи (среди которых был и известный китайцевед А. М. Дубинский, последние годы работавший в ИДВ АН СССР) были награждены медалью «Китайско-советская дружба». А в июле 1957 г. по распоряжению того же Чжоу Эньлая в институте прекращено изучение марксистско-ленинской теории. В годы «культурной революции» институт практически был закрыт, Чжан Вэньтянь репрессирован и вскоре умер, отозваны все послы КНР за рубежом (кроме Хуан Хуа, бывшего помощника Чжоу Эньлая). В 1970 г. институт возобновил свою деятельность уже в ином качестве...

С 1965 по 1973 г. Л. Н. Кутаков работает в ООН. История этой организации, отразившая глубокие перемены в мире, встречи на американской земле, обсуждение и существо важнейших событий тех лет описаны и охарактеризованы автором с увлеченностью свидетеля и тщанием ученого. Автор воспоминаний большую часть этого периода — заместитель Генерального секретаря ООН У Тана по политическим вопросам и по делам Совета Безопасности, руководитель соответствующего департамента Секретариата ООН.

Конфликт на Ближнем Востоке, агрессия США во Вьетнаме, события в Африке и Латинской Америке — не просто объекты наблюдения, а объекты работы. Этому посвящены три главы мемуаров. Но интерес автора к Китаю не иссякает, тем более что одна из острых проблем ООН тех лет — пос-

¹ Материал об этом уже публиковался в нашем журнале; см. также статью профессора М. Ф. Юрьева в настоящем номере.

² См.: «Синьцзян дасюе сюебао», 1983, № 1—2, с. 18.

³ «Хунци», 1984, № 3, с. 23.

⁴ См.: «Цзиньдайши яньцзю», 1983, № 2, с. 55—56.

становление законных прав КНР в ООН. Огромные перемены в мире, рост прогрессивных сил, укрепление и развитие социалистического содружества, огромные усилия Советского Союза на международной арене, подчеркивает автор, привели к тому, что многим казалось невероятным в 50-е и даже 60-е годы, — понурые представители Тайваня вынуждены убраться с сессии ГА ООН, их место заняли дипломаты КНР. Историческая справедливость восторжествовала. Но соответствовали ли действия представителя КНР в ООН этой справедливости и ожиданиям народов? Вопрос этот возник не в 1971 г., но намного раньше, о чем авторитетно и убедительно свидетельствует Л. Н. Кутаков как непосредственный участник событий.

...7 ноября 1956 г. на приеме в гостинице «Пекин» китайцы восхищенно поздравляли советских гостей с победой советской дипломатии — прекращением империалистической агрессии против Египта. А 7 июня 1967 г. Хуан Хуа, посол в Египте, по поручению Мао Цзэдуна рекомендовал Насеру не соглашаться на прекращение огня, на чем в ООН настанвал СССР. Насер отверг эти рекомендации. Позже китайская дипломатия, уклоняясь от осуждения Израиля, вела активную пропаганду тезиса о «столкновении интересов сверхдержав» и о «советском экспансионизме» на Ближнем Востоке. Только летом 1979 г. Китай заявил о необходимости вывода израильских войск с захваченных территорий, о поддержке законных прав народа Палестины, о необходимости всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы. Но тезис о «схватке сверхдержав» остался основой позиции Пекина. В марте 1965 г. Китай отказался обвинить США в нарушении Женевских соглашений 1954 г. по Индокитаю, отказался от принятия конкретных мер по защите ДРВ и от участия во встрече по этому вопросу представителей ДРВ, СССР и КНР на высшем уровне. Это был даже не нейтралитет, когда в КНР мешали Советскому Союзу доставлять грузы во Вьетнам, и советские суда были вынуждены плыть, обгибая Африку, чтобы попасть в Хайфон. В 1973 г. на сессии Совета Безопасности ООН в Панаме китайский представитель Хуан Хуа буквально изводил представителя этой страны паническими требованиями чрезвычайных мер по охране его персоны, зато по существу устранился от поддержки борьбы панамского народа против империализма янки (с. 193).

Китай был принят в ООН 25 октября 1971 г. 21 год друзья Китая, прогрессивные, антиимпериалистические и патристические силы, и прежде всего СССР, вели за это борьбу. Логика истории, а также тактическая потребность в укреплении тающих международных позиций США, попытки разыграть «китайскую карту» антисоветизма потребовали смены американской тактики в отношении Пекина. Случайным ли было совпадение ликвидации «группы Линь Бяо» с оживленными контактами Пекина и Вашингтона? Являлось ли всего лишь капризной иронией судьбы то, что представитель США в ООН Дж. Буш, ведший активнейшую борьбу

бу против восстановления прав Китая в ООН, стал позже представителем США в КНР, тот самый Буш, который ныне — вице-президент Америки. Итог голосования 25 октября 1971 г. таков: за восстановление прав КНР — 76 голосов, против — 35. В Нью-Йорк прибывает делегация КНР (любопытен анализ ее состава, сделанный Л. Н. Кутаковым). Участники XXVI сессии ГА ООН, друзья Китая горячо приветствуют эту делегацию, первым — представитель СССР. Но «ответное» слово представителя КНР ошеломило большинство присутствующих.

В Китае ознаменовали вступление в ООН ядерным взрывом.

Потом были «рабочие завтраки». Автор мемуаров воспроизводит своеобразные порядки в китайском представительстве при ООН и особенности поведения китайских дипломатов в аппарате ООН. Взять хотя бы настоянния Хуан Хуа уже в начале 1972 г. предоставить КНР пост, который занимал представитель СССР К. Вальдхайм аргументированно отверг эти настояния.

Автор вспоминает слова панамского представителя Бойда: «Нас удивляют выступления китайского делегата. Мы этого не ожидали. Мы надеялись на укрепление и расширение антиимпериалистического фронта. В чем же дело? Что происходит с китайцами?» (с. 217). И другое высказывание, уже Д. Рокфеллера: «Китай станет открытой страной для всего западного мира» (с. 252).

Что же сегодня происходит в ООН, какова линия поведения там китайских дипломатов? На XXXVIII сессии ГА ООН КНР воздержалась или не участвовала в голосовании половины всех резолюций по проблемам разоружения и международной безопасности, поставленных на голосование. В отношении рекомендации о прекращении испытаний ядерного оружия, представленной ГДР и другими странами, китайская делегация высказалась против. Китай, с другой стороны, так же, как и все социалистические страны, голосовал за создание зон свободных от ядерного оружия, за безядерный космос, за мирное сотрудничество в космосе⁵. Пожалуй, можно считать программным заявлением делегации КНР в ООН в сентябре прошлого года: «Китайское правительство готово играть свою роль в борьбе против гегемонизма, за укрепление международной безопасности, за установление добрососедских отношений между государствами, обеспечение мира во всем мире».

По-прежнему — на первом месте — «борьба против гегемонизма», под которым, как известно, в Пекине подразумевают Советский Союз («региональный гегемонизм» — Социалистический Вьетнам).

Как видим, слова и дела в Пекине и в Нью-Йорке не стали проще, не всегда в них по-прежнему имеется и прямой смысл. Книга Л. Н. Кутакова — серьезное раздумье по поводу этой сложности в словах и делах в Пекине и в Нью-Йорке.

Ф. Ф. ЛАППО

⁵ In: "Beijing Review", 1983, N 45, p. 10.

Русско-японские отношения: глубокие корни, давние традиции

Синтаро Накамура. Японцы и русские. Из истории контактов. Перевод с японского. М., «Прогресс», 1983, 303 с.

Вышедшая недавно в переводе на русский язык монография прогрессивного японского историка и писателя С. Накамура привлекла внимание не только советских ученых, но и широких кругов читателей. Это объясняется как новизной вводимых автором в научный оборот источников по истории русско-японских контактов, так и популярной формой изложения важных и актуальных вопросов отношений между двумя соседними народами, от решимости которых жить в мире и добрососедстве в немалой степени зависят судьбы мира на Дальнем Востоке.

В противоположность тенденциозной буржуазной историографии автор стремится объективно подойти к вопросу об освоении русскими начиная с XVII в. Сибири и Дальнего Востока, в том числе Сахалина и Курильских островов. С. Накамура разделяет концепцию, согласно которой это освоение яло характер народной колонизации свободных земель в надежде на лучшую жизнь (с. 29). Он разоблачает традиционную версию японских и западных историков и политиков об «угрозе» Японии «с Севера», со стороны России, показывая, что ее пустили в оборот голландцы, которые опасались, что торговля русских со страной Восходящего солнца подрвет их позиции на рынках этого государства (с. 59).

В книге С. Накамуры содержится принципиальная оценка отношения правящих кругов Японии к колонизации районов, лежащих к северу от ее метрополии. Автор указывает, что в 1639 г., когда к берегам Охотского моря был направлен отряд Ивана Москвитина, правительство сёгуна Иэмицу в законодательном порядке окончательно закрыло страну как для въезда, так и для выезда. По этому закону японцам, покинувшим пределы родины, в случае возвращения грозила смертная казнь. «В противоположность столь консервативной политике бакуфу русские казаки продолжали освоение необъятных просторов Сибири, продвигаясь все дальше на восток» (с. 30—31).

Японский ученый, к сожалению, не использует опубликованных в советской научной литературе данных о том, что в 1640 г. часть упомянутого русского отряда во главе с Нехорошко Колобовым не только достигла устья реки Ульи (с. 30), но и вышла к островам «Гиляцкой орды», в состав

которых входили острова Удд (остров Чкалова), Лангр (остров Байдукова), Хагемиф и Сахалин¹. При описании экспедиции Василия Пояркова (1643—1646) в книге отсутствует важное с точки зрения исторических прав России на Сахалин упоминание о предложении его спутников присоединить этот остров к России. Не лишним было бы указать, что самые первые сведения о Японии стали известны русским еще в XIII в., когда они в качестве «положенников» (пленников) были привлечены к походам в эту страну монгольским ханом Хубилаем².

Рассказ о первых непосредственных контактах между русскими и японцами ученый начинает по традиции со встречи в 1697 г. первооткрывателя Камчатки Владимира Атласова с японским купцом Дэмбэем на юге Камчатки, хотя и в русских и в японских источниках имеются сведения о гораздо более ранних таких контактах. К установлению связей с Японией, как правильно отмечает С. Накамура, русских толкали прежде всего практические экономические интересы. Россия была заинтересована в обмене пушными и других товаров на продовольствие и другие предметы первой необходимости из соседних стран Дальнего Востока (с. 42).

Японский ученый объективно показывает, как рос в России интерес к своему дальневосточному соседу. Одним из проявлений этого интереса было учреждение школы японского языка для подготовки переводчиков для русских экспедиций на Курильские острова и в Японию. Первая такая экспедиция на кораблях под командованием М. Шпанберга и В. Вальтона состоялась в 1738—1739 гг. Обследовав Курильские острова, вплоть до островов Малой Курильской гряды, русские моряки впервые встретились с японцами на территории японской метрополии — острове Хонсю и были приняты ими весьма дружелюбно. Внимательностью и теплотой во время этих встреч отличались и отношения русских моряков к японцам (с. 49, 51).

Важное достоинство рецензируемой монографии — объективность освещения характера освоения Россией во второй половине XVIII в. Курильских островов и контактов между русскими и японцами в этом районе и на острове Эдзо (ныне остров Хоккайдо), который, так же, как и Курилы, еще не входил в этот период в состав Японии.

С. Накамура пишет, что о появлении русских японцы в княжестве Мацумаэ на этом острове узнали только в 1759 г., когда влияние русских распространилось почти на все Курильские острова.

Так, в донесении К. Минато властям этого княжества говорилось: «Во время моего пребывания в Аккеси прибыли вождь Итурупа Каккоро и вождь Кунашира Сануси-

¹ См.: Б. П. Полевой. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура? — Мемориалы по истории географических знаний. Л., 1962, с. 68.

² См.: «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 4, с. 126.

тка. На Каккоро была ворсистая одежда рыжего цвета неапонского изготовления. Он держал копье иностранного производства. Из рассказа этого человека явствует, что на Курумусэкотан (Курилы. — К. Ч.) проживает много иностранцев, одетых в рыжие одежды (точнее: в красные кафтаны. — К. Ч.), и что там строятся сторожевые посты» (с. 63).

Японский историк приводит в книге отсутствующие или не найденные в архивах нашей страны важные сведения, относящиеся к 1780-м годам. С. Накамура пишет, что, когда в 1786 г. японец Токунаи Могами с сопровождающими прибыл на остров Итуруп, он обнаружил на этом острове трех российских моряков. Многие айны еще не видели японцев... Русские уже были здесь годом раньше, соорудили кресты и стремились обратить айнов в христианство. Некоторые из них свободно владели русским языком и могли быть переводчиками (с. 76).

Весьма красноречиво свидетельствует книга С. Накамуры о захватнических устремлениях Японии, опровергает домыслы буржуазных политиков и историков об «исконной принадлежности» южной части Курильских островов Японии, полностью подрывает версию японской феодальной и буржуазной историографии о «жестокости» русских (с. 79, 80), которые якобы осуществляли преимущественно не вольную народную колонизацию Сибири и Дальнего Востока, а проводили главным образом экспансионистскую, агрессивную политику с использованием правительственных войск, в том числе в районах, граничащих с Японией.

С. Накамура приводит данные о том, как в конце XVIII — начале XIX вв. японский отряд Морисигэ Кондо ликвидировал кресты и другие знаки принадлежности островов южной части Курил России и поставил там столбы с надписями, которые утверждали, что эти острова входят в состав японской империи (с. 122). Так был осуществлен незаконный захват районов, которые теперь претенциозно именуется северными территориями Японии. Это были территории, на которые Россия сохраняла правооснования в силу приоритета открытия, географического описания и первоначального хозяйственно-культурного освоения. И эти правооснования не могли быть отменены вынужденной уступкой этих районов Японии в 1855 г. по первому русско-японскому договору, который был заключен в условиях, когда в период Крымской войны Англия и Франция, используя порты нейтральной Японии, совершили нападение как на русские суда на Дальнем Востоке, так и на тихоокеанское побережье России, включая Курилы.

С. Накамура дает положительную оценку гибкой дипломатической линии русской миссии в этих сложных условиях, осуждая в то же время политику насильственного «открытия Японии», которую проводили Соединенные Штаты. «В столь угрожающей обстановке, — пишет японский историк, — Путятин принимает меры по обороне дальневосточных окраин России, имея намерение вторично вступить в переговоры с Японией. Его подход отличался от политики силового давления коммодора Перри» (с. 169).

В заключительной части книги автор повествует об истории русско-японских связей во второй половине XIX в. и в период до русско-японской войны. С. Накамура при этом делает акцент не на том, что разъединило два народа, а на том, что связывало их узами добрососедства и взаимного сотрудничества.

В послесловии сын автора Синдзю Накамура кратко перечисляет имена русских и японских общественных деятелей, внесших вклад в установление дружественных отношений между двумя народами, имена японских очевидцев Октябрьской революции, о которых в связи со скорострительной кончиной не успел рассказать его отец.

Следует отметить, что издательство «Прогресс» и переводчик книги С. Накамуры сделали большую и полезную работу, издав на русском языке его монографию. Нельзя вместе с тем не отметить некоторые допущенные при этом неточности и недоработки.

Так, на целое десятилетие оказалась отодвинута в книге дата выхода русских к берегам Тихого океана — 1650 г., вместо 1640 г. (с. 25). Не прокомментированным осталось упоминание о «принятии управления» над Эдзо (нынешний остров Хоккайдо) со стороны князей дома Мацумаэ (с. 26), которое в действительности ограничивалось юго-западной частью этого острова, да и то носило в большей степени сутубо номинальный характер. В книге известный вождь айнского восстания 1669 г. Шакшаин фигурирует в качестве географического названия Сакусаян, приведенного к тому же, как и в ряде других мест, в японской транскрипции. Там же автор книги «Япония и Россия» А. Такано фигурирует как А. Коно.

В целом же публикация на русском языке книги С. Накамуры, проникнутой духом симпатии к нашей стране, несмотря на некоторые оговорки, вносит позитивный вклад в дело развития взаимовыгодных мирных отношений между СССР и Японией и способствует углублению взаимопонимания между народами двух стран.

К. Е. ЧЕРЕВКО,

кандидат филологических наук

Российское Приамурье и империя Цин

Е. Л. Беспрозванных. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII—середина XIX в. М., «Наука», 1983, 206 с.

Изучению русско-китайских отношений посвящено большое число работ, как отечественных, русских и советских, так и зарубежных историков. Эта хорошо представ-

ленная в источниках и богатая фактическим материалом тема под новым углом зрения рассматривается в монографии Е. Л. Беспрозванных.

В процессе становления и развития связей между Россией и Китаем автор выделил важную проблему территориального размежевания в районе Приамурья, которая в течение длительного периода оказывала значительное влияние на состояние русско-китайских отношений и над решением которой билось не одно поколение русских дипломатов и цинских политиков.

Творческое применение марксистско-ленинской методологии позволило Е. Л. Беспрозванным создать целостную картину истории Приамурья на протяжении почти двух веков — от начала освоения и заселения этого района русскими людьми в XVII в. до окончательного вхождения в состав России в 50-х годах XIX в. Только такое, комплексное, изучение амурского вопроса за весь период его существования является подлинно научным и дает ключ к пониманию истории русского Дальнего Востока. Игнорирование принципа историзма при анализе процесса формирования дальневосточных владений царской России и цинского Китая неизбежно ведет к ошибочной трактовке событий, о чем свидетельствует исследование Р. Квестид, в котором вне поля зрения автора остался важный исторический период — период цинской агрессии против России в конце XVII в.¹

В книге Е. Л. Беспрозванных убедительно показано, что освоение русскими Сибири и Дальнего Востока в XVII в. привело к складыванию дружественных отношений родовых масс русского народа, в первую очередь крестьянства, с коренным населением, что благоприятствовало включению их земель в состав Русского государства². Местное население признавало власть новой администрации и платило ясак русскому царю, в крае было основано большое число земледельческих поселений, с 1665 г. его центром стал Албазинский острог (с. 30). Приведенные в работе данные раскрывают значительную роль русских людей в хозяйственном освоении и развитии дальневосточного региона, в обороне рубежей страны³.

Внешняя политика Русского государства и империи Цин обуславливалась взаимодействием ряда объективных и субъективных факторов, порожденных внутренним разви-

тием обоих государств и эволюцией межгосударственных отношений. Внешнеполитическая деятельность России на Дальнем Востоке в XVII в. была направлена на создание благоприятных условий для взаимовыгодной торговли с Китаем, чем объясняется стремление московского двора установить дружественные отношения с Цинской империей. Совершенно иную позицию занимали Цины. Они руководствовались не стремлением обезопасить границы Китайской империи, а политической экспансии и расширения империи Цин за счет земель соседних государств. В 60-е годы цинская администрация санкционировала начало агрессивных действий против России, направленных на захват русского Приамурья (с. 33—50).

Для претворения в жизнь этих планов цинское правительство использовало различные методы воздействия на «непокорных соседей». И если щедрые посулы не склоняли к изъявлению покорности «сыну неба», в ход пускались угрозы и оружие.

В главе I рецензируемой монографии убедительно показано, как во время заключения в 1689 г. первого русско-китайского договора на русскую делегацию, возглавляемую Ф. А. Головинным, было оказано грубое политическое давление. В сложившейся ситуации глава посольства вынужден был пойти на уступки, и часть русских земель, расположенных на левом берегу Амура и правом берегу Аргуни, отошла к Цинской империи, что нанесло серьезный ущерб позиции России на Дальнем Востоке (с. 54—55).

Е. Л. Беспрозванных обстоятельно анализирует условия Нерчинского договора от 29 августа 1689 г. и приходит к обоснованному выводу, что договор «ни фактически, ни юридически не определил русско-китайскую границу в Приамурье. Граница была установлена лишь на сравнительно небольшом участке — по рекам Аргуни и Горбице; вопрос о значительной части Приамурья (к югу от р. Уды) был официально отложен на будущее. Огромная территория Приамурья осталась, по существу, в неопределенном положении» (с. 57).

На протяжении всей истории существования амурской проблемы представители различных кругов русского общества выступали с предложениями по разрешению этого вопроса и с проектами по использованию Амура⁴, но царское правительство во избежание осложнений с Китаем не стремилось к их реализации. Автор монографии справедливо связывает позицию русской администрации по вопросу об Амуре с экономическим развитием России и с общеполитической обстановкой. Во второй четверти XVIII в., когда «равновесие сил двух империй... зафиксированное Кяхтинским договором 1727 г., а также выгодная для России политическая ситуация, создававшаяся в свя-

¹ R. K. J. Quested. The Expansion of Russia in East Asia, 1857—1860. Kuala Lumpur, 1968.

² Г. В. Мелихов и А. И. Алексеев в статье «Открытие и первоначальное освоение русскими людьми Приамурья и Приморья» отмечают, что в соответствии с принципами международного права во второй половине XVII в. «Россия не замедлила превратить свое первичное правооснование на Приамурье и Приморье в реальное». — См.: «Вопросы истории», 1984, № 3, с. 71.

³ См.: О. И. Сергеев. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. М., 1983.

⁴ Активное участие в составлении проектов и в непосредственной деятельности по освоению Приамурья принимали декабристы. — См.: В. Бареев. Продолжение подвига. — «Коммунист», 1984, № 5, с. 70—81.

зи с китайско-джунгарской войной, позволяли русскому правительству предпринять попытку изменить статус Приамурья в свою пользу», оно в силу «мотивов политического характера», а также ввиду отсутствия «острой хозяйственной потребности в Амуре» заняло пассивную позицию в разрешении амурского вопроса (с. 87, 182).

В конце XVIII — начале XIX в. ситуация еще более усугубилась в связи с колониальной экспансией западных держав в Китае и на Дальнем Востоке (гл. 4). К середине XIX в. «острота амурской проблемы» достигла критического уровня (с. 183). Под угрозой было поставлено будущее российского Приамурья. Возникла реальная опасность вторжения англо-французких войск во владения России. Сложившаяся политическая обстановка заставила царское правительство отказаться от планов частичного решения амурского вопроса и перейти к более решительным действиям. Для охраны тихоокеанского побережья был произведен сплав русских войск по Амуру, в результате чего Россия сумела противостоять английской интервенции. В этот период русская сторона вновь поставила перед Цинями вопрос о возвращении России Приамурья. Переговоры по этой проблеме завершились подписанием русско-китайского Айгуньского (1858) и Пекинского (1860) договоров, по которым «край нашешский» был возвращен законному владельцу — России (гл. 5).

В монографии много места отводится анализу хода русско-китайских переговоров по вопросу о судьбе Приамурья. Особенно ценны в этом отношении разделы, посвященные многочисленным переговорам, которые происходили на протяжении XVIII столетия и которые недостаточно описаны в предыдущих исследованиях. Автор убедительно показал, что представители правительства России в невыгодных для них условиях успешно избегали такого решения искусственно созданного амурского вопроса, которое пытались навязать Цины в ущерб законным интересам России. Российская дипломатия всегда стремилась добиться определения государственной границы между двумя державами по естественному географическому рубежу — реке Амуру. Только такое решение вопроса возвращало Русскому государству уже некогда освоенные и заселенные территории и не ущемляло действительных интересов ни России, ни Китая.

Исследование Е. Л. Беспрозванных также очень интересно освещает деятельность русских людей, с именами которых тесно связана история Приамурья. Это и бесстрашные первопроходцы И. Москвитин, В. Полярков, С. Дежнев, Е. Хабаров, и участники экспедиций по изучению дальневосточного региона В. Беринг, М. Шпанберг, Г. Шелихов, П. Скобелцын, В. Шетиллов, и русские дипломаты Ф. А. Головин, Н. Ф. Братищев, Н. Н. Муравьев, Н. П. Игнатьев, стремившиеся мирными средствами добиться решения амурского вопроса.

Материал, представленный в монографии, свидетельствует, что в конце XVII — сере-

дине XIX в., когда приамурские владения были временно утрачены Россией, эти земли фактически не принадлежали Китаю и совершенно не осваивались им. Цинское правительство, не желая, да и не имея возможности заселить и освоить эту территорию, стремилось сохранить их как неосвоенную пустыню, служащую «своеобразной буферной зоной» между обоими государствами (с. 114).

Автор имел все основания утверждать, что до окончательного включения Приамурья в состав России в 50-х годах XIX в. на этих землях Цинями не было построено ни одного административного пункта, в низовьях Зен, в так называемом «маньчжурском клине», было лишь несколько маньчжуро-китайских поселений (с. 59—61). Подавляющая часть местных жителей свободно проживали на этой территории, сохраняя независимость от цинского Китая. Более того, немало кочующих тунгусов, подданных России, переселялись в Приамурье в поисках пушного зверя и продолжали платить дань русскому царю.

Оценивая работу Е. Л. Беспрозванных в целом, следует отметить, что автору удалось создать серьезное, глубоко аргументированное исследование. Освещение двухсотлетнего периода истории Приамурья базируется на глубоком анализе максимально широкого круга источников и критическом осмыслении большого числа работ советских и зарубежных коллег.

Несомненно, главным выводом монографии является положение о том, что в середине XIX в. по Айгуньскому и Пекинскому договорам Россия не приобрела, но аннексировала у цинского Китая Приамурье и Приморье, а вернула себе территории, временно утраченные в конце XVII в.

Выход в свет книги Е. Л. Беспрозванных имеет важное значение, так как созданная им объективная картина формирования русских дальневосточных рубежей показывает несостоятельность ошибочных концепций, содержащихся в исследованиях как буржуазных, так и китайских авторов⁵.

*В. М. КАБУЗАН,
доктор исторических наук
Н. Ю. НОВГОРОДСКАЯ*

* * *

⁵ См.: В. Ясенев. Зачем нужны такие «исторические исследования»? — «Новое время», 1984, № 15, с. 23—25.

Библиография работ советских китаеведов в «Цзиньдайши яньцзю»

Журнал «Цзиньдайши яньцзю» является органом Института новейшей истории Академии общественных наук КНР и издается ежеквартально с 1979 г. В 1984 г. журнал стал выходить шесть раз в год. Последние два года в каждом четвертом номере стали публиковать библиографию работ по новой и новейшей истории Китая, изданных на русском, японском и западноевропейских языках. Материал сгруппирован по разделам политики, экономики, культуры, специальной литературы и пр.

В списках книг и статей достаточно полно представлены монографии советских китаеведов 1981 и 1982 гг. издания, а также многие работы 1978—1980 гг. и указаны рецензии на них, опубликованные в различных периодических изданиях. Это значительно увеличивает информативность списков. Среди описанных в библиографии сборники документов о русско-китайских отношениях, о революционном процессе на Востоке, статьи из различных советских периодических изданий, в частности из журнала «Проблемы Дальнего Востока»: Т. Н. Акатовой «Дэн Чжунся — видный деятель китайского рабочего движения» и А. Н. Желуховцева «Лу Синь в американской синологии» в № 3 за 1982 г.; Р. А. Мировицкой «Великий Октябрь и развитие революционного движения в Китае» (1982, № 4), ряд работ М. И. Сладковского, в том числе статья «Значение пролетарского интернационализма в образовании и деятельности КПК» (1981, № 2), статья С. Л. Тихвинского «Великий Октябрь и революционное движение в Китае» (1982, № 1) и др.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» расписан наиболее полно (до 65 % всех советских статей). Также приводятся статьи, опубликованные в журналах «Коммунист», «Вопросы истории КПСС», «Вопросы истории», «Международная жизнь», «Новая и новейшая история», «Народы Азии и Африки», «Азия и Африка сегодня», «Вестник Ленинградского университета». Серия «История — язык — литература», «Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение», «Известия АН Казахской ССР», «Известия СО АН СССР. Серия общественных наук». Составители списков отобрали не только статьи, непосредственно касающиеся проблем новой и новейшей истории Китая, но и публикации о различных симпозиумах и конференциях: С. Р. Кучеры «Цюрихский конгресс китаеведов» («Народы Азии и Африки», 1981, № 3, с. 156—162), В. Ф. Сорокина «На XXVII Европейском конгрессе китаеведения» («Проблемы Дальнего Востока», 1981, № 2, с. 193—195) и пр.

Несмотря на полноту материалов, касающихся изданий на русском языке, следует отметить сравнительно невысокий профессиональный уровень их составления. Библиографические описания рецензий на книги неполные. Указано, например, где опубликована рецензия на монографию А. С. Костяевой «Крестьянские союзы в Китае (20-е годы XX в.)» (М., 1978), но не приведено название этой рецензии. К недостаткам библиографического описания можно отнести также неточности в указании места издания, отсутствие количественной характеристики и подзаголовков; в девяти случаях не указано, что библиографические записи касаются авторефератов диссертаций. Не отмечено, например, что работа С. А. Горбуновой «Политика КПК в рабочем движении в условиях единого национального фронта. 1921—1927 гг.» является авторефератом диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В раздел «Литература на западноевропейских языках» включены статьи советских китаеведов, опубликованные в английском издании журнала «Проблемы Дальнего Востока», однако без ссылки на место издания. В этом случае необходимо указывать «Far Eastern Affairs — Moscow».

В списках имеются лакуны. Не включены работы: «Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX — начале XX века» (Иркутск, 1982); «Видные китайские демократы и коммунисты о Советском Союзе». Сборник. Составители А. М. Ледовский, А. М. Малухин, Р. А. Мировицкая, Ван Дань-чжи (М., 1981); «Рабочее движение в Китае: нанкинский гоминьдан и рабочий вопрос, 1927—1931» (М., 1982) и ряд других монографий. Пропущена интересная статья М. Е. Шнейдера «Незабываемые свидетельства интернациональной солидарности (О международных связях Лиги левых писателей Китая, 1930—1936)», опубликованная в журнале «Проблемы Дальнего Востока» (1981, № 1).

В целом библиографические списки несомненно свидетельствуют о большом интересе, проявляемом китайскими историками к работам советских ученых. Встречающиеся недостатки в библиографическом описании не умаляют значения факта публикации списков. Эта работа способствует более детальному информированию китайских специалистов об исследованиях, проводимых в СССР по новой и новейшей истории Китая.

И. Л. КАРМАНОВСКАЯ

На XXIX Европейском конгрессе китаеведения

Очередной XXIX Европейский конгресс китаеведения состоялся в западногерманском городе Тюбингене с 1 по 15 сентября 1984 г. По поручению Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК) конгресс был организован сотрудниками Восточно-азиатского семинара Тюбингенского университета под руководством профессора Г. Гримма.

В работе конгресса приняла участие советская делегация в следующем составе: доктор юридических наук профессор Л. М. Гудошников, кандидат экономических наук С. А. Мансжев, доктор филологических наук профессор В. М. Солнцев, доктор филологических наук профессор В. Ф. Сорокин, доктор экономических наук профессор В. И. Шабалин.

На этот раз общее число участников, включая делегатов, наблюдателей и гостей, составило около 120 человек, что несколько меньше, чем на предыдущем конгрессе в Кембридже. Более широко, чем в Кембридже, было представлено китаеведение социалистических стран Европы. Активизировалось участие в работе конгресса ученых из КНР, которые были представлены пятью наблюдателями.

Согласно решению Правления ЕАК, представители КНР на этот раз не пользовались статусом «почетных гостей», а были приравнены к наблюдателям (правда, все расходы по их участию в конгрессе оплачивались организаторами). Делегаты КНР — профессор Народного университета, председатель Ассоциации историков города Пекина Дай И и директор Института новой истории Академии общественных наук Китая Юй Шэнью — сделали три доклада историко-исследовательского характера: «Дневники как важный материал по исследованию истории Китая» (Дай И), «Дневники китайских дипломатов на Западе в конце периода Цин» (Юй Шэнью) и «Составление "Чернового варианта истории династии Цин"» (Дай И). Целью было подчеркнуть внимание, уделяемое китайскими властями сбору и изучению самых разнообразных материалов о прошлом своей страны, показать размах и основательность исторических исследований в КНР.

В организации работы конгресса на этот раз были свои особенности. Почти все доклады заслушивались на пленарных заседаниях, лишь однажды участники были разбиты на две секции — литературы и новейшей истории (на предыдущих конгрессах количество секций доходило до 5—6, что вызывало нарекания у китаеведов широкого профиля). Кроме того, наряду с 20-минутными докладами практиковались лекции заранее приглашенных ученых (главным образом из ФРГ), рассчитанные на 45—60 минут. Одной из таких лекций открылся конгресс: президент Баварской академии наук известный китаист Г. Франке выступил на тему «Средневековый Китай под властью варваров: некоторые институциональные проблемы».

Ход работы конгресса свидетельствовал о том, что в западноевропейском китаеведении заметно растет интерес к проблемам современного Китая. Из прозвучавших на заседаниях 41 доклада и лекции 20 было полностью или главным образом посвящено современным вопросам. Это объясняется не только понятным вниманием к происходящим в Китае событиям, но и растущей вовлеченностью западноевропейских китаеведов в политические, коммерческие, научные и иные связи соответствующих стран с Китаем.

Исключительно современным проблемам было посвящено тематическое заседание «Китайское право», из которого были вынесены четыре доклада и одно информационное сообщение. Доклад на тему «Источники Уголовного кодекса КНР» сделал итальянец И. Дондола. Основное содержание Уголовного кодекса КНР им было выведено из аналогичного документа гоминьдановского режима при полном или частичном игнорировании уголовного законодательства освобожденных районов, судебной практики КНР и уголовного права социалистических государств. Такая точка зрения вызвала обоснованные возражения советского делегата. Марксистский взгляд на правовое развитие Китая и КНР был представлен в докладе Л. М. Гудошникова (ИДВ АН СССР) «Особенности формирования правовой системы КНР» (основные положения доклада опубликованы в статье автора в «Проблемах Дальнего Востока» № 2, 1984 г.). Вопросы трудового права и социального обеспечения в КНР были освещены в докладе Сусан-

ны Бургер (ФРГ). Профессор П. Коррадини из Рима выступил с докладом, в котором им трактовался вопрос о правах человека в КНР в связи с ее последней Конституцией; главное место в докладе занял вопрос о месте и роли религии в современном Китае.

Историкам было отведено два тематических заседания, одно из которых называлось «Ранняя и предсовременная история», другое — «Современная история и историография». Преобладали доклады на узко специализированные темы.

Вызвало дискуссию сообщение профессора В. Липперта (ФРГ) на тему «Компьютеры, КПК и движение за единый антияпонский фронт в Китае в 1935—1936 гг.». Ряд участников, в частности, М. Кубешова (ЧССР) и Н. Апаньева (НРБ) говорили о необходимости дифференцированного подхода к различным течениям в тогдашнем руководстве КПК.

Из ученых социалистических стран на исторической секции выступил профессор Р. Фельбер (ГДР) с докладом «Возобновление дискуссии об азиатском способе производства в КНР». М. Сайе (Люблина) сделал доклад на тему «Некоторые условия рынка в Сучжоу в эпоху Мин».

Рассмотрению актуальных социально-экономических проблем КНР было посвящено специальное заседание конгресса, на котором было заслушано три доклада: «Некоторые проблемы процесса модернизации» О. Юхаса (ВНР); «Иностранный предпринимательский капитал в экономике КНР» С. Манежева (СССР); «Мероприятия экономической реформы в КНР» Б. Талаша (ВНР). Все доклады были восприняты с интересом и вызвали оживленные дискуссии.

В докладе С. Манежева был представлен анализ экономической роли иностранного предпринимательского капитала в современном Китае, сделан вывод о противоречивых последствиях его воздействия на процессы экономического развития КНР.

На заседании по проблемам китайской литературы было заслушано три доклада — один по классической и два по современной литературе. Все они были сделаны западногерманскими синологами.

Лингвистическая тематика на конгрессе была представлена ограниченно. На пленарном заседании было заслушано два доклада: Г. Виттакера (Тюбинген) на тему «Александрия и китайские плавные звуки» и В. М. Солнцева «О смене морфологических систем китайского языка». Первый доклад был посвящен реконструкции древнекитайских звучаний, второй — исторической эволюции китайского языка с древнейших времен до настоящего времени.

Впервые в истории конгрессов было проведено тематическое заседание «Китай и европейские страны». Первоначально планировалось, что будет освещаться период конца династии Цин и Синьхайской революции, когда контакты Китая с Европой приняли разносторонний характер. Однако докладчики не ограничились этими рамками — ряд сообщений был посвящен XVII и XIX вв., а также современности.

В докладе В. Ф. Сорокина «Русская литература в Китае накануне Синьхайской революции» был продемонстрирован большой интерес передовой китайской общественности того времени к русской культуре, который докладчик объяснил определенным сходством революционной ситуации в обеих странах и социально-гуманистической направленностью русской литературы.

Можно отметить, что все доклады советских делегатов были встречены с большим интересом и получили положительные отзывы со стороны зарубежных участников конгресса.

Учитывая большой интерес участников к теме «Китай и Европа», было решено продолжить ее обсуждение на будущем конгрессе.

В первый день работы конгресса состоялось заседание Правления ЕАК. Ввиду отсутствия президента Ассоциации П. Ван дер Луна (Англия) заседание вел вице-президент ЕАК В. Ф. Сорокин. На заседании были обсуждены вопросы проведения конгресса и намечен список новых членов Правления. Поскольку на 24 места было выдвинуто 24 кандидата, состав правления был утвержден Генеральной ассамблеей без голосования. Новым президентом Ассоциации избран Майкл Лоуэ (Англия). Вице-президентами избраны В. Ф. Сорокин (СССР) и Т. Гримм (ФРГ).

Советская делегация от имени президента недавно созданной Всесоюзной ассоциации китаеведения члена-корреспондента АН СССР М. И. Сладковского выступила с сообщением о целях и методах работы ВАКИТ и распространила соответствующую информацию на английском языке. Это сообщение вызвало значительный интерес у участников конгресса.

По предложению Итальянской ассоциации востоковедения местом следующего (в 1986 г.) конгресса определен Турин. Очередная сессия Правления ЕАК состоится в ноябре 1985 г. в Риме.

Работа конгресса проходила в деловом, конструктивном духе. На заседаниях и в кулуарах много говорилось о желательности расширения сотрудничества между китаеведами стран Европы и их национальными организациями, об обмене результатами научных исследований.

В. Ф. СОРОКИН, профессор

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

60-летие В. И. Глунина

В сентябре 1984 г. одному из ведущих советских востоковедов, известному специалисту по новейшей истории Китая В. И. Глунину исполнилось 60 лет. Почти 30 лет жизни посвятил В. И. Глунин изучению истории Китая, революционного движения в этой стране, проблем региона зарубежного Дальнего Востока.

Научная деятельность В. И. Глунина неразрывно связана с советским китаеведением послевоенного времени. С 1942 по 1945 г. В. И. Глунин — в действующей армии (Ленинградский и 1-й Украинский фронты). В 1946 г. он поступил в Московский институт востоковедения, который закончил в 1951 г.; в 1954 г. — защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба КПК за победу народно-демократической революции (1945—1949 гг.)».

С 1955 г. В. И. Глунин работает в системе АН СССР, в Институте Дальнего Востока АН СССР — со дня его основания (1967). В течение 25 лет под его руководством разрабатываются концепции новейшей истории Китая. Результатом многолетних научных изысканий В. И. Глунина в области истории КПК явилась докторская диссертация на эту тему (1975).

В. И. Глунин — автор свыше 100 научных работ общим объемом более 200 авторских листов, среди них ряд монографий: «Третья гражданская революционная война в Китае (Очерк политической истории 1946—1949 гг.)», «Социалистическая революция в Китае» и др. Ученый является также автором крупных разделов в фундаментальных коллективных трудах, таких, как «Очерки истории Китая в новейшее время», «Новейшая история Китая (1917—1970 гг.)», «История Китая с древнейших времен до наших дней», «Всемирная история» (тт. 11—12), «История международного рабочего движения» (тт. 4—5), «Новейшая история Китая (1917—1927 гг.)».

Труды В. И. Глунина отличаются высоким идейно-теоретическим уровнем, научным новаторством, глубиной анализа проблем. Свидетельством высокого авторитета В. И. Глунина является международное признание его трудов, многие из которых изданы за рубежом.

Главная заслуга В. И. Глунина как ученого, организатора и руководителя научных коллективов — это создание и разработка вместе с другими советскими историками-китаеведами современной концепции истории КПК и новейшей истории Китая.

Плодотворную научную работу В. И. Глунин в течение многих лет сочетал с преподавательской деятельностью: сначала в Московском институте востоковедения и Институте международных отношений, а затем в Институте стран Азии и Африки при МГУ. В 1973 г. ему было присвоено звание доцента. Монографии В. И. Глунина, равно как и созданные с его участием фундаментальные труды и научные сборники служат серьезным подспорьем в преподавании истории Китая новейшего времени в университетах и других вузах страны, широко используются в лекционных курсах.

В. И. Глунин награжден орденом Славы III степени, он член Советского комитета ветеранов войны. Являясь членом президиума Общества советско-китайской дружбы, принимает самое активное участие в работе Общества. Успешная научно-исследовательская и организаторская работа В. И. Глунина отмечена правительственной наградой — медалью «За трудовое отличие».

В связи с 60-летием друга, коллеги, ученики, весь коллектив Института Дальнего Востока желают В. И. Глунину многих лет жизни, здоровья, новых творческих успехов в его благородном труде во славу Родины.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА» ЗА 1984 ГОД

СТАТЬИ

- Военные приготовления империализма в Восточной Азии и политика СССР, № 2 (50)
Политика разума — против политики террора и авантюры, № 3 (51)
Советский Союз — за мир и безопасность на Азиатском континенте, № 1 (49)
Угроза миру и безопасности на Дальнем Востоке, № 4 (52)

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- АКИМОВ В. И., ЕМЕЛЬЯНОВА С. С. Динамика развития экономики Китая, № 2 (50)
АНДРИАНОВ В. И., МЕЛЬНИКОВ В. И. Плодотворное сотрудничество СССР и КНДР, № 1 (49)
БАРЫШНИКОВ В. Н., ГОНЧАРОВ С. И. К вопросу о воссоединении Тайваня с КНР, № 3 (51)
БИРЮКОВ В. И. Китай в стратегических расчетах США, № 3 (51)
БУНИН В. Н. Военная политика Я. Накасонэ, № 1 (49)
ГЕОРГИЕВ А. Г., КРАСИЛЬНИКОВ А. С. Молодежное движение в Азиатско-тихоокеанском регионе, № 2 (50)
ГУДОШНИКОВ Л. М. Особенности формирования и эволюции права КНР, № 2 (50)
ЕРМОЛАЕВ А. С. Научно-техническое сотрудничество СССР и СРВ, № 4 (52)
ИСАЕВ М. П. Индокитай: по пути перерастания национально-освободительных революций в социалистические, № 1 (49)
ИСАЕВ М. П., ОГНЕТОВ И. А. Развитие сотрудничества стран Индокитая, № 3 (51)
КАПИЦА М. С. 30 лет Женевским соглашениям по Индокитаю, № 2 (50)
КАТЕРИНИЧ А. Н., ШЕРСТНЕВ А. Д. Дорогой прогресса и мира, № 3 (51)
КРУГЛОВ А. М. Мелкое промышленное производство КНР, № 4 (52)
КУЗНЕЦОВ Ю. Д. Япония: неустойчивое политическое равновесие, № 1 (49)
МАНЕЖЕВ С. А. Иностраный предпринимательский капитал в экономике КНР, № 4 (52)
МОСЯКОВ Д. В. Национальное возрождение Кампучии, № 1 (49)
МУГРУЗИН А. С. Социально-экономическая характеристика китайского крестьянства, № 4 (52)
НИКОЛАЕВ А. Н. Грозный урок второй мировой войны, № 3 (51)
ОСТРОВСКИЙ А. В. Рабочий класс КНР как производительная сила общества, № 1 (49)
ПЕТРОВ Д. В. Япония в ядерной стратегии США, № 2 (50)
ПЕТРОВ Д. В. Японо-китайские отношения: проблемы и тенденции, № 4 (52)

- ПЕТУХОВ В. И., РАГУЛИН Г. И. США — КНР: связи в военной области, № 4 (52)
СМИРНОВ В. В. Развитие внешнеэкономических связей КНДР, № 3 (51)
ТИХВИНСКИЙ С. Л. Первый договор СССР с Китаем, № 2 (50)
ХЛЫНОВ В. Н., ОРФЕНОВ А. Б. Труд и капитал в Японии, № 2 (50)
ЮРКОВ С. Г. 35-летие Китайской народной революции, № 3 (51)

ИДЕОЛОГИЯ

- БЕЛОУСОВ С. Р. Проблема элиты в трактовке китайской буржуазной социологии, № 1 (49)
ПЕРЕЛОМОВ Л. С., КОЖИН П. М., САЛТЫКОВ Г. Ф. Традиции управления в политической культуре КНР, № 2 (50)
РАТНИКОВ С. Р., РАДИКОВСКИЙ Д. А. Дискуссия в КНР о пути развития страны, № 4 (52)
ФЕОКТИСТОВ В. Ф. К проблеме перевода древнекитайских философских текстов, № 2 (50)
ЩЕТИНИНА Е. В. Эволюция идеи японского экспансионизма во второй половине XIX в., № 4 (52)
Критика буржуазной синологии
БЛОК А. Е. О мемуарах Дж. К. Фэрбенка, № 4 (52)

ИСТОРИЯ

- ВЕРБИЦКИЙ С. И. Ось Токю — Вашингтон: истоки одного союза, № 3 (51)
МАЛУХИН А. М. Банкротство экспансионистской политики США в Китае, № 2 (50)
МОРОЗОВ Г. Г. Японо-филиппинские отношения после второй мировой войны, № 4 (52)
НИКИФОРОВ В. Н. Работы Г. В. Ефимова по истории Китая, № 1 (49)
ЮРЬЕВ М. Ф. В Китае 1944-го, № 4 (52)
«Нян Зап» о некоторых аспектах политики КНР на Женевском совещании по Индокитаю 1954 г., № 3 (51)
Борцы за народное дело
СЕНАТОРОВ А. И. Сэн Катаяма — борец против империализма, интернационалист, № 1 (49)

КОММЕНТАРИИ

- АЛЕКСЕЕВ Г. А. К итогам II сессии ВСНП шестого созыва, № 3 (51)
ИЛЬИН И. А., ЛИКИН Ф. И. Вашингтон — Пекин: новый этап сотрудничества, № 1 (49)
МОДЕНОВ С. С. Опасный очаг военной напряженности, № 3 (51)
ПОСПЕЛОВ Д. М. Страны Индокитая за нормализацию отношений с КНР, № 1 (49)

- ПОСПЕЛОВ Д. М., РЯКИН Ю. М. Приски сил империализма и реакции против Народной Кампучии, № 2 (50)
 РЯКИН Ю. М. Индия и Китай: проблема нормализации отношений, № 3 (51)
 РЯКИН Ю. М. Необъявленная война империализма и гегемонизма против Афганистана, № 4 (52)

КУЛЬТУРА

- ЖЕЛОХОВЦЕВ А. Н. Посмертная судьба Дэн То, № 3 (51)
 КУЗЬМЕНКО Л. И. На московской выставке Сюй Бэйхуна, № 3 (51)
 ЛЯО ЦЗИНВЭНЬ. Страницы жизни Сюй Бэйхуна, № 4 (52)
 СОФРОНОВ М. В. Первый китайский алфавит, № 2 (50)
 ТОРОПЦЕВ С. А. Ван Мэн; творческие поиски и находки, № 2 (50)
 ФЕДОРЕНКО Н. Т. Ай Цин: жизнь и время, № 4 (52)
 ФЕДОРЕНКО Н. Т. Новаторство Цюй Юаня, № 1 (49)

ПО СТРАНИЦАМ СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ

- СУЛЕЙМЕНОВ Р. Б., МОИСЕЕВ В. А. Против извращений истории Казахстана, № 4 (52)

ОБЗОРЫ. СООБЩЕНИЯ. СПРАВКИ

- ГОРОДОВИКОВА О. Б., ЕМЕЛЬЯНОВА Т. М., УСОВ В. Н., ХАРИТОНОВА Т. В. Форумы общественных организаций КНР в минувшем году, № 1 (49)
 ЖУРАВЛЕВ В. Я. Китайские исследования конца 70-х — начала 80-х годов по международным отношениям, № 1 (49)
 ИЛЬИН В. В. Периодические издания КНР о борьбе с «духовным загрязнением», № 1 (49)
 ЛАРИН А. Г. Гонконг: политика и экономика, № 4 (52)
 НАПАРА Д. Г. Телевидение Китая, № 3 (51)
 ПОРТЯКОВ В. Я., СТЕПАНОВ С. В. Учения КНР о стратегии социально-экономического развития страны, № 3 (51)
 СТЕПАНОВА Г. А. О едином фронте Китая, № 1 (49)
 УРАЛЬЦЕВ И. О. Китайская печать о проблемах Латинской Америки, № 2 (50)
 ФЕТОВ В. П., МАТЯЕВ В. Я. О развитии народного хозяйства КНР, № 2 (50)
 ЧИЖОВ Б. К. Китайская печать о некоторых вопросах экономики КНР, № 3 (51)
 ШЕВЕЛЬ И. Б. Новое в налоговой политике КНР, № 3 (51)

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- АБДРАХМАНОВА З. Ю. «Культурная революция» глазами китайских писателей, № 3 (51)
 АРГУНОВА Ю. Н. Преступность в Японии, № 2 (50)
 БОРИСОВА А. И. Китайцы в США, № 2 (50)

- БУГАЕВ Ю. Е. Актуальные проблемы современной Японии, № 1 (49)
 БУГАЕВ Ю. Е. Советско-японские экономические отношения, № 3 (51)
 ВАСИЛЬЕВ В. А. Освободившиеся страны в современном мире, № 2 (50)
 ГАЛИЧЕВ И. С. Уроки, которые нельзя забывать, № 4 (52)
 ГЛУНИН В. И. Рабочее движение в Китае, № 1 (49)
 ГОРБАЧЕВ Б. Н. Страницы революционной борьбы на Дальнем Востоке, № 1 (49)
 КАБУЗАН В. М., НОВГОРОДСКАЯ Н. Ю. Российское Приамурье и империя Цин, № 4 (52)
 КАРМАНОВСКАЯ И. Л. Библиография работ советских Китаеведов в «Цзиньдайши яньзю», № 4 (52)
 ЛАППО Ф. Ф. В Пекине и Нью-Йорке, № 4 (52)
 МУН Д. Японский ученый о южнокорейской экономике, № 2 (50)
 МЯСНИКОВ В. С. В отблесках чужого золота, № 3 (51)
 ПОТАПОВ В. И. Книга об экономике Китая, № 3 (51)
 РАДНАЕВ В. Э. Из истории антицинской борьбы во Внутренней Монголии, № 3 (51)
 РАМЗЕС В. Б. Современная Япония, № 3 (51)
 САВРАСОВ Н. Е. Китайская революция и армия, № 3 (51)
 СЕМЕНОВ В. В. О прошлом, с верой в будущее, № 4 (52)
 СЕНАТОРОВ А. И. Развитие торговли и экономического сотрудничества — дело взаимовыгодное, № 4 (52)
 СЕРГЕЕВ С. Р. История китайской печати, № 2 (50)
 СТЕПАНОВ Е. Д. Китайско-французские отношения: 1949—1981 гг., № 1 (49)
 ХЛЫНОВ В. Н. Социально-классовая структура японского общества, № 3 (51)
 ЧЕРЕВКО К. Е. Ежегодник «Азиатская безопасность, 1982» о разоружении и мерах доверия, № 1 (49)
 ЧЕРЕВКО К. Е. Русско-японские отношения: глубокие корни, давние традиции, № 4 (52)
 ЯКИМОВА Т. А. Роль пролетарского интернационализма в социалистическом строительстве, № 3 (51)
 ЯКОВЛЕВ А. Г. Незабываемое в истории, № 1 (49)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- МАСЛОВ П. Ю. Американское Китаеведение на современном этапе, № 1 (49)
 СОРОКИН В. Ф. На XXIX Европейском конгрессе Китаеведения, № 4 (52)
 ТАРАСОВА А. И. Арсеньевские чтения в Хабаровске, № 3 (51)
 XV Конференция молодых ученых ИДВ АН СССР, № 2 (50)
 Международная научная конференция по проблемам безопасности и мира на Дальнем Востоке, № 2 (50)
 Расширенное заседание президиума правления Всесоюзной ассоциации Китаеведов (ВАКИТ), № 2 (50)
 Создание Всесоюзной ассоциации Китаеведов, № 1, (49)

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Памятные страницы истории советско-китайского сотрудничества, № 3 (51)
Успехи братского монгольского народа, № 3 (51)

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

75-летие Г. В. Астафьева, № 1 (49)
60-летие О. Б. Рахманина, № 3 (51)
60-летие В. И. Глушина, № 4 (52)

«ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА», 1984, № 4, 208 с.
Технический редактор *Серкина О.*

Сдано в набор 10.10.84 г.	Подписано в печать 23.11.84 г.	А-13557
Формат 70×108 ¹ / ₁₆	Бумага тип. № 1. Печать высокая.	Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 18,2	Уч.-изд. л. 20,74	Усл. кр.-отт. 13,2
Изд. № 39021	Тираж 13 199	Заказ 2854

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс»
Государственного комитета Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17
Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат ВО «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области